

# СОДЕРЖАНИЕ

---

Том 42, № 3, 2021

---

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИИ

Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий

*А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко*

5

---

## СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ориентированность на социальное сравнение и субъективное отношение к моде

*Н. Г. Артемцева, Е. С. Самойленко*

16

---

## ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок)

*Т. В. Корнилова, С. А. Корнилов*

27

Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности

*Н. В. Гришина, С. Н. Костромина*

39

Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями

*О. А. Сычев, К. И. Белоусов, Н. Л. Зелянская, И. В. Аношкин*

52

Типология личности в творчестве Ф. М. Достоевского

*Е. Ю. Коржова*

64

---

## КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анестезия в детской и подростковой хирургической ортопедии: медицинские и психологические аспекты

*Н. Е. Харламенкова, Н. А. Еськин, А. И. Снетков, А. Д. Акиньшина, С. Ю. Батраков,  
Г. А. Виленская, И. М. Дан, М. В. Дан, Н. Н. Матвейчук, Е. А. Никитина*

75

---

## ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности

*Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова*

87

---

## ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Отечественная космическая психология: история становления и особенности развития

*С. Л. Кандыбович, Н. Д. Лысаков, Е. Н. Лысакова*

97

|                                                                                                 |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Вклад К. К. Платонова в разработку проблем социальной психологии                                |     |
| <i>В. П. Позняков, А. Л. Журавлев</i>                                                           | 107 |
| Институт социальной психологии: проект и дискуссия о докладной записке Г.И. Челпанова (1926 г.) |     |
| <i>Е. А. Долгова</i>                                                                            | 117 |

---

## ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

|                                                      |     |
|------------------------------------------------------|-----|
| COVID-19: результаты третьего экспертного опроса     |     |
| <i>А. В. Юревич, Д. В. Ушаков, М. А. Юревич</i>      | 128 |
| Потенциал “серебряного” поколения современной России |     |
| <i>Л. Г. Десфонтейнес, Е. В. Корчагина</i>           | 137 |

---

## НАШИ ЮБИЛЯРЫ

|                                         |     |
|-----------------------------------------|-----|
| Борису Алексеевичу Сосновскому — 80 лет | 147 |
|-----------------------------------------|-----|

---

## THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

|                                                                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| The Inception of the Systemic Approach at the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 1972–1973 |     |
| <i>V. I. Belopolsky, A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin</i>                                                              | 149 |

---

## CLINICAL PSYCHOLOGY

|                                                                                           |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| V. N. Myasishchev's Psychological Concept of Relations: Neurosis Theory and Psychotherapy |     |
| <i>G. L. Isurina<sup>1</sup>, E. B. Karpova, A. L. Zhuravlev</i>                          | 157 |

---

# CONTENTS

---

Vol. 42, No. 3, 2021

---

## THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

Analysis of Modern Concepts in Psychology. Part I. Experience in Systematization of Concepts

*A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko*

5

## SOCIAL PSYCHOLOGY

Social Comparison Orientation and Subjective Perception of Fashion

*N. G. Artemtseva, E. S. Samoylenko*

16

## PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Latent Profiles of Personality Traits Related to Decision Making about Social Distancing (In Russia and Azerbaijan)

*T. V. Kornilova, S. A. Kornilov*

27

Processual Approach: Stability and Variability as a Foundation of Wholeness

*N. V. Grishina, S. N. Kostromina*

39

Attitudes Toward Migration in Russian: Associations to Social Identity and Moral Foundations

*O. A. Sychev, K. I. Belousov, N. L. Zelianskaia, I. V. Anoshkin*

52

Typology of Personality in the Works of F. M. Dostoevsky

*E. Yu. Korzhova*

64

## CLINICAL PSYCHOLOGY

Anesthesia in Pediatric and Adolescent Orthopedic Surgery: Medical and Psychological Aspects

*N. E. Kharlamenkova, N. A. Yeskin, A. I. Snetkov, A. D. Akinshina, S. Y. Batrakov,  
G. A. Vilenskaya, I. M. Dan, M. V. Dan, N. N. Matveychuk, E. A. Nikitina*

75

## PSYCHOLOGY AND THE INTERNET

Flaming as a Type of Cyberaggression: The Role Structure and Features of Digital Sociality

*G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova, S. V. Chigarkova*

87

## HISTORY OF PSYCHOLOGY

Space Psychology in Russia: History of Formation and Development Features

*S. L. Kandybovich, N. D. Lyssakov, E. N. Lyssakova*

97

On the Contribution of K. K. Platonov to the Development of Problems of Social Psychology

*V. P. Pozniakov, A. L. Zhuravlev*

107

Institute of Social Psychology: Project and Discussion on the Memo by G. I. Chelpanov (1926)

*E. A. Dolgova*

117

---

## PSYCHOLOGY AND SOCIETY

COVID-19: Results of the Third Expert Survey

*A. V. Yurevitch, D. V. Ushakov, M. A. Yurevitch*

128

Potential of the “Silver” Generation of Modern Russia

*L. G. Desfontaines, E. V. Korchagina*

137

---

## OUR JUBILEES

The 80-th anniversary of Boris Alekseevich Sosnovsky

147

---

## THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

The Inception of the Systemic Approach at the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 1972–1973

*V. I. Belopolsky, A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin*

149

---

## CLINICAL PSYCHOLOGY

V. N. Myasishchev’s Psychological Concept of Relations: Neurosis Theory and Psychotherapy

*G. L. Isurina, E. B. Karpova, A. L. Zhuravlev*

157

---

---



---

---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ  
ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИИ

---

---

УДК 159.922.73

**АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИИ  
ЧАСТЬ I. ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ**

© 2021 г. А. Л. Журавлев\*, Е. А. Сергиенко\*\*

*ФГБУН Институт психологии РАН;*

*129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.*

*\*Академик РАН, профессор, научный руководитель.*

*E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

*\*\*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.*

*E-mail: elenas13@mail.ru*

Поступила 13.03.2021

*Аннотация.* Анализируются современные понятия в психологической науке на примере разработок ученых Института психологии РАН. Первая часть статьи посвящена сравнению опыта классификации понятий в отечественной психологии (К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, Л.И. Анцыферова, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.А. Петровский). Сопоставляются термины “категория” и “понятие”. Сравниваются идеи К.К. Платонова с понятийной сеткой А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, доказываемая, что они основаны на единых принципах историко-генетического анализа: классификация К.К. Платонова содержит основные идеи детерминизма, системности и иерархии, детально разработанные в понятийной сетке Петровского и Ярошевского. Представлены идеи Я.А. Пономарева и Л.И. Анцыферовой по разработке психологических категорий. Опыт систематизации понятий позволяет утверждать, что, несмотря на стройность и конструктивность идей предшественников, в настоящее время становится недостаточным рассмотрение психологических понятий в прежних координатах. Это связано с изменением общенаучных методологических принципов, а именно переходом от классической к неклассической и постнеклассической методологии метамодерна. Показано взаимопроникновение и взаимовлияние различных подходов в психологической науке, нарастание меж- и полипарадигмальности в современной психологии. Выявляются и сравниваются координаты анализа предшествующих ученых и определяются современные тенденции. С этих позиций авторы обращаются именно к понятийной системе психологии, а не к общим психологическим категориям и принципам. Понятийное поле науки, и психологии в том числе, демонстрирует развитие и преобразование, подвижность и текучесть значительно более отчетливо, чем общие категории или принципы. Понятийный строй наиболее ясно обнаруживает динамику развития науки, что делает это звено методологической системы более показательным для анализа перемен на современном этапе.

*Ключевые слова:* понятия, категории, классификация понятий, понятийная сеть, общепсихологические понятия, частнопсихологические понятия, межапарадигмальность, междисциплинарность, метамодернизм, субъектность понятий.

DOI: 10.31857/S020595920015130-9

Разработка понятий — одна из важнейших задач науки, необходимых для систематизации накопленных данных, а также развития и создания новых теорий и подходов, т.е. расширения и углубления тематического поля науки. Целью настоящей работы стала попытка проанализировать и обобщить современный уровень разработки понятий в психологической науке. Пласт понятий, разрабатываемый в Институте психологии РАН, отражает круг проблем, изучаемых его сотрудниками, который, безусловно, не охватывает все поле отечественной

психологии, что ограничивает возможности процесса систематизации всего пласта понятий, используемых в психологической науке. Однако эта работа дает представление о направлении поисков и разработке понятийной системы на современном этапе развития науки именно в Институте психологии РАН, где сложилась своеобразная психологическая школа, представляющая синтез естественнонаучного (П.К. Анохин, В.Б. Швырков, В.Д. Небылицын и др.) и социогуманитарного (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский,

Л.И. Анцыферова, Я.А. Пономарев, Е.В. Шорохова и др.) направлений, объединенных системным и субъектным подходами, берущими начало в работах В.М. Бехтерева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и реализованными Б.Ф. Ломовым и А.В. Брушлинским.

Тесное взаимодействие и взаимовлияние разных областей психологии, нарастание междисциплинарности и трансдисциплинарности в современном научном знании обуславливают появление новых понятий, уточнение и реорганизацию понятийного строя, что приводит к ассимиляции с понятиями других наук, но при сохранении психологическими исследованиями своего предмета.

В последние десятилетия в научном знании отмечаются изменения методологии и прирост знаний, что приводит к развитию и содержания, и объема понятий, отражающих перемены как в науке, так и обществе. Психология занимает особое место среди наук, объединяя естественнонаучные и социогуманитарные дисциплины. Это определяет ее специфику, своеобразие понятийного строя, но вместе с тем его большую размытость и неопределенность. Для пояснения такой особенности необходимо рассмотреть различия между “категориями” и “понятиями”, которые нередко используются в качестве синонимов. В философии категории определяются как ключевые и самые общие понятия в мыслительном процессе или науке (материя, движение, сознание). “Категории — наиболее общие понятия, отражающие основные свойства и закономерности явлений объективной реальности и определяющие характер научно-теоретического мышления эпохи” [11, с. 127–128]. Тогда как понятие — “одна из основных форм мыслительной деятельности, с помощью которой строятся другие формы мышления (суждения, умозаключения)” [Там же, с. 12]. Для психологии с ее бурно развивающимся и несформированным понятийным аппаратом, точнее, с обращениями к понятиям как основе научного знания, М.А. Холодная ставит вопрос об отождествлении “понятия” и “знания” [29]. Поскольку понятия в большей степени изучались философией, логикой и лингвистикой, то психология в основном заимствовала у других наук их определения и критерии. При этом остается открытым вопрос о специфике понятийного мышления: «...понятийная мысль, отождествляемая с характеристиками ее содержания, в итоге рассматривается исключительно как явление сознания. На самом деле понятие как психологическое образование функционирует по принципу “айсберга”, основная часть которого скрывается в глубинах индивидуального ментального опыта,

а только его “верхушка” находится на поверхности предметного слоя сознания» [Там же, с. 23]. Глубокий анализ специфики понятийного мышления, проведенный автором, своеобразие его изучения в психологии, в отличие от философии, логики и лингвистики, убедительно показывают, что критерии понятий не могут сводиться ни к выделению существенных признаков, ни к их вербально-логическому обозначению, ни к логике их образования. Теоретический анализ и исследования привели автора к выделению концептуальных структур как носителей понятийного мышления с такими их психологическими характеристиками, как многомерность, нелинейная динамика, самоорганизация, субъектность, концептуальность, уникальность, гетерогенность, мобильность [27]. Эта концепция изменяет представление о “понятии” как формально-логической структуре, порождая представление о его психологической природе.

Следовательно, можно приблизиться к пониманию, почему психологическое научное знание отличается большей неопределенностью, размытостью границ, субъектностью содержания, зачастую разными содержательными полями понятий. Психологические понятия позволяют структурировать сверхсложную, многослойную психологическую реальность, часто текучую и ускользающую от статических и формальных определений. Психологические понятия в науке, обозначая некоторый феномен или событие, содержат невидимые, неэксплицированные латентные знания и представления, теоретические конструкты, индивидуальные ориентиры, пытаясь понятийно осмыслить психологию человека. Упреки к психологической науке в неопределенности и нестрогости ее понятийного аппарата только отчасти справедливы и связаны как с относительной молодостью науки, так и высочайшей сложностью ее предмета. Кроме того, любую науку и психологию тоже создают люди, с особенностями их понятийного мышления, отчего пересечение индивидуальных пространств смыслов и полноты/неполноты концептуальных схем эволюционно складывается в общую картину знания. Изменение представлений о понятийной системе знаменует переход к иному типу научной рациональности — метамодернизму (пост-постнеклассической науке) [6].

## ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ

Попытки систематизации понятий, построения иерархических взаимосвязей предпринимались в психологии и ранее.

К.К. Платонов считал, что “...наука это система теорий, а теория — система понятий” [19, с. 14]. К.К. Платоновым были выделены два вида понятий: общепсихологические и частнопсихологические. К общепсихологическим категориям относятся понятия, объем которых совпадает с объемом психологической науки. Он считал, что таких понятий шесть: психическое отражение, психическое явление, сознание, личность, деятельность, развитие психики. Частнопсихологические категории образуют несколько взаимосвязанных психологических понятий, “...объемы и содержание которых в своей совокупности исчерпывающе совпадают с объемом и содержанием той или иной общепсихологической категории” [Там же, с. 18]. Так, память, эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувства и воля составляют в своей совокупности общепсихологические категории форм психического отражения. Психические процессы, психические состояния и свойства личности в совокупности характеризуют категорию психических явлений. Понятия “переживание”, “познание” и “отношение” вместе описывают содержание и объем категории сознания. Направленность, опыт, особенности психических процессов, темперамент, характер и способности в своей совокупности определяют категорию личности. Действия, цель, мотив, психический акт составляют категорию деятельности. К.К. Платонов писал: “Чем более четко определены и связаны в единую систему общие и частные психологические категории, тем точнее и единообразнее понимаются и входящие в них понятия, отражающие отдельные психические явления” [Там же, с. 18–19]. Созревание и формирование, филогенез, антропогенез, общественно-историческое развитие, онтогенез психики входят в категорию психического развития [20].

“Отдельные психологические науки конкретизируют в своих категориях и понятиях как общепсихологические категории, так и категории тех наук, на пересечении с которыми они лежат” [Там же, с. 26]. Например, социальная психология использует категории социологии: группа, социальная роль, социальный статус и др., но получившие свое психологическое содержание: групповое сознание, понятия “коллектив”, “психологический климат”, “коллективные установки” и др., что образовало частнопсихологические категории социальной психологии. Или медицинская психология, заимствуя из медицины категории и понятия (здоровье, болезнь, профилактика, лечение, реабилитация и др.), раскрывает их в психологических понятиях: преморбидная и постморбидная личность, лечебная деятельность, патологическое развитие личности и т.п.

Термины науки группируются в “смысловые гнезда”, составляющие смысловую систему — тезаурус. “От характера в организации тезауруса науки (или же отдельного человека) зависит процесс понимания и усвоения каждого понятия. Но подобно тому, как процесс понимания произведен от процесса познания, так и организация тезауруса произведена и отличается от организации и построения знания. И если закономерности познания изучаются гносеологией, то закономерности процессов понимания — психологией” [Там же, с. 27].

К.К. Платонов подчеркивает историзм и генезис понятийной системы. Некоторые понятия, родившись, быстро становятся анахронизмом (как например, “реактология”, введенная К.Н. Корниловым), другие, напротив, сначала рождаясь, выражают проблему, а затем становятся научным принципом, обоснованным положением и направлением в дальнейших исследованиях. Например, понятие личности стало “личностным подходом”, или, продолжив мысль автора, понятие системы стало системным подходом и научным принципом, а понятие субъекта — и подходом, и принципом психологической науки. Если категории представляют наиболее широкие для психологии понятия, то принципы — это квинтэссенция наиболее существенных взаимодействий. Следовательно, категории, понятия и принципы составляют единую методологическую систему психологии. К.К. Платонов выделяет следующие принципы в психологии: детерминизма, принцип развития, близкий принципу историзма, принцип единства сознания и деятельности и вытекающий из него принцип единства личности и деятельности, системно-структурный принцип. Важнейший принцип иерархии содержится в системно-структурном принципе. При возникновении сложных систем неизбежно появляется иерархическая структура. Поскольку психика человека — это сложнейшая из систем, то она организована иерархически. Но принцип иерархии раскрывается К.К. Платоновым через образ спирали, но не в виде расширяющего конуса по вертикали, а конуса, расположенного горизонтально. В этом случае диалектика иерархии развития означает не только переход на новый виток развития с расширением возможностей, но и наличием спусков (регрессивных процессов, кризисов) перед каждым подъемом. Данный образ задает и направление движения, и его уровневую, иерархическую структуру.

В разработанной К.К. Платоновым системе понятий особого внимания заслуживают предложенные им *исторический и генетический* принципы.

А также попытка связать в единую систему категории, понятия и принципы психологической науки и показать их иерархическую организацию путем выделения взаимосвязанных и взаимообусловленных уровней понятий [19; 20].

Опираясь на эти позиции, мы обратились к анализу именно понятийной системы психологии, а не общих психологических категорий и принципов. Кроме того, такой анализ был проведен нами только на понятиях, применяемых и анализируемых сотрудниками Института психологии РАН, которыми проводятся не только их теоретическое обоснование, но и эмпирическая проверка. Более того, понятийное поле науки, и психологии в том числе, демонстрирует развитие и преобразование, подвижность и текучесть значительно более отчетливо, чем общие категории или принципы. Как будет показано в дальнейшем анализе, понятийная система современной психологии включает в себя и общие категории, и принципы научного знания. Но именно понятийный строй наиболее ясно обнаруживает динамику развития науки, что делает это звено методологической системы более доступным для анализа перемен на современном этапе.

Историко-генетический принцип и идея взаимообусловленности и иерархичности понятий нашли свое выражение в более поздней категориальной системе психологии, разработанной А.В. Петровским, В.А. Петровским и М.Г. Ярошевским [16–18]. Их понятийная система психологии, построенная через понятие психосферы в координатах био- и ноосферы, представляет единое пространство природы и социума. Понятийная сетка задана пятью категориями, охватывающими понятийный аппарат психологической науки: биоцентрические, протопсихологические, базисные психологические,

метапсихологические и социоцентрические (табл. 1 [18, с. 20]).

Параллели сетки образуют плеяды, а меридианы — кластеры категорий. Например, категория “Личность” из плеяды метапсихологических понятий находится в тесной взаимосвязи с категориями “Ценность”, “Деятельность”, “Сознание”, “Чувство”, “Общение”, “Персоносфера” (термин А.В. Петровского). Категория “Образ” из плеяды базисных психологических категорий неотъемлема от понятий “Я”, “Мотив”, “Действие”, “Переживание”, “Интеракция”, “Ситуация”. Переходы от биоцентрических к социоцентрическим уровням категорий (снизу вверх) характеризуются нарастанием сложности, способности к интераспективному отражению, следовательно, и специфичностью их изучения (от естественнонаучных методов к социогуманитарным). Столбцы образуют кластеры понятийной системы. Кластер субстанциональности (как основа, первопричина), например, объединяет разноуровневые категории от организма — индивида — личности к человеку (высший уровень), указывая восхождение от нижнего к высшему. Или кластер “Событийность”, означающий социальность, общность, сопричастность. По мере движения вверх по столбцу изменяется мера взаимодействия с другими. Кластер “Действительность” — это движение от категории “Среды” как условия существования, к “Предметности”, далее “Ситуации” как проблемной ситуации, требующей решения, “Персоносфере”, определяемой в виде множественного пересечения персонализаций людей друг в друге, с человечеством и завершающему уровню “Эйкумена” (“Ойкумена”) как связанность в единое пространство жизненных миров.

**Таблица 1.** Категориальная система психологии

| НООСФЕРА                           |                     |                |              |               |                 |                 |                  |
|------------------------------------|---------------------|----------------|--------------|---------------|-----------------|-----------------|------------------|
|                                    | Субстанциональность | Направленность | Активность   | Когнитивность | Субъективность  | Событийность    | Действительность |
| Социоцентрические категории        | Человек             | Идеал          | Свобода      | Разум         | Экзистенция     | Соучастование   | Эйкумена         |
| Метапсихологические категории      | Личность            | Ценность       | Деятельность | Сознание      | Чувство         | Общение         | Персоносфера     |
| Базисные психологические категории | “Я”                 | Мотив          | Действие     | Образ         | Переживание     | Интеракция      | Ситуация         |
| Протопсихологические категории     | Индивид             | Потребность    | Рефлекс      | Ощущение      | Аффективность   | Сосуществование | Предметность     |
| Биоцентрические категории          | Организм            | Нужда          | Метаболизм   | Сигнал        | Избирательность | Синергия        | Среда            |
| БИОСФЕРА                           |                     |                |              |               |                 |                 |                  |

ПСИХОСФЕРА



В данной системе отражаются три объяснительных принципа психологического познания: детерминизма, развития, системности [19]. Категории вертикали детерминированы как снизу, так и сверху. Категория “Я” (метапсихологическая) включает в себя биологическое начало в виде нижележащих категорий — индивидуальные особенности — и наполняется социально-психологическим содержанием сверху. Следовательно, можно выделить категориальное ядро и оформляющие категории как условия “проращивания” ядерных. Например, категория “Ценность” становится развитием категории “Мотив”, оформляясь через категории “Переживание”, “Отношение” (“Интеракция”), “Действие” и др. Ядерные и оформляющие категории могут порождать новые понятия. Авторы приводят сравнение “взаимоотношения категорий внутри плеяды со взаимоотношениями лейбнизианских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительное определение” [18, с. 3]. Здесь уместно напомнить голографический принцип, иллюстрируя взаимоотношение базисных и метапсихологических категорий: “часть голограммы (базисная категория) включает в себе целое (метапсихологическая категория) достаточно взглянуть на любой фрагмент голограммы под определенным углом зрения” [Там же, с. 13]. Категориальная сетка воплощает принцип системности, чертой которого становятся связанность и взаимообусловленность категорий, выделение иерархии их развития, выделение уровней, нисходящего и восходящего детерминизма, соединяющий в единое целое онтогенез и социогенез психики. Авторы считают, что возможны уточнения элементов сетки, но неизменными должны оставаться принципы построения взаимосвязи категорий: “...1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтеза системобразующих (ядерных) и оформляющих категорий; 2) сущность как явление и это же явление как сущность; 3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы (биоэкологическая и социокультурная детерминация)” [Там же, с. 29].

Приведенная категориальная система А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского имеет общие принципы организации с идеями К.К. Платонова: выделение понятий разных уровней, образование плеяд и кластеров, иерархичность построения, единство понятий и принципов психологии. Следует признать, что в работе Петровского и Ярошевского система категорий наиболее разработана и детальна, но основные идеи, положенные в ее основу, безусловно, имеют общность с системой категорий и понятий К.К. Платонова.

В своей книге “Методологическое введение в психологию” Я.А. Пономарев [21] также обращался к закономерностям развития психологических знаний. На основании закона трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий автор построил концептуальную схему этапов развития психологического знания в его отношении с типом психологического знания. Выделены три типа знания: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. Созерцательно-объяснительный тип непосредственно связан с житейским опытом, отличается созерцательным способом приобретения знаний, когда исследователь не становится причиной изучаемых событий, а знания носят поверхностный характер и интерпретации произвольны. Эмпирический тип формируется внутри созерцательно-объяснительного типа, трансформируя и включая в себя его содержание, где существует эмпирическая многоаспектность. Действенно-преобразующий тип формируется в недрах эмпирического и, включая его содержание, переходит к выработке критериев упорядочивания эмпирической многоаспектности, образуя полюса абстрактных и конкретных знаний. Основываясь на анализе данных типов, Пономарев формулирует представление о предмете психологии. “На стадии созерцательно-объяснительной психологии актуальным предметом оказывается лишь один из ингредиентов потенциального предмета — субъект. В данном типе знания субъект выступает как психика, как субъективное отражение объективной действительности” [Там же, с. 201], что означает изучение поведения и деятельности. На стадии эмпирической психологии предметом становится другой ингредиент — функции субъекта во взаимодействии. Следует указать, что субъект автором понимается как компонент живой системы взаимодействия. Переход к действенно-преобразующему знанию означает переход к представлению о психике как объективной реальности, где психика “своеобразная сторона живого существа, как один из компонентов психического взаимодействия...” [Там же, с. 202]. Если психика — один из компонентов взаимодействия, тогда психология — это конкретная наука. Следовательно, вопросом для психологической теории на данном уровне является вопрос о месте психологии в системе современного знания. Взаимодействие с другими науками превращает “психологию в абстрактную науку о структурных уровнях организации живых систем — психологический механизм поведения, психического отражения, продуктов

преобразования окружающего мира” [Там же, с. 202–203].

Для нашего анализа данные представления важны в части последовательного развития и преобразования в организации типов психологического знания, дающего все более многоаспектные (многомерные модели), и принципиально междисциплинарный характер в развитии психологического знания. Кроме того, в представлениях Я.А. Пономарева также усматривается принцип холархического анализа психики как функциональных систем, “моделей, отражающих, побуждающих, направляющих и регулирующих жизненный путь живого существа как компонента живой системы” [Там же с. 202].

Анализ общепсихологических категорий материалистической диалектики в психологии представлен в книге 1988 г. под редакцией и при авторском участии Л.И. Анцыферовой [2]. Идея данной книги — показать, как общенаучные философские понятия реализуются в психологической науке. В книге раскрывается психологическое содержание общих категорий, таких как: развитие, время, возможность и действительность, форма и содержание, количество и качество, непрерывность и прерывность, активность отражения, разработка которых сформировала принцип активности в философии познания. Данный анализ показал, с одной стороны, особенность психологической науки, а с другой — ее включенность в общеметодологический научный контекст определенного периода научного развития. Отметим, что многие идеи, представленные в данной книге, получили свое развитие в современных разработках, например, принципа развития [23].

Другой вариант категориальной системы научного знания на современном этапе предложен Т.Д. Марцинковской, которая реализует историко-генетический подход, опираясь на работы М.Г. Ярошевского. Изучение генезиса психологических знаний по отдельным проблемам опирается на понятия оппонентного круга, когнитивного стиля и идеи прогресса как кумуляции знаний, введенных М.Г. Ярошевским. *Оппонентный круг* предполагает необходимость сравнения и развития собственных понятийных систем, включая представления оппонентов, что расширяет возможность анализа категорий и их обогащения другими/иными контекстами и содержанием. *Когнитивный стиль* объединяет историческое начало творчества и уникальные для личности способы выбора проблем, решений, коммуникации с научным сообществом. Марцинковская описывает общую картину развития психологического знания метафорически

как аналог “сети” и “невода”. Сетевой принцип приложим к изучению отдельных категорий и их взаимосвязей, допуская встраивание новых категорий, проблем в систему знаний. “Невод” составляет единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений, т.е. разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные — в разных научных подходах), собирая их воедино, не давая растекаться в разные стороны [14]. Данные метафоры важны для развития научного знания. Но встает вопрос о выборе “материала” — теорий и подходов, равнозначности и составе ячеек в “сети” и “неводе”. Этот вопрос связан с субъектностью собственно научного знания, профессиональным уровнем и ответственностью исследователя, от которого зависят выдвижение гипотез, их экспериментальная проверка и интерпретация, а также дальнейшее место в выбранной “сети” категорий и “неводе” теорий. Данные метафоры лишены какой-либо системной иерархии в построении категориального строя психологической науки.

В работе Т.В. Зеленковой [10] выделяется тенденция к интегративности психологического знания, которая с иных позиций представлена и в статье Е.А. Сергиенко [26]. Зеленкова полагает, что интегративные структуры эволюционируют от иерархических систем к сетевым и холархическим, которые являются более продуктивными для психологического знания. *Сетевые структуры* более гибкие, открытые, самоорганизующиеся системы, включающие разные теории и практики, сохраняющие собственную самостоятельность. *Холархические* — это более сложные системы, в основе которых лежит понятие холона. Холон определяется как открытая система, которая одновременно проявляет свойства как целого, так и части, в зависимости от условий функционирования [10]. Однако нельзя не заметить, что это основной принцип системного подхода, наиболее полно развитый в трудах Б.Ф. Ломова [13] и целого ряда его последователей. Поясняя данное определение, Т.В. Зеленкова вслед за Кестнером пишет, что свойство холона как целого — интегрировать мир, а как части — быть включенным в другое, более обширное целое (мир) [10]. Автор дает подробный анализ диалектического потенциала понятия холона через соотношение оппозиций. Анализ противоположностей применительно к психологическому знанию может рассматриваться как развитие идеи оппонентного круга, формализованного относительно логико-диалектического принципа в контексте представлений о холоне. Идеи взаимопроникновения разных психологических парадигм,

теорий и подходов через призму рассмотрения холархического анализа также согласуются и с идеями проницаемости парадигмальных границ и большей открытости теоретических подходов [14], и идеей межпарадигмальных мостов [25]. Возможность анализа понятийной системы психологии через призму холархического подхода позволяет реализовать идею оппонентного круга М.Г. Ярошевского на основе выделенных критериев.

## МЕЖПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ

Прежде всего необходимо указать, что любое понятие в психологической науке отражает научный подход и определенную научную школу. Как уже отмечалось, еще почти три десятилетия назад Петровский и Ярошевский предполагали переход от монотеорий, где одно понятие описывает всю психологию человека, (например, теории деятельности, теории установки и т.п.), к метатеориям, включающим “динамическую систему категорий”. Именно такая трансформация и происходит с ведущими школами и подходами в отечественной психологии, которые расширяют свои возможности, интегрируясь с другими парадигмами. Например, М.С. Гусельцева отмечает: “Что же касается потенциала развития деятельностного подхода, то и последний занимает довольно уверенные позиции в современной психологии, перестав быть теорией деятельности А.Н. Леонтьева или С.Л. Рубинштейна и тем самым утратив первородную чистоту, но воплотившись в ряд контекстуально трансформировавшихся и смешанных с иными подходами направлений: культурно-деятельностный, экзистенциально-деятельностный, системно-деятельностный и др.” [7, с. 639]. Проницаемость границ и трансформации классических психологических теорий и подходов достаточно широко обсуждались разными авторами [4; 7; 10; 14; 25; 26 и др.]. При этом приведенный пример с деятельностным подходом справедлив и для других школ и направлений психологической науки. М.С. Гусельцева утверждает, что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности происходит переход от борьбы методологий в разных психологических школах к большей толерантности, когерентности исследований, поиску консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики [8]. Перечислим лишь некоторые из современных отечественных подходов: структурно-функциональный, системно-деятельностный, историко-культурный, историко-генетический, историко-эволюционный,

культурно-аналитический, системно-субъектный, субъектно-аналитический, культурно-аналитический и многие другие, отражающие необходимость выйти за рамки одной парадигмы, неизбежное взаимодействие и взаимовлияние разных парадигм и, наконец, потребность в более объемной оптике изучаемых психических феноменов и их динамики. Приведем лишь некоторые примеры взаимодействия и взаимовлияния различных подходов, которые можно проиллюстрировать на примере соотношения категорий “индивид”, “личность” и “индивидуальность”.

Согласно историко-эволюционному подходу, индивид — это представитель человеческого вида в координатах природно-биологических систем. Развитие индивида происходит на основе его генетических программ. Личность же рассматривается как социальное качество человека, приобретаемое в процессе социальных взаимодействий, т.е. когда социокультурные ориентиры становятся ведущими. Понятие индивидуальности связано с уникальностью и своеобразием человека, в этом случае он выступает как субъект своего развития, жизни в целом [3]. Однако сравним понимание Б.Г. Ананьева соотношения данных категорий. Именно Ананьев различал понятия “индивид”, “личность” и “субъект деятельности”. Индивид — это представитель человеческого вида, системы его природных свойств. Первичные природные свойства: конституциональные, нейродинамические, билатеральные особенности, половой диморфизм. Вторичные свойства — темперамент, структура организации потребностей, задатки, сенсомоторная организация. Личность — это система социальных отношений, в которой человек становится социальным существом. Субъект деятельности — это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной) деятельности. Отсюда человек как субъект характеризуется операциональными механизмами, тогда как индивид — функциональными, а личность — мотивационными, включающими потребности индивида и ценностные ориентации. Интеграция этих трех подструктур образует неповторимую индивидуальность человека. Онтогенез развития человека можно представить как последовательность переходов от одной системы к другой с нарастающей интеграцией: Индивид → Личность → Субъект деятельности → Индивидуальность [1].

Сравнение двух подходов историко-эволюционного и комплексного (предтечи системного), очевидно, указывает, что данные идеи, сформулиро-



ванные Ананьевым, впитались и стали общими для обеих концептуальных схем.

Представление о движущих силах психического развития — ключевая проблема дискуссий между культурно-исторической теорией, теорией деятельности Леонтьева и теорией деятельности Рубинштейна. Не обсуждая сути и деталей спорных представлений, которые достаточно хорошо известны, укажем только на то, что современное представление о мультидетерминации психического развития включает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре — человек как саморазвивающаяся система. Это позволяет подготовить “переправу” между разными парадигмами и определяет мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития наук (подробнее см.: [9; 15; 22]). В психологии выбора [12] авторы утверждают деятельностно-процессуальную концепцию выбора как теоретическое основание их исследования, включающую в себя и культурно-историческую теорию, и экзистенциальную парадигму. Однако полагаем, что данная концепция представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа. Стереоскопическая оптика психологии выбора дает представление о взаимодействии личностных и субъектных составляющих, личностного потенциала как основы субъектного выбора, саморегуляции, самодетерминации, самоэффективности. Процесс выбора — это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями “субъект” и “личность”, хотя не разводят их. Таким образом, в психологической концепции выбора можно выделить признаки постнеклассической методологии: с характерным нарастанием неопределенности, фокусом на внутренних сложных процессах самоопределения, саморазвития, подчеркиванием процессуальности, текучести воспринимаемой жизни, ее контекстуальности. В ней объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы [26].

Приведенные примеры показывают, насколько велико взаимовлияние и взаимодействие разных психологических школ и подходов в стремлении расширить и сделать более глубоким анализ психологических феноменов.

Изучение опыта систематизации понятий в психологии и отмечающиеся сдвиги в развитии различных подходов в психологии в сторону размывания жестких границ и взаимовлияний, что усиливают

тенденции межпарадигмальности в научных школах, позволяют перейти к анализу конкретных понятий, которые разрабатываются в Институте психологии РАН и представлены в коллективном труде “Разработка понятий современной психологии” [24].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. *Анцыферова Л.И.* Материалистическая диалектика и психологическая наука (Вместо предисловия) // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 3–21.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр “Академия”, 2007.
4. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
5. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.
6. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 31–61.
7. *Гусельцева М.С.* Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 628–670.
8. *Гусельцева М.С., Изотова Е.И.* Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.
9. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 5–62.
10. *Зеленкова Т.В.* Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 332–367.
11. Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. 3-е изд., дораб. и доп. М.: Политиздат, 1979.



12. Леонтьев Д.А., Овчинникова У.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
14. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
15. Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.И. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
16. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 3–17.
17. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
18. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: Учебное пособие для студ. псих. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 496 с.
19. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
20. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
21. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
22. Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018. 176 с.
23. Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016.
24. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
25. Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2016).
26. Сергиенко Е.А. От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018. С. 308–331.
27. Холодная М.А. Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта // Дифференциально-интеграционная теория развития / Сост. Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 469–477.
28. Холодная М.А. Структура и функции естественного интеллекта в контексте проблемы искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. М.: ИИТеЛЛ, 2006. С. 149–162.
29. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012.

## ANALYSIS OF MODERN CONCEPTS IN PSYCHOLOGY. PART I. EXPERIENCE IN SYSTEMATIZATION OF CONCEPTS

A. L. Zhuravlev\*, E. A. Sergienko\*\*

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;  
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

*\*Academic of RAS, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*

*E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

*\*\*ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.*

*E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 13.03.2021

*Abstract.* The purpose of the articles was to analyze modern concepts in psychological science using the example of the developments of scientists from the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The first article is devoted to the comparison of the experience of classification of concepts in Russian psychology (K.K. Platonov, Ya.A. Ponomarev, L.I. Antsyferova, A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky, V.A. Petrovsky). The comparison of the terms "category" and "concept" is carried out. Comparison of ideas about K.K. Platonov with the conceptual grid of A.V. Petrovsky and M.G. Yaroshevsky showed that they are based on common principles of historical and genetic analysis. The previous classification of Platonov contains the basic ideas of determinism, consistency and hierarchy, developed in detail in the conceptual grid of Petrovsky and Yaroshevsky. The ideas of Ya.A. Ponomarev and L.I. Antsyferova in the development of psychological categories.

The experience of systematizing concepts has shown that, despite the harmony and constructiveness of the ideas of predecessors, one should point out the impossibility of considering psychological concepts in their coordinates, which is associated with a change in general scientific methodological principles: the transition from classical to non-classical and post-non-classical methodology of metamodernity. The interpenetration and mutual influence of psychological approaches in psychological science, the growth of inter- and polyparadigmality in modern psychology are shown. The first article allows you to identify and compare the coordinates of the analysis of previous scientists and determine the trends of modern changes. From these positions, the authors refer specifically to the conceptual system of psychology, and not to general psychological categories and principles. The conceptual field of science, including psychology, demonstrates development and transformation, mobility and fluidity much more clearly than general categories or principles. The conceptual structure most clearly reveals the dynamics of the development of science, which makes this link of the methodological system more demonstrative for analyzing changes at the present stage.

**Keywords:** concepts, categories, classification of concepts, conceptual network, general psychological concepts, particular psychological concepts, interparadigmality, interdisciplinarity, metamodernism, subjectivity of concepts.

## REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* O problemah sovremennogo chelovekoznaniiya. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
2. *Ancyferova L.I.* Materialisticheskaya dialektika i psihologicheskaya nauka (Vmesto predisloviya). Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psihologii. Ed. L.I. Ancyferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 3–21. (In Russian)
3. *Asmolov A.G.* Psihologiya lichnosti: Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Smysl: Izdatel'skij centr "Akademiya", 2007. (In Russian)
4. *Gusel'ceva M.S.* Kul'turnaya psihologiya: metodologiya, istoriya, perspektivy. Moscow: Prometej, 2007. (In Russian)
5. *Gusel'ceva M.S.* Evolyuciya psihologicheskogo znaniya v smene tipov racional'nosti. Moscow: Akropol', 2013. (In Russian)
6. *Gusel'ceva M.S.* Princip razvitiya v psihologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transcisciplinarnosti. Princip razvitiya v sovremennoj psihologii. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 31–61. (In Russian)
7. *Gusel'ceva M.S.* Perspektivy razvitiya psihologicheskogo znaniya: blesk i nishcheta prognozov. Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 628–670. (In Russian)
8. *Gusel'ceva M.S., Izotova E.I.* Pozitivnaya socializaciya detej i podrostkov: metodologiya i empirika. Moscow: Smysl, 2016. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sovremennye ponyatiya v psihologicheskoy nauke: popytka analiza. Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 5–62. (In Russian)
10. *Zelenkova T.V.* Integrativnye tendencii v razvitii psihologii: ot monologa k polilogu. Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 332–367. (In Russian)
11. *Kratkij slovar' po filosofii.* Pod obshch. red. I.V. Blaubergera, I.K. Pantina, 3-e izd., dorab. i dop. Moscow: Politizdat, 1979. (In Russian)
12. *Leont'ev D.A., Ovchinnikova U.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.H.* Psihologiya vybora. Moscow: Smysl, 2015. (In Russian)
13. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
14. *Marcinkovskaya T.D.* Problema socializacii v istoriko-geneticheskoy paradigme. Moscow: Smysl, 2015. (In Russian)
15. *Novoe v naukah o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.T. Frolova.* Ed. G.I. Belkina; red.-sost. M.I. Frolova. Moscow: Lenand, 2015. (In Russian)
16. *Petrovskij A.V., Petrovskij V.A.* Kategorial'naya sistema psihologii. Voprosy psihologii. 2000. № 5. P. 3–17. (In Russian)
17. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Osnovy teoreticheskoy psihologii. Moscow: INFRA-M, 1998. (In Russian)
18. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Teoreticheskaya psihologiya: Uchebnoe posobie dlya stud. psih. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya", 2001. 496 p. (In Russian)
19. *Platonov K.K.* O sisteme psihologii. Moscow: Mysl', 1972. (In Russian)
20. *Platonov K.K.* Sistema psihologii i teoriya otrazheniya. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)
21. *Ponomarev Ya.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psihologiyu. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
22. *Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya.* Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. 716 p. (In Russian)

23. Princip razvitiya v sovremennoj psihologii. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian)
24. Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
25. *Sergienko E.A.* Mezhpardigmal'nye mosty. Psihologicheskie issledovaniya. 2016. V. 9. № 48. P. 4. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 29.10.2016). (In Russian)
26. *Sergienko E.A.* Ot differenciacii k integracii podhodov i kategorij v sovremennom psihologicheskom znanii. Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 308–331. (In Russian)
27. *Holodnaya M.A.* Strukturno-integrativnaya metodologiya v issledovanii intellekta. Differencionno-integracionnaya teoriya razvitiya. Sost. N.I. CHuprikova, A.D. Koshelev. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. P. 469–477. (In Russian)
28. *Holodnaya M.A.* Struktura i funkcii estestvennogo intellekta v kontekste problemy iskusstvennogo intellekta. Iskusstvennyj intellekt: mezhdisciplinarnyj podhod. Ed. D.I. Dubrovskogo, V.A. Lektorskogo. Moscow: IItELL, 2006. P. 149–162. (In Russian)
29. *Holodnaya M.A.* Psihologiya ponyatijnogo myshleniya: Ot konceptual'nyh struktur k ponyatijnym sposobnostyam. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian)

УДК 159.9.07

## ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ НА СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К МОДЕ<sup>1</sup>

© 2021 г. Н. Г. Артемцева\*, Е. С. Самойленко\*\*

ФГБУН Институт психологии РАН.

Лаборатория познавательных процессов и математической психологии;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

\* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: artemcevang@ipran.ru

\*\* Доктор психологических наук, главный научный сотрудник.

E-mail: samoylenko@ipran.ru

Поступила 05.06.2020

**Аннотация.** Статья посвящена изучению взаимосвязи показателей общей ориентированности на социальное сравнение и ориентированности на сравнение по внешности с особенностями субъективного отношения к моде. Для оценки общей ориентированности на социальное сравнение использован «Русскоязычный опросник ориентированности на социальное сравнение», для оценки ориентированности на сравнение по внешности — «Шкала сравнения физической внешности», для изучения субъективного отношения к моде — опросник «Шкала отношения к моде». В исследовании участвовали 166 московских студентов, получающих образование по специальностям «психология», «товароведение», «менеджмент и сервис», «социология», «экономическая безопасность», «искусствоведение». Гипотеза заключалась в том, что отношение к моде, задающей постоянно меняющиеся нормы оформления внешности в определенном социокультурном контексте, взаимосвязано с тем, насколько человек склонен к социальному сравнению. Обнаружено, что чем более выражена ориентированность на сравнение по внешности, общая ориентированность на социальное сравнение, а также специфические виды ориентированности на сравнение себя со знакомыми и с незнакомыми людьми, тем более выражено отношение к моде как к значимому многоаспектному социокультурному феномену. Выявлено, что такие показатели, как ориентированность на сравнение себя с другими по внешности, общая ориентированность на социальное сравнение и ее отдельные виды, связаны с оценками, отражающими разные аспекты восприятия моды. Наибольшее количество статистически значимых взаимосвязей обнаружено для участников, обучающихся специальностям «социология» и «менеджмент и сервис».

**Ключевые слова:** ориентированность на социальное сравнение, сравнение внешности, психология моды.

DOI: 10.31857/S020595920015131-0

Социальное сравнение — сложный психологический процесс, который, согласно Л. Фестингеру [12], выражается в сопоставлении человеком себя (своих мнений и способностей) с другими людьми, а в работах некоторых современных исследователей понимается более широко как процесс «обдумывания» субъектом информации, касающейся одного или нескольких людей, при соотношении с собственным Я [26], или как сравнительное суждение о любых социальных объектах, в качестве которых могут выступать как отдельные индивиды, так и социальные группы [14; 15].

Социальное сравнение имеет большое значение для осознания человеком самого себя и своего статуса в обществе, а с эволюционной точки зрения представляет важность для адаптации и выживания. Большинство психологов сходятся на том, что стремление человека познать себя путем сравнения с другими людьми является универсальной человеческой характеристикой [9]. Однако люди различаются по своей склонности к осуществлению социального сравнения, обозначаемой как ориентированность на социальное сравнение и оцениваемой с помощью специально разработанных опросников, самым известным из которых стал *INCOM* (*Iowa-Netherlands Comparison Orientation Measure*), созданный Ф. Гиббонсом и А. Буунком [13]. Наряду

<sup>1</sup> Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2021-0006.



с данным измерительным инструментом, оценивающим то, как человек сравнивает себя (свои мнения и способности) с другими людьми, существует опросник РООСС (*Русскоязычный Опросник Ориентированности на Социальное Сравнение*), разработанный Е.С. Самойленко [8] для измерения ориентированности на сравнение себя не только с другими людьми, но и себя в разные временные моменты, а также на сравнение себя с желаемым, возможным и идеальным Я. Предложен также ряд инструментов для диагностики ориентированности на социальное сравнение, относящейся к внешности, в частности, шкала сравнения деталей тела [20]; набор шкал для оценки отдельно восходящего (с кем-то, кто лучше) (*Upward Physical Appearance Comparison Scale, UPACS*) и нисходящего (с кем-то, кто хуже) (*Downward Appearance Comparison Scale, DACS*) сравнения внешности [19]; и наиболее широко используемая Шкала сравнения внешности (*The Physical Appearance Comparison, PACS*), первый вариант которой разработан Дж. Томпсоном [24], а второй, более расширенный, *PACS-R* — Шаефром [20].

В настоящий момент одно из перспективных направлений применения данных измерительных процедур связано с изучением взаимосвязей общей ориентированности на социальное сравнение и ориентированности на сравнение себя по внешности с особенностями поведения людей в реальной жизни и их отношением к окружающим феноменам.

Так, обнаружены взаимосвязи ориентированности на социальное сравнение с такими психологическими конструктами, как субъективное качество жизни [21], удовлетворенность работой [25], профессиональная мотивация [10]. Показано, что степень, в которой люди оценивают какое-то поведение как угрожающее их собственному здоровью (например, употребление алкоголя), связана с тем, насколько часто они сравнивают себя с другими [13]. У людей, имеющих низкий показатель ориентированности на социальное сравнение, восприятие того, что делают другие люди, оказывается не связанным с выводами относительно риска такого же поведения для их собственного здоровья [16].

Применительно к ориентированности на сравнение внешности выявлены разнообразные положительные корреляции между показателем *PACS-R* и рядом показателей, касающихся проблем питания, а также озабоченности внешним видом, формой и весом тела. Более высокая ориентированность человека на сравнение себя с другими по внешности оказалась положительно связанной

с выраженностью ожирения и патологии питания, со степенью личного принятия социально предписанных идеалов внешности, а также отрицательно связанной с удовлетворенностью собственным телом и самооценкой [20].

В рамках развития данного направления исследований мы предположили существование взаимосвязей между ориентированностью на социальное сравнение и субъективным восприятием моды.

Мода — сложный многозначный феномен, выступающий индикатором исторических социокультурных изменений в обществе [2]. В индивидуальном-личностном плане влияние моды проявляется на уровне субъективных предпочтений и ценностно-смысловых ориентиров конкретного человека — увлечения модными книгами, музыкой, картинами художников, подверженность модным эталонам мира вещей, отношений, поведения, образа жизни, мировоззрения.

Традиционно мода являлась объектом исследования таких дисциплин, как антропология или социология, и только в последние годы получило развитие такое новое направление, как психология моды (например, [11; 17]). Анализируя отношение к моде, М.И. Килошенко уделяет особое внимание роли отношения к моде в стремлении к адекватному самовыражению, которое сопровождается особым чувством самолюбия. В свою очередь, тот или иной тип самолюбия, по Килошенко, исходно ориентирован на сравнение с другими [4]. Полученные в исследовании В.А. Лабунской данные также указывают на связь самоотношения, отношения к другим и восприятия внешнего облика [5]. Отношение к моде, с точки зрения Д.М. Рамендик, участвует в построении субъективного образа человека и его имиджа, что способствует успешному межличностному функционированию [7]. В психологической литературе, посвященной психологии моды, можно встретить разнообразные определения конструкта “образ тела и внешности” [23]. Показано, что стремление к модности связано с концепцией Я, и предложена типология идентичностей с точки зрения стремления быть модным [18].

В последнее время в наших исследованиях изучались субъективные параметры феномена моды: психологические особенности восприятия стилей одежды, гендерные стереотипы одежды, психологическая стилистика имиджа ([1; см. также [6]). В исследованиях И.В. Антоненко, Н.В. Калининой, И.Н. Карицкого, А.А. Костригина особое внимание уделялось изучению субъективных параметров оценок моды, психологических особенностей отношения к моде, а также



## МЕТОДИКА

предпочтений модных стандартов внешнего облика [6]. Результаты этих исследований значительно расширили диапазон научно-практических знаний о психологических особенностях человека как субъекта моды, о связи внешних и внутренних механизмов функционирования моды. Однако они не исчерпывают назревшую потребность в изучении психологического содержания моды и ее субъективных составляющих.

На сегодняшний день в обществе в связи с усовершенствованием технологий массовых коммуникаций, а также развитием индустрии красоты явно выражается идея о превосходстве модных людей над немодными. Активное следование моде может быть связано с зависимостью от модных стандартов и тенденций, которая возникает в результате постоянного стремления к социальному сравнению, определяя поступки потребителей и создателей моды.

Как отмечают А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич, “в психологии наметилась потребность дополнить эмпирические знания отдельных поведенческих феноменов моделями, определяющими роль и место этих феноменов в функционировании и сохранении целостности общества” [3, с. 110]. В связи с этим становится актуальной проблема анализа ориентированности на социальное сравнение в рамках изучения такого феномена, как субъективное отношение к моде.

Актуальность такой проблемы обусловила постановку *цели* нашего эмпирического исследования<sup>2</sup>, которая состояла в изучении взаимосвязи особенностей отношения к моде и выраженности ориентированности на социальное сравнение у групп людей с разной профессиональной направленностью.

*Теоретическая гипотеза* заключалась в том, что отношение к моде, задающей постоянно меняющиеся нормы оформления внешности в определенном социокультурном контексте, связано с тем, насколько человек склонен к социальному сравнению. *Задачи эмпирического исследования*: 1) изучить связь общей ориентированности на социальное сравнение и особенностей отношения к моде; 2) изучить связь ориентированности на сравнение человеком себя с другими по внешности и особенностей отношения к моде; 3) сопоставить характер связей субъективного отношения к моде с общей ориентированностью на социальное сравнение и ориентированностью на сравнение по внешности у молодежи, осваивающей разные профессии.

<sup>2</sup> В сборе данных принимал активное участие А.А. Костригин.

**Участники исследования.** В исследовании приняли участие 166 юношей и девушек в возрасте от 18 до 24 лет, являвшихся студентами разных университетов г. Москвы и получавших образование по разным специальностям. Участвовали студенты, осваивающие профессию психолога (44 человека) и иные профессии (122 человека), среди которых товароведение (22 человека), менеджмент и сервис (33 человека), социология (18 человек), экономическая безопасность (25 человек) и искусствоведение (24 человека).

**Процедура.** Исследование проводилось в очном формате, в групповой форме. Участники заполняли опросники в следующем порядке: опросник РООСС, русскоязычный вариант шкалы *PACS-R* и опросник ШОМ.

Опросник РООСС [8] предназначен для оценки общей ориентированности на социальное сравнение. Он состоит из 13 утверждений, в которых человек соотносит себя с разными категориями социальных референтов. Утверждения объединяются в три фактора: сравнение себя со знакомыми людьми; сравнение себя с самим собой; сравнение себя с незнакомыми людьми.

Русскоязычный вариант шкалы *PACS-R* [20] предназначен для оценки ориентированности на сравнение по внешности. В данный момент шкала проходит валидизацию. Шкала состоит из 11 утверждений, касающихся сравнения человеком себя с другими людьми: 1) по внешности — находясь на людях, в спортзале; 2) по размеру тела — при знакомстве с человеком того же пола, на работе или учебе; 3) по фигуре — на работе или учебе, на вечеринке, общаясь с друзьями; 4) по жировой прослойке тела — находясь на людях, в ресторане; 5) по весу — находясь в магазине одежды, общаясь с друзьями.

Опросник “Шкала отношения к моде” (ШОМ) [1] используется для измерения отношения к моде и состоит из 14 высказываний, каждое из которых отражает один из субъективных параметров восприятия феномена моды. Общий показатель ШОМ отражает субъективно воспринимаемую значимость моды в целом для жизнедеятельности человека и его взаимодействия с окружающим миром.

**Статистическая обработка.** Непараметрические методы анализа данных — коэффициент ранговой корреляции *Rs* Спирмена и критерий *U* Манна—Уитни для сравнения выборок (*Statistica 7.0*).

Анализ результатов эмпирического исследования проводился в два этапа. На *первом этапе*

на общей выборке проводилась оценка связей показателей ШОМ с выраженностью общей ориентированности на социальное сравнение и на сравнение по внешности. На *втором этапе* анализ соответствующих связей проводился в каждой группе участников, осваивающих разные профессии.

Необходимость дифференцированного анализа по профессиональным группам была обусловлена нашим предположением о том, что в процессе обучения той или иной специальности концентрация соответствующих ей знаний, получаемых молодым человеком, создает у него своеобразную установку на восприятие феноменов окружающего мира, не обязательно непосредственно связанных с тематикой обучения. Применительно к моде это означало возможность разного субъективного отношения к ней со стороны специалистов, профессиональная подготовка которых в разной степени связана с индустрией моды. Это, в свою очередь, обусловило предположение о наличии разных закономерностей, касающихся связи ориентированности на сравнение и субъективного отношения к моде в разных профессиональных подгруппах.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Описательная статистика.** Исходя из нестрогого соответствия эмпирических данных нормальному распределению (по критерию Колмогорова—Смирнова) были вычислены медианы и межквартильные размахи тестовых баллов по разным опросникам в разных группах участников исследования.

**Таблица 1.** Описательная статистика для общей выборки и отдельных профессиональных подгрупп: опросник РООСС, шкала PACS-R и опросник ШОМ ( $N = 166$ )

|        |         | Выборка     |           |            |                     |           |                            |               |
|--------|---------|-------------|-----------|------------|---------------------|-----------|----------------------------|---------------|
|        |         | Вся выборка | Психологи | Товароведы | Менеджмент и сервис | Социологи | Экономическая безопасность | Искусствоведы |
| PACS-R | Медиана | 23          | 26.5      | 21         | 24                  | 24        | 22                         | 21            |
|        | Меж.кв. | 14          | 16        | 16         | 13                  | 11        | 9                          | 15            |
| РООСС  | Медиана | 1.62        | 1.81      | 1.35       | 1.85                | 1.38      | 1.62                       | 1.58          |
|        | Меж.кв. | 0.85        | 0.69      | 0.69       | 1.08                | 1.38      | 0.46                       | 0.81          |
| РООСС  | Медиана | 1.57        | 1.75      | 1.71       | 1.5                 | 0.75      | 1.71                       | 1.5           |
|        | Меж.кв. | 1.25        | 1.09      | 0.71       | 0.75                | 1.75      | 1.14                       | 1.13          |
| РООСС  | Медиана | 1.71        | 1.75      | 1.5        | 2.14                | 1.57      | 1.25                       | 1.93          |
|        | Меж.кв. | 1.04        | 1.02      | 1          | 1.43                | 1.29      | 0.75                       | 1.21          |
| РООСС  | Медиана | 1           | 1         | 0.75       | 1.5                 | 1         | 1                          | 1             |
|        | Меж.кв. | 1.5         | 1         | 1.5        | 1.5                 | 2         | 1                          | 1.5           |
| ШОМ    | Медиана | 84.5        | 90        | 81.5       | 80                  | 86        | 87                         | 88.5          |
|        | Меж.кв. | 21          | 29.5      | 20         | 14                  | 12        | 18                         | 16.5          |

*Примечание.* Меж.кв. — межквартильный размах.

Согласно табл. 1, выявлен ряд статистически значимых различий между медианами оценок по критерию  $U$  Манна—Уитни. По фактору 3 опросника РООСС, характеризующему сравнение себя с незнакомыми людьми, медиана оценок оказалась в два раза меньше в подгруппе “товароведение”, чем в подгруппе “менеджмент и сервис” (при  $p \leq 0.05$ ). По общему показателю ШОМ, характеризующему общее отношение к моде, также обнаружены статистически значимые различия между оценками респондентов в подгруппах “товароведение”, “психология” (при  $p \leq 0.05$ ), “экономическая безопасность” (при  $p \leq 0.05$ ), “искусствоведение” (при  $p \leq 0.05$ ). Обнаруженные значимые различия дали дополнительное основание подвергнуть анализу данные, полученные в каждой из выделенных нами групп по каждой переменной.

**Взаимосвязи общей ориентированности на социальное сравнение и на сравнение по внешности с особенностями отношения к моде.** На *первом этапе* исследования был выполнен корреляционный анализ оценок, которые были даны 166 участниками исследования по трем опросникам: РООСС, PACS-R и ШОМ.

В результате вычисления ранговой корреляции Спирмена было показано, что интегральный показатель ШОМ положительно коррелирует (при  $p < 0.05$ ) с показателем PACS-R (0.24), с интегральным показателем РООСС (0.22), а также с его первым (0.16) и третьим (0.18) факторами. Чем более выражена ориентированность на сравнение по внешности, общая ориентированность на социальное сравнение, а также специфические виды ориентированности на сравнение себя

со знакомыми и с незнакомыми людьми, тем более выражено отношение к моде как к содержательно значимому многоаспектному социокультурному феномену.

Поскольку опросник ШОМ имеет сложную структуру, отражающую широкий спектр субъективного восприятия моды, мы провели корреляционный анализ взаимосвязи ориентированности на социальное сравнение и сравнение по внешности с оценками, касающимися отдельных высказываний ШОМ (табл. 2).

Согласно табл. 2, чем более ориентирован человек на сравнение себя с другими людьми по внешности, тем в большей степени он согласен с тем, что мода — это внутреннее проявление себя, реализация желания выделиться, проявление внутренней потребности в познании нового, а также некоторое общепризнанное направление, в котором должно двигаться общество; при этом в меньшей степени согласен с тем, что комфорт и практичность важнее, чем мода, и что мода — это не вид искусства.

Чем сильнее выражена общая ориентированность на социальное сравнение, тем в большей степени выражено согласие с тем, что мода задает определенные правила поведения и манеру одеваться, представляет собой способ манипуляции обществом и реализует желание выделиться, и в меньшей степени выражено согласие с тем, что мода — это не вид искусства.

Чем более выражена ориентированность на сравнение себя со знакомыми людьми, тем более

выражено согласие с тем, что мода — это способ манипуляции обществом (с этим утверждением также положительно коррелирует ориентированность на сравнение себя с самим собой) и реализация желания выделиться. Чем более выражена ориентированность на сравнение себя с незнакомыми людьми, тем более выражено согласие с тем, что мода — это способ привлечения внимания и реализация желания выделиться, и тем менее выражено согласие с тем, что мода — это не вид искусства.

**Взаимосвязи общей ориентированности на социальное сравнение и на сравнение по внешности с субъективным отношением к моде в разных профессиональных подгруппах.** Результаты корреляционного анализа, проведенного по каждой из выделенных по профессиональной специализации подгрупп (табл. 3), свидетельствуют о наличии ряда значимых взаимосвязей между общим показателем и отдельными высказываниями ШОМ, с одной стороны, и показателями ориентированности на сравнение по внешности и на социальное сравнение в целом, с другой.

Наибольшее количество положительных связей выраженности ориентированности на сравнение по внешности и общей ориентированности на социальное сравнение со степенью согласия с утверждениями ШОМ наблюдается в подгруппах “социология” и “менеджмент и сервис”. При этом в этих подгруппах, а также в подгруппе “искусствоведение” степень согласия с утверждением о том, что мода не является видом искусства, отрицательно коррелирует с ориентированностью на сравнение по внешности (в подгруппах “социология”,

**Таблица 2.** Значимые корреляции оценок по опросникам РООСС и PACS-R и оценок по отдельным пунктам методики ШОМ (при  $p < 0.05$ )

| № п/п | Утверждения опросника ШОМ                                                  | PACS-R | РООСС                   |                                       |                                        |                                               |
|-------|----------------------------------------------------------------------------|--------|-------------------------|---------------------------------------|----------------------------------------|-----------------------------------------------|
|       |                                                                            |        | интегральный показатель | фактор 1: сравнение себя со знакомыми | фактор 2: сравнение себя с самим собой | фактор 3: сравнение себя с незнакомыми людьми |
| 2     | Комфорт и практичность важнее, чем мода                                    | -0.18  |                         |                                       |                                        |                                               |
| 3     | Мода — это внутреннее проявление себя                                      | 0.16   |                         |                                       |                                        |                                               |
| 4     | Мода задает определенные правила поведения и манеру одеваться              |        | 0.16                    |                                       |                                        |                                               |
| 5     | Мода — это ни в коем случае не вид искусства                               | -0.21  | -0.17                   |                                       |                                        | -0.22                                         |
| 6     | Мода — способ привлечения внимания                                         |        |                         |                                       |                                        | 0.16                                          |
| 7     | Мода — способ манипуляции обществом                                        |        | 0.24                    | 0.16                                  | 0.16                                   |                                               |
| 11    | Мода — это реализация желания выделиться                                   | 0.22   | 0.27                    | 0.25                                  |                                        | 0.17                                          |
| 13    | Мода — проявление внутренней потребности в познании нового                 | 0.17   |                         |                                       |                                        |                                               |
| 14    | Мода — это общепризнанное направление, в котором должно двигаться общество | 0.21   |                         |                                       |                                        |                                               |

Примечание. N — порядковый номер высказывания в опроснике ШОМ.

**Таблица 3.** Значимые корреляции оценок по опросникам РООСС и *PACS-R* с интегральным показателем и отдельным высказываниям методики ШОМ в подгруппах разной специализации (при  $p < 0.05$ )

| №<br>п/п                   | Утверждения опросника ШОМ                                                     | PACS-R | РООСС                             |                                                  |                                                 |                                                            |
|----------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|--------|-----------------------------------|--------------------------------------------------|-------------------------------------------------|------------------------------------------------------------|
|                            |                                                                               |        | интеграль-<br>ный пока-<br>затель | фактор 1:<br>сравнение<br>себя со зна-<br>комыми | фактор 2:<br>сравнение<br>себя с самим<br>собой | фактор 3:<br>сравнение се-<br>бя с незнако-<br>мыми людьми |
| Психология                 |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 1                          | Модный человек хорошо социально адап-<br>тирован                              |        |                                   |                                                  |                                                 | -0.39                                                      |
| 14                         | Мода — это общепризнанное направление,<br>в котором должно двигаться общество | 0.35   |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| Товароведение              |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 2                          | Комфорт и практичность важнее, чем мода                                       | -0.46  |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 5                          | Мода — это ни в коем случае не вид иску-<br>ства                              |        | 0.61                              | 0.56                                             | 0.53                                            |                                                            |
| Менеджмент и сервис        |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
|                            | ШОМ интегральный показатель                                                   | 0.45   |                                   |                                                  |                                                 | 0.37                                                       |
| 3                          | Мода — это внутреннее проявление себя                                         | 0.64   |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 4                          | Мода задает определенные правила пове-<br>дения и манеру одеваться            | 0.50   |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 5                          | Мода — это ни в коем случае не вид иску-<br>ства                              | -0.37  |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 7                          | Мода — способ манипуляции обществом                                           | 0.35   |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 8                          | Мода — это творчество, создание нового,<br>необычного                         |        | 0.35                              |                                                  | 0.35                                            |                                                            |
| 10                         | Мода — стремление к целостности между<br>внешним и внутренним состоянием      |        | 0.45                              |                                                  | 0.42                                            | 0.38                                                       |
| 13                         | Мода — проявление внутренней потребно-<br>сти в познании нового               |        |                                   | 0.36                                             |                                                 |                                                            |
| Социология                 |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
|                            | ШОМ интегральный показатель                                                   | 0.8    | 0.78                              |                                                  | 0.67                                            | 0.61                                                       |
| 5                          | Мода — это ни в коем случае не вид иску-<br>ства                              | -0,57  | -0,68                             |                                                  | -0,71                                           | -0.58                                                      |
| 6                          | Мода — способ привлечения внимания                                            | 0.73   | 0.73                              |                                                  | 0.7                                             | 0.78                                                       |
| 7                          | Мода — способ манипуляции обществом                                           | 0.57   | 0.71                              |                                                  | 0.65                                            | 0.65                                                       |
| 8                          | Мода — это творчество, создание нового,<br>необычного                         | 0.81   | 0.84                              |                                                  | 0.83                                            | 0.76                                                       |
| 11                         | Мода — это реализация желания выделиться                                      | 0.81   | 0.87                              | 0.58                                             | 0.65                                            | 0.71                                                       |
| 12                         | Мода — процесс познания мира                                                  | 0.55   | 0.56                              |                                                  | 0.59                                            |                                                            |
| 13                         | Мода — проявление внутренней потребно-<br>сти в познании нового               | 0.66   | 0.59                              |                                                  | 0.66                                            |                                                            |
| 14                         | Мода — это общепризнанное направление,<br>в котором должно двигаться общество |        | 0.51                              |                                                  |                                                 |                                                            |
| Экономическая безопасность |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 7                          | Мода — способ манипуляции обществом                                           |        | 0.48                              | 0.42                                             |                                                 |                                                            |
| 11                         | Мода — это реализация желания выделиться                                      |        | 0.42                              |                                                  |                                                 |                                                            |
| Искусствоведение           |                                                                               |        |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
|                            | ШОМ<br>интегральный показатель                                                |        |                                   | 0.53                                             |                                                 |                                                            |
| 3                          | Мода — это внутреннее проявление себя                                         |        |                                   | 0.49                                             |                                                 |                                                            |
| 4                          | Мода задает определенные правила пове-<br>дения и манеру одеваться            |        |                                   | 0.5                                              |                                                 |                                                            |
| 5                          | Мода — это ни в коем случае не вид иску-<br>ства                              | -0.4   |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 7                          | Мода — способ манипуляции обществом                                           | 0.4    |                                   |                                                  |                                                 |                                                            |
| 13                         | Мода — проявление внутренней потребно-<br>сти в познании нового               |        | 0.5                               | 0.54                                             |                                                 |                                                            |



“менеджмент и сервис”, “искусствоведение”), а также с общим показателем, вторым и третьим факторами ориентированности на социальное сравнение (в подгруппе “социология”). Большинство корреляций соответствуют сильной связи.

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные в исследовании результаты, свидетельствующие о значимой связи ориентированности на сравнение по внешности, общей ориентированности на социальное сравнение, а также ее специфических видов, касающихся сравнения себя со знакомыми и с незнакомыми людьми, с субъективным отношением к моде как к содержательно значимому многоаспектному социокультурному феномену, дают еще одно подтверждение важной роли социального сравнения во взаимодействии человека с окружающим социальным миром и его многообразной феноменологией, примером которой является мода.

Согласно имеющимся в литературе данным, человек, более ориентированный на социальное сравнение, характеризуется более высоким уровнем самосознания и интереса к тому, что думают другие, более выраженной тенденцией к конформизму, озабоченностью тем, чтобы соответствовать социальным и личным ожиданиям, повышенной мотивацией поддерживать социальные взаимодействия, выраженным страхом отрицательной оценки и переживанием неуверенности в себе, более высоким уровнем нейротизма, чем человек, менее ориентированный на социальное сравнение [9].

Можно предположить, что молодые люди, обладающие такими характеристиками, воспринимают моду как важный социокультурный феномен, потому что она представляет для них емкий источник информации о том, что является социально желательным, а серьезное отношение к ней, в свою очередь, позволяет человеку лучше соответствовать социальным нормам и снижать неуверенность в себе.

Молодежь ввиду особого социального положения и роли, возложенной на нее обществом, испытывает необходимость в социально санкционированных средствах личностной идентификации, что способствует стремлению к модным стандартам внешности. Так запускается механизм сравнения своей внешности. Возможно, следование моде улучшает их взаимодействие с окружающими и дает возможность привлечь к себе внимание. Возможно, что в результате постоянного сравнения своей внешности с внешностью других удовлетворяется

стремление быть модным (а значит, современным, востребованным).

Заслуживают внимания полученные данные о взаимосвязи ориентированности на социальное сравнение и сравнение по внешности с оценками, касающимися некоторых высказываний ШОМ. Стоит специально выделить три таких высказывания: “Мода — способ манипуляции обществом”, “Мода — это реализация желания выделиться” (прямая взаимосвязь) и “Мода — это ни в коем случае не вид искусства” (обратная взаимосвязь).

Наряду с этим, сравнительный анализ выраженности указанных взаимосвязей в различных профессиональных подгруппах позволяет говорить о некоторых закономерностях. Так, во всех группах студентов с *непсихологическими* профилями подготовки ориентированность на сравнение по внешности оказалась значимо взаимосвязанной с общим показателем по ШОМ. Особенно высокой эта корреляция оказалась у студентов, имеющих специализацию “социология”, а также “менеджмент и сервис”. Это означает, что чем больше молодой человек ориентирован на сравнение своей внешности с другими людьми, тем более серьезно он воспринимает моду как значимый многоаспектный социокультурный феномен. Соответствующая корреляция, однако, не обнаружена у студентов-психологов. Тот факт, что для молодых людей, получающих специализацию “социология” и “менеджмент и сервис”, характер отношения к разным аспектам феномена моды и склонность к социальному сравнению вообще и сравнению внешности в частности являются взаимосвязанными, может объясняться тем, что эти профессии предполагают сочетание знания модных тенденций и умения посредством сравнительного анализа удовлетворить самые притязательные запросы потребителей.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить, что актуальным и пока мало разработанным направлением изучения моды является рассмотрение этого феномена в психологическом контексте. Один из ракурсов такого рассмотрения предполагает обращение к процессам социального познания, к личности как совокупности индивидуально-психологических характеристик человека, к его идентичности и образу Я. При данном ракурсе изучения моды возникает возможность соотнесения особенностей субъективного отношения к ней с таким психологическим явлением как социальное сравнение. Ведь именно оно является одним

из важных процессов, задействованных при формировании Я-концепции и самопознания в целом. При этом в качестве параметров сравнения выступают разнообразные признаки, среди которых есть и внешний вид.

Исходя из того что люди в разной степени могут быть ориентированы в целом на социальное сравнение и сравнение себя с другими людьми по внешности, в нашем исследовании была сделана попытка изучить взаимосвязи ориентированности на различные виды сравнения с субъективным восприятием моды. При анализе взаимосвязей отдельных параметров отношения к моде с ориентированностью на сравнение себя по внешности обнаружены закономерности, специфичные для групп молодых людей, получающих ту или иную профессию. Это затрагивает интересный вопрос о том, насколько род деятельности человека может опосредовать процессы социального сравнения, понимаемого в широком смысле, а также субъективное восприятие моды и отношение к ней.

По результатам исследования можно сделать следующие **выводы**.

1. Ориентированность на сравнение по внешности, общая ориентированность на социальное сравнение, а также специфические виды ориентированности на сравнение себя со знакомыми и с незнакомыми людьми положительно взаимосвязаны с выраженностью отношения к моде как к многоаспектному социокультурному феномену.

2. Показатели ориентированности на сравнение себя с другими по внешности, общей ориентированности на социальное сравнение и ее отдельных видов связаны с оценками, касающимися ряда конкретных утверждений, отражающих отношение к моде.

3. Группы молодых людей, получающих разные профессии, обнаруживают специфическое отношение к моде в связи с социальным сравнением. Наибольшее количество статистически значимых взаимосвязей характерно для молодых людей, получающих образование по специализациям “социология” и “менеджмент и сервис”.

Стоит отметить, что некоторые из данных выводов согласуются с результатами других исследований, которые, в частности, показали, что ориентированность на сравнение себя с другими людьми по внешнему облику является важнейшим предиктором увлеченности модной одеждой [22]. Таким образом, можно говорить о том, что психология моды является еще одной интересной сферой прикладных исследований социального сравнения.

Одним из ограничений нашего исследования является отсутствие дифференцированного анализа соответствующих закономерностей у мужчин и женщин. Это составляет перспективу дальнейшей работы. Еще одна перспектива исследований может касаться изучения взаимосвязи ориентированности на социальное сравнение с субъективным отношением к моде, рассматриваемой в более широком смысле как стремление соответствовать не только модной внешности, но и разнообразным тенденциям социально полезной деятельности.

Значение проведенного исследования мы видим в двух моментах. Во-первых, оно явилось еще одним шагом в изучении взаимосвязей социального сравнения с реальными феноменами окружающего мира, примером которых является мода. Во-вторых, исследование имеет значение для развития такого направления прикладной психологии, которое можно обозначить как психология моды.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемова Н.Г., Грекова Т.Н.* Методика “Шкала отношения к моде” (ШОМ) как диагностика личностных представлений о моде // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Министерство образования и науки РФ; Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. С. 18–24.
2. *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: КДУ, 2015.
3. *Журавлев А.Л., Ушаков В.Д., Юревич А.В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. 2017. С. 107–112.
4. *Килошенко М.И.* Мода и Я-концепция // Психология моды / Под ред. И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. С. 34–47.
5. *Лабунская В.А.* Особенности самоотношения девушек — участниц кастингов, отличающихся оценками красоты внешнего облика // Психолог. 2017. № 5. С. 33–45.
6. Психология моды / Под ред. И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019.
7. *Раменик Д.М.* Восприятие одежды и моды: когнитивные и социально-психологические факторы // Психология моды / Под ред. И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. С. 47–56.
8. *Самойленко Е.С., Савченко Т.Н., Корбут А.В.* Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения //

- Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцов. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2017. С. 532–541.
9. Buunk A.P., Gibbons F.X., Dijkstra P., Krizan Z. Individual differences in social comparison. The complex effects of social comparison orientation // *Social comparison, judgment, and behavior* / Eds. J. Suls, R.L. Collins, L. Wheeler. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 77–104.
  10. Buunk A.P., Peiro J.M., Griffioen C. A positive role model may stimulate career-oriented behavior // *Journal of Applied Social Psychology*. 2007. V. 37. № 7. P. 1489–1500.
  11. Entwistle J. The fashioned body: Fashion, dress and social theory. John Wiley & Sons, 2015.
  12. Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
  13. Gibbons F.X., Buunk A.P. Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.
  14. Klein W.M., Weinstein N.D. Social comparison and unrealistic optimism about personal risk // *Health, coping and well-being: Perspectives from social comparison theory* / Eds. A.P. Buunk, F.X. Gibbons. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997. P. 25–61.
  15. Kruglanski A.W., Mayseless O. Classic and current social comparison research: expanding the perspective // *Psychological Bulletin*. 1990. V. 108. № 2. P. 195–208.
  16. Litt D.M., Stock M.L., Gibbons F.X. Adolescent alcohol use: Social comparison orientation moderates the impact of friend and sibling behavior // *British Journal of Health Psychology*. 2015. V. 20. № 3. P. 514–533.
  17. Mair C. The Psychology of Fashion. Routledge, 2018.
  18. McNeill L.S. Fashion and women's self-concept: a typology for self-fashioning using clothing // *Journal of Fashion Marketing and Management: An International Journal*. 2018. T. 22. № 1. P. 82–98.
  19. O'Brien K.S., Caputi P., Minto R., Peoples G., Hooper C., Kell S., Sawley E. Upward and downward physical appearance comparisons: Development of scales and examination of predictive qualities // *Body Image*. 2009. № 6. P. 201–206.
  20. Schaefer L.M. The Development and Validation of the Physical Appearance Comparison Scale-Revised (PACS-R) // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Psychology, College of Arts and Sciences. University of South Florida, 2013.
  21. Semerjian T., Stephens D. Comparison style, physical self-perceptions, and fitness among older women // *Journal of Aging and Physical Activity*. 2007. V. 15. № 2. P. 219–235.
  22. Sun Y., Guo S. Predicting fashion involvement by media use, social comparison, and lifestyle: An interaction model // *International Journal of Communication*. 2017. V. 11. P. 4559–4582.
  23. Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. *Exacting Beauty*. Washington, DC: American Psychological Association, 1999.
  24. Thompson J.K., Heinberg L., Tantleff S. The physical appearance comparison scale (PACS) // *The Behavior Therapist*. 1991. № 14. P. 174.
  25. White J.B., Langer E.J., Yariv L., Welch J.C. IV. Frequent social comparisons and destructive emotions and behaviors: The dark side of social comparisons // *Journal of Adult Development*. 2006. № 13. P. 36–44.
  26. Wood J.V. What is social comparison and how should we study it? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. № 5. P. 520–537.

## SOCIAL COMPARISON ORIENTATION AND SUBJECTIVE PERCEPTION OF FASHION<sup>3</sup>

N. G. Artemtseva\*, E. S. Samoylenko\*\*

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Laboratory  
of Cognitive Processes and Mathematical Psychology;  
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

\*PhD (Psychology), Senior Research Associate. E-mail: artemcevang@ipran.ru

\*\*ScD (Psychology), Chief Researcher. E-mail: elena.samoylenko@ipras.ru

Received 05.06.2020

<sup>3</sup> The study was carried out within the framework of the State Assignment, project № 0138-2021-0006.



**Abstract.** The article concerns relationship of indicators of social comparison orientation and appearance comparison orientation with the peculiarities of subjective attitude to fashion. Social comparison orientation was assessed with the ROOSS questionnaire, appearance comparison orientation — with the PACS-R, and subjective attitude to fashion — with the SHOM scale. The study involved 166 Moscow students receiving education in psychology, commodity science, management and service, sociology, economic security, and art history. The hypothesis was that the attitude to fashion, which sets the constantly changing norms of appearance design in a certain socio-cultural context, is interconnected with how much a person is inclined to social comparison. It was found that the higher were the orientation toward comparison in appearance, the general orientation toward social comparison, as well as specific types of orientation toward comparing oneself with acquaintances and strangers, the higher was the attitude toward fashion as a multidimensional sociocultural phenomenon. It was revealed that indicators of appearance comparison orientation, of social comparison orientation and its subtypes are interrelated with assessments concerning a number of specific statements reflecting attitudes toward fashion. The largest number of statistically significant relationships was found for participants representing the sociology and management and service specializations.

**Keywords:** social comparison orientation, appearance comparison, psychology of fashion.

## REFERENCES

1. *Artemceva N.G., Grekova T.N.* Metodika "Shkala otnosheniya k mode" (SHOM) kak diagnostika lichnostnykh predstavleniy o mode. Gumanitarnyye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow: Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Moskovskiy gosudarstvennyy universitet dizayna i tekhnologii. 2016. P. 18–24. (In Russian)
2. *Gofman A.B.* Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya. Moscow: KDU, 2015. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Ushakov V.D., Yurevich A.V.* Mentalitet, obshchestvo i psikhosotsial'nyy chelovek (otvet uchastnikam diskussii). Psihologicheskij zhurnal. V. 38. № 1. 2017. P. 107–112. (In Russian)
4. *Kiloshenko M.I.* Moda i Ya-kontseptsiya. Psihologiya mody. Ed. I.V. Antonenko, I.N. Karickogo. Moscow: RGU im. A.N. Kosygina, 2019. P. 34–47. (In Russian)
5. *Labunskaya V.A.* Osobennosti samootnosheniya devushek-uchastnic kastingov, otlichayushchihsya ocenkami krasoty vneshnego oblika. Psiholog. 2017. № 5. P. 33–45. (In Russian)
6. *Psihologiya mody.* Ed. I.V. Antonenko, I.N. Karickogo. Moscow: RGU im. A.N. Kosygina, 2019. (In Russian)
7. *Ramendik D.M.* Vospriyatie odezhdy i mody: kognitivnye i social'no-psihologicheskie factory. Psihologiya mody. Ed. I.V. Antonenko, I.N. Karickogo. Moscow: RGU im. A.N. Kosygina, 2019. P. 47–56. (In Russian)
8. *Samoylenko E.S., Savchenko T.N., Korbut A.V.* Metodicheskiy instrument izmereniya orientirovannosti na vidy social'nogo sravneniya. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya. Ed. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tcova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2017. P. 532–541. (In Russian)
9. *Buunk A.P., Gibbons F.X., Dijkstra P., Krizan Z.* Individual differences in social comparison. The complex effects of social comparison orientation. Social comparison, judgment, and behavior. Eds. J. Suls, R.L. Collins, L. Wheeler. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 77–104.
10. *Buunk A.P., Peiro J.M., Griffioen C.* A positive role model may stimulate career-oriented behavior. Journal of Applied Social Psychology. 2007. V. 37. № 7. P. 1489–1500.
11. *Entwistle J.* The fashioned body: Fashion, dress and social theory. John Wiley & Sons, 2015.
12. *Festinger L.* A theory of social comparison processes. Human relations. 1954. № 7. P. 117–140.
13. *Gibbons F.X., Buunk A.P.* Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation. Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.
14. *Klein W.M., Weinstein N.D.* Social comparison and unrealistic optimism about personal risk. Health, coping and well-being: Perspectives from social comparison theory. Eds. A.P. Buunk, F.X. Gibbons. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997. P. 25–61.
15. *Kruglanski A.W., Mayseless O.* Classic and current social comparison research: expanding the perspective. Psychological Bulletin. 1990. V. 108. № 2. P. 195–208.
16. *Litt D.M., Stock M.L., Gibbons F.X.* Adolescent alcohol use: Social comparison orientation moderates the impact of friend and sibling behavior. British Journal of Health Psychology. 2015. V. 20. № 3. P. 514–533.
17. *Mair C.* The Psychology of Fashion. Routledge, 2018.
18. *McNeill L.S.* Fashion and women's self-concept: a typology for self-fashioning using clothing. Journal of Fashion Marketing and Management: An International Journal. 2018. V. 22. № 1. P. 82–98.
19. *O'Brien K.S., Caputi P., Minto R., Peoples G., Hooper C., Kell S., Sawley E.* Upward and downward physical appearance comparisons: Development of scales and examination of predictive qualities. Body Image. 2009. № 6. P. 201–206.



20. *Schaefer L.M.* The Development and Validation of the Physical Appearance Comparison Scale-Revised (PACS-R). A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Psychology, College of Arts and Sciences. University of South Florida, 2013.
21. *Semerjian T., Stephens D.* Comparison style, physical self-perceptions, and fitness among older women. *Journal of Aging and Physical Activity*. 2007. V. 15. № 2. P. 219–235.
22. *Sun Y., Guo S.* Predicting fashion involvement by media use, social comparison, and lifestyle: An interaction model. *International Journal of Communication*. 2017. V. 11. P. 4559–4582.
23. *Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S.* *Exacting Beauty*. Washington DC: American Psychological Association, 1999.
24. *Thompson J.K., Heinberg L., Tantleff S.* The physical appearance comparison scale (PACS). *The Behavior Therapist*. 1991. № 14. P. 174.
25. *White J.B., Langer E.J., Yariv L., Welch J.C. IV.* Frequent social comparisons and destructive emotions and behaviors: The dark side of social comparisons. *Journal of Adult Development*. 2006. № 13. P. 36–44.
26. *Wood J.V.* What is social comparison and how should we study it? *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. № 5. P. 520–537.

УДК 159.9

## ЛАТЕНТНЫЕ ПРОФИЛИ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИНЯТИЕМ РЕШЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ДИСТАНЦИРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ВЫБОРОК)

© 2021 г. Т. В. Корнилова<sup>1,\*</sup>, С. А. Корнилов<sup>2,\*\*</sup>

<sup>1</sup>Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;  
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

<sup>2</sup>Институт системной биологии; 98109, 401 Терри Авеню, Сиэтл, США.

\*Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: tvkornilova@mail.ru

\*\*Кандидат психологических наук, PhD, старший научный сотрудник.

E-mail: sa.kornilov@gmail.com

Поступила 01.02.2021

**Аннотация.** В ранее проведенном исследовании было показано, что личностные свойства саморегуляции “готовность к риску” и “субъективная рациональность”, а также свойства Темной Триады (психопатия, макиавеллизм и нарциссизм) по-разному влияли на решение о социальном дистанцировании в российской и азербайджанской выборках, в то время как когнитивная эмпатия проявлялась сходным образом в качестве положительного предиктора. На основе данных тестирования была поставлена цель — выявить особенности латентных профилей личностных черт в этих культурных выборках. Предполагалось, что различия между ними помогут прояснить соотношение факторов культуры и индивидуальных различий. В скорректированную выборку вошли индивидуально подобранные по полу и возрасту представители России и Азербайджана, по 299 чел. в каждой. Применялись опросники: Когнитивной и аффективной эмпатии (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE), Личностные факторы принятия решений (ЛФР), Темная дюжина (Dirty Dozen). Анализ латентных профилей проводился отдельно для российской и азербайджанской выборок в программном пакете VarSelLCM для R. В результате исследования продемонстрировано сходство латентных профилей в двух группах: в них выделены по два аналогичных класса, отличающиеся по шкалам Темной Триады и рациональности. Не выявлена роль эмпатии как универсально разделяющей латентные классы. Культурная специфика выделенных классов проявилась в степени дискриминирующей мощности переменных.

**Ключевые слова:** латентные профили, эмпатия, Темная Триада, готовность к риску, рациональность, нарциссизм, психопатия, макиавеллизм, Темная дюжина, QCAE.

DOI: 10.31857/S020595920015189-3

Пандемия способствовала актуализации проблематики личностного профиля человека и влияния диспозициональных свойств на его поведение и принятие решений. Первые работы по изучению личностной регуляции отношения к здоровью в условиях пандемии COVID-19 и принятия тех или иных рекомендуемых мер предосторожности дали противоречивые результаты. Исследователи восприятия пандемической ситуации в Польше обнаружили [31], что то, как люди воспринимают ситуацию, объясняет больше дисперсии в соблюдении необходимых правил поведения, чем черты личности. Они приняли гипотезу о том, что “сильные” ситуации, такие как пандемия COVID-19, оставляют меньше места для диспозиционального

прогнозировании поведения, чем ситуационные сигналы.

Страх перед инфекцией рассматривался в ряде работ в качестве ключевого предиктора социального дистанцирования [14]. Он актуализирует повышенную тревожность и ориентированность человека на заботу о себе и о других. Другим источником озабоченности рассматривается боязнь наказания в условиях государственного регулирования социального дистанцирования. Однако открытым остается вопрос о том, какие диспозициональные черты способствуют как эгоистичным, так и про-социальным проявлениям реагирования на ситуацию пандемии.

Ожидание сочувствия от других людей, забота о себе, обдумывание возможных рисков — эти переживания не только оказываются знакомыми каждому в условиях пандемии, но и начинают выступать на первый план при изучении личностных особенностей психологами. Усиливается звучание кросскультурной направленности исследований, поскольку индивидуально-личностные различия взаимодействуют со сложившимися в разных странах предпочтениями в регуляции поведения в условиях опасности (в данном случае риска заражения недостаточно изученной болезнью).

В нашем кросскультурном сравнении оснований социального дистанцирования (носить или нет маску в условиях пандемии — при разном обосновании принятия решений) были выделены различия между представителями России, Азербайджана и Китая в том, какие личностные переменные выступили предикторами разных решений и их обоснований [33]. Полученные результаты о положительной роли *эмпатии* в принятии решений о социальном дистанцировании согласуются с данными по США, Великобритании и Германии [24], о сходной роли *рациональности* — как свойстве личностной саморегуляции — результатами, полученными в США [28]. Дифференцированную роль личностных черт продемонстрировало исследование на больших международных выборках ( $n = 8317$ ) [9], которое показало, что никакие черты не предсказывали поведение “следовать правилам”; но более высокие *согласие* и *добросовестность* предсказывали принятие мер предосторожности в отношении здоровья; более высокое *согласие*, *сознательность*, *экстраверсия* и *открытость* предсказывали более высокие тенденции давать рекомендации по здоровью другим. Только *эмоциональная нестабильность* практически не имела корреляций с индексами поведения в отношении здоровья. Эмпатическое беспокойство и личный дистресс рассмотрены как медиаторы, проводящие влияние свойств Большой Пятерки на просоциальное поведение [13].

Эмпатия вышла на первый план исследовательских интересов в связи с освещением проблемы личностной регуляции просоциального поведения. *Эмпатия* — сложный психологический феномен, в котором в последнее время различают когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие. Некоторые исследователи рассматривают эмпатию как способность; другие считают, что эмпатия — это динамический и направленный психологический процесс [17; 21], причем с диапазоном от эмоционального резонанса до эмоциональной саморегуляции. Предполагается усиление

роли эмпатии при увеличении близости межличностных отношений.

Эмпатия была рассмотрена в контексте взаимосвязи с ценностным отношением к себе и вместе с тем развития тесных межличностных отношений [8], что, в свою очередь, влияет на следование правилам физического дистанцирования. Моральное суждение и эмпатия к близким выявились в качестве доминирующих факторов социального дистанцирования в период первой волны COVID-19 в Германии [10]. При этом эффект страха был подчинен факторам, которые касаются благополучия других.

При исследовании эмоционального состояния пациентов в Ухане на основе онлайн-опроса были выявлены повышение индексов восприятия риска заражения COVID-19 по сравнению с другими потенциальными угрозами и связь с этим депрессивных состояний [34]. Ли, Ян, Дун и др. [20] в исследовании влияния самоконтроля на предполагаемую тяжесть заболевания обнаружили, что лица с низким самоконтролем в восприятии серьезности COVID-19 преувеличивали риски, связанные с болезнью. Напротив, недостаточные знания о COVID-19 рассмотрены в японском исследовании в качестве фактора повышенного рискованного поведения у распространителей инфекции [27]. Авторы призывают различными способами изменять рискованное поведение, чтобы предотвратить и контролировать пандемию. Таким образом, отношение к риску наряду с эмпатией также становится важным личностным фактором, который может сказываться на поведении в условиях пандемии.

Ряд данных свидетельствует вместе с тем, что фактор культуры может не выступать преобладающим над фактором индивидуальных различий. В исследовании, проведенном в 10 странах Европы, Америки и Азии [11], было выявлено, что хотя между культурами наблюдалась значительная вариативность в восприятии риска заражения COVID-19, значимыми детерминантами в более чем половине стран стали индивидуальное мировоззрение, личный опыт, просоциальные ценности и влияние друзей и семьи. В исследовании М. Зиренко, Т. Корниловой и др. [33] показано, что принятые представления о коллективизме—индивидуализме как характеристиках культур не соответствуют предпочтениям в индивидуальных основаниях принятия решений (носить или не носить маску) участниками.

Наряду с эмпатией и рискованностью свойства Темной Триады также стали обсуждаться в контексте регуляции поведения в условиях эпидемии COVID-19. Темная Триада (ТТ), включившая

аверсивные, негативно оцениваемые свойства макиавеллизма, психопатии и нарциссизма, рассматривается как эмоционально нестабильное ядро личности и характеризует лиц с эмоциональной дисрегуляцией [6; 32]. Результаты метаанализа Вайза с соавторами [30] продемонстрировали существенное перекрытие номологических сетей психопатии и макиавеллизма, в то время как нарциссизм проявил дифференцированные отношения по сравнению с психопатией и макиавеллизмом. Эмоциональный дефицит в целом характеризует свойства ТТ, однако степень и особенности его различаются для отдельных свойств. При том что эмпатия и нарциссизм отрицательно коррелируют, нарциссов могут тронуть чужие страдания, если они примут точку зрения этого человека [15].

Роль свойств ТТ и “коллективного нарциссизма” в адаптивном и неадаптивном поведении во время пандемии COVID-19 продемонстрирована в исследовании на польской выборке [23], где показано, что эти свойства предсказывают поведение в отношении здоровья. “Коллективный нарциссизм” отражает степень идентификации со своей группой, принятия и отстаивания ее исключительности и превосходства [12]. Это приводит к гиперчувствительности к угрозам и склонности к негативной эмоциональности.

С. Стэнвикс и Б. Уокер показали, что свойства ТТ не обязательно приводят к негативным последствиям рискованного поведения; при определенных обстоятельствах и психопатия, и нарциссизм могут способствовать выгодному принятию риска [29]. Нарциссизм в кросскультурном сравнении личностных профилей участников из Германии и Китая рассматривался в качестве единственной черты в рамках ТТ, которая в определенной степени выступает как адаптивная [26].

Приведенные выше данные могут обсуждаться в разных аспектах. Различие выборок и видов тестируемых переменных — наиболее явные критерии обнаружения несоответствий в результатах выявления роли личностной регуляции принимаемых в отношении здоровья решений. Краткий обзор демонстрирует актуальность одновременного рассмотрения свойств эмпатии, ТТ и готовности к риску, которые пока не измерялись в качестве составляющих единого личностного профиля при кросскультурных сравнениях.

Нас заинтересовал такой аспект, как сходство или различия в типах личностных профилей у представителей разных стран. Мы предположили, что можно выявить кросскультурные особенности латентных профилей при измерении указанных личностных свойств (эмпатии, готовности

к риску, рациональности, психопатии, макиавеллизма и нарциссизма), что поможет прояснить соотношение факторов культуры и индивидуальных различий.

Культуры России и Азербайджана отличаются, как следует и из данных группы Хофстеде, по шкале индивидуализма: у Азербайджана — 22, у России — 39 из 100 возможных (Web Reference 1, May 2020). С одной стороны, они различаются социально-экономическими условиями, традициями, преобладающей религией. С другой стороны, их население около 70 лет разделяло общность пути в единой стране Советский Союз. В Азербайджане образование идет по двум секторам: на азербайджанском и русском языках; наряду с двуязычием сохраняется владение русским языком. В этой стране возможно предъявление опросников на русском языке (адаптированных для азербайджанских выборок).

Сравнительный анализ личностных профилей мог проявить различия, однако их направленность под вопросом.

#### *Гипотезы исследования:*

1. В силу различий между Россией и Азербайджаном по шкале индивидуализма—коллективизма можно ожидать большей роли эмпатии в азербайджанской выборке в интеграции связей с другими переменными в латентных личностных профилях.

2. Установление больше сходств, чем различий, в личностных профилях для азербайджанской и российской выборок позволит говорить о подчиненности культурных различий индивидуальным (в случае этих двух стран).

## МЕТОДИКА

**Участники исследования.** Были отобраны в скорректированные выборки представители России и Азербайджана, проживающие в этих странах и участвовавшие в кросскультурном исследовании по принятию решений о социальном дистанцировании — ношении маски [33]. Исследование проводилось онлайн (методика “снежного кома”): участники самостоятельно заходили на сайт, где они тестировались по опросникам. В указанном исходном исследовании они также принимали решения в пяти вербальных кейсах.

Для обеспечения сопоставимости размера и состава выборок мы осуществили отбор испытуемых из азербайджанской выборки на индивидуальной основе при использовании алгоритма nearest в пакете MatchIt для R, где в качестве фиксированных



эффектов были использованы пол и возраст испытуемых. В результирующую выборку вошли 598 чел., из них 299 из России (55 муж., 244 жен. в возрасте от 18 до 80 лет,  $M = 32.26$ ,  $SD = 11.61$ ) и 299 из Азербайджана (46 муж., 253 жен. в возрасте от 17 до 74 лет,  $M = 31.01$ ,  $SD = 10.48$ ). Группы статистически не различались по полу ( $\chi^2(1) = 0.76$ ,  $p = 0.3826$ ) и возрасту (Welch  $t$ -test =  $-1.38$ ,  $df = 589.85$ ,  $p = 0.1682$ ).

**Психодиагностические методики.** Все применялись на русском языке. Все апробированы применительно к российским и азербайджанским выборкам.

1. *Опросник “Темная дюжина” (Dirty Dozen)* [19]. Диагностирует свойства ТТ: *макиавеллизм, субклиническую психопатию и субклинический нарциссизм*. Применялся в русскоязычной и азербайджанской апробациях Т.В. Корниловой с соавторами [2; 3].

2. *Опросник “Личностные факторы принятия решений” (ЛФР-21)*. Диагностирует *готовность к риску и субъективную рациональность* как свойства личностной саморегуляции, являющиеся также измерениями для латентных переменных Толерантности к неопределенности и Интолерантности к неопределенности [5].

3. *Опросник когнитивной и аффективной эмпатии* (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE) Ренье с соавторами [25]. Применялся в русскоязычной апробации [1]. Включает 31 пункт, объединяемый в пять субшкал: *децентрация, подстройка, эмоциональная заразительность, проксимальная чувствительность, периферическая чувствительность*, две суммарные шкалы — *когнитивной и аффективной эмпатии* и общий показатель *эмпатии*. QCAE направлен на комплексное

и уровневое представление об этом свойстве эмоциональной сферы человека.

Проведенная нами на данной азербайджанской выборке апробация опросника QCAE показала согласно проведенному *конфирматорному факторному анализу* возможность следования той же факторной структуре, что была продемонстрирована для российской выборки. Показатели альфа Кронбаха в азербайджанской выборке для первичных шкал были следующими: для децентрации  $\alpha = 0.822$ , подстройки  $\alpha = 0.699$ , эмоциональной заразительности  $\alpha = 0.664$ , проксимальной чувствительности  $\alpha = 0.632$ , периферической чувствительности  $\alpha = 0.459$ , общей шкалы когнитивной эмпатии  $\alpha = 0.821$ , аффективной эмпатии  $\alpha = 0.696$ .

**Обработка данных.** Анализ *латентных профилей* проводился отдельно для российской и азербайджанской выборок в программном пакете VarSel-СМ для R. В качестве индикаторов латентных профилей в модель были введены континуальные переменные *готовность к риску, рациональность, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия*. Перед анализом индивидуальные переменные были шкалированы в Z-значения.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Сравнение средних по переменным исследования.** Отметим, что участники России и Азербайджана не различались значимо по *нарциссизму, эмоциональной заразительности, периферической чувствительности* и в целом по *аффективной эмпатии*. По общему показателю *эмпатии* и *когнитивной эмпатии* значимо выше оказались средние

Таблица 1. Описательные статистики

| Выборка                                | Россия      |       | Азербайджан |       | Значимость различий (критерий Манна—Уитни, $p$ ) |
|----------------------------------------|-------------|-------|-------------|-------|--------------------------------------------------|
|                                        | Среднее $M$ | $SD$  | Среднее $M$ | $SD$  |                                                  |
| Децентрация (QCEI)                     | 28.36       | 4.204 | 29.34       | 3.89  | 0.004                                            |
| Подстройка (QCEI)                      | 25.02       | 3.327 | 26.07       | 3.197 | <0.001                                           |
| Когнитивная эмпатия (QCEI)             | 53.38       | 6.128 | 55.41       | 5.927 | <0.001                                           |
| Эмоциональная заразительность (QCEI)   | 10.45       | 2.48  | 10.09       | 2.035 | 0.093                                            |
| Проксимальная чувствительность (QCEI)  | 10.84       | 1.938 | 11.85       | 1.811 | <0.001                                           |
| Периферическая чувствительность (QCEI) | 11.09       | 2.26  | 11.09       | 1.778 | 0.565                                            |
| Аффективная эмпатия (QCEI)             | 32.38       | 4.659 | 33.03       | 4.028 | 0.131                                            |
| Общий балл эмпатии                     | 85.76       | 8.762 | 88.44       | 8.087 | <0.001                                           |
| Макиавеллизм                           | 9.63        | 3.925 | 8.9         | 4.12  | 0.007                                            |
| Психопатия                             | 7.63        | 3.449 | 7.18        | 3.33  | 0.05                                             |
| Нарциссизм                             | 13.27       | 3.909 | 12.78       | 4.026 | 0.098                                            |
| Готовность к риску                     | 0.87        | 4.45  | 2.25        | 3.933 | <0.001                                           |
| Субъективная рациональность            | 3.68        | 3.743 | 4.75        | 3.456 | <0.001                                           |

в азербайджанской выборке (табл. 1). *Готовность к риску* и *рациональность* были выше у азербайджанских участников. *Макиавеллизм* и *психопатия* в азербайджанской выборке были значимо ниже.

**Сравнение выделенных латентных профилей.** Анализ латентных профилей проводился для набора смешанных гауссовых моделей с варьирующим  $g$  количеством выделяемых классов. Выделение класса было основано на анализе пригодности моделей с помощью критерия ICL (Integrated Completed Likelihood) [7]. Были получены показатели пригодности для пяти моделей, предполагающих от 1 до 5 латентных классов. Максимальное количество классов было выбрано исходя из предыдущих исследований мощности анализа латентных классов. Как для российской, так и азербайджанской выборок оптимальное решение было получено для модели с двумя классами, показавшими минимальные значения ICL ( $-3016.826$  и  $-2889.115$  соответственно).

Анализ дискриминативной разрешающей способности отдельных переменных показал, что для обеих выборок *психопатия* и *макиавеллизм* вносят наибольший индивидуальный вклад в различие между классами (рис. 1). Для российской выборки все семь переменных вносят варьирующий по величине вклад, тогда как для азербайджанской выборки переменные *готовность к риску*, *когнитивная*

*эмпатия* и *аффективная эмпатия* вклада не вносят. Тем не менее внутренняя структура классов оказывается практически идентичной в двух выборках.

Латентный класс 1 характеризуется высокими баллами по шкалам ТТ, низкой *рациональностью*, а в случае сравнения двух классов в азербайджанской выборке также более низкими значениями по шкалам *эмпатии* (когнитивной и аффективной); однако показатели эмпатии в этом классе средние и не различают классы. Для российской же выборки различия между двумя классами наблюдаются также по *готовности к риску*.

Указанные отличия между двумя группами находят отражение и в различиях между паттернами ковариации между переменными, вошедшими в анализ. Так, в азербайджанской выборке *когнитивная эмпатия* была отрицательно связана с *психопатией* (в российской выборке такой связи не наблюдалось), тогда как в российской выборке с *психопатией* была связана *готовность к риску* (в азербайджанской такой связи не наблюдалось (табл. 2)).

Отметим, что хотя по *аффективной эмпатии* выборки не различались, только в российской выборке повышение этого свойства сопровождалось снижением *готовности к риску* и повышением *рискованности* сопровождалось росту *нарциссизма*.

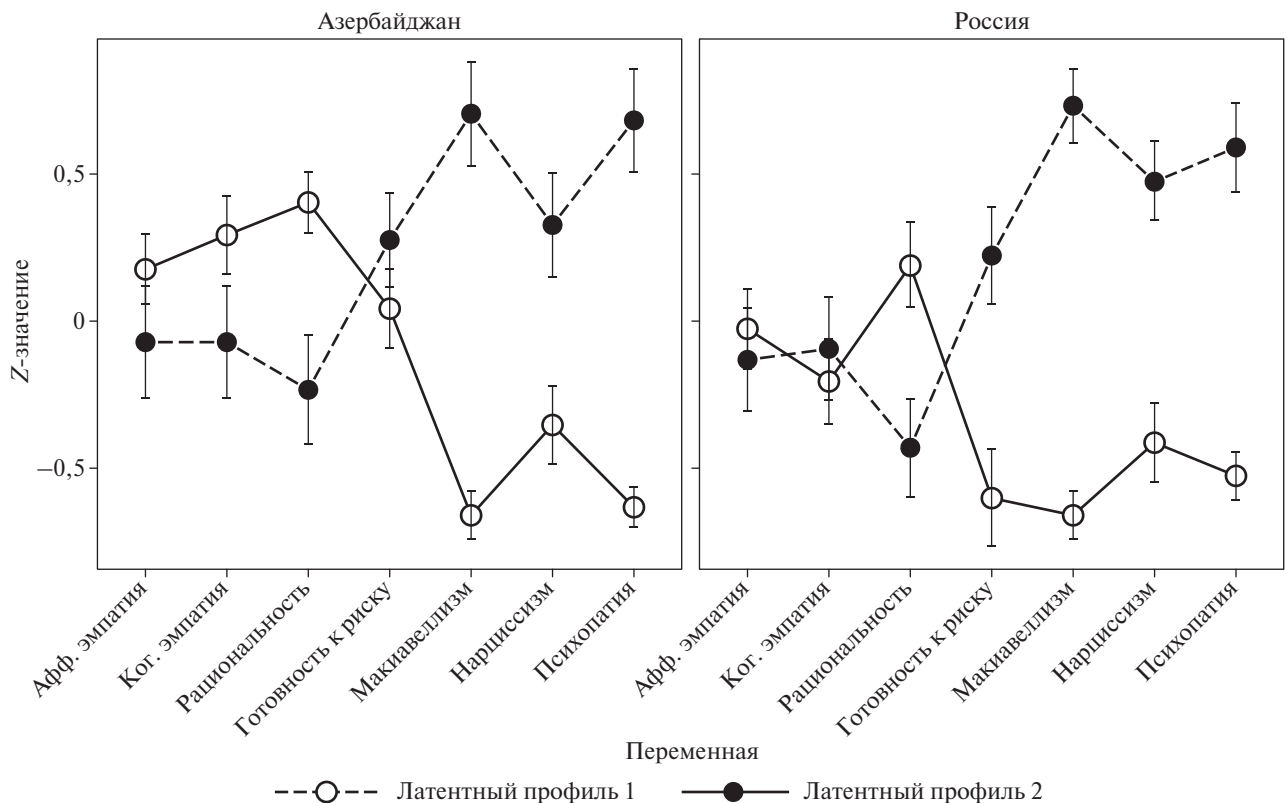


Рис. 1. Латентные профили личностных черт в двух выборках. Представлены средние и 95%-й доверительный интервал

**Таблица 2.** Интеркорреляции личностных переменных в обеих выборках

|                     | Готовность к риску   | Рациональность       | Макиавеллизм       | Психопатия         | Нарциссизм        | Когнитивная эмпатия |
|---------------------|----------------------|----------------------|--------------------|--------------------|-------------------|---------------------|
| Готовность к риску  | 1                    |                      |                    |                    |                   |                     |
| Рациональность      | -0.35***<br>-0.20*** | 1                    |                    |                    |                   |                     |
| Макиавеллизм        | 0.24***<br>0.13*     | -0.19***<br>-0.19*** | 1                  |                    |                   |                     |
| Психопатия          | 0.27***<br>0.01      | -0.13*<br>-0.18**    | 0.44***<br>0.43*** | 1                  |                   |                     |
| Нарциссизм          | 0.18**<br>0.10       | -0.10<br>-0.05       | 0.47***<br>0.33*** | 0.17**<br>0.17**   | 1                 |                     |
| Когнитивная эмпатия | 0.16**<br>0.18**     | 0.17**<br>0.28**     | -0.02<br>-0.06     | -0.03<br>-0.16**   | 0.04<br>0.06      | 1                   |
| Аффективная эмпатия | -0.12**<br>0.00      | 0.01<br>0.02         | -0.01<br>-0.10     | -0.17**<br>-0.22** | 0.23***<br>0.17** | 0.30**<br>0.22**    |

Примечание. Верхний коэффициент приведен для российской выборки, нижний — для азербайджанской. Применялись коэффициенты корреляции Спирмена: \* $p < 0.05$ , \*\* $p < 0.01$ , \*\*\* $p < 0.001$ .

**Таблица 3.** Частота встречаемости латентных профилей в двух выборках

|                     | Россия | Азербайджан |
|---------------------|--------|-------------|
| Латентный профиль 1 | 165    | 122         |
| Латентный профиль 2 | 134    | 177         |

По числу установленных связей выборки не отличались.

Латентный класс 2 характеризуется более низкими значениями всех свойств ТТ, более высокой субъективной *рациональностью* и средними показателями *эмпатии* (более высокими в азербайджанской выборке). Кросскультурное различие между вторыми классами прослеживается по личностной *готовности к риску*, снижение которой характеризует второй класс в российской выборке. Отметим, что в целом по российской выборке увеличение *готовности к риску* сопутствует снижению *рациональности* и повышению свойств ТТ: *макиавеллизма*, *психопатии* и *нарциссизма*. В азербайджанской выборке личностная рискованность положительно связана только с одним свойством ТТ — *макиавеллизмом*; аналогично российской выборке она отрицательно связана с *рациональностью*.

Анализ частоты встречаемости латентных профилей показал, что в российской выборке класс 1 (с высокими показателями ТТ и низкой рациональностью) встречается значимо более часто (55%), чем в азербайджанской выборке (41%), при  $\chi^2(1) = 11.81$ ,  $p = 0.0059$  (частоты представлены в табл. 3).

Как показывает рис. 2, *психопатия* и *макиавеллизм* выступили ключевыми показателями разделения латентных профилей. Третье свойство ТТ, *нарциссизм*, стало также третьей дискриминирующей переменной в российской выборке, в то время как

в азербайджанской это была *рациональность* (как направленность на максимальный сбор информации). Важную дискриминирующую роль в российской выборке, в отличие от азербайджанской, играет также *готовность к риску*.

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Согласно результатам, мы должны признать существенное сходство в латентных профилях личностных переменных в азербайджанской и российской выборках: и там и там идентифицированы по два класса, сходных по самым мощным дискриминирующим переменным (психопатии и макиавеллизма). Общее число интеркорреляций свойств также не различается, что свидетельствует о сходной их степени интегрированности в личностных профилях. В целом это позволяет нам отвергнуть гипотезу о роли кросскультурных различий по шкале индивидуализма—коллективизма между Россией и Азербайджаном как превалирующих над фактором личностных сходств и различий.

Первую из выдвинутых гипотез — о роли эмпатии — мы также должны отвергнуть и скорректировать. Хотя по когнитивной и общей эмпатии выше показатели в азербайджанской выборке, по эмоциональному компоненту эмпатии (как и нарциссизму) различий не обнаружено, а именно он предполагается зависящим от степени близости межличностных отношений в различных культурах.

Новым установленным фактом является то, что минимальные различия в дифференцировке латентных профилей показали *когнитивная* и *аффективная эмпатия*. Различия в уровнях эмпатии

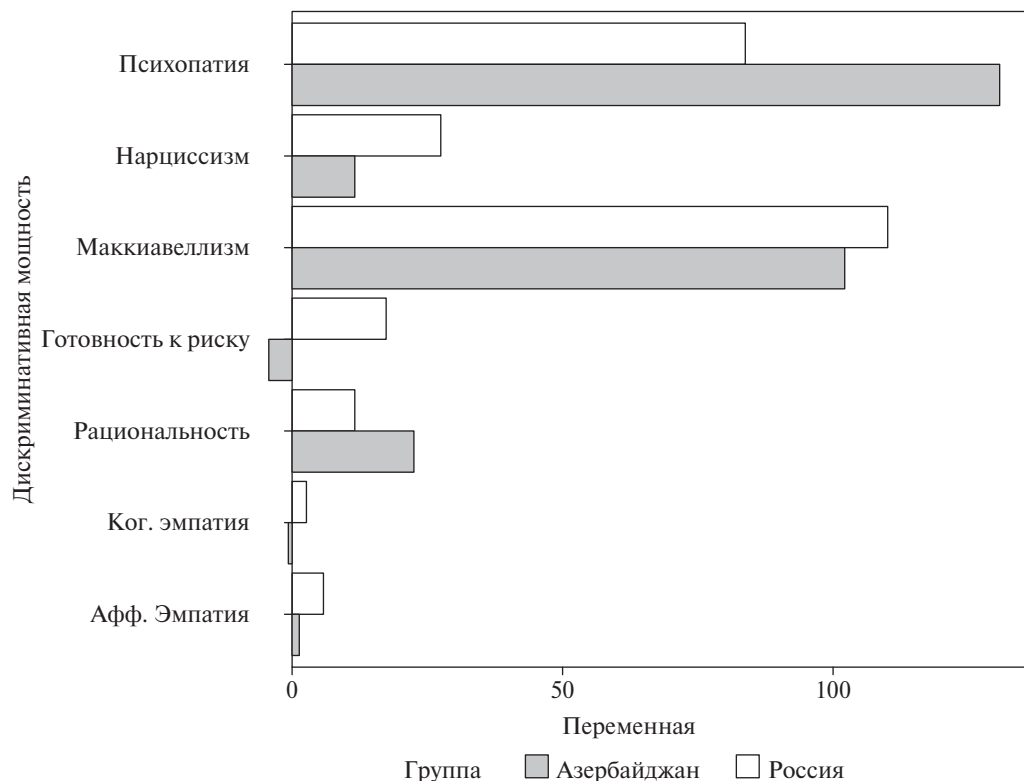


Рис. 2. Сравнение дискриминантной мощности переменных для российской и азербайджанской выборок

не отличали классы 1 и 2 в обеих культурных выборках.

Обнаружен ряд описанных ранее в литературе связей: так, *аффективная эмпатия* проявляет в обеих выборках отрицательную связь с психопатией, положительную — с нарциссизмом и отсутствие связи с макиавеллизмом. *Когнитивная эмпатия* не связана со свойствами ТТ в российской выборке и отрицательно связана с *психопатией* в азербайджанской.

Тот факт, что латентный класс 1, в который вошли лица с высокими показателями ТТ, отличается низкой *рациональностью*, средней выраженностью *готовности к риску* и *эмпатии*, во-первых, ставит под сомнение обычно рассматриваемую низкую эмпатию как характеристику “темной” личности с выраженными свойствами ТТ и эмоциональной дезинтеграцией [16; 22 и др.]. Во-вторых, при различии между культурными выборками по *когнитивной эмпатии* — в сторону больших показателей в азербайджанской выборке — именно в этой выборке по этому показателю латентные классы не различаются (как и по аффективной эмпатии, для которой не обнаружено кросскультурного различия по высоте), что свидетельствует о необходимости не сводить сопоставление психологических профилей только к сравнениям по высоте переменных.

Использованный метод выделения латентных классов продемонстрировал, что при LCA дифференцирующая мощность переменных не обязательно связана с кросскультурными различиями по их высоте.

Причем в их выборе можно ошибиться, ориентируясь на устоявшиеся в литературе данные. Так, при сравнении выборок из Австралии и Турции [18], которые условно можно соотнести как аналогичные в сравнении Россия—Азербайджан, было показано, что турецкие участники проявили более высокие показатели по свойствам ТТ, чем австралийские. Азербайджанские выборки можно сопоставить с турецкими по ряду переменных культуры; однако показатели *психопатии* и *макиавеллизма* оказались у азербайджанских участников ниже по сравнению с российскими.

В нашем исследовании отличия от данных литературы касаются не только роли эмпатии. Пока не поддается четкой интерпретации факт большей выраженности *субъективной рациональности* в азербайджанской выборке, как и *готовности к риску*. Здесь можно видеть методический аспект, заключающийся в минимизации шкалы ответов в опроснике ЛФР. Он применялся в варианте трехбалльной оценки согласия с пунктами (в отличие от более дифференцированных шкал для ответов при остальных опросниках). И при выборе между



## БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность коллегам, участвовавшим в сборе данных: М.С. Зиренко (в России) и А.М. Измаиловой (в Азербайджане).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова А.И., Гейвандова М.Р. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2021. Т. 31. № 2. (в печати)
2. Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Личностные особенности российских и азербайджанских студентов: кросс-культурная валидизация опросника Темная дюжина (Dirty Dozen) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2017. № 2. С. 6–17. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-6-17.3.
3. Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт “Темной триады”: апробация опросника “Темная дюжина” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.
4. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Гаджиева Г.И. Кросс-культурное исследование связей Темной Триады с эмоциональным интеллектом (на российской и азербайджанской выборках) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 9.
5. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
6. Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Нарциссизм как “светлая” сторона Темной триады // Консультативная психология и психотерапия. 2019. № 27 (4). С. 65–80. DOI: 10.17759/cpp.2019270405.
7. Bertoletti M., Friel N., Rastelli R. Choosing the number of clusters in finite mixture model using an exact integrated completed likelihood // Metron. 2015. № 73 (2). P. 177–199. DOI: 10.1007/s40300-015-0064-5.
8. Betzler M. The relational value of empathy // International Journal of Philosophical Studies. 2019. № 27 (2). P. 136–161. DOI: 10.1080/09672559.2019.1598081.
9. Clark C., Davila A., MaximeRegis M., Kraus S. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: An international investigation // Global Transitions. 2020. V. 2. P. 76–82. DOI: 10.1016/j.glt.2020.06.003.
10. Christner N., Sticker R.M., Söldner L., Mammen M., Paulus M. Prevention for oneself or others? Psychological and social factors that explain social distancing during the COVID-19 pandemic // Journal of Health Psychology. 2020. DOI: 10.1177/1359105320980793.

ответами “да” (“я склонен разворачивать максимальный поиск информации для принятия решения”) или “наполовину” (“я поступаю по-разному”) азербайджанские участники проявляли большую решительность, давая чаще ответы “да”; ответ “нет” включал аспект социальной нежелательности: показаться недостаточно обдумывающим свои решения. При этом они давали такой же крен в ответах “да” при пунктах на вторую шкалу, предполагающую готовность к риску, и не видели в этом противоречия.

В целом приходится признать, что фактор культурной принадлежности не превалирует решающим образом над индивидуальными различиями, и роль *эмпатии* не является ведущей в характеристике личностного профиля.

## ОГРАНИЧЕНИЯ

Включение других переменных в личностный профиль, конечно, может изменить утверждение о двух латентных классах; мы их дифференцировали именно для указанного набора личностных свойств. Так, четыре класса “темных личностей” получено при дополнении диапазона переменных ТТ показателями Большой Пятерки, благополучия, агрессии [16]. Важный аспект дало бы рассмотрение также переменных эмоционального интеллекта, что составляет отдельную исследовательскую линию [4; 6; 22] и не представлено в данной статье. Ограничением обобщений выступает превалирование женщин в выборках. Однако при онлайн-тестировании мы не смогли обеспечить равенство выборок по полу.

## ВЫВОДЫ

1. В двух обследованных культурных выборках выделены два сходных латентных профиля личностных переменных, что демонстрирует превалирование фактора индивидуальных различий над фактором культуры (в сравнении указанных двух стран по указанному набору черт).

2. В российской выборке все измеренные свойства вносят вклад в различение латентных профилей, в то время как в азербайджанской *готовность к риску, когнитивная эмпатия и аффективная эмпатия* такого вклада не вносят.

3. Свойства *Темной Триады*, а не *эмпатии* стали дифференцирующими переменными для выделения латентных классов азербайджанских и российских участников.

11. *Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S.* Risk perceptions of COVID-19 around // *Journal of Risk Research*. 2020. V. 23 (7–8). P. 994–1006. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193.
12. *Golec de Zavala A.* Collective Narcissism and In-Group Satisfaction Are Associated With Different Emotional Profiles and Psychological Wellbeing // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 203. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00203.
13. *Habashi M.M., William G., Graziano W.G., Hoover A.E.* Searching for the Prosocial Personality: A Big Five Approach to Linking Personality and Prosocial Behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. V. 42 (9). P. 1177–1192. DOI: 10.1177/0146167216652859.
14. *Harper C.A., Satchell L.P., Fido D. et al.* Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic // *International Journal of Mental Health and Addiction*. Epub ahead of print 27 April 2020. DOI: 10.1007/s11469-020-00281-5.
15. *Hepper E.G., Hart C.M., Meek R., Cisek S.Z., Sedikides C.* Moving Narcissus: Can Narcissists Be Empathic? // *European Journal of Personality*. 2014. V. 28. P. 201–210. DOI: 10.1177/0146167214535812.
16. *Heym N., Kibowski F., Claire A.J., Bloxson C.A.J., et al.* The Dark Empath: Characterising dark traits in the presence of empathy // *Personality and Individual Differences*. 2021. № 169 (1). P. 110–172. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110172.
17. *Hoffman M.L.* Empathy and Moral Development. Cambridge University Press, 2002.
18. *Jonason P.K., Okan C., Özsoy E.* The Dark Triad traits in Australia and Turkey // *Personality and Individual Differences*. V. 149. 2019. P. 123–127. DOI: 10.1016/j.paid.2019.05.058.
19. *Jonason P.K., Webster G.D.* The dirty dozen: A concise measure of the dark triad // *Psychological Assessment*. 2010. № 22 (2). P. 420–432. DOI: 10.1037/a0019265.
20. *Li J.B., Yang A., Dou K., Wang L.-X., Zhang M.-C., Lin X.* Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioural reactions, social participation, and precautionary behaviour: A national survey. PsyArXiv, 1–30. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/5tmsh.
21. *Liu Conghui, Wang Yongmei, Yu Guoliang, Wang Yongjun.* A review of the related theories of empathy and exploration of dynamic models // *Advances in Psychological Science*. 2009. № 17 (5). P. 964–972. URL: <http://journal.psych.ac.cn/adps/EN/Y2009/V17/I05/964>
22. *Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh., Pollack J.M.* The relationship between emotional intelligence and the dark triad personality traits: A meta-analytic review // *Journal of Research in Personality*. 2019. P. 189–197. DOI: 10.1016/j.jrp.2018.12.004.
23. *Nowak B., Brzóska P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemajtel-Piotrowska M., Jonason P.K.* Adaptive and maladaptive behavior during the COVID-19 pandemic: The roles of Dark Triad traits, collective narcissism, and health beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2020. V. 167. P. 11023. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110232.
24. *Pfafftheicher S., Nockur L., Böhm R. et al.* The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing during the COVID-19 pandemic // *Psychological Science*. 2020. № 31 (11). P. 1363–1373. DOI: 10.31234/osf.io/y2cg5.
25. *Reniers R.L.E.P., Corcoran R., Drake R., Shryane N.M., Völlm B.A.* The QCAE: A Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy // *Journal of Personality Assessment*. № 93 (1). 2011. P. 84–95. DOI: 10.1080/00223891.2010.528484.
26. *Schmitt H.S., Sindermann C., Li M., Ma Y., Kendrick K.M., Becker B., Montag C.* The Dark Side of Emotion Recognition — Evidence From Cross-Cultural Research in Germany and China // *Front. Psychol.* 2020. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01132.
27. *Shiina A., Tomihisa Niitsu, Osamu Kobori et al.* Relationship between perception and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: A national survey in Japan // *Brain, Behavior, & Immunity — Health*. 6. 2020. P. 100101. DOI: 10.1016/j.bbih.2020.100101.
28. *Stanley M., Barr N., Peters K., Seli P.* Analytic-Thinking Predicts Hoax Beliefs and Helping Behaviors in Response to the COVID-19 Pandemic. 2020. PsyArXiv. DOI: 10.31234/OSF.IO/M3VTH.
29. *Stanwix S., Walker B.R.* The Dark Tetrad and advantageous and disadvantageous risk-taking // *Personality and Individual Differences*. 2021. № 168 (1). P. 110338. DOI: 10.1016/j.paid.2020.
30. *Vize C.E., Lynam D.R., Collison K.L. et al.* Differences among dark triad components: A meta-analytic investigation // *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2018. № 9 (2). P. 101–111. DOI: 10.1037/per0000222.
31. *Zajenkowski M., Jonason P.K., Leniarska M., Kozakiewicz Z.* Who complies with the restrictions to reduce the spread of COVID-19?: Personality and perceptions of the COVID-19 situation // *Personality and Individual Differences*. 2020. № 166. P. 110199. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110199.
32. *Zeigler-Hill V., Vonk J.* Dark personality features and emotion dysregulation // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2015. № 34 (8). P. 692–704. DOI: 10.1521/jscp.2015.34.8.692.
33. *Zirenko M.S., Kornilova T.V., Zhou Q., Izmailova A.* Personality regulation of decisions on physical

distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China) // *Personality and Individual Differences*. 2021. № 170. P. 110418. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110418.

34. Zhong Y., Liu W., Lee T.-Y., Zhao H., Ji J. Risk perception, knowledge, information sources and emotional states among COVID-19 patients in Wuhan, China. *Nursing Outlook*. 2020. DOI: 10.1016/j.outlook.2020.08.005.

## LATENT PROFILES OF PERSONALITY TRAITS RELATED TO DECISION MAKING ABOUT SOCIAL DISTANCING (IN RUSSIA AND AZERBAIJAN)

T. V. Kornilova<sup>1,\*</sup>, S. A. Kornilov<sup>2,\*\*</sup>

<sup>1</sup>*Lomonosov Moscow State University;  
125009, Moscow, Mokhovaya str. 11/9, Russia.*

<sup>2</sup>*Institute for Systems Biology;  
98109, 401 Terry Ave, Seattle, USA.*

\**ScD (Psychology), Professor, General Psychology Department.  
E-mail: tvkornilova@mail.ru*

\*\**PhD (Psychology), Senior Research Scientist.  
E-mail: sa.kornilov@gmail.com*

Received 01.02.2021

**Abstract.** In a previous study, we showed that personality traits related to self-regulation such as risk readiness and subjective rationality, as well as the Dark Triad traits (psychopathy, Machiavellianism, and narcissism) predicted decisions about social distancing in different ways in Russian and Azerbaijani samples, whereas cognitive empathy was a shared positive predictor. Using a battery of assessments, we investigated the presence of latent profiles of personality traits in these two samples. We expected this analysis to shed further light onto the interplay between cultural factors and individual differences in decision making. Two samples consisting of individually matched (by age and sex) participants from Russia and Azerbaijan,  $N = 299$  each, participated in the study. We utilized the following questionnaires: Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE), Personality Factors of Decision Making (LFR), Dirty Dozen. Latent profile analysis was performed separately for Russian and Azerbaijan samples in the VarSelLCM package for R. The results revealed two near-identical latent profiles in both samples. The two latent profiles differed primarily on the Dark Triad traits. Empathy did not act as a universal discriminating variable. Cultural specificity was found not for class composition but rather the discriminating power of individual variables.

**Keywords:** latent profiles, empathy, Dark Triad, narcissism, Machiavellianism, psychopathy, risk readiness, rationality, Dirty Dozen, QCAE.

### REFERENCES

1. Belousova A.I., Gejvandova M.R. Kognitivnaya i afektivnaya empatiya: aprobaciya oprosnika na rossijskoj vyborke). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo obshchestvennogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki*. 2021. V. 31. № 2. (v pečati) (In Russian)
2. Kornilova T.V., Zirenko M.S., Gusejnova R.D. Lichnostnye osobennosti rossijskih i azerbajdzhanskih studentov: kross-kul'turnaya validizaciya oprosnika Temnaya dyuzhina (Dirty Dozen). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo obshchestvennogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki*. 2017. № 2. P. 6–17. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-6-17.3. (In Russian)
3. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Talmach M.S. Metodika diagnostiki lichnostnyh chert “Temnoj triady”: aprobaciya oprosnika “Temnaya dyuzhina”. *Psichologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 2. P. 99–112. (In Russian)
4. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Gadzhieva G.I. Kross-kul'turnoe issledovanie svyazey Temnoj Triady s emocional'nym intellektom (na rossijskoj i azerbajdzhanskoj vyborkah). *Psichologicheskie issledovaniya*. 2016. V. 9. № 47. P. 9. (In Russian)
5. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A., Novikova M.A. Psichologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka. Moscow: Smysl, 2010. (In Russian)
6. Krasavceva Yu.V., Kornilova T.V. Narcissizm kak “svetlaja” storona Temnoj triady. *Konsul'tativnaya psichologiya i psihoterapiya*. 2019. № 27 (4). P. 65–80. DOI: 10.17759/cpp.2019270405. (In Russian)



7. Bertoletti M., Friel N., Rastelli R. Choosing the number of clusters in finite mixture model using an exact integrated completed likelihood. *Metron*. 2015. № 73 (2). P. 177–199. DOI: 10.1007/s40300-015-0064-5.
8. Betzler M. The relational value of empathy. *International Journal of Philosophical Studies*. 2019. № 27 (2). P. 136–161. DOI: 10.1080 / 09672559.2019.1598081.
9. Clark C., Davila A., MaximeRegis M., Kraus S. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: An international investigation. *Global Transitions*. 2020. V. 2. P. 76–82. DOI: 10.1016/j.glt.2020.06.003.
10. Christner N., Sticker R.M., Söldner L., Mammen M., Paulus M. Prevention for oneself or others? Psychological and social factors that explain social distancing during the COVID-19 pandemic. *Journal of Health Psychology*. 2020. DOI: 10.1177/1359105320980793.
11. Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S. Risk perceptions of COVID-19 around. *Journal of Risk Research*. 2020. V. 23 (7–8). P. 994–1006. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193.
12. Golec de Zavala A. Collective Narcissism and In-Group Satisfaction Are Associated with Different Emotional Profiles and Psychological Wellbeing. *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10 (203). DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00203.
13. Habashi M.M., William G., Graziano W.G., Hoover A.E. Searching for the Prosocial Personality: A Big Five Approach to Linking Personality and Prosocial Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. V. 42 (9). P. 1177–1192. DOI: 10.1177/0146167216652859.
14. Harper C.A., Satchell L.P., Fido D. et al. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Epub ahead of print 27 April 2020. DOI: 10.1007/ s11469-020-00281-5.
15. Hepper E.G., Hart C.M., Meek R., Cisek S.Z., Sedikides C. Moving Narcissus: Can Narcissists Be Empathic? *European Journal of Personality*. 2014. V. 28. P. 201–210. DOI: 10.1177/0146167214535812.
16. Heym N., Kibowski F., Claire A.J., Bloxsom C.A.J. et al. The Dark Empath: Characterising dark traits in the presence of empathy. *Personality and Individual Differences*. 2021. V. 169 (1). P. 110–172. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110172.
17. Hoffman M.L. *Empathy and Moral Development*. Cambridge University Press, 2002.
18. Jonason P.K., Okan C., Özsoy E. The Dark Triad traits in Australia and Turkey. *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 149. P. 123–127. DOI: 10.1016/j.paid.2019.05.058.
19. Jonason P.K., Webster G.D. The dirty dozen: A concise measure of the dark triad. *Psychological Assessment*. 2010. V. 22 (2). P. 420–432. DOI: 10.1037/a0019265.
20. Li J.B., Yang A., Dou K., Wang L.-X., Zhang M.-C., Lin X. Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioural reactions, social participation, and precautionary behaviour: A national survey. *PsyArXiv*, 1–30. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/5tmsh.
21. Liu Conghui, Wang Yongmei, Yu Guoliang, Wang Yongjun. A review of the related theories of empathy and exploration of dynamic models. *Advances in Psychological Science*. 2009. № 17 (5). P. 964–972. URL: <http://journal.psych.ac.cn/adps/EN/Y2009/V17/I05/964>
22. Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh., Pollack J.M. The relationship between emotional intelligence and the dark triad personality traits: A meta-analytic review. *Journal of Research in Personality*. 2019. P. 189–197. DOI: 10.1016/j.jrp.2018.12.004
23. Nowak B., Brzóska P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemojtel-Piotrowska M., Jonason P.K. Adaptive and maladaptive behavior during the COVID-19 pandemic: The roles of Dark Triad traits, collective narcissism, and health beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2020. V. 167. P. 11023. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110232.
24. Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R. et al. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing during the COVID-19 pandemic. *Psychological Science*. 2020. № 31 (11). P. 1363–1373. DOI: 10.31234/osf.io/y2cg5.
25. Reniers R.L.E.P., Corcoran R., Drake R., Shryane N.M., Völlm B.A. The QCAE: A Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy. *Journal of Personality Assessment*. 2011. № 93 (1). P. 84–95. DOI: 10.1080/00223891.2010.528484.
26. Schmitt H.S., Sindermann C., Li M., Ma Y., Kendrick K.M., Becker B., Montag C. The Dark Side of Emotion Recognition — Evidence From Cross-Cultural Research in Germany and China. *Front. Psychol*. 2020. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01132.
27. Shiina A., Tomihisa Niitsu, Osamu Kobori, et al. Relationship between perception and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: A national survey in Japan. *Brain, Behavior, & Immunity — Health*, 2020. № 6. P. 100101. DOI: 10.1016/j.bbih.2020.100101.
28. Stanley M., Barr N., Peters K., Seli P. Analytic-Thinking Predicts Hoax Beliefs and Helping Behaviors in Response to the COVID-19 Pandemic. 2020. *PsyArXiv*. DOI: 10.31234/OSF.IO/M3VTH.
29. Stanwix S., Walker B.R. The Dark Tetrad and advantageous and disadvantageous risk-taking. *Personality and Individual Differences*, 2021. № 168 (1). P. 110338. DOI: 10.1016/j.paid.2020.
30. Vize C.E., Lynam D.R., Collison K.L., et al. Differences among dark triad components: A meta-analytic investigation. *Personality Disorders: Theory, Research, and*



- Treatment, 2018. № 9 (2). P. 101–111. DOI: 10.1037/per0000222.
31. *Zajenkowski M., Jonason P.K., Leniarska M., Kozakiewicz Z.* Who complies with the restrictions to reduce the spread of COVID-19?: Personality and perceptions of the COVID-19 situation. *Personality and Individual Differences*. 2020. № 166. P. 110199. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110199.
  32. *Zeigler-Hill V., Vonk J.* Dark personality features and emotion dysregulation. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2015. № 34 (8). P. 692–704. DOI: 10.1521/jscp.2015.34.8.692.
  33. *Zirenko M.S., Kornilova T.V., Zhou Q., Izmailova A.* Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China). *Personality and Individual Differences*. 2021. № 170. P. 110418. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110418.
  34. *Zhong Y., Liu W., Lee T.-Y., Zhao H., Ji Ji.* Risk perception, knowledge, information sources and emotional states among COVID-19 patients in Wuhan, China. *Nursing Outlook*. 2020. DOI: 10.1016/j.outlook.2020.08.005.

УДК 159.9.01

## ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОДХОД: УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ КАК ОСНОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

© 2021 г. Н. В. Гришина\*, С. Н. Костромина\*\*

*Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета;  
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Россия.*

*\*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности.*

*E-mail: n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com*

*\*\*Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности.*

*E-mail: s.kostromina@spbu.ru, lanank68@gmail.com*

Поступила 13.04.2020

**Аннотация.** Проблема соотношения устойчивости и изменчивости личности является одной из ключевых в психологической науке. В статье обсуждаются методологические следствия теории неравновесных состояний для понимания процессуальной природы личности и изменчивости психологической феноменологии. Особенностью личности как сложной системы является ее способность к изменчивости, связанная с ее субъектностью. Для объяснения динамики устойчивости и изменчивости личности предлагается использовать понятие целостности. Целостность личности — это поддержание в определенном равновесии взаимодействующих тенденций к устойчивости и изменчивости личности. Главная характеристика целостности — ее интегральность, которая проявляется на разных уровнях личностной феноменологии и, соответственно, требует интегральных понятий для ее описания. В качестве базового может использоваться понятие стиля: именно стиль как способ взаимодействия человека с окружающим миром необходимо наделен устойчивостью и способностью к изменениям, тем самым обеспечивая целостность функционирования личности в контексте ее существования. Соответственно пониманию многомерности мира выделяются разные контексты существования человека. Для описания функционирования человека в ситуационном контексте используется понятие индивидуального стиля деятельности, в жизненном контексте — понятие жизненного стиля, в бытийном (экзистенциальном) контексте — понятие экзистенциальных моделей, являющихся стилевой характеристикой отношений человека с миром. Стили, связанные с существованием и активностью человека в разных контекстах, обеспечивают целостность функционирования личности. В соответствии с процессуальной природой личности ее динамика должна описываться в трехмерном пространстве векторов устойчивости и изменчивости, результирующей которых является целостность личности.

**Ключевые слова:** процессуальная природа личности, устойчивость, изменчивость, целостность, стилевые характеристики.

DOI: 10.31857/S020595920014166-8

Одной из ключевых проблем психологии личности является вопрос о соотношении ее устойчивости и изменчивости. Фактически вся история развития структурного и динамического подхода в персонологии может быть определена как попытка ответить на этот ключевой вопрос. У. Мишел обозначил данную дилемму как классический “парадокс личности” и сформулировал ее следующим образом: можно ли согласовать имеющиеся теоретические представления об инвариантности и стабильности личности с не менее убедительными эмпирическими доказательствами изменчивости поведения человека в различных ситуациях

[33]. Хьелл и Зиглер [27] отмечают, что приверженность той или иной позиции в континууме “изменяемость—неизменность” отражает фундаментальные различия в представлениях о природе личности.

Сложившееся в психологической науке понимание устойчивости или изменчивости личности основано прежде всего на структурно-функциональной парадигме, в соответствии с которой организация личности описывается через функционирование базовых подструктур, взаимодействующих между собой и имеющих свое предназначение в общей системе. Практически каждая

из теорий личности содержит в том или ином виде описание личностной организации, включающей до нескольких десятков компонентов. Объяснение уникальности и неповторимости личности, соответственно, строится не столько на разнообразии элементов личности, сколько на особенностях организации ее составляющих, что, в свою очередь, определяется тем, как происходит становление личности.

Становление личности, или жизненный путь индивидуальности [1], — это процесс, в ходе которого осуществляются развитие определенных подсистем, их рост и дифференцировка, формирование связей между подструктурами личности и ее элементами, “настройка” согласованности взаимодействия между элементами и т.д. В своей траектории персонотезис описывает как происходящие изменения, так и формирование стабильных личностных структур, тем самым подчеркивая, что устойчивость и изменчивость не являются противоположностями и что на смену относительно неизменного состояния должно прийти некое состояние преобразования, изменение, которое, в свою очередь, приводит к возникновению устойчивости на новом уровне развития личностных образований. В этой смене состояний устойчивости и изменчивости проявляется самоорганизующееся начало личности, в связи с чем на определенном этапе становления современных теоретических представлений о личности значительную роль сыграло общенаучное развитие идей о неравновесных системах.

## ЛИЧНОСТЬ КАК НЕРАВНОВЕСНАЯ СИСТЕМА

С общенаучной точки зрения проблема соотношения устойчивости и изменчивости получила отражение в работах И. Пригожина о неравновесных системах. Теория неравновесных систем позволила сформулировать ряд методологических положений, объясняющих самоорганизацию сложных открытых динамических систем, к которым в том числе относится и личность.

В широкий научный дискурс вошли понятия *флуктуации* (отклонений), *бифуркации*, относящейся к приобретению динамической системой новых качеств при незначительном изменении ее параметров, *энтропии*. С помощью этих понятий стало возможно описывать возникновение неустойчивости и неравновесных состояний в системе, приводящих к структурным изменениям. Вне области устойчивости может возникать новый тип организации, связывающей когерентное пространственно-

временное поведение с динамическими процессами внутри системы; при этом внутренние свойства системы выступают основанием для возникновения новых структур, пусковым механизмом которого становятся вносимые флуктуации.

Важнейшим условием порождения неравновесных процессов является *открытость системы*. Неравновесная система, по сути, является открытой, т.е. находящейся в процессе постоянного взаимодействия с окружающей средой. Благодаря такому обмену в системе усиливается диссипативность (рассеивание энергии), создающая условия возникновения неустойчивости, увеличивается интенсивность протекания ряда процессов и их необратимость, вследствие чего отклонение системы от равновесия становится еще большим.

Понимание личности как открытой системы позволяет рассматривать ее развитие с точки зрения протекания неравновесных процессов, которые проявляются в изменении градиентов личностных подструктур, накоплении разности в потенциалах и степени выраженности тех или иных личностных переменных и тем самым “расшатывании” прежней устойчивости и структуры психической организации личности. Открытость создает условия для возможности как внесения потоков информации и энергии в открытую систему, так и оттока энтропии в окружающую среду, что приводит к нарушению баланса между внутренним миром и средой [20, с. 11], приводя личностную систему в неравновесное состояние. Происходят преобразование старых структур и синтез новых, появление личностных новообразований, сопровождающееся активным выбросом энергии, которая диссипирует (рассеивается) через разные формы активности: действия, поступки, чувства и мысли субъекта. Вступление личностной системы в фазу стабильности означает появление варианта структуры, связанного с ростом или снижением энтропии, а неравновесность становится источником упорядоченности личности.

Еще одной важнейшей характеристикой неравновесных систем являются *непредсказуемость изменений и множественность возможных состояний*. Неравновесность подразумевает отсутствие “выравниваемости” градиентов свойств системы, а также превышение порядка степеней свободы того числа переменных, которые описывают свойства системы, что влечет за собой возникновение разных состояний при одних и тех же значениях переменных и ведет к множественности возможных состояний. Диапазон множественности состояний — и множественности решений, если мы говорим о личности, — обусловленный неограниченностью

степеней свободы личностных переменных, определяет непредсказуемость изменений пространственно-временной организации личности. Каждый элемент системы личности, имея градиент частоты автономных колебаний (изменчивости), несет в себе потенциал “организующего элемента”. Поэтому сколь бы ни был мал диапазон начальных условий, существует неограниченное число траекторий, приводящих к текущему состоянию.

Поведение неравновесных систем подчеркивает *взаимосвязь устойчивости и изменчивости*. С одной стороны, чем сложнее система, т.е. чем большим количеством переменных она характеризуется, тем выше ее устойчивость. С другой стороны, чем сложнее система, тем выше порядок степеней свободы элементов, которыми она описывается, и тем больше вероятность возникновения неравновесности. Неравновесность приводит к росту энтропии и преобразованию структуры, т.е. к эволюции системы. Каждая новая ступень функциональной организации личности — период ее устойчивости (структурной упорядоченности) — несет в себе “зародыш” дальнейшего изменения. Каждое новое изменение ведет к возрастанию сложности структуры и уровней организации личности и, следовательно, к росту ее устойчивости. Если принять тезис о том, что личность — это открытая саморазвивающаяся неравновесная система, то устойчивость и изменчивость не могут рассматриваться как противоположные процессы.

#### НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ТЕОРИИ НЕРАВНОВЕСНЫХ СОСТОЯНИЙ ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Теория неравновесных процессов имела большое значение для понимания самоорганизации сложных открытых систем, изменив представления об их эволюции не только в области химии, но и в биологии, психологии, социологии. К необходимости понимания личности как открытой системы, пребывающей в состоянии напряжения, которое определяет ее динамику, в свое время пришел К. Левин, сделавший эти принципы основанием своей теории поля.

В современной психологии личности положения теории неравновесных систем позволили обосновать процессуальный характер личности [12] и сформулировать некоторые методологические следствия для психологии личности, прежде всего для понимания ее динамичной природы.

1. *Чувствительность неравновесной системы к флуктуациям* выступает в качестве объяснительного принципа по отношению к изменчивости психологической феноменологии, в том числе внутриличностного характера. Речь идет о том, что небольшие влияния приводят к значимым внутренним колебаниям, неопределенности и разнообразию поведения. В свое время на этом акцентировал внимание К. Левин, отмечая, что именно рассмотрение психики как напряженной системы позволяет понять, почему незначительные воздействия в силу ненадежного равновесия могут вызывать значительный эффект в противовес более масштабным влияниям, сталкивающимся со столь же масштабными сопротивлениями. Мгновенный отклик системы на внешнее воздействие или внутреннее изменение вызывает мелкомасштабные флуктуации (колебания) личностных характеристик, которые приводят к отклонению от стандартных значений. Внешнему наблюдателю они представляются в виде случайных событий — эмпирических отклонений, однако они являются следствием процессуальной, колебательной природы личностных характеристик. Подвергаясь непрерывному изменению, эмпирические частоты, описывающие личность, не могут стабилизироваться, что влечет за собой высокую вариативность и низкую воспроизводимость эмпирических результатов в долгосрочной перспективе [36]. Соответственно, необходимо признать невозможность объяснить невероятно широкий репертуар личностных проявлений и трудность интерпретировать эту вариативность на основе инвариантных структурных моделей личности [21]. Следует принимать во внимание, что описание личности и ее основных проявлений посредством “средних” в терминах “типичного проявления” или “стандартного состояния” на основе идей гауссовского, биномиального или пуассоновского распределений может быть осуществлено только по отношению к колебаниям, имеющим краткосрочный и чаще всего обратимый характер. Для личностных переменных, характеризующихся отсутствием однозначной зависимости от времени, целесообразно построение нелинейных моделей, признание ненаблюдаемости траекторий изменений. Об этом говорит известный тезис К. Левина: «От средних значений к “чистым” случаям» [14, с. 72].

2. При разработке проблем изменений личности *целесообразно различать мелкомасштабные колебания переменных и так называемые структурные флуктуации*. Структурные флуктуации, с точки зрения И. Пригожина, подразумевают изменения, которые связаны не с генетической (детерминистически заданной) перестройкой или периодическими



(циклическими) процессами, а с флуктуациями, охватывающими всю пространственно-временную организацию системы. Именно они способны переводить систему в новое состояние, отличное от исходного. В отличие от колебаний, попадающих в зону регулярных процессов и склонных к затуханию, фиксации сдвига на некотором уровне стабилизации, изменения, охватывающие макроскопические объемы, имеют нелинейный и необратимый характер. Необратимость — ключевая характеристика изменчивости личности. В связи с этим важно развести понятие изменчивости (вариативности), раскрывающее колебательный характер личностных переменных, сохраняющий возможность стабилизации или возвращения к исходному состоянию, и изменчивости как характеристики эволюции сложной системы. Изменчивость (вариативность) наиболее явно проявляется на уровне диспозиционных черт, т.е. внеситуативных, деконтекстуализированных измерений личности [5], которые чувствительны к внешним воздействиям, но одновременно устойчивы в своей трансситуативной последовательности. Именно это имел в виду W. Mischel, говоря о невероятно широком репертуаре личностных проявлений и описывая их как “головкружильные как по количеству, так и разнообразию” [34]. Изменяемость личности, в отличие от изменчивости, отражает переход к новой форме организации, непрерывное движение из прошлого в будущее. В таком понимании становление личности можно представить как последовательность неустойчивостей (когда микроскопическое колебание через взаимосвязи элементов системы изменяет их состояние с устойчивого на неустойчивое), приводящих к возрастающей сложности пространственно-временной организации личности. При этом интерес в первую очередь представляют не мелкомасштабные флуктуации (колебания/отклонения от стандартных состояний в краткосрочной перспективе), а *структурные флуктуации и флуктуации процессов*, приводящих к трансформации личности.

3. *Отклонение (флуктуация) приобретает особую значимость вблизи точек бифуркации* — особых точек перехода или разветвления. В этот момент случайные факторы усиливаются (становятся существенными) и флуктуации увеличиваются во времени (становятся более длительными), в результате чего средние значения изменяются макроскопически заметным образом [17]. Отклонение от равновесия начинает превышать критическое, и формируются условия для возникновения новых структур. Поэтому проявления изменчивости личности наиболее продуктивно изучать вне зоны устойчивости. Особое значение для исследования

личности приобретают так называемые переходные зоны: критические жизненные ситуации, требующие от человека выхода за пределы стандартной активности и расширяющие репертуар форм поведения, а также “пограничные ситуации” (К. Ясперс), проживание которых нарушает привычное течение повседневности и выводит человека на новый уровень осмысления своего существования [5]. Именно в критические эпохи наблюдается рост проявлений неадаптивной активности. В переломные периоды (биологические катаклизмы, социальные и личностные кризисы) «на разных уровнях функционирования человека как “элемента” развивающихся систем — на уровне человека как индивида в биогенезе и антропогенезе, на уровне личности как индивидуальности в социогенезе — проявляются неадаптивные и преадаптивные, избыточные формы активности, которые выражают их тенденцию к изменению и тем самым выступают как необходимый элемент эволюционного процесса данных систем» [2, с. 45].

4. *Описание личности в каждый момент времени имеет вероятностный характер.* Зоны бифуркации создают диапазон множественности решений (множественности состояний), которая “накладывается” на множественность отношений между подсистемами личности. В результате среди бесконечного количества вариантов мы имеем в качестве реального только один — частный случай возможного. Поэтому любой эмпирический срез — всего лишь иллюстрация текущего состояния личностной системы, которое может измениться в любой момент времени. Изучая “это реальное”, необходимо осознавать степень его контекстуальности (связи с контекстом “здесь-и-сейчас” сложившихся условий), неотъемлемость взаимодействия контента и контекста, задающего бесконечную вариативность разноуровневых связей между элементами личностной структуры и разнообразием социокультурного пространства повседневности. Невозможность единовременной оценки всей палитры социальных сред, в которые погружен человек, их быстрая сменяемость определяют непредсказуемость личностных изменений и связанные с этим трудности прогнозирования, поскольку оно оказывается напрямую обусловленным степенью сложности системы и взаимодействием случайных и детерминистических (законсообразных) факторов. Изменения, как уже отмечалось, имеют непрерывный характер: любое колебание внутри личностной системы, как и влияние извне, может стать “ситуацией изменения”, ведущей к переходу личности на новый динамический режим. В любой момент времени в силу случайных (непредсказуемых) факторов процесс может изменить траекторию в ту или

иную сторону [22], а детерминация прерваться [15]. Примером таких событий могут служить неожиданные эмоционально заряженные ситуации, которые образуют “разрывы” жизни и которые невозможно решить “как задачи на смысл”, а только преодолеть через переживание [4]. Аналогично проявляются вариативность и неоднозначность идентичности личности, что привело к признанию ее множественности, существующей в контексте коммуникации и встроенной в мобильную ткань отношений [28], акцентам на точках контекстуальной сопряженности (межличностной или межгрупповой), обуславливающей самоминацию социальных идентичностей в конкретный момент времени [35], введению понятия “возможных Я” [29; 32 и др.], фокусирующих внимание на вероятности появления и проявления идентичности. Таким образом, становится понятной низкая эффективность исследований личности на основе дискретных величин, за которыми теряется связность преобразования структуры личности. И одновременно еще более актуализируется необходимость разработки методов, обеспечивающих описание и объяснение нелинейных структурных трансформаций личности, тем самым придавая целостность происходящим изменениям.

5. *Фундаментальная неопределенность поведения личности, связанная с невозможностью точно прогнозировать состояние системы в каждый следующий момент времени, свидетельствует об особой связи детерминистского и случайного начала в трансформации личности.* Процессы личностного развития (появление новообразований или “рост” отдельных характеристик личности), во многом определяемые детерминистическими процессами (заданной последовательностью/этапностью изменений), существенно отличаются от личностных изменений, вектор которых не предопределен и в большей степени носит вероятностный характер.

В первом случае мы можем выделить возникновение неких “типовых” структур, характеризующихся размерной инвариантностью. Например, такие описания достаточно часто встречаются в возрастной периодизации. Так, Э. Эриксон соотносил трансформацию Эго личности с прохождением человеком нескольких универсальных стадий — развертыванием “плана личности”. Предрешенность готовности личности двигаться в направлении дальнейшего роста определяется результатом разрешения кризиса на предыдущей стадии.

Во втором случае можно только предположить, какие структуры могут возникнуть с той или иной степенью вероятности, опираясь на предысторию

личности; в отечественной психологии данная феноменология описывается с помощью понятия личностного потенциала [16]. Однако разделить случаи, когда “работают” детерминистские законы, а когда речь идет об изменениях, связанных с исключительными событиями, со стечением обстоятельств или воплощением неких возможностей, крайне сложно. Случайность концептуально связана с детерминацией, раскрывающей значение случайности для филогенетического развития [14, с. 64]. Так, элемент случайности чаще всего сопряжен с временным и пространственным распределением функций, а их существование и рост определяются детерминистическими законами психики и состоянием психической системы. Как только “набор случайностей” в работе исследователя обретает формат статистического описания, случайность плавно переходит в вероятностную необходимость или “полуслучайность”. С другой стороны, говоря о случайности, часто имеют в виду момент свободы, где ключевым элементом (триггером) выступает желание. Поэтому необходимо учитывать *взаимодополняющий характер детерминистических и стохастических процессов* изменения личности. Примеры такого взаимодополнения можно найти в работах В. Франкла, который, признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, несвободу личности от внешних и внутренних состояний, говорил о свободе человека по отношению к влечениям, наследственности и внешней среде [26]. Детерминанты локализуются в биологическом и психологическом измерениях индивида, свобода же — в высшем, духовном измерении, измерении смыслов и ценностей. “Мое личностное бытие, — писал R. Harre, — представляет собой свободу — свободу стать личностью” [30, р. 94]. Согласно концепции свободной причинности В.А. Петровского [19], различные аспекты Я выступают носителями или источниками причинности. Я рассматривается как субъект свободы, а сама свобода связывается с выходом за пределы предустановленного в деятельности человека в сферу беспредельного.

Взаимодополняемость случайного и детерминированного, возможного и необходимого лучше всего проявляется в индивидуальном своеобразии количественных и качественных изменений, требуя сочетания соответствующих методов исследования личности. Кроме того, непрерывность и неопределенность изменений, характерная для личности, ставят под сомнение достаточность причинно-следственного формата описания, позволяя в каждом отдельном исследовательском случае говорить лишь о *статистической причинности*.

Теория неравновесных систем позволяет описывать, как на основе взаимосвязи устойчивости и изменчивости поддерживается целостность системы. Однако она не может учитывать *ограничения, связанные с особым характером системы личности*, ее отличием от иных сложных открытых и саморазвивающихся систем.

Главное из них связано с пониманием природы изменяемости личности, с сопряжением детерминистского и стохастического факторов в изменяемости пространственно-временной организации личности. Если ограничить понимание изменений случайностью, которая рассматривается как самопроизвольно возникающий элемент, следствием этого становится признание того, что личность находится либо в плоскости жестко заданного режима, либо стечения обстоятельств, приводящего к сбою, выходу за пределы этого режима. Однако, в отличие от других сложных систем, личность характеризуется особой сущностью, определяемой ее свободой воли, т.е. той потенцией к изменению, которая отождествляется с субъектностью, авторством жизни. Именно она выступает внутренней основой изменения личности, ядром ее существования. «Существовать, — пишет С.Л. Рубинштейн, — значит быть детерминированным, но не только в понятии, а в действительности. Существование — пребывание, “деление”, участие, но не в идее, а в процессе жизни, существовать “значит действовать и страдать» [23, с. 303]. Раскрывая сущность личности с помощью понятия субъекта, Рубинштейн в работе “Человек и мир” рассматривает человека не столько через призму внутренней активности, сколько как источник своего бытия.

Тот факт, что человек может быть причиной изменения себя как носитель собственной воли, сознательной произвольной деятельности, применительно к личности требует переосмысления идей о взаимосвязи случайного и причинного через принцип самодетерминированности субъекта, его самодетерминации [6]. Самодетерминация, выполняя регулятивные функции, дополняет нелинейность изменений, множит их вариативность, определяет креативность трансформаций. Именно самодетерминация раскрывает в человеке его способность к “самоорганизации”, “самоуправлению”, “самоизменению”, “самоосуществлению” и т.д. Аналогичным образом меняется и представление об устойчивости и изменчивости. Изменение более не является чем-то, что природа совершает над нами, скорее это то, что мы можем по нашему выбору сделать с природой и нами самими [31].

Гуманистические традиции отечественной психологии все чаще побуждают обращаться к духовности человека как особому уровню психологической феноменологии, без понимания которой любые описания личности будут неполны. Так, в рамках развития идей субъектного подхода духовность рассматривается в качестве стержня развития субъекта, интегрирующего интеллектуальные и нравственные устремления человека [10]. В ней аккумулируются опыт и практическая деятельность, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для самосозидания, самоопределения, духовного роста человека [9, с. 86]. Именно духовный уровень организации личности позволяет преодолевать ограничения и жесткие детерминационные связи на телесном и психическом уровнях организации человека [26].

Вследствие сказанного, анализируя процессы устойчивости и изменчивости личности как феноменологию ее пространственно-временной организации, мы не можем не принять во внимание самосознание и самотворчество личности, ее авторство в преобразовании себя, свободу воли в стремлении выйти за свои пределы. Согласованность изменений личности определяется целостностью субъекта [7]. Это означает, что человек стремится делать то, что отвечает его жизненным смыслом, в соответствии с собственной субъектностью, т.е. в соответствии со своей интегративной уникальностью (где все образует единую систему: вся история развития, иерархия уровней организации и т.д.) [24].

Таким образом, вероятностный характер пространственно-временной организации личности не есть итог исключительного пересечения случайного или детерминистического начала, а представляет собой сочетание необходимого и возможного, где жизненная активность человека проявляется в координатах потенциала самоосуществления и результат зависит от “деятеля” — человека. Поэтому для психологии личности гораздо ближе оперирование терминами не причинного и случайного, а необходимого и возможного. В них заложен элемент субъектного начала личности, связанного с сознательным, произвольным характером деятельности человека.

Необходимое, т.е. порождаемое причинно-следственными закономерностями, как то “чего не может не быть”, апеллирует к природному началу личности. Возможное как недетерминированное — к ее гуманистическим основаниям, собственно к человеческому в человеке. Возможное отражает потенцию процесса, несущую вероятность события. Обладая свободой или веря в нее, человек имеет возможность выбора, определяя сам, стоит ли



ему воспользоваться предоставляемыми возможностями, имеет ли смысл искать иные альтернативы или положиться на предопределенность или волю случая. Нельзя не согласиться со словами Д.А. Леонтьева о том, что превращение возможного в действительность происходит только через самодетерминированный выбор и решение субъекта [15, с. 12].

Альтернативность бытия личности подразумевает переход от динамики “нормальных” личностных изменений к вероятностям, где ведущим принципом выступает неопределенность, а механизмом — сознательная активность субъекта. Вероятность как частный случай возможного может быть проиллюстрирована словами А. Бергсона о становлении индивидуальности: “Путь, проходимый во времени, усеян обломками всего, чем мы начинали быть, чем мы могли бы стать” [3, с. 88]. Человек постоянно выбирает и постоянно подтверждает свой выбор. Именно активность субъекта воплощает возможности в действительность. Только сам человек может определить для себя, что именно он рассматривает как возможности, во что он вкладывает ресурсы, как расставляет приоритеты. Таким образом, сущность личности не является данностью, она конструируется (создается) человеком.

Проекция теории неравновесных систем на методологию исследования личности показывает, что природа человека может быть описана через взаимодополняющие тенденции к изменчивости (динамизму) и постоянству (стабильности, определенности), связанные с наличием устойчивых и подвижных зон личности (которые соответственно являются объектами преимущественного внимания в структурно-функциональном и процессуальном подходах в изучении личности), а также с самоорганизующим началом личности, находящейся в перманентном диалоге с внешним миром. Взаимосвязь этих тенденций имеет фундаментальное значение для личности: “сохранение устойчивости, интегративности личности связано с ее *постоянным изменением, осуществлением личностного роста*” [8, с. 32]. Результирующей этих двух тенденций, одновременно работающих на изменения и поддержание устойчивости, стабильности, становится сохранение целостности личности, чему и подчинена динамика взаимодействия данных тенденций.

## ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Понятие целостности не имеет терминологически определенного содержания в психологии. С одной стороны, целостность — это принцип подхода к изучению личности. Обсуждая основные

положения, на которых строится описание личности в различных теоретических концепциях, Хьелл и Зиглер приводят среди прочих и дилемму “холизм—элементализм” [27]. Приверженность идее холизма означает признание возможности понимания личности только как целостной сущности и, соответственно, необходимости изучения индивида как единого целого.

Принцип целостности является общепризнанным в современной психологической науке. Возможность поэлементного изучения поведения и личности человека принципиально допускалась классическим бихевиоризмом, что побудило лидеров гуманистической психологии в качестве антитезы в своих программных документах сделать специальный акцент на целостном изучении личности.

Второе значение понятия целостности, которое и будет предметом нашего дальнейшего обсуждения, связано с обозначением характеристики состояния личности, которая относится к сохранению ее идентичности, самоидентичности, логики действий и поступков в различных ситуациях.

В этом значении понятие целостности личности используется и в практической психологии, где в ряде подходов она выступает в качестве возможного критерия психического здоровья, а нарушение целостности личности — как предмет терапевтической работы (так, в гештальттерапии описаны механизмы нарушения внутренней гармонии, следствием чего становится утрата целостности личности, ее фрагментация; соответственно, восстановление целостности, гармонии личности, ее интегрированности рассматривается в качестве основной цели терапии).

В психологии понятие целого, являющееся родовым по отношению к понятию целостности, исторически находит наиболее яркое выражение в исследованиях психических процессов, в частности восприятия в гештальтпсихологии. Ранняя гештальтпсихология использовала выражение “Целое больше, чем сумма его частей”. К. Левин возражает против этой формулировки, считая ее неточной. Целое, по его мнению, — не больше чем сумма его частей, оно имеет другие свойства, и более точная формулировка должна была бы звучать как “Целое отличается от суммы его частей”, отличается своими собственными качествами [13, с. 169].

Главной характеристикой целостности личности является ее интегральность, что означает единство и неразрывность реагирования личности на какие-то события внешней или внутренней жизни.



Но какова природа самой целостности? В связи с этим представляется важным высказывание Левина о континуальном характере целостности: "...Существуют целые всех ступеней динамического единства: на одном конце существуют совокупности независимых объектов; затем целые небольших степеней единства, средних степеней единства, высокой степени единства; наконец на другом конце — целые такой высокой степени единства, что едва ли имеет смысл говорить о частях" [Там же]; тем самым допускается существование разных степеней целостности.

Приложение данного тезиса к разноуровневой природе личности позволяет предположить, что целостность личности также может иметь разноуровневый характер. В этом случае первоначальная концептуальная разработка понятия целостности может быть предпринята на основе описания ее проявления в феноменологии разного уровня.

Обратим внимание на еще одно высказывание К. Левина: "...При стремлении поставить в центр внимания проблему целостности, необходимо остерегаться тенденции делать эти целостности возможно более широкоохватными. Для начала необходимо уяснить себе, что конкретное исследование, стремящееся выйти за пределы общих неопределенностей, должно ставить вопрос, из каких единиц складываются имеющиеся целостности и каковы границы системных целостностей, выступающих основополагающими в каждом отдельном случае" [14, с. 114].

В соответствии с описанными нами ранее [5] уровнями личностной феноменологии — ситуационным, жизненным, бытийным (экзистенциальным) — возможно описать и соответствующие им характеристики целостности личности.

Описание целостности требует интегральных понятий. Одним из таких интегральных психологических понятий является понятие стиля, который в самом общем виде определяется как "способ взаимодействия человека с миром" [25, с. 12]. Стиль — это всегда *взаимодействие* человека с предметной реальностью, информацией, социальным миром, другими людьми и реалиями.

В соответствии с представлением об уровневой структуре личностной феноменологии мы выделяем три контекста существования человека: ситуационный, жизненный и бытийный (экзистенциальный).

Ситуационный контекст — это уровень непосредственной среды активности человека, которая может быть описана через взаимодействие человека с конкретными ситуациями, опирающимися

на привычные способы поведения. В качестве интегрирующей характеристики поведения человека, вбирающей в себя все частные особенности его проявлений на данном уровне, выступает понятие индивидуального стиля деятельности (его описания в отечественной литературе свидетельствуют о достаточно широком понимании деятельности: и как работы с информацией, и как общения, управления, коммуникации и т.д.).

Индивидуальный стиль деятельности характеризует поведение человека в разных ситуациях, он имеет трансситуативный характер и в силу этого одновременно обладает характеристиками и устойчивости, и динамизма, определяемого сменой ситуаций деятельности и возникающими новыми задачами.

На функциональном уровне индивидуальный стиль деятельности обеспечивает эффективное взаимодействие человека с ситуациями обычной деятельности и повседневного взаимодействия, поэтому он необходимо наделен как определенной устойчивостью, так и способностью к изменениям.

Именно индивидуальный стиль деятельности отражает и одновременно обеспечивает целостность личности в ее функционировании в ситуационном контексте.

Жизненный контекст — это пространство повседневности, жизненных стратегий человека, позволяющих поддерживать идентичность, связность жизненного пути, уменьшать неопределенность транзитивности современной реальности [18]. Изучение данного контекста представлено в психологии понятиями жизненных ситуаций, жизненного пространства, жизненного пути и т.д. Наиболее интегральной характеристикой, описывающей психологическую феноменологию данного уровня, является понятие жизненного стиля, введенное в психологию еще А. Адлером. В его концепции стиль жизни — это ключ к пониманию "всего, что случается с человеком на протяжении индивидуального жизненного пути" [Adler, 1931; цит. по: 11]. Это определение подчеркивает то, что именно в жизненном стиле (на уровне жизненного контекста) отражается целостность человека.

Бытийный (или экзистенциальный) контекст описывается феноменологией, которая, по выражению С.Л. Рубинштейна, связана с выходом человека "из полной поглощенности непосредственным процессом жизни", с появлением рефлексии, приостанавливающей, прерывающей этот процесс и потому открывающей путь к "построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе" [23, с. 366]. На уровне бытийного

контекста в качестве единицы его описания выступает понятие жизненного мира. По аналогии с индивидуальным стилем деятельности и жизненным стилем, которые обеспечивают интегральность, целостность личности в ситуационном и жизненном контекстах, на уровне бытийного (экзистенциального) контекста можно говорить о взаимодействии человека с экзистенциальными данностями бытия, которое описывается экзистенциальной моделью, являющейся стилевой характеристикой его отношений с миром жизни.

Целостность личности — это поддержание в определенном равновесии взаимодействующих тенденций к устойчивости и изменчивости личности. Обсуждая динамику устойчивых и неустойчивых состояний психики, ее переходов из одного состояния в другое, Левин отмечает, что “процесс идет в направлении к состоянию равновесия только системы в целом. При этом отдельные частичные процессы могут течь в противоположных направлениях” [14, с. 117]. Применительно к личности речь идет о том, что личность как открытая, саморазвивающаяся система стремится к сохранению своей целостности, являющейся состоянием неустойчивого равновесия (метастабильности).

Данные рассуждения схематично представлены на рисунке. Тенденции к устойчивости и измен-

чивости изображены векторами, которые проникают через все контексты, все единицы существования человека — непосредственные ситуации его жизнедеятельности, его жизненного пространства и жизненного мира, которые вносят свой вклад в обеспечение и поддержание целостности личности. Использование направленных величин (векторов) передает динамику и силу изменений [14, с. 74], причем в части как изменяемости, так и устойчивости как взаимодополняющих процессов. Переход из неравновесного (неустойчивого) состояния в устойчивое сопровождается усложнением структуры и временной стабилизацией. Поэтому каждый новый вариант устойчивого состояния есть необратимая трансформация личности, сила которой зависит от взаимодействия разных факторов, в частности от *взаимоотношений объекта с его окружением*. Динамика процессов выводится не из отдельных элементов, а из *всей структуры в целом* [Там же, с. 82].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности современного контекста существования человека стали вызовом к его готовности и способности к изменениям. Новые реалии во взаимодействии человека с окружающим миром

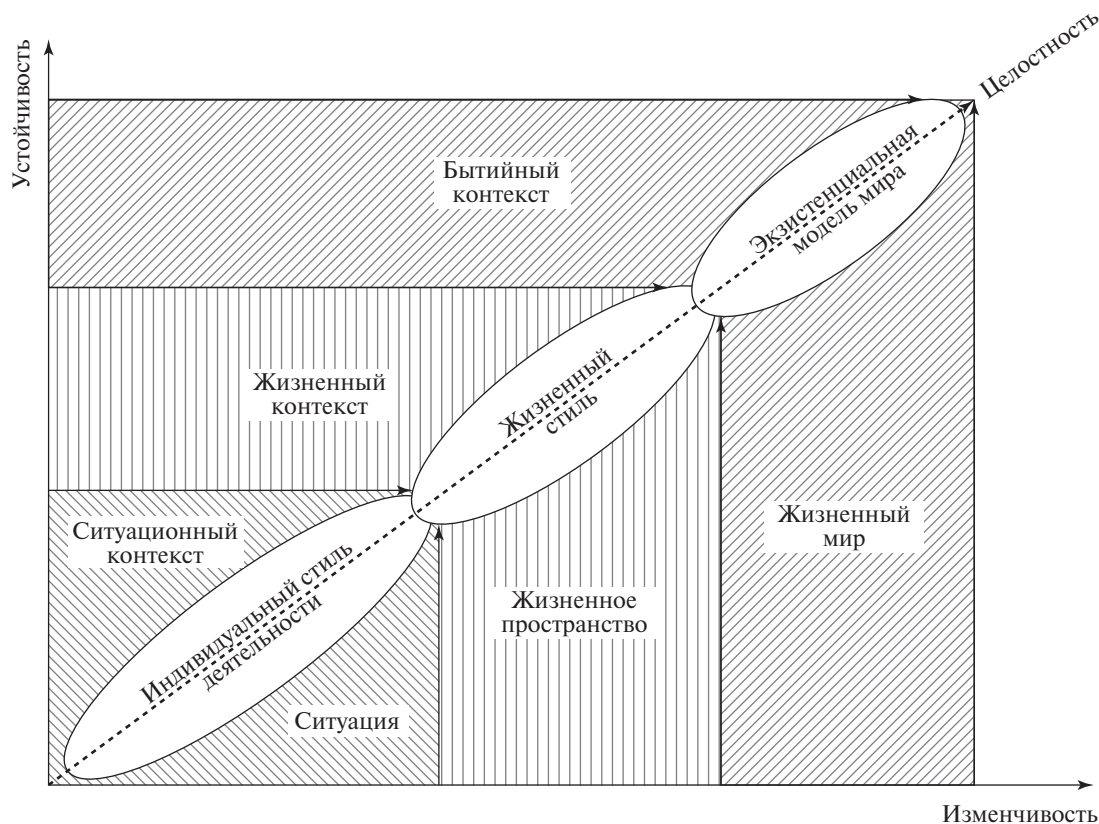


Рис. Схематическое представление разных уровней целостности личности

актуализируют традиционные проблемы психологической науки, побуждая пересматривать представления, сложившиеся в психологии личности.

В свое время С.Л. Рубинштейн сформулировал проблему соотношения изменчивости и тождественности человека как одну из ключевых в понимании природы личности. В современной реальности эта проблема приобретает особую остроту и ценностный смысл: “изменить себя, не изменяя себе” (Л.И. Анцыферова).

Процессуальный подход к личности принципиально исходит из ее динамической природы, которая в том числе задается и динамикой устойчивости и изменчивости. Соотношение устойчивости и изменчивости традиционно формулировалось в психологии как дилемма, что отвечало принципу бинарности, принятой в описаниях социального мира и жизненного мира человека. Принцип бинарности является очевидным способом упрощения картины мира, поэтому современная психология отказывается от него при описании психологической феноменологии. Как известно, в частности, А.В. Брушлинский считал, что именно отказ от оперирования заданными дихотомическими альтернативами и их анализ помогают увидеть проблему в более глубоком качестве. На наш взгляд, анализ традиционных альтернатив устойчивости и изменчивости требует их описания в трехмерном пространстве. Введение понятия целостности в это описание позволяет не только понять, но и объяснить динамику взаимодействия устойчивости и изменчивости, ее функциональный смысл, а также увидеть перспективы дальнейших исследований.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа человека. М.: Смысл, 2001.
2. *Асмолов А.Г., Гусельцева М.С.* Феноменология неадаптивной активности в культурно-исторической парадигме // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 37–47.
3. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. В. Флеровой. М.: Академический проект, 2019.
4. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.
5. *Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
6. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.
7. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 10–18.
8. *Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е.* Психология личности как открытой и развивающейся системы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
9. *Зинченко В.П.* Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81–91.
10. *Знаков В.В.* Современная интерпретация идей А.В. Брушлинского: от холистического мышления к психологии человека как духовного преобразующего себя субъекта // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 42–53.
11. *Карпинский К.В.* Психология жизненного пути личности: Учебное пособие. Гродно: ГрГУ, 2002.
12. *Костромина С.Н., Гришина Н.В.* Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 506–512.
13. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
14. *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
15. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
16. *Личностный потенциал: структура и диагностика /* Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
17. *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуацию / Пер. с англ. В.М. Пастушенко; Под ред. Ю.А. Чизмадзе. М.: Мир, 1979.
18. *Марцинковская Т.Д.* Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru>
19. *Петровский В.А.* Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.
20. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
21. *Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография /* Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019.

22. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
24. Сергиенко Е.А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
25. Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либины. М.: Смысл, 1998.
26. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
27. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
28. Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1998.
29. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. V. 28 (2). P. 227–248.
30. Harre R. Personal being. Oxford: Blackwell, 1983.
31. Leach E. Rethinking Anthropology. London: The Athlone Press, 1961.
32. Markus H.R., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1989. V. 41 (9). P. 954–969.
33. Mischel W. Toward an integrative science of the person // Annual Review of Psychology. 2004. V. 55. P. 1–22.
34. Mischel W. The Marshmallow Test: Mastering self-control. N.Y., NY: Little, Brown, and Company, 2014.
35. Turner J. Self and collective: cognition and social context // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. V. 20 (5). P. 454–463.
36. Uher J. Personality Psychology: Lexical Approaches, Assessment Methods, and Trait Concepts Reveal Only Half of the Story — Why it is Time for a Paradigm Shift // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2013. V. 47. P. 1–55.

## PROCESSUAL APPROACH: STABILITY AND VARIABILITY AS A FOUNDATION OF WHOLENESS

N. V. Grishina\*, S. N. Kostromina\*\*

*St. Petersburg State University;*

*199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, Russia.*

*\*Doctor of Psychology, Professor of Personality Psychology Department.*

*E-mail: n.v.grishina@spbu.ru, grinat07@gmail.com*

*\*\*Doctor of Psychology, Head of Personality Psychology Department.*

*E-mail: s.kostromina@spbu.ru, lanank68@gmail.com*

Received 13.04.2020

*Abstract.* The problem of the ratio of stability and variability of personality is one of the key problems in psychological science. The article discusses the methodological consequences of theory of non-equilibrium state for understanding the processual nature of personality and the variability of psychological phenomenology. A feature of the personality as a complex system is its own ability to change. This feature is associated with its subjectivity. It is proposed to use the concept of wholeness to explain the dynamics of stability and variability of personality. The wholeness of personality is the maintenance in equilibrium of the interacting tendencies towards stability and variability of personality. The main characteristic of wholeness is its integrality, which appears at different levels of personal phenomenology and, accordingly, requires integral concepts to describe it. Such an integral psychological concept as the concept of style can be used as a basic concept: it is precisely style as a way of human interaction with the outside world that is necessarily endowed with a certain stability and ability to change. Thereby the style is ensuring the integrity of functioning of the individual in the context of its existence. According to the understanding of multidimensionality of the world, the different contexts of human existence are distinguished. To describe the functioning of a person in a situational context, at the level of his/her interaction with the situation in psychology the concept of an individual style of activity is used; in a life context the concept of a life style is used. In an existential context it is used the concept of existential models which are the style characteristic of a person's relationship with the world. The styles being associated with existence and activity of a person in the different contexts ensure the wholeness of his/her functioning.



In accordance with the processual nature of personality, its dynamics should be described in three-dimensional space of the vectors of stability and variability, the resulting of which is the wholeness of personality.

**Keywords:** processual nature of personality, stability, variability, wholeness, style characteristics.

## REFERENCES

1. *Asmolov A.G.* Psikhologiya lichnosti: Principy obshhepsikhologicheskogo analiza cheloveka. Moscow: Smysl, 2001. (in Russian)
2. *Asmolov A.G., Gusel'ceva M.S.* Fenomenologiya neadaptivnoy aktivnosti v kul'turno-istoricheskoy paradigme. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2008. № 1. P. 37–47. (in Russian)
3. *Bergson A.* Tvorcheskaya evolyuciya. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019. (in Russian)
4. *Vasilyuk F.E.* Psixologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskix situacij). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. (in Russian)
5. *Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A.* Struktura problemnogo polya sovremennoj psikhologii lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 1. P. 26–35. (in Russian)
6. *Gusel'ceva M.S.* Evolyuciya psikhologicheskogo znaniya v smene tipov racional'nosti. Moscow: Akropol', 2013. (in Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B.* Psikhologicheskoe i social'no-psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 2. P. 10–18. (in Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Kharlamenkova N.E.* Psixologiya lichnosti kak otkrytoj i razvivayushhejsya sistemy. Psikhologicheskii zhurnal. 2009. V. 30. № 6. P. 30–39. (in Russian)
9. *Zinchenko V.P.* Deyatel'nost'. Znanie. Duxovnost'. Vyshee obrazovanie v Rossii. 2003. № 5. P. 81–91. (in Russian)
10. *Znakov V.V.* Sovremennaya interpretaciya idej A.V. Brushlinskogo: ot holisticheskogo myshleniya k psixologii cheloveka kak duxovnogo preobrazuyushhego sebya sub'ekta. Psikhologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshheniya i deyatel'nosti. Eds. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 42–53. (in Russian)
11. *Karpinskij K.V.* Psikhologiya zhiznennogo puti lichnosti. Grodno: GrGU, 2002. (in Russian)
12. *Kostromina S.N., Grishina N.V.* Processual'ny podhod v psikhologii lichnosti. Psikhologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshheniya deyatel'nosti. Eds. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 506–512. (in Russian)
13. *Levin K.* Teoriya polya v social'nyx naukax. Saint Petersburg: Rech', 2000. (in Russian)
14. *Levin K.* Dinamicheskaya psikhologiya. Moscow: Smysl, 2001. (in Russian)
15. *Leontiev D.A.* Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu. Voprosy psikhologii. 2011. № 1. P. 3–27. (in Russian)
16. Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika. Ed. D.A. Leontiev. Moscow: Smysl, 2011. (in Russian)
17. *Nikolis G., Prigozhin I.* Samoorganizaciya v neravnovesny'x sistemax: ot dissipativnyx struktur k uporyadchennosti cherez fluktuaciyu: Per. s angl. V.M. Pastushenko. Ed. Yu.A. Chizmadzheva. Moscow: Mir, 1979. (in Russian)
18. *Marcinkovskaya T.D.* Psikhologiya povsednevnosti: oksymoron ili novyj trend psixologii. Psikhologicheskie issledovaniya. 2017. V. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru> (in Russian)
19. *Petrovskij V.A.* Oчерк teorii svobodnoj prichinnosti. Psikhologiya s chelovecheskim liczom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoj psixologii. Eds. D.A. Leontiev, V.G. Shhur. Moscow: Smysl, 1997. P. 124–144. (in Russian)
20. *Prokhorov A.O.* Psixologiya neravnovesnykh sostoyanij. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1998. (in Russian)
21. Psikhologiya lichnosti. Prebyvanie v izmenenii: kollektivnaya monografiya. Ed. N.V. Grishinaya. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2019. (in Russian)
22. *Prigozhin I., Stengers I.* Poryadok iz khaosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy: Per. s angl. / Obsh. red. V.I. Arshinova, Yu.L. Klimontovicha, Yu.V. Sachkova. Moscow: Progress, 1986. (in Russian)
23. *Rubinstein S.L.* Bytie i soznanie. Chelovek i mir. Saint Petersburg: Piter, 2003. (in Russian)
24. *Sergienko E.A.* Problema sootnosheniya ponyatij sub'ekta i lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 2. P. 5–16. (in Russian)
25. Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz. Ed. A.V. Libin. Moscow: Smysl, 1998. (in Russian)
26. *Frankl V.* Chelovek v poiskax smysla: Sbornik. Obshh. red. L.Ya. Gozmana, D.A. Leontieva; vst. st. D.A. Leontieva. Moscow: Progress, 1990. (in Russian)
27. *X'ell L., Zigler D.* Teorii lichnosti. Saint Petersburg: Piter, 1997. (in Russian)
28. *Castells M.* The Information Age; Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1998.
29. *Cinnirella M.* Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. European

- Journal of Social Psychology. 1998. V. 28 (2). P. 227–248.
30. *Harre R.* Personal being. Oxford: Blackwell, 1983.
31. *Leach E.* Rethinking Anthropology. London: The Athlone Press, 1961.
32. *Markus H.R., Nurius P.* Possible Selves. *American Psychologist*. 1989. V. 41 (9). P. 954–969.
33. *Mischel W.* Toward an integrative science of the person. *Annual Review of Psychology*. 2004. V. 55. P. 1–22.
34. *Mischel W.* The Marshmallow Test: Mastering self-control. New York, NY: Little, Brown, and Company, 2014.
35. *Turner J.* Self and collective: cognition and social context. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20 (5). P. 454–463.
36. *Uher J.* Personality Psychology: Lexical Approaches, Assessment Methods, and Trait Concepts Reveal Only Half of the Story — Why it is Time for a Paradigm Shift. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2013. V. 47. P. 1–55.

УДК 316.6

## МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЯН: СВЯЗЬ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И МОРАЛЬНЫМИ ОСНОВАНИЯМИ<sup>1</sup>

© 2021 г. О. А. Сычев<sup>1,\*</sup>, К. И. Белоусов<sup>2,\*\*</sup>, Н. Л. Зелянская<sup>2,\*\*\*</sup>, И. В. Аношкин<sup>3,\*\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина;  
659333, г. Бийск, ул. Короленко, д. 53, Алтайский край, Россия.

<sup>2</sup>Пермский государственный национальный исследовательский университет;  
614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.

<sup>3</sup>Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;  
295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым.

\*Кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник.

E-mail: osn1@mail.ru

\*\*Доктор филологических наук, профессор.

E-mail: belousovki@gmail.com

\*\*\*Кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: zelyanskaya@gmail.com

\*\*\*\*Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: iva105@mail.ru

Поступила 27.07.2020

**Аннотация.** Среди психологических факторов миграционных намерений основное внимание уделяется чертам личности, в то время как связь с нравственными ценностями и нормами остается неизученной. Интерес представляет роль этики сообщества, описанной в рамках теории моральных оснований. Для проверки гипотезы о связи этики сообщества и социальной идентичности с миграционными намерениями был разработан опросник, оценивающий намерения мигрировать внутри страны или за рубежом. Анализ результатов опроса 1020 человек из 11 регионов России показал, что этика сообщества и разные типы идентичности связаны с миграционными намерениями. Обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями сильнее при высокой выраженности региональной и общероссийской идентичности. Установки на преданность своей стране и ее прославление опосредствуют связь этики сообщества и миграционных намерений.

**Ключевые слова:** миграционные намерения, общероссийская и региональная идентичность, моральные основания, этика сообщества, патриотизм.

DOI: 10.31857/S020595920015193-8

Миграция населения и ее последствия для различных сфер жизни общества вызывают значительный научный интерес [4–6; 10]. Хотя исследования связанных с миграцией процессов и явлений идут в основном в рамках социологии, существуют также социально-психологические аспекты миграции, выступающие на первый план, когда речь идет о личностных факторах и механизмах регуляции миграционного поведения [6]. Когда давление вынуждающих к миграции факторов слабеет и решение о переезде является свободным, значение

подобных психологических факторов возрастает. В нашем исследовании рассматриваются миграционные намерения как эксплицитное, осознанное желание или готовность к переезду в другой регион страны (внутренние миграционные намерения) либо другое государство (внешние миграционные намерения).

Обзор литературы показывает, что такие намерения связаны с чертами пятифакторной модели личности: прямо — с открытостью опыту и экстраверсией; обратно — с добросовестностью, доброжелательностью и эмоциональной стабильностью [17]. При этом открытость опыту прямо, а экстраверсия обратно связана с намерением переехать в страны с существенно отличающейся культурой.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00336 “Геоэкономология и региональная идентичность”.

Эти черты важны и для внутренней миграции: в Австралии она показывает прямую связь с экстраверсией и открытостью опыту [16]. В целом связь этих двух черт большой пятерки с миграционными намерениями является устойчивой, тогда как в отношении остальных трех исследования приводят к менее однозначным выводам [17]. Среди других личностных коррелятов отношения к миграции рассматривались особенности темперамента [21], временные перспективы [4], удовлетворенность жизнью [27] и экономическим положением [25]. Не удалось обнаружить исследований связи отношения к миграции с ценностями и моральными нормами, предписывающими преданность своей группе.

В рамках теории моральных оснований [3; 18; 19] предложено описание структуры моральной сферы из пяти моральных оснований (названных так потому, что они дают *основания* для нравственной оценки), образующих две категории: этику автономии и этику сообщества. Этика сообщества включает нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание Лояльность), уважение ее традиций и лидеров (Уважение), почитание святых, связанных с родиной и ее историей (Чистота/Святость), так что можно предполагать ее связь с чувством верности, преданности своей стране или региону. Менее интересны в контексте проблемы миграции нормы, отстаивающие права индивида: моральные основания Забота и Справедливость (Этика автономии). Тем не менее они могут поддерживать миграционные намерения, поскольку в них отражается приоритетность прав и свободы личности.

Исходя из содержания этики сообщества, поощряющей преданность, следует ожидать ее тесную связь не только с миграционными намерениями, но и с социальной идентичностью как осознанием своей принадлежности к социальным группам. В контексте отношения к миграции важно, что позитивная социальная идентичность, укрепляя привязанность к своей группе, ослабляет мотивацию к переходу в другие [29]. В зависимости от широты группы идентификации можно говорить о разных типах идентичности. В контексте образовательной политики выделяются три типа, на формирование которых должны быть нацелены образовательные программы: этнокультурная (или региональная), гражданская общероссийская (далее для краткости — российская) и общечеловеческая идентичность [1]. Наиболее изученной является гражданская идентичность, однако можно отметить растущий интерес к глобальной идентичности [8; 24], вероятно, поддерживающей миграцию ввиду

слабой связи со своей страной. Региональная идентичность [7; 15] может ограничивать как внешнюю, так и внутреннюю миграцию ввиду привязанности к малой родине. Роль региональной идентичности в миграции косвенно подтверждается тем, что люди чаще мигрируют лишь внутри своего региона [30].

Важным является вопрос о причинно-следственных отношениях между идентичностью и этикой сообщества. С точки зрения теории социальной идентичности [29] групповая идентичность укрепляет групповые ценности у тех, кто идентифицирует себя с группой, так что гражданская и региональная идентичность усиливает приверженность нормам и ценностям своего народа. С другой стороны, моральные нормы могут оказывать влияние на идентичность, участвуя в когнитивных процессах оценки группы и факта принадлежности к ней. Игнорирование норм лояльности и уважения может ослаблять гражданскую идентичность вплоть до отказа от идентификации со своей страной, если она оценивается как непривлекательная. Наиболее вероятно, что мораль и групповая идентичность взаимно поддерживают друг друга [22]. В отношении миграционных установок они могут обладать синергическим эффектом: при выраженной идентичности этика сообщества может сильнее сдерживать миграционные намерения, поскольку ее нормы в первую очередь распространяются на группу, с которой выше идентификация.

Особым направлением исследований идентичности является основанный на идеях Р. Костермана и С. Фешбаха [23] подход, в котором она рассматривается в связи с патриотическими и националистическими установками [2; 13]. На основе обобщения подобных исследований О.Е. Хухлаев определяет национализм как установку “на превосходство страны и необходимость ее доминирования, соревновательность, а патриотизм — любовь к своей нации и гордость за свою национальную принадлежность” [13, с. 69]. Такая дифференциация установок довольно распространена: например, Т. Адорно разделяет псевдопатриотизм и подлинный патриотизм [14], а Э. Стауб выделяет слепой, конструктивный и конвенциональный патриотизм [28].

Развивая аналогичный подход, но пытаясь избежать политизированной терминологии, С. Роккас называет “прославлением” страны представления о том, что свой народ лучше других, что все его представители должны придерживаться присущих ему ценностей, норм и правил и чувствовать себя оскорбленными, если другие не выказывают уважения в отношении национальных святых.



Другой компонент гражданской идентичности — преданность — отражает чувство принадлежности, преданности своей стране и народу, желание внести вклад в их жизнь [26]. Рассматривая такие установки в контексте теории моральных оснований, можно предположить, что их основой является этика сообщества. При этом преданность своей стране и ее прославление должны быть связаны не только с этикой сообщества, но и с отношением к эмиграции, так что можно предположить опосредованную связь этики сообщества с миграционными намерениями.

Таким образом, можно сформулировать *теоретическую гипотезу* о том, что существует сложная система связей между этикой сообщества, социальной идентичностью и миграционными намерениями. Она конкретизируется в форме следующих *эмпирических гипотез*:

1. Миграционные намерения россиян обратно связаны с этикой сообщества, причем сила этой связи может зависеть от сформированности российской и региональной идентичности.

2. Связь этики сообщества с миграционными намерениями опосредована установками на преданность своей стране и ее прославление.

Поскольку известные нам методики [5] не позволяют оценить внешние и внутренние миграционные намерения, для проверки гипотез потребовалось создать новый опросник.

*Целью работы* стало квазиэкспериментальное исследование связей этики сообщества, социальной идентичности и миграционных намерений с учетом возможных взаимодействий и опосредованных отношений. *Задачи исследования*:

1. Разработать опросник миграционных намерений (ОМН) и оценить их связь с этикой сообщества и идентичностью.

2. Проанализировать взаимодействие этики сообщества с российской и региональной идентичностью при объяснении связи морали и миграционных намерений.

3. Проверить модель опосредованной преданностью стране и ее прославлением связи миграционных намерений с этикой сообщества.

## МЕТОДИКА

**Выборка и процедура исследования.** Сбор данных осуществлялся в форме бланкового ( $N = 508$ ) и онлайн-опроса ( $N = 512$ ) в апреле–июне 2020 г. Бланковый опрос проводился со студентами вузов пяти регионов (Алтайский, Пермский, Приморский

края, республики Башкортостан и Крым). Средний возраст  $M = 22.54$ ,  $SD = 8.01$ , 67% женщин. В онлайн-опросе приняли участие жители восьми регионов (Алтайский и Красноярский края, Москва, Московская, Новосибирская, Оренбургская области, Республика Башкортостан, Санкт-Петербург), средний возраст  $M = 33.67$ ,  $SD = 14.01$ , 78% женщин. Большая часть общей выборки (84%) указала свою национальность как “русский/ая”, остальные отнесли себя к другим национальностям (татарам, башкирам, украинцам и пр.).

Сравнение по  $t$ -критерию Стьюдента выборок проходивших опрос в разной форме показало различия по возрасту, показателям идентичности, моральных оснований и миграционных установок. С учетом связи большинства переменных с возрастом был проведен ковариационный анализ для сравнения этих выборок при контроле возраста, после чего обнаружили различия лишь по двум переменным: региональной и общечеловеческой идентичности. Следовательно, большая часть различий обусловлена возрастом, при том что расширение возрастного состава выборки для улучшения ее репрезентативности было одной из задач онлайн-опроса. С учетом этих фактов было принято решение об оправданности объединения результатов бланкового и онлайн-опроса.

**Методики.** При разработке ОМН стояла задача создания краткой методики, позволяющей измерить в сопоставимых шкалах внешние и внутренние миграционные намерения. Для сопоставимости шкалы были составлены из пар утверждений, различающихся лишь направлением миграции: за рубеж или в другой регион России. Часть заданий сформулирована в обратной форме для большей устойчивости к влиянию установок на согласие/несогласие. Исходя из определения миграционных намерений были сформулированы утверждения, непосредственно отражающие отношение к возможности миграции. В результате было получено семь пар пунктов: четыре в прямой и три в обратной форме (табл. 1). Методика предъявлялась с инструкцией: “Просим вас оценить, насколько вы согласны со следующими утверждениями, используя шкалу: 1 — абсолютно не согласен; 2 — скорее не согласен; 3 — ни да, ни нет; 4 — скорее согласен; 5 — полностью согласен”. Для получения итоговых оценок по шкалам после инвертирования ответов на обратные пункты были вычислены средние значения. Данные о надежности вместе с описательной статистикой приведены в табл. 1.

Диагностика идентичности проводилась с помощью шкалы идентификации с человечеством

**Таблица 1.** Результаты эксплораторного факторного анализа ОМН ( $N = 1020$ )

| №  | № и текст утверждения                                                        | Факторные нагрузки |              |
|----|------------------------------------------------------------------------------|--------------------|--------------|
|    |                                                                              | Фактор 1           | Фактор 2     |
| 1  | Я завидую тем, кто переехал из России в другую страну                        | <b>0.76</b>        | 0.05         |
| 2  | Я бы не стал(а) счастливее, переехав в другую страну                         | <b>-0.66</b>       | 0.01         |
| 3  | Я бы уехал(а) из России при первой возможности                               | <b>0.85</b>        | -0.01        |
| 4  | Я не хотел(а) бы жить где-либо, кроме России                                 | <b>-0.73</b>       | 0.04         |
| 5  | Я был(а) бы рад(а) уехать из России на долгий срок или вовсе эмигрировать    | <b>0.89</b>        | -0.02        |
| 6  | Мне комфортно живется в России, так что я не хочу эмигрировать               | <b>-0.76</b>       | 0.00         |
| 7  | Я готов(а) уехать из России, если жизнь здесь станет хуже                    | <b>0.69</b>        | 0.06         |
| 8  | Я завидую тем, кто переехал жить в другой регион России                      | 0.06               | <b>0.61</b>  |
| 9  | Я бы не стал(а) счастливее, переехав в другой регион России                  | -0.13              | <b>-0.40</b> |
| 10 | Я бы переехал(а) из этого региона в другой при первой возможности            | 0.00               | <b>0.80</b>  |
| 11 | Я не хотел(а) бы жить где-либо в России, кроме моего региона                 | -0.03              | <b>-0.61</b> |
| 12 | Я был(а) бы рад(а) переехать в другой регион России                          | -0.10              | <b>0.93</b>  |
| 13 | Мне комфортно живется в моем регионе, так что я не хочу переезжать           | -0.18              | <b>-0.63</b> |
| 14 | Я готов(а) переехать из моего региона в другой, если жизнь здесь станет хуже | 0.18               | <b>0.50</b>  |
|    | Собственные числа                                                            | 4.32               | 3.19         |
|    | Доля объясняемой дисперсии, %                                                | 30.9               | 22.8         |

*Примечание.* Полужирным выделены нагрузки, превышающие по модулю 0.40.

С. Макфарленда [9; 24]. Она позволяет оценить идентификацию с ближайшим окружением, гражданами своей страны и человечеством. Методика была модифицирована, чтобы вместо идентификации с ближайшим окружением измерялась идентификация с жителями региона, что позволило получить оценку региональной, российской и общечеловеческой идентичности. Методика включает девять заданий, в каждом требуется оценить степень идентификации с тремя группами. Показатели надежности шкал в нашем исследовании: 0.89 для региональной (здесь и далее приводятся коэффициенты  $\alpha$  Кронбаха); 0.88 для российской и 0.88 для общечеловеческой идентичности.

Для диагностики гражданской идентичности также использовалась методика С. Роккас [12; 26], которая включает две шкалы: преданность и прославление. Первая содержит пункты, оценивающие чувства принадлежности, преданности своей стране и народу (пример: “Я беззаветно предан своему народу”). Вторая измеряет не критичное, преувеличенно позитивное отношение к своему народу, стране и ее лидерам, нетерпимость к критике своей страны (пример: “В сравнении с другими наш народ гораздо нравственнее”). Надежность шкал составила 0.85 и 0.87 соответственно.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [11; 18]. Опросник состоит из двух частей по 15 пунктов, образующих пять шкал: забота, справедливость, лояльность, уважение, чистота. При обработке результатов подсчитывались средние баллы для каждой(-ого) участницы(-ка)

по шкалам, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии, включающей шкалы заботы и справедливости, и этики сообщества, образованной из оставшихся трех шкал. Коэффициенты надежности пяти первичных шкал в этом исследовании находились в пределах от 0.76 до 0.79, для шкал этики автономии и этики сообщества они составили 0.87 и 0.90 соответственно.

**Методы анализа данных.** Использовались методы корреляционного, модерационного [20] и эксплораторного факторного анализа (ЭФА), а также общие линейные модели (ОЛМ) с применением статистического программного обеспечения R и Statistica 10. Проводился конфирматорный факторный анализ (КФА) и структурное линейное моделирование в программе Mplus 8 с использованием робастного алгоритма MLR. Для оценки статистической значимости медиационных эффектов был выполнен бутстреп-анализ (5000 выборок) в программе Mplus 8.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Структура и психометрические характеристики ОМН.** Исследование структуры ОМН было начато с ЭФА. О пригодности данных для ЭФА свидетельствуют значения критериев Бартлетта ( $\chi^2(91) = 7936; p \leq 0.001$ ) и Кайзера—Мейера—Олкина (КМО = 0.90). В табл. 1 представлены результаты ЭФА методом минимальных остатков с облическим вращением Облимин. На основе критерия каменистой осыпи были выделены два

коррелирующих фактора (коэффициент корреляции 0.55), объясняющих 53.7% дисперсии. В первый фактор вошли семь заданий шкалы внешней миграции, во второй — семь заданий шкалы внутренней миграции.

Для дальнейшего анализа структуры ОМН был проведен КФА. Однофакторная модель показала неудовлетворительное соответствие данным:  $\chi^2 = 1810$ ;  $df = 77$ ;  $p \leq 0.001$ ;  $CFI = 0.655$ ;  $TLI = 0.592$ ;  $RMSEA = 0.149$ ; 90%-й доверительный интервал (ДИ) для  $RMSEA$ : 0.143–0.155;  $PCLOSE < 0.001$ . Двухфакторная модель с двумя коррелирующими факторами, соответствующими шкалам, имеет лучшие, но неприемлемые показатели:  $\chi^2 = 816.37$ ;  $df = 76$ ;  $p \leq 0.001$ ;  $CFI = 0.853$ ;  $TLI = 0.823$ ;  $RMSEA = 0.098$ ; 90%-й ДИ для  $RMSEA$ : 0.092–0.104;  $PCLOSE < 0.001$ . Чтобы учесть наличие в составе опросника прямых и обратных пунктов, был добавлен ортогональный двум основным факторам фактор стиля ответов, включающий обратные пункты. Это привело к существенному улучшению показателей соответствия:  $\chi^2 = 460.0$ ;  $df = 70$ ;  $p \leq 0.001$ ;  $CFI = 0.922$ ;  $TLI = 0.899$ ;  $RMSEA = 0.074$ ; 90%-й ДИ для  $RMSEA$ : 0.068–0.080;  $PCLOSE < 0.001$ .

Поскольку структура методики образована из пар заданий, входящих в разные шкалы, в модель были добавлены и проанализированы ковариации каждой из семи пар: три из них были статистически значимы. После удаления незначимых

ковариаций показатели соответствия итоговой модели (рис. 1) стали достаточными:  $\chi^2 = 260.13$ ;  $df = 67$ ;  $p \leq 0.001$ ;  $CFI = 0.962$ ;  $TLI = 0.948$ ;  $RMSEA = 0.053$ ; 90%-й ДИ для  $RMSEA$ : 0.046–0.060;  $PCLOSE = 0.214$ .

Описательные статистики по шкалам ОМН (табл. 2) свидетельствуют о слабой асимметрии распределения (коэффициент асимметрии по модулю  $\leq 0.06$ ). Корреляции миграционных намерений с другими показателями (см. табл. 2) указывают на их обратные связи с региональной и российской идентичностью, преданностью стране и ее прославлением, образующими этику сообщества моральными основаниями и возрастом. Корреляции шкал этики автономии (забота и справедливость) и этики сообщества (лояльность, уважение и чистота/святость) с миграционными намерениями демонстрируют согласованный паттерн (все шкалы этики автономии дают корреляции, близкие к нулю, а все шкалы этики сообщества показывают существенные обратные связи), подтверждая допустимость использования агрегированных показателей вместо первичных шкал.

Обратная связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями сильнее, чем аналогичная связь с внутренними: их разность статистически значимо отличается от нуля (критерий Вильямса для сравнения связанных корреляций  $t(1003) = 7.06$ ;  $p \leq 0.001$ ).

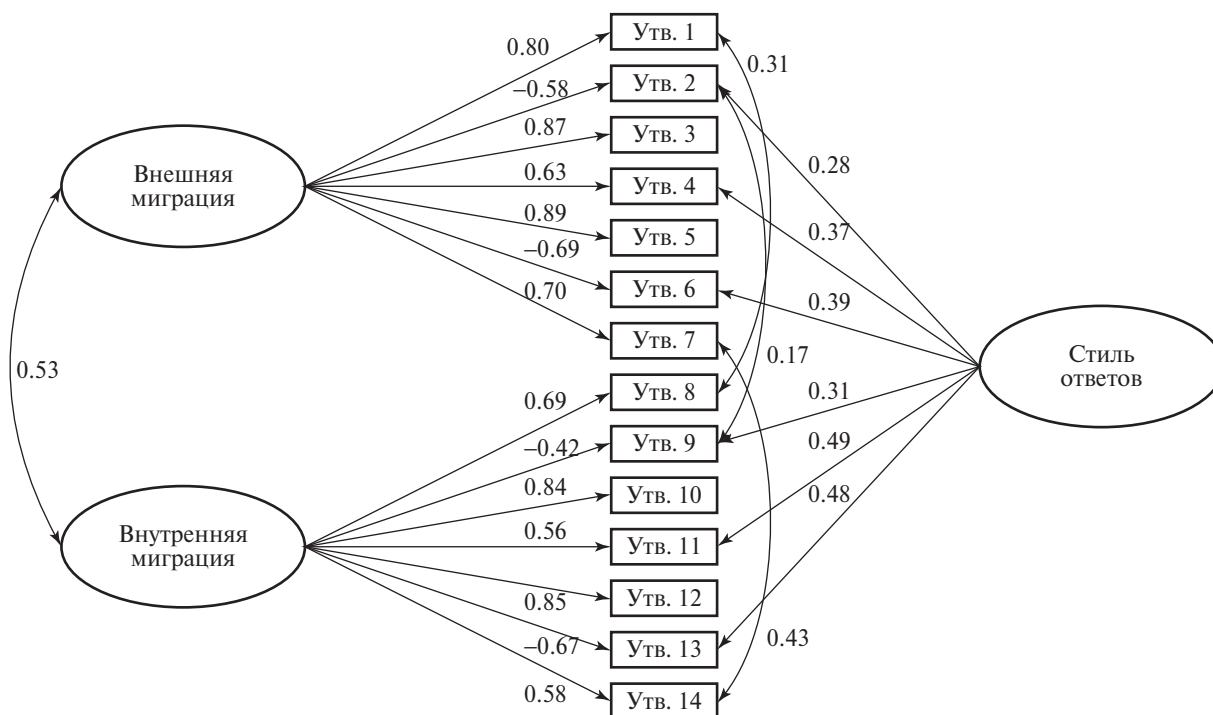


Рис. 1. Факторная модель ОМН ( $N = 1020$ ; приведенные коэффициенты статистически значимы при  $p \leq 0.001$ ; остатки опущены для упрощения, “Утв.” — утверждение)

**Таблица 2.** Описательная статистика, надежность и корреляции шкал ОМН с другими показателями ( $N = 1006$ )

| Показатель                            | Внешняя миграция | Внутренняя миграция |
|---------------------------------------|------------------|---------------------|
| <i>Идентичность</i>                   |                  |                     |
| Региональная                          | –0.39***         | –0.26***            |
| Российская                            | –0.38***         | –0.10**             |
| Общечеловеческая                      | 0.01             | 0.06                |
| Преданность стране                    | –0.61***         | –0.29***            |
| Прославление страны                   | –0.57***         | –0.26***            |
| <i>Моральные основания</i>            |                  |                     |
| Забота                                | –0.07*           | –0.03               |
| Справедливость                        | 0.07*            | 0.04                |
| Лояльность                            | –0.35***         | –0.18***            |
| Уважение                              | –0.41***         | –0.22***            |
| Чистота                               | –0.35***         | –0.17***            |
| Этика автономии                       | 0.00             | 0.01                |
| Этика сообщества                      | –0.41***         | –0.21***            |
| <i>Демографические характеристики</i> |                  |                     |
| Пол (0 — Ж; 1 — М)                    | –0.01            | –0.13***            |
| Возраст                               | –0.46***         | –0.26***            |
| Среднее значение                      | 3.02             | 2.99                |
| Стандартное отклонение                | 0.96             | 0.83                |
| Асимметрия                            | –0.06            | –0.03               |
| Экссесс                               | –0.45            | 0.08                |
| Альфа Кронбаха                        | 0.91             | 0.85                |

Примечания. \* $p \leq 0.05$ ; \*\* $p \leq 0.01$ ; \*\*\* $p \leq 0.001$ .

Сравнение миграционных намерений у мужчин и женщин с помощью  $t$ -критерия Стьюдента показало отсутствие статистически значимых различий по внешним и наличие таких различий по внутренним миграционным намерениям ( $t(1018) = 4.13$ ;  $p \leq 0.001$ ): они более выражены у женщин ( $M = 3.06$ ,  $SD = 0.84$ ), чем у мужчин ( $M = 2.82$ ,  $SD = 0.77$ ).

**Связь миграционных намерений с этикой сообщества и идентичностью при контроле демографических характеристик.** Хотя результаты анализа свидетельствуют о наличии парных связей между изучаемыми явлениями, важным является вопрос о том, сохраняются ли подобные связи при учете всех переменных и контроле демографических характеристик. Для ответа на этот вопрос была построена ОЛМ с двумя зависимыми переменными (внешние и внутренние миграционные намерения), включающая один категориальный (пол) и несколько количественных предикторов. Метод ОЛМ в данном случае является предпочтительным в сравнении с линейным структурным моделированием, поскольку он не требует определения в модели неизвестных отношений между независимыми переменными. Анализ остатков показал, что их распределение близко к нормальному закону с центром около нуля и постоянной дисперсией, что говорит о подтверждении предположений, необходимых для применения ОЛМ.

В табл. 3 приведены параметры ОЛМ, которые указывают на статистически значимые обратные связи миграционных намерений с этикой сообщества и прямые — с этикой автономии. Связи миграционных намерений с региональной идентичностью обратные, в то время как российская идентичность ведет себя противоречиво: она обратно связана с внешними миграционными намерениями, но прямо — с внутренними. Общечеловеческая идентичность показывает значимую прямую связь со всеми миграционными намерениями. Возраст оказывает негативный эффект на любые миграционные намерения, в то время как пол связан только с внутренними миграционными намерениями, более выраженными у женщин.

**Взаимодействие этики сообщества с российской и региональной идентичностью.** Результаты моделирования показали, что взаимодействие этики сообщества с российской идентичностью в объяснении внешних миграционных намерений является статистически значимым ( $t(1009) = 2.99$ ,  $p \leq 0.01$ ). Линии регрессии, отражающие связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями на разных уровнях идентичности (рис. 2), демонстрируют, что обратная связь между ними является наибольшей при высоком уровне идентичности, в то время как при низком уровне подобная связь проявляется в гораздо меньшей



**Таблица 3.** Результаты анализа связи миграционных намерений с моральными основаниями и показателями идентичности при контроле возраста и пола с помощью ОЛМ ( $N = 1006$ )

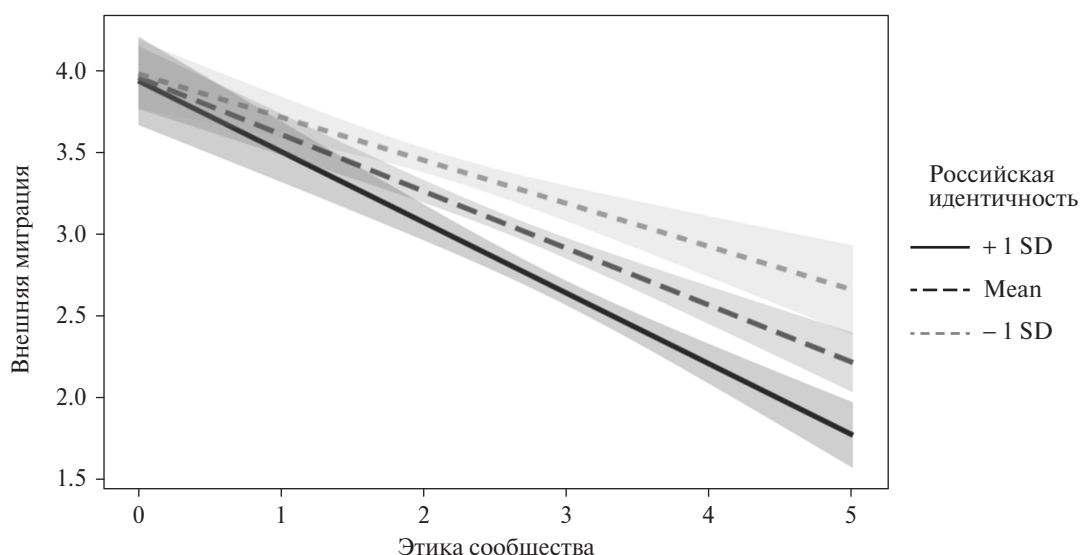
| Показатель                    | Внешняя миграция                                        |          |                | Внутренняя миграция                                    |          |                | Многомерные критерии |                |
|-------------------------------|---------------------------------------------------------|----------|----------------|--------------------------------------------------------|----------|----------------|----------------------|----------------|
|                               | $\beta$                                                 | $t(998)$ | $p$ -знач.     | $\beta$                                                | $t(998)$ | $p$ -знач.     | $F(2; 997)$          | $p$ -знач.     |
| Этика автономии               | 0.23                                                    | 7.74     | $p \leq 0.001$ | 0.07                                                   | 2.02     | $p \leq 0.05$  | 31.14                | $p \leq 0.001$ |
| Этика сообщества              | -0.26                                                   | -8.34    | $p \leq 0.001$ | -0.11                                                  | -2.90    | $p \leq 0.01$  | 35.14                | $p \leq 0.001$ |
| Региональная идентичность     | -0.16                                                   | -4.37    | $p \leq 0.001$ | -0.36                                                  | -8.25    | $p \leq 0.001$ | 34.32                | $p \leq 0.001$ |
| Российская идентичность       | -0.33                                                   | -7.81    | $p \leq .001$  | 0.18                                                   | 3.52     | $p \leq .001$  | 6.48                 | $p \leq 0.001$ |
| Общечеловеческая идентичность | 0.27                                                    | 8.39     | $p \leq 0.001$ | 0.09                                                   | 2.16     | $p \leq .05$   | 36.65                | $p \leq 0.001$ |
| Возраст                       | -0.32                                                   | -12.70   | $p \leq 0.001$ | -0.23                                                  | -7.43    | $p \leq 0.001$ | 82.62                | $p \leq 0.001$ |
| Пол (0 — Ж; 1 — М)            | -0.03                                                   | -1.03    | Незначим       | -0.11                                                  | 3.67     | $p \leq 0.001$ | 11.08                | $p \leq 0.001$ |
| Характеристики модели         | $F(7, 998) = 113.89$ ;<br>$p \leq 0.001$ ; $R^2 = 0.44$ |          |                | $F(7, 998) = 31.02$ ;<br>$p \leq 0.001$ ; $R^2 = 0.17$ |          |                |                      |                |

степени, оставаясь статистически значимой (при  $p \leq 0.001$ ).

Анализ взаимодействия региональной идентичности с этикой сообщества в объяснении внутренних миграционных намерений (рис. 3) также свидетельствует о наличии статистически значимого модерационного эффекта ( $t(1009) = 4.67$ ;  $p \leq 0.001$ ).

Этика сообщества показывает существенную обратную связь с внутренними миграционными намерениями при высоком уровне региональной идентичности, при среднем уровне связь становится слабее, хотя и остается статистически значимой (при  $p \leq 0.001$ ), однако при низком уровне идентичности эта связь не является значимой (см. рис. 3). Следовательно, этика сообщества показывает обратную связь с внутренними миграционными намерениями только при среднем и высоком уровнях региональной идентичности.

**Связь миграционных установок с этикой сообщества, опосредованная преданностью стране и ее прославлением.** Для проверки предположения об опосредованной связи моральных оснований с миграционными намерениями (через преданность стране и ее прославление) было проведено структурное линейное моделирование. Миграционные намерения рассматривались в качестве переменных, зависящих от преданности стране и ее прославления, этики сообщества, этики автономии, возраста и пола. Для парных показателей миграционных установок, гражданской идентичности и моральных оснований допускалась ковариация внутри пар. После устранения незначимых путей была получена модель (рис. 4) с отличными показателями соответствия данным:  $\chi^2 = 26.35$ ;  $df = 10$ ;  $p = 0.003$ ;  $CFI = 0.994$ ;  $TLI = 0.983$ ;  $RMSEA = 0.040$ ; 90%-й доверительный интервал для  $RMSEA$ : 0.022–0.059;  $PCLOSE = 0.795$ ;  $N = 1020$ .

**Рис. 2.** Взаимодействие этики сообщества и российской идентичности в объяснении внешних миграционных намерений (Mean — средний уровень, SD — стандартное отклонение, затененные области отражают границы 95%-го доверительного интервала)

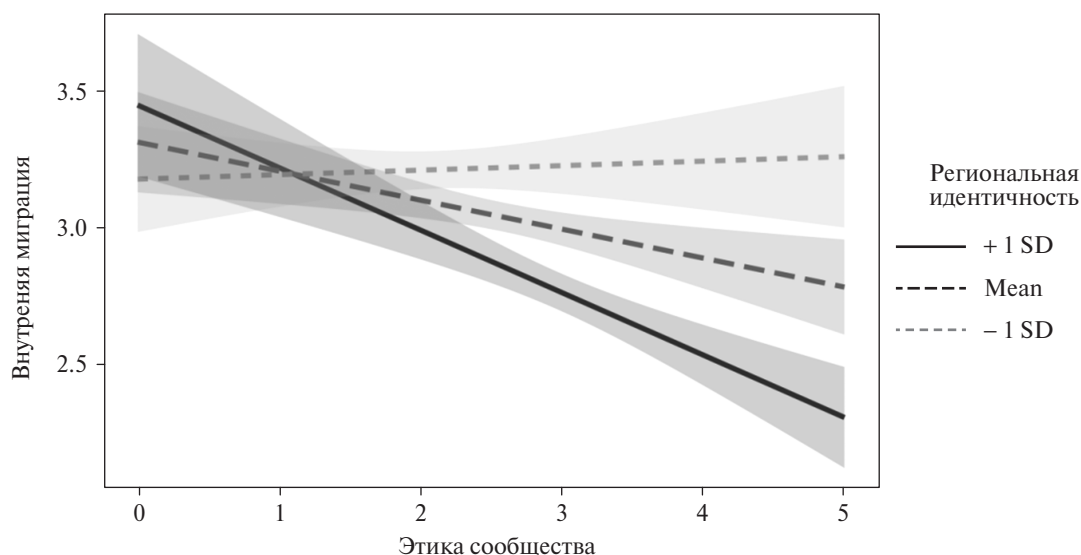


Рис. 3. Взаимодействие этики сообщества и региональной идентичности в объяснении внутренних миграционных намерений

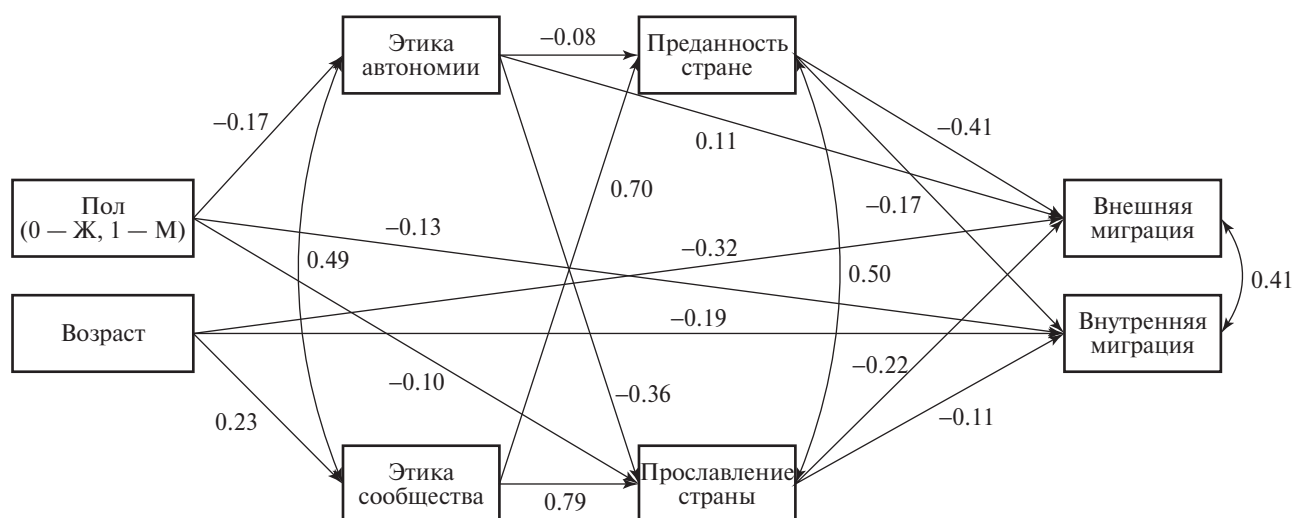


Рис. 4. Структурная модель связи миграционных намерений с показателями гражданской идентичности, моральных оснований и демографическими характеристиками (приведенные коэффициенты значимы при  $p \leq 0.01$ )

Непосредственной связи этики сообщества с миграционными намерениями не выявлено, этика автономии показывает слабую непосредственную прямую связь с внешними миграционными намерениями. Результаты анализа опосредованных связей моральных оснований с миграционными намерениями показывают, что все они статистически значимы, однако большинство пренебрежимо мало по величине ( $< 0.15$ ). Превышающими эту величину и значимыми при  $p \leq 0.001$  оказались лишь обратные связи этики сообщества с внешними миграционными намерениями, опосредованные через преданность своей стране ( $-0.29$ ) и ее прославление ( $-0.17$ ).

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволило проанализировать связь миграционных намерений с социальной идентичностью и этикой сообщества, предписывающей преданность своей группе. Предложенный опросник (ОМН), отличающийся от других аналогичных инструментов [5] краткостью и возможностью получить оценки внешних и внутренних миграционных намерений в сопоставимых шкалах, показал высокую надежность и ожидаемую факторную структуру.

Полученные результаты подтверждают обратный эффект возраста на миграционные

намерения [16; 17]. Обнаруженный нами эффект пола указывает на большую склонность женщин только к внутренней миграции в отличие от зарубежных данных, свидетельствующих о том, что женщины также более склонны к внешней миграции [17]. Миграционные намерения показали связи с российской и региональной идентичностью, с установками на преданность стране и ее прославление. Полученные факты соответствуют основанным на теории социальной идентичности [29] ожиданиям: так как наличие позитивной социальной идентичности сочетается с отсутствием мотивации для перехода в другую группу, выраженная российская или региональная идентичность обратно связана с миграционными намерениями.

Этика сообщества показывает обратную связь с внешними и внутренними миграционными намерениями, однако сила связи зависит от российской и региональной идентичности, что соответствует ожиданиям, основанным на теории моральных оснований и теории социальной идентичности [18; 19; 29]. Также соответствует теории факт опосредованной связи этики сообщества с миграционными намерениями через установки на преданность своей стране и ее прославление. Патриотизм как в адекватной (преданность своей стране), так и в преувеличенной (прославление страны) форме, полностью отвечающий нормам этики сообщества, ожидаемо опосредовал ее связи с миграционными намерениями.

Обратная связь этики сообщества с внешними миграционными намерениями оказалась сильнее, чем с внутренними: эмиграция за рубеж представляется более существенным нарушением норм этики сообщества, чем переезд в другой регион страны. В будущих исследованиях предстоит выяснить, зависит ли этот факт от страны и культуры или является универсальным.

Корреляционный дизайн исследования не позволяет подтвердить гипотезу о причинно-следственных связях. Проверка подобной гипотезы о том, что этика сообщества как общий фактор оказывает влияние на более частные патриотические установки и через них на конкретные миграционные намерения с использованием более строгого дизайна составляет перспективу исследования. Ограничением исследования является применение исключительно самоотчетных методик, что затрудняет перенос выводов на миграционное поведение.

## ВЫВОДЫ

1. ОМН является экономичной методикой, позволяющей получить надежные оценки внешних и внутренних миграционных намерений в сопоставимой шкале.

2. Миграционные намерения обратно связаны с этикой сообщества, российской и региональной идентичностью. При выраженной региональной и российской идентичности обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями существенно сильнее.

3. Обратная связь этики сообщества с миграционными намерениями опосредована установками на преданность своей стране и на ее прославление.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Социальные эффекты образовательной политики // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 100–106.
2. Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.
3. Козлова М.А., Козлов А.И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70.
4. Кузнецова С.А. Временные перспективы и миграционные установки магданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 67–78.
5. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
6. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
7. Максимова Л.А., Валиев Р.А., Руженцева Н.Б., Валиева Т.В. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92.
8. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185.

9. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
10. Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 56–63.
11. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.
12. Сычев О.А., Протасова И.Н. Опросник гражданской идентичности // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы II Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 148–154.
13. Хухлаев О.Е. Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Ученые записки РГСУ. 2012. № 10 (110). С. 66–70.
14. Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Sanford R.N., Levinson D.J. The authoritarian personality. London, New York: Verso, 2019.
15. Asún R., Zúñiga C., Morales J.-F. Design and validation of the revised Regional Identity Scale (RIS-2) / Diseño y validación de la Escala de Identidad Regional revisada (RIS-2) // International Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 33 (2). P. 357–389.
16. Campbell P. Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 262–267.
17. Fouarge D., Özer M.N., Seegers P. Personality traits, migration intentions, and cultural distance // Papers in Regional Science. 2019. Vol. 98 (6). P. 2425–2454.
18. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385.
19. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. Moral Foundations Theory // Atlas of Moral Psychology / Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
20. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition: A Regression-Based Approach. New York, London: Guilford Publications, 2018.
21. Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L. Temperament and Migration Patterns in Finland // Psychological Science. 2008. Vol. 19 (9). P. 831–837.
22. Khan S.R., Stagnaro M.N. The Influence of Multiple Group Identities on Moral Foundations // Ethics & Behavior. 2016. Vol. 26 (3). P. 194–214.
23. Kosterman R., Feshbach S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 10. P. 257–274.
24. McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my in-group: A measure and studies of identification with all humanity // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103 (5). P. 830–853.
25. Méndez L. So Dissatisfied to Leave? The Role of Perceptions, Expectations and Beliefs on Youths' Intention to Migrate: Evidence from a Developing Country // Journal of Happiness Studies. 2019. P. 1–26.
26. Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91 (4). P. 698–711.
27. Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Rönnemaa T., Kaprio J. Selective international migration by social position, health behaviour and personality // European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18 (2). P. 150–155.
28. Staub E. Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action // Patriotism in the Lives of Individuals and Nations. New York: Nelson-Hall, 1997. P. 213–228.
29. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.
30. Vermeulen W.R., Roy D., Quax R. Modelling the Influence of Regional Identity on Human Migration // Urban Science. 2019. Vol. 3 (3). P. 78.



# ATTITUDES TOWARD MIGRATION IN RUSSIAN: ASSOCIATIONS TO SOCIAL IDENTITY AND MORAL FOUNDATIONS<sup>2</sup>

O. A. Sychev<sup>1,\*</sup>, K. I. Belousov<sup>2,\*\*</sup>, N. L. Zelianskaia<sup>2,\*\*\*</sup>, I. V. Anoshkin<sup>3,\*\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>*Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy;  
659333, Biysk, Korolenko str., 53, Altai Territory, Russia.*

<sup>2</sup>*Perm State National Research University;  
614068, Perm, Bukireva str., 15, Russia.*

<sup>3</sup>*V.I. Vernadsky Crimean Federal University;  
295007, Simferopol, Academician Vernadsky Ave., 4, Republic of Crimea.*

<sup>\*</sup>*PhD (Psychology), Associate Professor.*

*E-mail: osn1@mail.ru*

<sup>\*\*</sup>*ScD (Philology), Professor.*

*E-mail: belousovki@gmail.com.*

<sup>\*\*\*</sup>*PhD (Philology), Associate Professor.*

*E-mail: zelyanskaya@gmail.com*

<sup>\*\*\*\*</sup>*PhD (Psychology), Associate Professor.*

*E-mail: iva105@mail.ru*

Received 27.07.2020

**Abstract.** Investigations of psychological factors in migration attitudes are focused mainly on personality traits, while the role of moral values and norms remains understudied. The role of the binding moral foundations described in the framework of the moral foundations theory is of great interest. To test the hypothesis that binding moral foundations and social identity are related to migration attitudes, a questionnaire was developed that assesses attitudes towards external and internal migration. Analysis of the survey results of 1,020 people from 11 regions of Russia showed that binding moral foundations and different types of identity are related with migration attitudes. Binding moral foundations show stronger reverse correlations with attitudes towards migration when regional and national identities are high. Attachment to the national group and glorification of the national group mediate the link between binding moral foundations and migration attitudes.

**Keywords:** attitudes toward migration, Russian national and regional identity, moral foundations, binding moral foundations, patriotism.

## REFERENCES

1. *Asmolov A.G.* Social'nye jeffekty obrazovatel'noj politiki. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2 (4). P. 100–106. (In Russian)
2. *Grigorian L.K.* Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijaniyanaj ekonomicheskiju samostojatel'nost'. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2013. № 3. P. 22–31. (In Russian)
3. *Kozlova M.A., Kozlov A.I.* Istoki morali, orientirovannoj na individa i grupp: social'no-psihologicheskij i estestvenno-nauchnyj aspekty. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 3. P. 60–70. (In Russian)
4. *Kuznetsova S.A.* Vremennye perspektivy i migracionnye ustanovki magadanskih studentov na raznyh jetapah obuchenija. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2018. V. 15. № 1. P. 67–78. (In Russian)
5. *Kuznetsova S.A., Kuznetsov I.Ju., Feshhenko A.V.* Razrabotka shkaly migracionnyh ustanovok lichnosti. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2014. № 1. P. 83–90. (In Russian)
6. *Kuznetsova S.A.* Migracionnye ustanovki kak predmet social'no-psihologicheskij issledovanij. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 4. P. 34–45. (In Russian)
7. *Maksimova L.A., Valiev R.A., Ruzhenceva N.B., Valieva T.V.* Regional'naja identichnost' v junosheskom vozraste kak marker lichnostnoj svyazi s territoriej prozhivaniya. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2019. V. 24. № 2. P. 82–92. (In Russian)
8. *Nestik T.A.* Global'naja identichnost' kak social'no-psihologicheskij fenomen: teoretiko-jempiricheskoe issledovanie. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2017. V. 2. № 4. P. 145–185. (In Russian)

<sup>2</sup> This work was supported by Russian Science Foundation, project № 20-18-00336.

9. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologija global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
10. *Rybakovskij L.L.* Funkcii i posledstviya migracionnyh processov. Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 10 (402). P. 56–63. (In Russian)
11. *Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I.* Diagnostika moral'nyh osnovanij: aprobacija russkojazychnoj versii oprosnika MFQ. Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2018. V. 15. № 3. P. 88–115. (In Russian)
12. *Sychev O.A., Protasova I.N.* Oprosnik grazhdanskoj identichnosti. Aktual'nye voprosy obshhej i juridicheskoy psihologii: obrazovanie, pravo i social'nye praktiki: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Eds. E.S. Anichkin, A.A. Vasil'ev, D.V. Kashirskij, N.V. Sabel'nikova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020. P. 148–154. (In Russian)
13. *Huhlaev O.E.* Nacionalizm i patriotism kak social'nye ustanovki: teoreticheskij analiz i jeksperimental'nye issledovanija. Uchenye zapiski RGSU. 2012. № 10 (110). P. 66–70.
14. *Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Sanford R.N., Levinson D.J.* The authoritarian personality. London, New York: Verso, 2019.
15. *Asún R., Zúñiga C., Morales J.-F.* Design and validation of the revised Regional Identity Scale (RIS-2). Diseño y validación de la Escala de Identidad Regional revisada (RIS-2). International Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 33 (2). P. 357–389.
16. *Campbell P.* Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia. Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 262–267.
17. *Fouarge D., Özer M.N., Seegers P.* Personality traits, migration intentions, and cultural distance. Papers in Regional Science. 2019. Vol. 98 (6). P. 2425–2454.
18. *Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H.* Mapping the Moral Domain. Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385.
19. *Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M.* Moral Foundations Theory. Atlas of Moral Psychology. Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
20. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition: A Regression-Based Approach. New York, London: Guilford Publications, 2018.
21. *Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L.* Temperament and Migration Patterns in Finland. Psychological Science. 2008. Vol. 19 (9). P. 831–837.
22. *Khan S.R., Stagnaro M.N.* The Influence of Multiple Group Identities on Moral Foundations. Ethics & Behavior. 2016. Vol. 26 (3). P. 194–214.
23. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes. Political psychology. 1989. Vol. 10. P. 257–274.
24. *McFarland S., Webb M., Brown D.* All humanity is my in-group: A measure and studies of identification with all humanity. Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103 (5). P. 830–853.
25. *Méndez L.* So Dissatisfied to Leave? The Role of Perceptions, Expectations and Beliefs on Youths' Intention to Migrate: Evidence from a Developing Country. Journal of Happiness Studies. 2019. P. 1–26.
26. *Roccas S., Klar Y., Liviatan I.* The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations. Journal of personality and social psychology. 2006. Vol. 91 (4). P. 698–711.
27. *Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Rönnemaa T., Kaprio J.* Selective international migration by social position, health behaviour and personality. European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18 (2). P. 150–155.
28. *Staub E.* Blind versus constructive patriotism: Moving from embeddedness in the group to critical loyalty and action. Patriotism in the lives of individuals and nations. New York: Nelson-Hall, 1997. P. 213–228.
29. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of Intergroup Relations. Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.
30. *Vermeulen W.R., Roy D., Quax R.* Modelling the Influence of Regional Identity on Human Migration. Urban Science. 2019. Vol. 3 (3). P. 78.

УДК 159.9

## ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2021 г. Е. Ю. Коржова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования  
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;  
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека.  
E-mail: elenakorjova@gmail.com*

Поступила 20.07.2020

**Аннотация.** Творчество Ф.М. Достоевского значимо для разных сфер человековедения, в том числе для психологии. Объект настоящего исследования — творческое наследие Ф.М. Достоевского в его значении для психологии личности. Предмет — психологические типы, описанные в творчестве Ф.М. Достоевского. Целью явилось введение в научный оборот типологии, разработанной на основе авторской модели на примере творчества Ф.М. Достоевского. В задачи вошли анализ подходов к типологизации его персонажей, реконструкция типологии личности в творчестве Достоевского, соотнесение данной типологии с типологией жизненных ориентаций, разработанной нами ранее. В процессе реконструкции духовно-ориентированной типологии персонажей Ф.М. Достоевского выделены духовно богатые, духовно противоречивые, духовно бедные типы. Данная типология согласуется с типологией жизненных ориентаций. Духовно богатые вмещают в себя всю полноту личностного бытия (“чистые сердцем”; “образы народной святости”; “русское иночество”, соответствие внутренне целостной личности). Духовно противоречивые пребывают в противоречии с собой и миром: а) гипертрофия эмоциональной сферы (“мечтатели”, “псевдоправедники”, соответствие типу “гармонизатор”); б) гипертрофия мыслительной сферы (“рациональные мыслители”, соответствие типу “пользователь”); в) гипертрофия волевой сферы (“рефлексирующие”, “деятели”, соответствие типу “ситуативно целостная личность”). Духовно ограниченные пребывают на периферии своего внутреннего мира (гипотрофия самости (“бедные люди”, “сладостлюбцы”), соответствие типу “потребитель”) или в его чрезмерной самозамкнутости (гипертрофия самости (“гордецы”, “влюбленные”), соответствие типу “преобразователь”).

**Ключевые слова:** творчество Ф.М. Достоевского, личность в художественной литературе, многообразие персонажей, духовно-ориентированная типология личности, типология жизненных ориентаций.

DOI: 10.31857/S020595920015199-4

Огромно влияние творчества Достоевского на науки о человеке. Споря или развивая его идеи, к нему обращались крупнейшие мыслители. Отрадно, что и психологи проявляют интерес к писателю, который, не имея в этом себе равных, так тонко сумел уловить и описать сложные движения души и отразить их в художественном творчестве. Л.С. Выготский отмечал внутреннюю противоречивость героев Достоевского, сочетание возвышенного и низменного [10]. Б.Г. Ананьев выявил психологические проблемы, поставленные Достоевским: амбивалентность чувств, внутренний диалог и др., а также, опираясь на комплексный подход, обосновал возможность воссоздания психологического портрета писателя на основе продуктов его творческой деятельности [1]. На примере Ф.М. Достоевского рассмотрена духовность как один

из критериев гениальности [24; 48]; реконструированы элементы социально-психологической концепции человека [43], выделены психологические приемы творчества [41]; дана психологическая трактовка честолюбия в его произведениях [4] и др. В свое время нами также была дана характеристика личности и творчества Ф.М. Достоевского как великого русского мыслителя [27]. Сегодня наступает новый этап осмысления его наследия, которое должно занять достойное место в истории отечественной психологии.

Художественная литература предоставляет широкие возможности для психологического познания человека в его целостности [26; 28; 29]. Современный взгляд психолога на искусство отражен В.Ф. Петренко [40], который показывает, опираясь на психосемантику, что искусство является

формой познания мира и себя самого через метафорические образы, символы, чувства: произведение искусства, будучи средством экспликации сознания и самосознания автора, отражает его духовные искания, поиск смыслов бытия и богоискательство. Оно выполняет роль образного сталкера в художественном пространстве.

В творчестве Достоевского свыше 530 основных персонажей, т.е. не только упоминаемых, но и названных по имени и более-менее действующих [23]. Стремление описать многообразие персонажей возникало у филологов и философов, исследующих творчество Достоевского, неоднократно. Однако есть необходимость показать вклад Достоевского и в психологию. *Объект* настоящего исследования — творческое наследие Ф.М. Достоевского в его значении для психологии личности. *Предмет* — психологические типы, содержащиеся в творчестве Ф.М. Достоевского. *Целью* явилось введение в научный оборот типологии, разработанной на основе авторской модели на примере творчества Ф.М. Достоевского. В *задачи* вошли анализ существующих подходов к типологизации его персонажей, реконструкция типологии личности в творчестве Достоевского, соотнесение реконструированной типологии с типологией жизненных ориентаций, разработанной нами ранее.

## МНОГООБРАЗИЕ ТИПОЛОГИЗАЦИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследователи неоднократно проявляли интерес к многообразию образов у писателя. Еще Н.А. Добролюбов выделил два типа униженных и оскорбленных у Достоевского: “кроткие”, смиряющиеся перед тяготами жизни, и “ожесточенные”, протестующие против обстоятельств и своего ничтожного социального положения [15]. Л.В. Чернец, рассматривая типы персонажей в русской литературе XIX в., обращается в том числе к творчеству Достоевского, видя главное основание для определения типа в точке зрения самого писателя или авторитетного критика, выдержавшей испытание временем. Писатель обычно возвращается к “притягивающему” типу: у Достоевского это “двойник”, “мечтатель”, “подпольный человек” [49]. Он дорожил обнаруженным им типом “двойника”, несмотря на отрицательные отклики критиков, и писал брату Михаилу: “Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?” [16, с. 340].

Типы определяют и в рамках одного произведения. Так, Л.И. Панкова, С. Шурыгина выделяют

два типа в романе “Подросток”: отца и сына, “хищника” и “искателя правды” [39]. Е.Е. Нелипа выделяет типы в романе “Бесы” по критерию соответствия высшему идеалу (Христу): 1) “предтеча бесов” (предпосылка возникновения антигармонии); 2) сами “бесы” (мир антигармонии) и распространители “бесовщины” как антибожественной идеи; 3) “попавшие под влияние бесов”; 4) “не-бесы” (мир гармонии) — персонажи с “иммунитетом” человечности (кротости, смирения, доброты и других добродетелей); 5) не принадлежащие ни к одному из полюсов [36].

В контексте всего творчества Достоевского предложен ряд бинарных типологий: по критерию общественно-родовой ориентации: “родовой” (мать Раскольников, Соня Мармеладова, Мышкин, Алеша Карамазов), “индивидуалистический” (Лужин, Рогожин, Ганя Иволгин, Иван Карамазов) и промежуточный (Раскольников, Митя Карамазов, Версиков) [7]; по критерию “стадии” общественного развития: “на стадии патриархальности” — “стихийно нравственный” (Соня, мать Раскольников, Даша, Марья Лебядкина, Тихон в “Бесах”, Лиза в “Подростке”) и “стихийно безнравственный” (Свидригайлов, Рогожин, Ф.П. Карамазов); на стадии “цивилизации” — “теоретики — раздвоенные натуры” (Раскольников, Иван Карамазов, Ставрогин, Версиков) и “теоретикидельцы” (Лужин, Смердяков, Лебядкин) [50]; смиренный (Соня Мармеладова, Мышкин, Алеша Карамазов) и гордый (подпольный парадоксалист, Свидригайлов, Ставрогин) [22]. Также выделены типы персонажей “с криминальной карьерой”, “антропосоциальные типы преступников”, с использованием метафор Достоевского: “человек-демон”, “человек-машина”, “человек-орудие”, “человек-зверь” и “человек-паук”, общие черты которых — недовольство социальным существованием в царстве упорядоченной нормативности и периодическая жажда разрушения и хаоса [6].

Типы персонажей Достоевского рассматриваются также в их развитии на протяжении этапов творчества: от “мечтателя” в ранних произведениях к “подпольному” (“Записки из подполья”) и затем к “гордому человеку” (Раскольников), апогея достигающему в типе “беса” (Ставрогин); выделяется тип “положительно прекрасного” героя (князь Мышкин), который развивается в “кроткого” (Алеша Карамазов) [38]. Р.Г. Назиров также выделяет типы “мечтателя”, в том числе его эволюцию, и “героя-идеолога” (начиная с “подпольного человека”) [35]. Остается открытым вопрос о том, каким образом типы связаны и в чем закономерность их взаимопревращения.



В раннем творчестве Ф.М. Достоевского рассматривается эволюция типов “маленьких людей”, мечтателей, приживальщиков и др., которые воплощают “социально-психологическое несовершенство”, являясь при этом этапом развития взглядов писателя в решении проблемы личности, и в дальнейшем трансформирующиеся в более сложные типы героев-идеологов [13]. В раннем творчестве с опорой на три аспекта изображения и раскрытия характеров (социальный, нравственный, идеологический) выделяются следующие типы: “действующий реалист” (Макар Девушкин), “пассивный мечтатель” (герой “Белых ночей”), “разрушающаяся личность” (Голядкин), “протестующая невольница” (Варенька из “Бедных людей”), “власть имущие” (Мурин из “Хозяйки”, Анна Федоровна и Быков из “Бедных людей” и др.), “преобразователи жизни” (Ордын в “Хозяйке”); в произведениях Достоевского первых послекаторжных лет выделяются два типа: “деспот” (Валковский, Жеребятников и др.) и “жертва” (Ихменев, княжна Катя и Алеша и др.) [11].

На основаниях “мир”, “социум”, “я” выделяются следующие (парные) типы эмоционально-ценностных ориентаций: эпика (Алеша Карамазов) — драматизм; трагизм (Раскольников) — юмор; героика (Кириллов) — инвектива; романтика (Иван Карамазов) — сатира; сентиментальность — цинизм (Петр Верховенский); ирония (Свидригайлов, Ставрогин) [21]. При этом используется понятие эмоционально-ценностной ориентации: автор считает его более точным, так как оно включает элемент вне-логического, чувственного отношения к миру.

Можно видеть, что, несмотря на многие интересные попытки типологизации персонажей Достоевского, они не имеют единых оснований, поэтому нередко типы могут быть одновременно отнесены к разным категориям и типологии размываются либо становятся слишком общими. На пути к поиску адекватного типологического критерия Ю.Г. Кудрявцев предлагает выделять личности (Тихон, Шатов, Кириллов в “Бесах”) и безличности (Свидригайлов, П. Верховенский и все “бесы”), а также тех, кто пребывает между ними (например, Ставрогин) [31].

В последнее время обозначается тенденция к уходу от типологизации к индивидуализации персонажей Достоевского в стремлении подчеркнуть их психологическое своеобразие. А.Б. Криницын [30] обращает внимание на противоречивость образов, наделенных взаимоисключающими чертами (центральные “герои-идеологи”). Их дополняют типы второстепенных персонажей: типажи “властная мать” (генеральши Епанчина и Ставрогина),

“взбалмошная любящая красавица” (Аглая, Лиза Тушина, Лиза из “Подростка”), “добровольный шут” из мелких чиновников или отставных офицеров (Голядкин, Лебедев, Лебядкин, Картузов, Снегирев, приближается к ним Труссоцкий). Предложена также классификация моделей построения образов героев у Достоевского в соответствии с различиями по функции и структуре. Второстепенные жанровые и сатирические персонажи называются наиболее близкими к общей романной традиции: Келлер, Тоцкий в “Идиоте”, князья Сокольские в “Подростке”, Максимов, поляки в “Братьях Карамазовых”. Идеино-жанровые герои второго ряда наделены яркой характерностью и при этом способны к осмыслению идей: Порфирий, Мармеладов, Лебедев, Федор Павлович, Снегирев, Рогожин, Дмитрий Карамазов (преимущественно шуты-парадоксалисты и “страстные” герои). Отдельный ряд являют собой герои как носители положительного идеала, характеризующиеся общими чертами (отсутствием страстности и эгоизма) и потому упрощенные: Соня Мармеладова, Мышкин, Алеша Карамазов. Также выделены идейные герои, философы-парадоксалисты с определяющей чертой страстной духовной экзальтации: Раскольников, Иван, Кириллов, Ставрогин, Шатов. Герои представляют собой не характеры, а комбинации сильнейших переживаний, они утрачивают личные черты. При этом в каждом новом романе создается хотя бы один принципиально новый герой (“положительно прекрасный человек”, “великий грешник”, “подросток”, “широкая русская натура”). Наконец, делается вывод о том, что герой Достоевского, взятый в своем окончательном развитии, предстает перед читателем не как характер или тип, а как функция перехода идеи в событие [30]. Ф.В. Макаричев также полагает, что типологизация редуцирует богатство образов Достоевского, и предлагает индивидуологический подход, не предусматривающий единого принципа классификации и ориентированный на синтетичность различных признаков в характере и поведении персонажей, а также на стихийность выражения этих признаков [33].

При раскрытии на материале художественной литературы авторской типологии личности, в основании которой лежит ее направленность [29], мы обратили внимание, что среди писателей Достоевский не имеет себе равных в точности и подробности художественного изображения вариантов жизни. М.М. Бахтин показал, что романы Достоевского представляют собой сложную, многомерную культурологическую модель мира [5]. Тексты Достоевского являются персонологической сокровищницей: стремясь к сжатию, концентрации

лучших идей, наблюдений, содержаний рефлексии и выражаясь в убедительном тексте, авторская персоналогическая модель может взрываться множеством открытий и интерпретаций, углубляющих знание о личности [45].

Жизненный путь личности неотъемлем от ее направленности. Заслуга Достоевского в том, что он, продолжая традиции художественной литературы в раскрытии духовного контекста жизни и воссоздании мироощущения русского человека, гениально соотнес широкую палитру вариантов личностного бытия с его духовно-нравственными закономерностями. Его персонажи пребывают на разных ступенях духовного развития и обладают разной полнотой личности.

### ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Можно выделить три большие группы персонажей Достоевского с учетом понимания ключевой в личности духовно-нравственной сферы: *духовно богатые, духовно противоречивые и духовно ограниченные*, по степени ведения. По учению святых отцов есть три степени ведения: *противоестественное, естественное и сверхъестественное* в зависимости от того, душа в добре, зле или между ними [20]. Духовно богатые и духовно ограниченные представляют дихотомию, положительный и отрицательный полюса континуума, тогда как духовно противоречивые занимают промежуточное положение. Каждый из этих трех типов включает в себя подтипы, по-разному характеризующие центральную духовную суть каждого типа.

Традиция типологии личности по критерию ее духовной направленности берет начало в эпоху Средневековья, когда были выделены три произволения: плотское (услаждение чрева прежде всего), душевное (возвышение над пороком, но не вполне причастное к добродетели, например забота о пропитании и одежде), духовное (совершенство жизни по Богу) [12]. Влияние свт. Григория Нисского ощутимо в творчестве В.И. Несмелова, который выделяет *уровни развития личности*: доличный; личность как активный субъект; личность не только как субъект, но еще и как субъект, обладающий нравственным сознанием [37]. Ученик В.И. Несмелова В.А. Снегирев говорит о том, что в самосознании может преобладать *одно из трех Я*: как живой организм; как сознание внутренних сил (ума, воли, чувства, их качеств, в том числе нравственных); как душа, особое существо, вечное

и неизменное, бессмертное, причина жизни личности [44]. П.А. Флоренский, различая лик, лицо и личину, охарактеризовал лицо как место борьбы телесного и духовного [47]. В работах современных авторов предложены типологии смысловых уровней личности от доличностного к духовному [8], нравственного функционирования [9], в контексте уровней жизненного самоопределения от витального до экзистенциального [14].

Нами предложена концепция человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности и в ее русле: типология жизненных (субъект-объектных) ориентаций, а также психологических типов личности и жизненного пути [25; 29 и др.]. В качестве основы взаимодействия человека с жизненной ситуацией рассматриваются субъект-объектные ориентации. Эмпирически с помощью разработанного методического инструментария выделены их базовые компоненты, соотношение которых определяет основания типологии: транс-ситуационная изменчивость (стремление к самоизменениям); локус контроля (ответственность на уровне личности); направленность на освоение мира (внутреннего или внешнего); подвижность (стремление к новизне). Положительные полюса характеризуют субъектную ориентацию, активную жизненную позицию, тогда как противоположные качества — объектную, пассивную. Шкала жизненного творчества включает все компоненты жизненных ориентаций, за исключением локуса контроля, что отражает эмпирически выявленные взаимосвязи данных компонентов. В пространстве между двумя ортогональными осями — жизненное творчество и жизненный локус контроля — располагаются четыре базовых психологических типа: преобразователь, гармонизатор, пользователь и потребитель жизненных ситуаций. Преобразователь и потребитель соотносятся с полюсами субъектной и объектной ориентации соответственно. У гармонизатора выражена творческая направленность при внешнем локусе контроля; у пользователя отмечена приспособительная направленность при внутреннем локусе контроля. При отсутствии четко выраженных субъект-объектных ориентаций на личностном уровне выделяются также два типа, сочетающие высокую и низкую ответственность, творческие и приспособительные тенденции. Их представители совершают дополнительные усилия для жизненного самоопределения. Ситуативно целостная личность характеризуется неопределенностью и противоречивостью жизненной позиции, проявляя свой потенциал в зависимости от конкретной ситуации. Внутренне целостная личность от ситуации не зависит, имея осознанный нравственный идеал и избирая путь осмысления бытия

с его земными или духовными ценностями. Духовно-нравственный вектор переводит жизненные ориентации в новую плоскость и позволяет рассматривать личность в ее полноте.

**I. Духовно богатые** вмещают в себя всю полноту личности. Среди персонажей Ф.М. Достоевского особое место занимают *чистые сердцем*. Преп. Исаак Сириин говорит: “Когда можно сказать, что достиг кто чистоты? — когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем” [20, с. 652]. Соня Мармеладова жертвует собой, своим женским достоинством ради семьи отца. Князь Мышкин всех жалеет, всем сострадает; отверженный жестоком миром, он, имеющий тонкую душевную организацию, уходит в безумие. Портрет “Маленького героя” (из одноименного рассказа, первоначально “Детская сказка”) намечен пунктиром, но как прекрасны благородные порывы 11-летнего мальчика.

Данный тип может быть соотнесен с выделенным нами ранее внутренне целостным типом и соответствующей моделью личности, характеризующей глубокую вовлеченность в бытие. Описанный нами психологический тип “не-алиби в бытии” относится к человеку, в полной мере чувствующему свою причастность к земному бытию, которое для него осмыслено благодаря особенному небезразличию к нему; счастье других важнее всего (подтип “не-алиби в межличностных отношениях”). Это совершенный светский человек, не опирающийся на Бога в своих героических и жертвенных делах, в связи с чем падающий под непосильным жизненным грузом, который он взваливает на себя. По словам И.А. Ильина, роман “Идиот” — “это трагедия мирской бессильной доброты. <...> А сверх того, это чудесная повесть, идущая из метафизических глубин человеческого духа, о том, что происходит в нем, когда его захватывает и им руководит стихия Божественного” [18, с. 379]. Князь Мышкин — странный для других человек, отличающийся смирением, кротостью, простотой, наивностью: “Львиное сердце у земной слабенькой мышки” [Там же, с. 391].

Второй вариант внутренне целостной личности — *духовный человек*, преодолевающий свойственную всем людям противоречивость в сознательном духовном росте, в самосовершенствовании как постоянной работе над собой с волевым преодолением препятствий на пути к идеалу, видимому в Боге, в стремлении достичь Богоподобия в процессе личного бытия. Это придает глубокую осмысленность жизни, переживание радости, гармонии с миром в любви к Богу и всему, что Он создал.

Такого человека отличают обостренное нравственное чувство, смирение, сострадание и любовь ко всем, проявляющиеся в поступках добра и милосердия, духовной помощи. Свободный в нравственном самоопределении, он сознательно делает выбор в пользу добра в соответствии с Божиими заповедями; полагающийся на волю Божию, он вместе с тем в полной мере несет ответственность за свои поступки.

Персонажи с большой личностной глубиной точно описаны Достоевским. Они отличаются истинной мудростью, переживанием особой духовной радости, деятельной любовью. Реализация намерения изобразить всецело положительный тип, в котором так нуждается литература, осуществилась Достоевским в образах народной святости [32; 42]. Мужик Марей (“Дневник писателя”) и Макар Иванович Долгорукий (“Подросток”) — люди из народа, цельные личности с природной святостью. Согласно И.А. Ильину, именно живая духовная сила русского народа — это то, во что прежде всего верит Достоевский [32]. Монашеские старцы святитель Тихон (“Бесы”) и Зосима (“Братья Карамазовы”), а также Алеша Карамазов представляют образы *русского иночества*. Архирей Тихон и старец Зосима, пройдя непростой жизненный путь и достигнув внутренней гармонии и духовного видения, оказывают помощь людям духовным окормлением и укреплением. Алеша Карамазов, утешитель и примиритель, с детства наделенный прекрасными качествами, через жизненные испытания духовно крепнет в вере и переживании причастности к миру.

Эскизность психологических портретов мужика Марей (“Дневник писателя”) и отца Тихона несколько не умаляет их значимости и особой роли, которую они играют в становлении внутреннего мира окружающих, придавая духовно-нравственный вектор их становлению. Достоевский дал “живые положительные образы”, “русских христианских людей”, решив эту труднейшую задачу [32].

**II. Духовно противоречивые.** В отличие от духовно богатых, представители данного типа погружены в пучину своего внутреннего мира и пребывают в противоречии с собой и миром. Данный тип личности охватывает три варианта сложных личностей в соответствии с основными силами души, или сферами психики, по преобладанию эмоционального, мыслительного или волевого компонента.

1. *Гипертрофия эмоциональной сферы* (соответствует типу гармонизатора). В *мечтателях* сочетание глубины внутреннего мира и подчинения року, судьбе приводит к напряженным и часто мучительным переживаниям. Бури во внутреннем мире



проявляются в поведении лишь в решающие моменты жизни и неожиданны для окружающих, которые привыкли видеть их во внешнем бездействии. Мечтателей отличают склонность к самоанализу, богатое воображение, любовь к природе, сосредоточенность на грустных сторонах жизни; обратной стороной может быть эгоцентризм, неприятие ответственности. Свт. Феофан Затворник [46] называет склонность мечтать главной немощью фантазии грешников, которые, удаляясь от действительности, видят вещи не в истинном их виде, а в призрачном, внешнем. Человек заключается самовольной фантазией как бы в темницу и становится уязвимым для темных сил.

Мечтатель у Достоевского — частый персонаж ранних произведений, несущий “светлое очарование” [34]. Он может быть влюбленным, но обязательно честолюбивым. Безымянный мечтатель (“Белые ночи”) трогательно поэтичен, прекраснодушен; он молод и может в будущем развиваться в некий более определенный тип. “Подросток” — произведение зрелого писателя, но его персонаж Аркадий Долгорукий еще по-отрочески не определен; не случайно он, 20-летний, все еще подросток. Аркадий мечтает быть на первом месте благодаря несметным богатствам и, пытаясь найти свое место в жизни, по своей житейской неопытности приносит много вреда другим.

Второй вариант гармонизатора у Достоевского получил наименование “*лжеправедники*”. В его творчестве есть персонажи, своеобразие которых может быть охарактеризовано как псевдодуховность, или искаженная духовность. Это люди внешне благочестивые, но не имеющие кротости, смирения и любви. Их стремление к достижению духовности без сознательных усилий, без глубокого внутреннего преобразования личности оттеняет истинно духовно богатых, наполненных Духом Божиим, который есть любовь, смирение, доброта. Некоторые слишком ревностные христиане могут себя узнать в этом образе, если упиваются своими праведностью и непогрешимостью в уверенности, что она дает им право на руководство окружающими. Таков Фома Фомич Опискин (“Село Степанчиково и его обитатели”), приживал, который, прикрываясь мнимым благочестием, терроризирует всех в доме. В “Братьях Карамазовых” отец Ферапонт, старый монах монастыря, постник и молчальник, противостоит старцу Зосиме как темное против светлого, псевдоправедность против истинной святости.

2. *Гипертрофия мыслительной сферы* (соответствует типу пользователя). Ф.М. Достоевский больше сосредоточивает свое внимание на тех из

прагматиков, чье поведение в значительной мере зависит от собственных логических умозаключений — схем мироустройства (*рациональные мыслители*); добывание земных благ — устремление, свойственное многим персонажам, но не как самоцель. В “Братьях Карамазовых” дана подробная характеристика двух ярких мыслителей. Иван Карамазов запутался в паутине собственных логических схем и “обосновал” идею убийства отца. Смердяков, карикатура на Ивана, продуманно и расчетливо реализовал его идею.

3. *Гипертрофия волевой сферы* (соответствует ситуативно целостной личности). По этому признаку можно разделить человека рефлексирующего, мало способного на конкретные действия, и человека волевого, деятельного. Ранее нами были обозначены два типа разочарованных, которые в совокупности представляют *рефлексирующий* тип, описывающий созерцательного, склонного к самоанализу человека, погруженного в раздумья над отдельными сторонами бытия, над гармоничностью своих отношений с людьми и миром, вплотную подходящего к осмыслению жизни. Это человек, у которого нет четкого представления о себе, своем назначении, жизненной цели, а его отношения к миру и себе двойственны, противоречивы из-за отсутствия цельности мировосприятия. Сложный внутренний мир не позволяет отнестись к жизни просто, но и к целенаправленному действию он не способен. Это классический тип русского интеллигента. Данный тип ярко представляет у Достоевского Андрей Петрович Версиков (“Подросток”) — обаятельный, умный, сердечный человек, однако внутренне противоречивый, что ведет к импульсивным поступкам, а его благородные идеи расплывчаты и туманны.

Второй вариант ситуативно целостной личности представляет также человека со сложным и многообразным внутренне противоречивым миром, но, в противоположность предыдущему, весьма деятельного, однако со смутным представлением о жизненной задаче (*деятельный*). Тип представляет Николай Всеволодович Ставрогин (“Бесы”) — законченный злодей, сильная личность с исковерканной душой, главный вдохновитель и организатор нигилистов-революционеров и виновник многих бед и несчастий, ранее охарактеризованный нами как “попрыгун”. И.А. Ильин говорит о нем: “Это человек внутренней силы воли <...> И тем не менее поведение его не активно, а пассивно” [18, с. 422]. И далее: “Бессилие веры и летаргия любви вызывают в нем, естественно, и паралич воли, вопреки потенциальному всемогуществу последней: он совершил бы нечто невиданное, если бы



смог что-то полюбить или во что-то поверить” [Там же].

**III. Духовно ограниченные.** В противоположность духовно богатым и в отличие от духовно противоречивых представители данного типа пребывают на периферии своего внутреннего мира (гипотрофия самости) или в его чрезмерной самозамкнутости (гипертрофия самости). Выше обозначены полюсные типы “потребитель” и “преобразователь”.

Потребитель отличается незначительностью внутреннего мира личности, будучи подверженным влиянию обстоятельств; преобразователь же, напротив, чрезмерно эгоцентричен и самозамкнут. В рамках потребителя в творчестве Достоевского можно выделить типы бедных людей и сластолюбцев. В русской литературе тип маленького человека, т.е. обыкновенного, не отличающегося талантом или силой характера, занимающего невысокое социальное положение, появился в 20–30-е годы XIX в. (Самсон Вырин из “Станционного смотрителя”, Акакий Акакиевич Башмачкин из “Шинели”). Первоначально общество увидело социальные аспекты бытия маленького человека, несмотря на свою малость, достойного внимания и сочувствия. Однако социологический подход лишь ограниченно раскрывает суть его внутреннего мира, которому свойственно отсутствие личной ответственности, желание избежать свободы выбора и переложить принятие решения на другое лицо, что и характеризует его психологический портрет [17].

У Достоевского мы видим целую галерею портретов *бедных людей* — бедных не в силу внешних обстоятельств, а в силу внутренней пустоты. Это, как правило, герои ранних его произведений, в том числе Макар Девушкин (“Бедные люди”), Семен Иванович Прохарчин (“Господин Прохарчин”). Их отличает прежде всего духовная малость и бедность. На это обращают внимание многие исследователи творчества Достоевского, отмечая их нетворческую, скучную и однообразную профессию, страх перед жизнью [31].

Это продолжение традиции изображения маленького человека в русской литературе, но и значительный шаг вперед, поскольку Достоевский углубляется в духовные причины такого минимума личностного бытия. Макар Девушкин скромнен и сострадателен, не без нравственных сокровищ [3]; ранее он был отнесен к типу “задушевный собеседник”, ориентированному на другое лицо. Господин Прохарчин, сочетание Скупого рыцаря и Башмачкина [34], также мелкий чиновник, прозябающий в бедности и во всем себе отказывающий, копит состояние, превзойдя Плюшкина. Если задушевный собеседник ограничивает свою связь

с миром избирательным общением, то тряпичник, или собственник, — предметами, ограждая ими себя от жизни. И.Ф. Анненский называет Прохарчина сильнейшим психологическим символом, иллюстрирующим основную идею творчества Достоевского; одним из тех, которые были брошены мимоходом Достоевским, не придававшим им значения; не заметили ее и критики. Это повесть о человеке, который умер от страха не смерти, а жизни, оказавшейся для него непосильной [2].

Второй вариант типа “потребитель” представляет личность, ориентированную на удовлетворение потребностей организма. При яркой выраженности типа проявляется его внутренняя конфликтность в силу неизбежных противоречий между телесной природой человека и социальной средой, что всесторонне и было показано в ортодоксальном психоанализе. В творчестве Достоевского представлен соответствующий тип *сластолюбца* (соответствует в нашей классификации типу “сексуальный маньяк”). Аркадий Иванович Свидригайлов (“Преступление и наказание”) — помещик, у которого служила в гувернантках сестра Раскольникова, — по его собственному определению, “человек развратный и праздный”, живущий по законам телесных побуждений. В образе Федора Павловича Карамазова (“Братья Карамазовы”) выпукло и даже карикатурно представлены все последствия жизни по законам телесных побуждений.

В рамках преобразователя у Достоевского выделяются типы гордецов и влюбленных. *Гордецы* (в нашей классификации тип “самоуверенный гордец”) отличаются преобладающим стремлением к самовыражению. “Я” и его раскрытие являются главной ценностью личности. Гордость, самодостаточность, целенаправленное самоутверждение прежде всего характеризуют таких людей. Подпольный парадоксалист (“Записки из подполья”) противопоставляет свое Я всему миру и оттого глубоко несчастлив. Родион Раскольников (“Преступление и наказание”), совершивший убийство, чтобы проверить свою избранность, испытывает муки гордости и только впоследствии — совести, что оставляет надежду на нравственное перерождение. Образ Божий в Раскольникове «противостоит самости и побеждает выдуманную им “наполеоновидную” теорию человеческой автономии» [19, с. 367].

*Влюбленные*, поглощенные своими переживаниями, самонадеянны и стремятся властвовать (в нашей классификации “самозабвенно влюбленный эгоист” и “страстный любовник”). В силу эгоистической самозамкнутости в конечном счете они страдают сами и не приносят счастья другим. Дмитрий Карамазов (“Братья Карамазовы”),

легкомысленный нетерпеливый буйан, склонный к разврату и пьянству, но искренний и простодушный, преображается в любви к Грушеньке. Катерина Ивановна Верховцева (“Братья Карамазовы”), при всех ее самоотверженных порывах, прежде всего любит себя, и потому ее поступки вредят другим.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе реконструкции духовно-ориентированной типологии персонажей Ф.М. Достоевского выделены следующие типы: духовно богатые, духовно противоречивые, духовно бедные. Эта типология согласуется с предложенной нами ранее типологией жизненных ориентаций, в рамках которой было подмечено, что чем более выражено отклонение жизненной ориентации от духовной, тем более глубоко противоречия личностной организации и их проявления в поступках. Духовно богатые вмещают в себя всю полноту личностного бытия в соответствии с внутренне-целостной моделью личности (чистые сердцем; образы народной святости; русское иночество). Духовно противоречивые погружены в пучину своего внутреннего мира и пребывают в противоречии с собой и миром. Гипертрофия эмоциональной сферы (мечтатели, псевдоправедники) соответствует типу “гармонизатор”; гипертрофия мыслительной сферы (рациональные мыслители) соответствует типу “пользователь”; гипертрофия волевой сферы (рефлексирующие, деятели) соответствует типу “ситуативно целостная личность”. Духовно ограниченные пребывают на периферии своего внутреннего мира. Гипотрофия самости (бедные люди, сластолюбцы) соответствует типу “потребитель”; гипертрофия самости в чрезмерной самозамкнутости (гордецы, влюбленные) соответствует типу “преобразователь”.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Достоевский и психология // Ананьев Б.Г. Психология человека. Избранное. СПб.: Изд-во МАПН: АППиМ, 1997. С. 79–89.
2. *Анненский И.Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979.
3. *Антоний (Храповицкий), митр.* Словарь к творениям Достоевского: Не должно отчаиваться. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921.
4. *Барсукова О.В.* Честолюбие. Представления о честолюбии в художественной литературе, религии и философии. СПб.: Речь, 2010.
5. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1963.
6. *Бачинин В.А.* Достоевский: метафизика преступления. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
7. *Белопольский В.Н.* Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1987.
8. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Ника, 2019.
9. *Веселова Е.К.* Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
10. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
11. *Гассиева В.Э.* Структура произведений Ф.М. Достоевского 1840 — начала 1860-х гг. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
12. *Григорий Нисский, свт.* Об устройении человека. СПб.: Аксиома, 1995.
13. *Даниленко О.Д.* Типология характеров в ранней прозе Ф.М. Достоевского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 77–82.
14. *Дворецкая М.Я.* Концепция человека в религиозно-философском учении восточно-христианской церкви эпохи Средневековья: психологические аспекты. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
15. *Добролюбов Н.А.* Забытые люди // Ф.М. Достоевский в русской критике / Вступ. ст. и примеч. А.А. Белкина. М., 1956. С. 39–95.
16. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1.
17. *Жучкова А.В.* Внешний локус контроля как субстанциональное свойство “маленького человека” в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. № 1. С. 51–62.
18. *Ильин И.А.* Гении России // Ильин И.А. Собрание сочинений. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3.
19. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Можно ли “гуманизировать” Достоевского? // Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья. СПб., 1994. С. 365–369.
20. *Исаак Сирин, преп.* Подвижнические наставления // Добротолюбие. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 645–750.
21. *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского: типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996.
22. *Кашина Н.В.* Человек в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Художественная литература, 1986.
23. *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского. М.: Советский писатель, 1981.
24. *Кольцова В.А., Холондович Е.Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.

25. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
26. Коржова Е.Ю. Духовная лестница Н.В. Гоголя: Личность и творчество. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009.
27. Коржова Е.Ю. Творческий лик русских мыслителей. СПб., 2009.
28. Коржова Е.Ю. Поиски прекрасного в человеке: Личность и творчество А.П. Чехова. 2-е изд. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2013.
29. Коржова Е.Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. 3-е изд. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2016.
30. Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах “пятикнижия” Ф.М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128–142.
31. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). М.: Изд-во МГУ, 1979.
32. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1999. С. 10–249.
33. Макаричев Ф.В. Художественная индивидуология Ф.М. Достоевского. СПб.: ЭлекСис, 2016.
34. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.
35. Назиров Р.Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982.
36. Нелипа Е.Е. К проблеме создания типологии персонажной системы в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 184–187.
37. Несмелов В.И. Наука о человеке: В 2 т. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017.
38. Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981.
39. Панкова Л.И., Шурыгина С. Специфика психологического романа (по произведению Ф.М. Достоевского “Подросток”) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского. 2007. № 8. С. 65–70.
40. Петренко В.Ф. Психосемантический подход к изучению искусства как формы познания и конструирования мира и себя самого // Развитие личности. 2012. № 1. С. 58–80.
41. Романова Е.С. Психологические приемы описания героев в произведениях Ф.М. Достоевского // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 55–67.
42. Сальвестрони С. Библийские и святоотеческие источники романов Достоевского: Пер. с ит. М.: Академический проект, 2015.
43. Семенов В.Е. Психологический гений Ф.М. Достоевского (к 190-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 108–111.
44. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.
45. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект, 2015.
46. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. Симферополь: Родное слово, 2017.
47. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990.
48. Холондович Е.Н. Феномен духовности гениев // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 17–30.
49. Чернец Л.В. О типах персонажей в русской литературе XIX века. М.: Макс Пресс, 2018.
50. Щенников Г.К. Художественное мышление Достоевского. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1978.

## TYPOLOGY OF PERSONALITY IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

E. Yu. Korzhova

*Federal State-financed Educational Establishment of Higher Education,  
Herzen State Pedagogical University of Russia;  
191186, Saint Petersburg, Moika emb., 48, Russia.  
ScD (Psychology), Professor, Head of the Human Psychology Department.  
E-mail: elenakorjova@gmail.com*

Received 20.07.2020

**Abstract.** The work of F.M. Dostoevsky is significant for various fields of human science, including psychology. The object of this research is the creative heritage of F.M. Dostoevsky in its significance for psychology of personality. The subject is psychological types contained in the works of F.M. Dostoevsky. The aim is to



introduce the typology developed on the basis of the author's model on the example of the work of F.M. Dostoevsky into scientific circulation. The research tasks included the analysis of existing approaches to the typology of his characters, the reconstruction of the typology of personality in the work of Dostoevsky, the comparison of the reconstructed typology with the typology of life orientations developed by us earlier. In the process of reconstructing the spiritually-oriented typology of F.M. Dostoevsky's characters, spiritually rich, spiritually contradictory, and spiritually poor types are identified. This typology is consistent with the typology of life orientations. The spiritually rich contain the fullness of personal existence ("pure in heart"; "images of national sainthood"; "Russian monasticism"); compliance with the internal integrity of the person. The spiritually contradictory are in contradiction with themselves and the world (hypertrophy of the emotional sphere ("dreamers", "pseudo-saints"); compliance with the "harmonizer" type); hypertrophy of the thinking sphere ("rational thinkers"); compliance with the type "user"); hypertrophy of the volitional sphere ("reflexive", "actors"); corresponding to the type of "situational-integral personality"). The spiritually limited are on the periphery of their inner world (hypotrophy of the self ("poor people", "libertines"); compliance with the type of "consumer") or in its excessive self-closure (hypertrophy of the self ("proud", "lovers"); corresponding to the "reformer" type).

**Keywords:** creativity of F.M. Dostoevsky, personality in belletristic literature, variety of characters, spiritually-oriented typology of personality, typology of life orientations

## REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Dostoevskij i psihologiya. Anan'ev B.G. Psihologiya cheloveka. Izbrannoe. St. Petersburg: Izd-vo MAPN: APPiM, 1997. P. 79–89. (In Russian)
2. *Annenskij I.F.* Knigi otrazhenij. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)
3. *Antonij (Hrapovickij), mitr.* Slovar' k tvorenijam Dostoevskogo: Ne dolzhno otchayavat'sya. Sofiya: Ros.-bolg. knigoizd-vo, 1921. (In Russian)
4. *Barsukova O.V.* CHestolyubie. Predstavleniya o chestolyubii v hudozhestvennoj literature, religii i filosofii. St. Petersburg: Rech', 2010. (In Russian)
5. *Bahtin M.M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. 2-e izd. Moscow: Sovetskij pisatel', 1963. (In Russian)
6. *Bachinin V.A.* Dostoevskij: metafizika prestupleniya. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001. (In Russian)
7. *Belopol'skij V.N.* Dostoevskij i filosofskaya mysl' ego epohi. Konceptiya cheloveka. Rostov n/D: Izd-vo Rost. unta, 1987. (In Russian)
8. *Bratus' B.S.* Anomalii lichnosti. Moscow: Nikeya, 2019. (In Russian)
9. *Veselova E.K.* Psihologicheskaya deontologiya: mirovozzrenie i нравstvennost' lichnosti. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2002. (In Russian)
10. *Vygotskij L.S.* Psihologiya iskusstva. Rostov n/D: Feniks, 1998. (In Russian)
11. *Gassieva V.E.* Struktura proizvedenij F.M. Dostoevskogo 1840 — nachala 1860-h gg. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2003. (In Russian)
12. *Grigorij Nisskij, svt.* Ob ustroenii cheloveka. St. Petersburg: Aksioma, 1995. (In Russian)
13. *Danilenko O.D.* Tipologiya harakterov v rannej proze F.M. Dostoevskogo. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2012. № 150. S. 77–82. (In Russian)
14. *Dvoreckaya M.Ya.* Konceptiya cheloveka v religiozno-filosofskom uchenii vostochno-hristianskoj cerkvi epohi Srednevekov'ya: psihologicheskie aspekty. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2004. (In Russian)
15. *Dobrolyubov N.A.* Zabitye lyudi. F.M. Dostoevskij v russkoj kritike. Vstupitel'naya stat'ya i primechaniya A.A. Belkina. Moscow, 1956. P. 39–95. (In Russian)
16. *Dostoevskij F.M.* Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L.: Nauka, 1972–1990. V. 28. Kn. 1. (In Russian)
17. *Zhuchkova A.V.* Vneshnij lokus kontrolya kak substancional'noe svojstvo "malen'kogo cheloveka" v russkoj literature XIX veka. Filologiya i chelovek. 2016. № 1. P. 51–62. (In Russian)
18. *Il'in I.A.* Genii Rossii. Il'in I.A. Sobranie sochinenij. Moscow: Russkaya kniga, 1997. V. 6. Kn. 3. (In Russian)
19. *Ioann (SHahovskoj), arhiep.* Mozhno li "gumanizirovat" Dostoevskogo?. Russkie emigranty o Dostoevskom. Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i primechaniya S.V. Belova. St. Petersburg: Andreev i synov'ya. St. Petersburg, 1994. P. 365–369. (In Russian)
20. *Isaak Sirin, prep.* Podvizhnicheskie nastavlenniya. Dobrotolyubie. V. 2. Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 1992. P. 645–750. (In Russian)
21. *Kasatkina T.A.* Harakterologiya Dostoevskogo: tipologiya emocional'no-cennostnyh orientacij. Moscow: Nasledie, 1996. (In Russian)
22. *Kashina N.V.* CHelovek v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1986. (In Russian)
23. *Kirpotin V.Ya.* Mir Dostoevskogo. Moscow: Sovetskij pisatel', 1981. (In Russian)
24. *Kol'cova V.A., Holondovich E.N.* Voploshchenie duhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. (In Russian)



25. *Korzhova E.Yu.* Psihologiya zhiznennyh orientacij cheloveka. St. Petersburg: Izd-vo RHGA, 2006. (In Russian)
26. *Korzhova E.Yu.* Duhovnaya lestnica N.V. Gogolya: Lichnost' i tvorchestvo. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. (In Russian)
27. *Korzhova E.Yu.* Tvorcheskij lik russkih myslitelej. St. Petersburg: 2009. (In Russian)
28. *Korzhova E.Yu.* Poiski prekrasnogo v cheloveke: Lichnost' i tvorchestvo A.P. Chekhova. 2-e izd. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2013. (In Russian)
29. *Korzhova E.Yu.* Putevoditel' po zhiznennym orientacijam: Lichnost' i ee zhiznennyj put' v hudozhestvennoj literature. 3-e izd. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2016. (In Russian)
30. *Krinytsyn A.B.* K voprosu o tipizacii geroev v romanah "pyatknizhiya" F.M. Dostoevskogo. Nauchnyj dialog. 2016. № 4 (52). P. 128–142. (In Russian)
31. *Kudryavcev Yu.G.* Tri kruga Dostoevskogo (Sobytiynoe. Social'noe. Filosofskoe). Moscow: Izd-vo MGU, 1979. (In Russian)
32. *Losskij N.O.* Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie. Losskij N.O. Bog i mirovoe zlo. Moscow: Respublika, 1999. P. 10–249. (In Russian)
33. *Makarichev F.V.* Hudozhestvennaya individologiya F.M. Dostoevskogo. St. Petersburg: ElekSis, 2016. (In Russian)
34. *Mochul'skij K.V.* Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij. Moscow: Respublika, 1995. (In Russian)
35. *Nazirov R.G.* Tvorcheskije principy Dostoevskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1982. (In Russian)
36. *Nelipa E.E.* K probleme sozdaniya tipologii personazhnoj sistemy v romane F.M. Dostoevskogo "Besy". Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2009. № 11. P. 184–187. (In Russian)
37. *Nesmelov V.I.* Nauka o cheloveke: v 2 t. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2017. (In Russian)
38. *Odinokov V.G.* Tipologiya obrazov v hudozhestvennoj sisteme F.M. Dostoevskogo. Novosibirsk: Nauka, 1981. (In Russian)
39. *Pankova L.I., SHurygina S.* Specifika psihologicheskogo romana (po proizvedeniyu F.M. Dostoevskogo "Podrostok"). Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2007. № 8. P. 65–70. (In Russian)
40. *Petrenko V.F.* Psihosemanticheskij podhod k izucheniyu iskusstva kak formy poznaniya i konstruirovaniya mira i sebya samogo. Razvitie lichnosti. 2012. № 1. P. 58–80. (In Russian)
41. *Romanova E.S.* Psihologicheskie priemy opisaniya geroev v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo. Sistemnaya psihologiya i sociologiya. 2019. № 3 (31). P. 55–67. (In Russian)
42. *Sal'vestroni S.* Biblejskie i svyatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo: Per. s ital. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (In Russian)
43. *Semenov V.E.* Psihologicheskij genij F.M. Dostoevskogo (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskij zhurnal. 2011. V. 32. № 6. P. 108–111. (In Russian)
44. *Snegirev V.A.* Psihologiya. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2008. (In Russian)
45. *Starovojtenko E.B.* Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (In Russian)
46. *Feofan Zatvornik, svt.* Nachertanie hristianskogo nra-voucheniya. Simferopol': Rodnoe slovo, 2017. (In Russian)
47. *Florenskij P.A.* U vodorazdelov mysli. Moscow: Pravda, 1990. (In Russian)
48. *Holondovich E.N.* Fenomen duhovnosti geniev. Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2016. № 2. P. 17–30. (In Russian)
49. *Chernec L.V.* O tipah personazhej v russkoj literature XIX veka. Moscow: Maks Press, 2018. (In Russian)
50. *Shchennikov G.K.* Hudozhestvennoe myshlenie Dostoevskogo. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1978. (In Russian)

УДК 159.9:61

## АНЕСТЕЗИЯ В ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ОРТОПЕДИИ: МЕДИЦИНСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ<sup>1</sup>

© 2021 г. Н. Е. Харламенкова<sup>1,\*</sup>, Н. А. Еськин<sup>2,\*\*</sup>, А. И. Снетков<sup>2,\*\*\*</sup>,  
А. Д. Акиншина<sup>2,\*\*\*\*</sup>, С. Ю. Батраков<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>, Г. А. Виленская<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>, И. М. Дан<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>,  
М. В. Дан<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>, Н. Н. Матвейчук<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>, Е. А. Никитина<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>ФГБУН Институт психологии РАН. Лаборатория психологии развития субъекта  
в нормальных и посттравматических состояниях;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

<sup>2</sup>ФГБУ «НМИЦ ТО имени Н.Н. Приорова» Минздрава России;  
127299, г. Москва, ул. Приорова, д. 10, Россия.

\*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией, заместитель директора.  
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

\*\*Доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделением функциональной диагностики.  
E-mail: cito-uchsovet@mail.ru

\*\*\*Доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделением детской  
костной патологии и подростковой ортопедии.

E-mail: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*Кандидат медицинских наук, врач травматолог-ортопед отделения  
детской костной патологии и подростковой ортопедии.

E-mail: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*\*Кандидат медицинских наук, доцент, врач травматолог-ортопед отделения  
детской костной патологии и подростковой ортопедии.

E-mail: cito11@hotmail.ru

\*\*\*\*\*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: vga2001@mail.ru

\*\*\*\*\*Врач травматолог-ортопед отделения детской костной патологии  
и подростковой ортопедии.

E-mail: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*\*Младший научный сотрудник.

E-mail: marina@raudsepp.ru

\*\*\*\*\*Врач анестезиолог-реаниматолог отделения анестезиологии и реанимации.

E-mail: n-m-73@mail.ru

\*\*\*\*\*Кандидат психологических наук, научный сотрудник.

E-mail: NikitinaEA@ipran.ru

Поступила 05.10.2020

**Аннотация.** В статье рассматривается медико-психологическая проблема применения разных видов анестезии и связанных с ней переживаний со стороны как субъекта анестезии (ребенка), так и его/ее матери. Отмечается связь представлений об анестезии с глубокими личностными смыслами. В исследовании принимали участие подростки 12–16 лет ( $n = 44$ ), подвергшиеся операции по поводу доброкачественной опухоли опорно-двигательного аппарата с использованием эндотрахеальной общей ( $n = 27$ ) или регионарной анестезии ( $n = 17$ ), а также их матери в возрасте 30–55 лет ( $n = 44$ ). Исследовалось представление матерей о применении анестезии их детям. Использовались опросники: “Шкала воспринимаемого стресса” (взрослый и детский варианты), авторская анкета “Представление об анестезии”, Цветовой тест отношений. У матерей, чьи дети получили эндотрахеальную общую анестезию, показатели по дескрипторам “помощь”, “правильный выбор” были выше, чем у тех, чьи дети получили на операции регионарную анестезию. Было обнаружено, что, по данным ЦТО, уровень тревоги

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00393 К (№ 18-00-00123; № 18-00-00049).

ребенка и уровень тревоги матери взаимосвязаны до и после операции, а уровень стресса (по ШВС) — только до операции. Матери с высоким уровнем стресса отличались от других групп по фактору “неопределенность, неизвестность”, но не отличались по фактору “принятие ситуации”. В заключение подчеркивается значимость взаимной коммуникации врача, пациента и его социального окружения для поддержания психологического благополучия пациента в процессе лечения и в конечном итоге для успешности лечения.

*Ключевые слова:* представления об анестезии, стресс, тревога, совладание со стрессом, матери, подруги, хирургическая операция.

DOI: 10.31857/S020595920015209-5

Обращение к теме анестезии как междисциплинарной проблеме — неслучайный выбор. Анестезия проявляет себя снижением чувствительности, в том числе и болевой, а изучение видов ощущений, их интенсивности, порогов чувствительности традиционно соотносится с психологией, ее предметной областью [3]. В практическом смысле анестезиология решает две основные задачи: обеспечение обезболивания и психологического комфорта пациента во время хирургических операций и любых травматичных и болезненных манипуляций и обеспечение безопасности человека на операционном столе.

С самых древних времен с целью нивелирования болевых ощущений во время болезненных манипуляций врачи применяли всевозможные снадобья и заговоры [14, 24]. Не всегда, однако, удавалось получить желаемый результат и качественно обезболить страждущего. На протяжении многих веков врачи искали вещество, способное ввести человека в состояние нечувствительности к болевым ощущениям, но лишь в середине XIX в. У. Мортон, впервые применивший для обезболивания пары диэтилового эфира, добился желаемого результата. Эта дата — 16 октября 1846 г. — считается днем рождения науки анестезиологии и официально отмечается как Всемирный день анестезии.

В России разработка и развитие новых подходов к анестезии шли ускоренными темпами. Большой вклад в изучение эфирного наркоза и внедрение в медицину хлороформного наркоза внес Н.И. Пирогов. В 1849 г. он писал: “Мы надеемся, что отныне эфирный наркоз будет составлять, точно так же, как и хирургический нож, необходимую принадлежность каждого врача...” (цит. по: [7, с. 63]). Синтез в 1905 году новокаина и предложенная методика инфильтрации им тканей послужили началом развития местного обезболивания. В 1915 г. отечественный хирург и видный церковный деятель В.Ф. Войно-Ясенецкий изучил и описал в своей докторской диссертации “Регионарная анестезия” методы проводниковой и спинальной анестезии. Этот научный труд “является первой в истории отечественной медицинской науки фундаментальной

работой, выполненной в этой области”, используемые хирургом методы “...отличались высокой эффективностью, были доступными для земских хирургов и вместе с тем являлись более безопасными для пациентов, чем эфирный или хлороформный наркоз, широко применявшийся для обезболивания оперативных вмешательств в те времена” [6, с. 380].

Открытие в середине XX в. Э. Джонсон и Г. Гриффитсом способности кураре осуществлять миорелаксацию привело к очередному скачку в развитии анестезиологии.

На сегодняшний день наука анестезиология продолжает развиваться и совершенствоваться, и главной задачей специалистов является обеспечение максимальной защиты пациента при хирургическом вмешательстве с минимальным влиянием на организм анестезиологических препаратов. Перед врачами-анестезиологами стоят такие задачи, как снятие тревожности перед операцией (анксиолитизис), недопущение формирования воспоминаний под наркозом (амнезия), обезболивание во время и после операции (анальгезия), обездвиживание пациента во время процедуры (акинезия), предотвращение выбросов адреналина, колебаний кровяного давления и пульса под наркозом (арифлексия) [10, с. 41].

Понятие “анестезия” нагружено глубокими психологическими смыслами, воспринимается как граница между бодрствованием и сном, как переход от сознания в бессознательное состояние, от бытия в небытие. Анестезия представляется целым континуумом переживаний и чувств, с одной стороны, связанных с психологическими защитами от боли — отрицанием, избеганием, амнезией и т.д., а с другой — несущих угрозу адекватному восприятию окружающего мира и искажающих внутреннее содержание психики человека.

Добровольное согласие пациента на проведение операции и анестезию не отменяет его страхов и опасений относительно благополучного исхода операции. Думая об анестезии, люди часто воспринимают ее как процедуру, которая, с их точки

зрения, негативно влияет на когнитивные функции, сокращает продолжительность жизни, провоцирует развитие инфарктов и инсультов. Пациенты боятся “заснуть и не проснуться”, наговорить под наркозом лишнего, внезапно прийти в сознание (“выйти из наркоза”), переживают из-за возможности сохранения болевой чувствительности во время операции. Часто возникает страх анафилактического шока и страх беспомощности.

У многих людей анестезия ассоциируется с *неопределенностью* и *непредсказуемостью* ситуации. Неопределенность блокирует одну из важных особенностей психического функционирования человека — способность к антиципации, которую принято рассматривать как “универсальный механизм психической организации человека, включающий избирательность и упреждение событий при взаимодействии со средой” [11, с. 2]. В состоянии наркоза человек теряет способность управлять своей жизнью, контролировать обстоятельства и должен полностью довериться врачам — анестезиологу и хирургу.

Несмотря на высказываемые опасения, связанные с наркозом, отношение к нему может иметь и позитивный смысл. В частности, анестезия нередко рассматривается как необходимая (в трактовке пациента *вынужденная*) мера, защищающая человека от болевых ощущений и оберегающая от страха перед операцией; она часто трактуется как правильно сделанный выбор и в целом *принимается* как необходимая медицинская процедура. В этом случае, как известно, выход из наркоза и последующая реабилитация проходят более благополучно, чем при переживании ситуации как опасной, угрожающей жизни, психотравмирующей.

Вопросы оказания психологической помощи при подготовке пациента к операции требуют специального рассмотрения в *детской и подростковой анестезиологии и хирургии*. При обсуждении этой темы уместно вспомнить слова известного педиатра и детского психоаналитика Д.В. Винникотта, который говорил, что нет такого явления, как младенец, есть явление “младенец и мать”. Высокий уровень тревожности у ребенка в ситуации госпитализации, а также в предоперационный период зависит от множества дополнительных факторов, одним из которых и, пожалуй, наиболее весомым является эмоциональное состояние матери и отца [18].

Операция — серьезный стресс для ребенка; уровень его тревоги нарастает при переходе из палаты в операционный зал и длится до начала анестезии [27]. Дети боятся боли, неизвестности, тревожатся по поводу разлуки с родителями, которые, как

может показаться маленьким пациентам, оставили их без защиты в трудной ситуации [15].

По данным З. Кейна с коллегами, около 60% детей, которым предстоит оперативное вмешательство и анестезия, испытывают значительную тревогу; негативные последствия пережитого стресса, такие как ночные кошмары, острая реакция на сепарацию от родителей и другие последствия проявляются на протяжении двух недель у более половины детей в возрасте от 2 до 10 лет, у 20% детей они сохраняются на протяжении полугода [22].

Ограниченность времени, которое посвящает ребенку врач, может быть компенсирована включением в предоперационное сопровождение педиатрических пациентов психолога. Понимание содержания и последовательности медицинских манипуляций дает ребенку ощущение контроля над ситуацией [23]. Эффективность психологической поддержки ребенка и, в частности, таких мероприятий, как проигрывание (игра-драматизация) процедуры операции, манипуляция с медицинскими инструментами, подтверждена в исследовании Ф. Куззокреа, М. Гульяндоло и др. [19] и в проекте *Child Life Program*, проводимом в *UCI Medical Center* ([www.ucihealth.org](http://www.ucihealth.org)).

Все большее значение в подготовке ребенка к операции придается роли родителя [16]. По данным иранских исследователей [27], на фоне премедикации мидазоламом (0.5 мг/кг) присутствие родителей при проведении ингаляционной анестезии ребенку 4–10 лет до момента его “отключения” значительно снижает его предоперационную тревогу, при этом улучшается взаимодействие ребенка с анестезиологом при фиксации маски, отмечается большая удовлетворенность родителей качеством проведения операции.

Переживания родителей по поводу предстоящей хирургической операции у ребенка имеют комплексный характер и включают не только страх перед операцией и ее последствиями, но и опасения, связанные с продолжительностью и видом анестезии [21; 28]. Актуальным остается вопрос о вероятности проявления нарушений памяти, внимания, мышления, речи (т.е. послеоперационной когнитивной дисфункции, ПОКД) в связи с типом операции, временем анестезии, видом анестетика и предшествующим состоянием пациента [5; 8; 26].

Попытки сравнить психологические последствия общей и регионарной видов анестезии заметных отличий в плане риска развития ПОКД не показали [20]. Представляется, что в процессе анализа подобных закономерностей важно учитывать дополнительные переменные. Так, в отношении



представления об анестезии оказалось, что значимыми параметрами ее восприятия являются знание, управление и агентность. В ходе развития подростки движутся к самоагентности и проходят четыре стадии: пассивное предпочтение, приобретение знания и опыта, приобретение самостоятельности, становление альтруистом. Важно распознать, на какой стадии находится подросток, чтобы подготовка к оперативному вмешательству была конгруэнтна его поведению и самоощущению [17].

Мы полагаем, что отношение матери к анестезии и операции, ее психическое состояние, растерянность или, наоборот, спокойствие и уверенность в правильности сделанного выбора вряд ли могут быть однозначно связаны с тревогой ребенка. Следует ожидать, что тревога матери в подобной ситуации выполняет разные функции, в том числе и адаптивную. Высокий уровень психического напряжения и неспособность матери объяснить причины своих переживаний ребенку, а также попытка преждевременно блокировать волнение, т.е. демонстрация матерью спокойствия и равнодушия при высоком внутреннем напряжении, вызывают у ребенка обратную реакцию, индуцируют тревогу и страх.

Исследование направлено на изучение актуального стресса подростков, у которых было диагностировано заболевание опорно-двигательного аппарата, и их матерей.

*Цель исследования:* выявить различия в представлениях об анестезии у матерей с различным уровнем стресса при разных видах анестезии, используемой при хирургической операции по поводу опухоли и опухолеподобного образования опорно-двигательного аппарата у ребенка.

*Теоретическая гипотеза:* представления матерей об анестезии различаются в зависимости от уровня воспринимаемого стресса в ситуации переживания угрозы здоровью ребенка и касаются негативных эмоций и тревоги относительно исхода операции и выздоровления ребенка, т.е. оценочного компонента представлений.

*Эмпирические гипотезы:*

1. В зависимости от вида предстоящей ребенку анестезии представления матерей о ней различаются; эндотрахеальная общая анестезия воспринимается как более опасная, чем регионарная.

2. При высоком уровне стресса, переживаемого матерью в ситуации проведения ребенку хирургической операции, возникает амбивалентное отношение к анестезии: медицинская процедура принимается как необходимая и неизбежная мера,

но одновременно переживается как опасная манипуляция, угрожающая жизни ребенка.

3. Уровень стресса, переживаемого матерью, связан с уровнем стресса ребенка, причем стремление матери блокировать свои переживания может усиливать стресс ребенка, равно как и высокий уровень стресса у ребенка способен провоцировать реакцию матери, направленную на преодоление собственных страхов и тревоги.

## МЕТОДИКА

Для получения ответа на поставленные вопросы проводилось комплексное исследование подростков, которым была сделана хирургическая операция по поводу удаления доброкачественной опухоли опорно-двигательного аппарата (ОДА), а также их матерей. Данное исследование представляет собой часть междисциплинарного проекта, осуществляемого сотрудниками Института психологии РАН и Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова.

*Выборку* составили подростки 12–16 лет ( $n = 44$ , из них 19 женского пола) с диагнозом доброкачественная опухоль опорно-двигательного аппарата, поступившие в отделение детской костной патологии и подростковой ортопедии ФГБУ “Национальный медицинский исследовательский центр травматологии и ортопедии имени Н.Н. Приорова” по поводу плановой операции и ранее не подвергавшиеся оперативному вмешательству, а также их матери в возрасте 30–55 лет ( $n = 44$ ). При проведении хирургической операции анестезиологи выбирали один из двух типов анестезии: регионарную (анестезия определенной части тела) или эндотрахеальную общую анестезию (в дальнейшем — общая анестезия).

Эндотрахеальная общая анестезия — это обратимое погружение пациента в состояние глубокого медикаментозного сна (отсутствие сознания, всех видов чувствительности и рефлексов) в сочетании с полным расслаблением мускулатуры и отсутствием самостоятельного дыхания. Регионарная анестезия достигается введением анестетиков в область крупных нервных стволов, сплетений или корешков спинного мозга, что позволяет добиться снижения болевой чувствительности в соответствующей топографической области [4].

Психологическое исследование проводилось в два этапа: первый — до операции, не позднее 2 дней до предполагаемой даты операции, второй — через 3–5 дней после операции. В обоих

случаях использовался идентичный методический инструментарий.

#### Методики:

1. “Шкала воспринимаемого стресса”, ШВС-10 (*The Perceived Stress Scale-10, PSS-10*) в адаптации В.А. Абабкова, К. Барышниковой и др. [1] для оценки уровня стресса у матерей.

2. “Детский вариант Шкалы воспринимаемого стресса”, ШВС-Д (*The Perceived Stress Scale for Children, PSS-C*), для диагностики актуального стресса у подростков [30]. Шкала находится в процессе адаптации.

3. Авторская анкета “Представление об анестезии”, разработанная коллективом авторов (Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Виленская Г.А., Дан М.В., Казымова Н.Н., Никитина Е.А., Шаталова Н.Е.). Анкета включает 21 пункт (дескриптор), например “неопределенность”, “страх”, “правильный выбор” и др. Используя 5-балльную шкалу, респонденты оценивали близость того или иного пункта к своим представлениям об анестезии.

4. Цветовой тест отношений [2] — невербальный диагностический метод исследования эмоциональных компонентов отношений личности. С целью определения уровня тревоги использовался метод цветовых выборов [12]. Количественные показатели тревоги выявлялись подсчетом баллов: наличие в цветовом ряду основных цветов — желтого, красного, синего и зеленого на VI позиции оценивалось 1 баллом, на VII — 2 баллами, на VIII — 3 баллами. Присутствие на первых трех позициях ахроматических цветов — черного, серого или смешанного коричневого — также оценивалось как тревожность: за каждый из ахроматических и смешанных цветовых эталонов начислялось 3 балла, если этот цвет располагался на I позиции, 2 балла, если размещался на II позиции, и 1 балл, если эталон находился на III позиции цветового ряда. Таким образом рассчитывался общий балл тревожности, который мог колебаться от 0 до 12 баллов.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью SPSS 22.0. Были применены описательная статистика (медиана, верхний и нижний квартили),  $W$  критерий Уилкоксона,  $U$  критерий Манна—Уитни, коэффициент корреляции Спирмена ( $r_s$ ).

## РЕЗУЛЬТАТЫ

Для проверки *первой гипотезы* выборка была разделена на две группы: первая — подростки ( $n = 27$ ), которым операция проводилась под эндотрахеальной общей анестезией, и их матери ( $n = 27$ );

вторая — подростки ( $n = 17$ ), получившие регионарную анестезию, и их матери ( $n = 17$ ). Для анализа представлений об анестезии использовали анкету, с помощью которой оценивалось предпочтение матерями тех или иных дескрипторов, включенных в нее. С целью оценки предпочитаемых дескрипторов по каждому пункту анкеты суммировали наивысшие оценки (3 и 4 балла), которые приписывались определенному дескриптору. После этого полученные суммы оценок ранжировали, вычисляли медиану, нижний и верхний квартили. Наибольший интерес представляли пункты (дескрипторы), которые набрали суммы оценок, превышающие значение верхнего квартиля.

Для группы матерей, чьим детям была проведена регионарная анестезия, предпочтительными оказались следующие характеристики анестезии: “вынужденная мера”, “необходимость”, “потеря чувствительности”, “специалисты, врачи”, “этап лечения”, “отсутствие контроля”, причем как до, так и после операции. Единственное изменение после операции касалось снижения значимости дескриптора “отсутствие контроля”: по суммарной оценке он попадает в межквартильное пространство.

Для группы матерей, чьи дети были прооперированы под эндотрахеальной общей анестезией, предпочтительны те же характеристики анестезии. Отличие состояло в том, что анестезия соотносилась не с отсутствием контроля, а с ожиданием социальной поддержки (дескриптор “помощь”).

Статистически значимые различия между группами получены по дескрипторам — “правильный выбор” ( $U = 111.5$ ;  $p = 0.023$ ) и “помощь” ( $U = 111.5$ ;  $p = 0.023$ ); “этап лечения” — в тенденции ( $U = 125$ ;  $p = 0.056$ ) и только после операции. Показатели по этим дескрипторам были выше у матерей, чьи дети получили общий наркоз.

Между обследуемыми группами не получены различия по таким дескрипторам, как “угроза жизни”, “страх”, “темнота”, “неизвестность”, “неопределенность”, которые маркируют негативное отношение к медицинской процедуре. Следует отметить, однако, что убежденность в правильном выборе после операции и надежда на помощь, поддержку в группе матерей, чьим детям проводилась общая анестезия, косвенно подтверждают наши ожидания, ведь необходимость в поддержке возникает именно тогда, когда человек чувствует свою беспомощность и переживает чувство тревоги.

Отметим, что в оценке анестезии и самой операции немаловажную роль играют не только медицинские, но и психологические факторы. Усиливая психологическую составляющую, мы включили

в анализ данных переменную “стресс”, полагая, что эмоциональное состояние матери в большей мере определяет ее представление об анестезии, чем вид анестезии.

Для проверки *второй гипотезы* выборка матерей была разделена на три группы по уровню воспринимаемого стресса (методика ШВС-10): группу с низким ( $n = 11$ ), средним ( $n = 19$ ) и высоким ( $n = 14$ ) уровнями стресса. Для этой цели использовали показатели нижнего ( $Q_1 = 22$ ) и верхнего ( $Q_2 = 28$ ) квартилей. Вне зависимости от уровня стресса наиболее часто выбираемыми дескрипторами *до проведения* операции оказались: “вынужденная мера”, “необходимость”, “специалисты, врачи”, “потеря чувствительности”. *После операции* у матерей с *низким* уровнем стресса дескриптор “помощь” попадает в пространство выше верхнего квартиля. У группы со *средним* уровнем стресса увеличиваются суммы баллов при оценке дескрипторов “этап лечения” и “правильный выбор”. После операции матери с *высоким* уровнем стресса представляют себе анестезию как “этап лечения”, “вынужденную меру” и соотносят ее со “специалистами, врачами”, “правильным выбором” и “необходимостью”.

Кратко отметим, что большинство матерей понимает анестезию как необходимую и неизбежную процедуру, т.е. в целом *принимает* ее. Показательно, однако, что убежденность в *правильном выборе* характерна для матерей с низким уровнем стресса уже до операции, тогда как матери со средним и высоким уровнями стресса приходят к такому мнению только после оперативного вмешательства.

Статистический анализ данных (критерий  $\chi^2$ ) показал, что *до операции* три группы различаются по таким оценкам анестезии, как “необходимость” ( $\chi^2 = 6.8$ ;  $p = 0.034$ ), “угроза жизни” ( $\chi^2 = 8.1$ ;  $p = 0.02$ ), “темнота” ( $\chi^2 = 6.1$ ;  $p = 0.047$ ), “страх” ( $\chi^2 = 5.2$ ;  $p = 0.07$ , в тенденции). Попарное сопоставление групп выявило отсутствие различий в представлениях об анестезии у матерей с низким и средним уровнями стресса; группы с низким и высоким уровнями стресса различаются по переменным, характеризующим негативное отношение к анестезии: “страх” ( $U = 35.5$ ;  $p = 0.02$ ), “угроза жизни” ( $U = 31$ ;  $p = 0.01$ ), “темнота” ( $U = 37.5$ ;  $p = 0.026$ ). Все оценки были выше в группе с высоким уровнем стресса. Аналогичным образом различаются группы со средним и высоким уровнями стресса по дескрипторам: “темнота” ( $U = 79.5$ ;  $p = 0.045$ ), “угроза жизни” ( $U = 77$ ;  $p = 0.042$ ), “необходимость” ( $U = 84$ ;  $p = 0.07$ , в тенденции).

Различия между тремя группами матерей *после операции* выявлены по показателю “правильный

выбор” ( $\chi^2 = 7.7$ ;  $p = 0.02$ ), который выше у матерей с низким уровнем стресса.

Полученные различия определили направление дальнейшего анализа результатов. На основании предварительной факторизации данных анкеты [13] были выделены следующие факторы: **Неопределенность, неизвестность** (20.2% объясняемой дисперсии до и 35% после операции), в который вошли такие дескрипторы, как “неизвестность” (0.85), “неопределенность” (0.73), “угроза жизни” (0.66), “темнота” (0.58), “страх” (0.50); **Принятие ситуации** (13.9% объясняемой дисперсии до и 17.6% после операции) — “правильный выбор” (0.77), “врачи” (0.75), “необходимость” (0.71), “вынужденная мера” (0.65), “помощь” (0.52); **Негативные ожидания** (10% объясняемой дисперсии до операции и 6.9% после) — “боль” (0.62), “последствия наркоза” (0.50), “этап лечения” (–0.56); **Состояние ребенка** (8.1% объясняемой дисперсии до операции и 10.7% после) — “потеря чувствительности” (0.83), “нечувствительность” (0.74), “сон” (0.47); **Внешние атрибуты** — “капельница” (0.73), “укол” (0.61) — объясняют небольшой процент дисперсии (7.5% до и 5.2% после операции). Следует отметить, что третий и четвертый факторы после операции меняются местами.

Для окончательной проверки второй гипотезы три группы матерей сравнивались по первым двум факторам, условно отражающим негативное (фактор Неопределенность, неизвестность) и позитивное (фактор Принятие ситуации) отношение к анестезии. Статистически значимые различия получены только по первому фактору, причем между группой матерей с высоким уровнем стресса и остальными двумя группами: с низким ( $U = 29.0$ ;  $p < 0.01$ ) и умеренным ( $U = 71.0$ ;  $p < 0.05$ ) стрессом. После операции различия между группами не были обнаружены.

Для проверки *третьей гипотезы* была рассчитана корреляция уровня стресса и тревоги у детей и их матерей до и после операции по двум методикам ЦТО и ШВС (ШВС-10 и ШВС-Д). Необходимость в анализе данных по двум методикам возникла в результате того, что ЦТО измеряет тревогу ребенка и матери с помощью проективной техники, а результатом диагностики ШВС является осознанная оценка респондентами уровня воспринимаемого стресса.

Данные ЦТО показали, что как до ( $r_s = 0.87$ ;  $p = 0.0001$ ), так и после ( $r_s = 0.94$ ;  $p = 0.0001$ ) операции уровни тревоги у ребенка и матери тесно связаны между собой. Это значит, что при высоком уровне неосознаваемой тревоги ребенка уровень тревоги матери также оказывается высоким,



и наоборот: если уровень напряжения у матери растет, то это состояние передается ребенку.

В результате оценки уровня воспринимаемого стресса методиками ШВС-10 и ШВС-Д выявлена связь уровня стресса ребенка и уровня противодействия стрессу у матери ( $r_s = 0.87$ ;  $p = 0.0001$ ) до проведения операции; связь перенапряжения у матери и уровня стресса у ребенка оказалась незначимой. В целом выдвинутая нами гипотеза подтверждается.

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Влияние состояния матери на эмоциональное и когнитивное развитие ребенка давно является установленным научным фактом, однако вновь проводимые исследования демонстрируют значительную вариативность этого влияния, а в некоторых случаях — парадоксальность.

В настоящем исследовании достоверной оказалась связь тревоги матери и ребенка, выявленная с использованием проективной методики — Цветовой тест отношений. В ситуации подготовки ребенка к хирургической операции, а также после нее — в процессе реабилитации тревожное состояние может выступить причиной развития посттравматического стрессового расстройства [25], нарушения оптимального процесса восстановления двигательной функции и в целом — физического состояния ребенка, повлиять на снижение порога болевой чувствительности [29].

По данным методики ШВС-В, вызванное трудной жизненной ситуацией перенапряжение матери по-разному связано со стрессом ребенка. Можно допустить, что, когда речь идет о контролируемых оценках своего состояния, матери способны как преуменьшать, так и преувеличивать его тяжесть, соответственно в первом случае неверно полагая, что успешно справляются со стрессом, а во втором — теряя уверенность в своих ресурсах совладания и ожидая поддержки от других людей.

В связи с этим уместно обсудить выявленную в исследовании положительную связь между стремлением матери противодействовать стрессу (методика ШВС) и уровнем психического напряжения ребенка до операции. Данный результат подтверждает наши предположения относительно не совсем адекватной оценки матерью своего эмоционального состояния. Вопреки нашим ожиданиям, умение матери совладать со стрессом связано с выраженной тревогой ребенка. По-видимому, приемы, используемые взрослым человеком для снижения тревоги, оказываются неэффективными, и матери

скорее подавляют ее, нежели перерабатывают [9]. Возможно и иное объяснение — ребенок провоцирует своей тревожной активностью матери, направленную на реализацию копинг-поведения.

Более продуктивные варианты совладания со стрессом, в том числе когнитивная переоценка, конструктивный диалог с ребенком, обсуждение, а не отрицание проблем и пр., могли бы выступить в качестве эффективных мер поддержания и восстановления физических и психических сил самой матери и ребенка.

Выявленные нами проблемы показывают, что наиболее опасными являются случаи *амбивалентного* реагирования человека на ситуацию, т.е. одновременного проявления противоречивых чувств и действий. В отличие от такого поведения, мать и ребенок, которые чувствуют себя спокойно и соответственно оценивают свое состояние, а также мать и ребенок, переживающие тревогу и также правильно понимающие ее, демонстрируют связность опыта и его символизации, конгруэнтность внутреннего мира и доступность тревоги осознанию, как следует из представлений К. Роджерса.

Кроме искаженного понимания способности совладать с напряжением высокотреховные матери также амбивалентно оценивают анестезию. Отметим, что речь идет о представлении матери об анестезии вообще и в том числе об анестезии, которую получит ее ребенок в ходе хирургической операции. В исследовании показано, что у матерей с высоким уровнем стресса наряду с принятием необходимости наркоза выявлены явно негативное отношение к этой медицинской процедуре и переживание страха и опасности за жизнь ребенка. Неустойчивость эмоционального состояния не позволяет им получить необходимые знания о ходе лечения и его последствиях, задать соответствующие вопросы анестезиологу и хирургу, снимающие чувство тревоги. Иллюзии матери относительно того, что она справляется с негативными переживаниями, нарушают целостность ее Эго-идентичности и вместо трансляции ребенку правдивой информации вынуждают его заполнять образовавшийся вакуум собственными фантазиями относительно его здоровья и предстоящих медицинских процедур.

Представления даже взрослых людей об анестезии отличаются крайней поверхностностью, и даже в ситуации подготовки ребенка к операции родители очень редко задают конкретные вопросы [10].

В настоящем исследовании удалось выявить особенности представлений об общей и регионарной анестезии. В частности, среди предпочтительных ассоциаций, связанных с общей анестезией,



матери выделяли ассоциацию “помощь”. При предстоящей регионарной анестезии важным оказывалось “отсутствие контроля”.

Размышления над этими особенностями приводят нас к выводу о том, что матери, чьи дети будут находиться во время операции под *общим наркозом*, осознают беспомощность своего положения. Психологи и врачи должны при этом понимать, что родственникам важно обеспечить эмоциональную и информационную поддержку, по возможности сопровождать ребенка и его мать в течение всего периода госпитализации, поддерживать их в реализации самопомощи и самоподдержки.

При *регионарной анестезии* мать нуждается в реализации контроля за процессом подготовки ребенка к операции. Следует предположить, что данная особенность возникает вследствие неверного понимания матерью регионарной анестезии как наркоза, при котором ребенок слышит, видит, понимает происходящее. Мать пугает “включенность” ребенка в процесс проведения операции, и она пытается контролировать действия врачей и чувства ребенка. Думается, что корректное объяснение матери безусловно гуманного отношения к пациенту, убеждение ее в действенности принципа “недопущения формирования воспоминаний под наркозом” [10, с. 41] оградят ее и ребенка от психотравмирующего влияния этой ситуации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективность исследования проблемы анестезии в медицине и психологии определяется актуальностью этой темы в науке и необходимостью систематизации данных о механизмах влияния наркоза и его последствиях. Интенсивное развитие анестезиологии обусловлено поиском лекарственных препаратов и подходов к обезболиванию в процессе проведения различных медицинских манипуляций с целью обеспечения безопасности и здоровья человека во время хирургической операции, а также в процессе выздоровления и реабилитации.

Умение редуцировать тревогу хирургического пациента с помощью правильно построенной беседы является одним из важных факторов успешности проведения операции и эффективности реабилитационного периода. При этом беседа должна строиться в том числе в соответствии с психологическими особенностями пациента.

Детская и подростковая хирургия и анестезиология еще более тесно соприкасаются с проблемами психологического характера, поскольку структура коммуникации существенно усложняется. Кроме

того, одним из коммуникантов в этом процессе оказывается ребенок. Принятое в российской ментальности так называемое бережное отношение к ребенку, которое состоит в его защите от любой тревожной информации, часто инвертирует исходное намерение взрослого человека (родителя или врача) сохранить спокойствие ребенка и, наоборот, усиливает страх.

Настоящее исследование показало, что подавление матерью тревоги и поведение, построенное по принципу двойного стандарта, индуцируют стресс у ребенка, создает дополнительные трудности при подготовке пациента к операции. Несложно понять, что запрос на конкретную информацию и получение ее в адекватной форме позволят каждому участнику этого коммуникативного процесса — ребенку, врачу и родственнику — решить актуальные для него в этой ситуации задачи.

Нам остается надеяться, что развитие научного знания позволит понять принципиальное значение осуществления (взаимной) коммуникации пациента и его социального окружения и усвоить главное — важно и само по себе общение, и то, как именно оно строится в каждом конкретном случае, чтобы старейший принцип медицинской этики *primum non nocere* (“прежде всего — не навреди”) всегда оставался руководством к действию.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков В.А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О.В., Горбунов И.А., Капанова С.В., Пологаева Е.А., Стулков К.А. Валидизация русскоязычной версии опросника “Шкала воспринимаемого стресса-10” // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 6–15.
2. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1985.
3. Бардин К.В. Пороговая проблема и дифференциальная психофизика // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 131–136.
4. Бунятян А.А., Мизиков В.М. Анестезиология: национальное руководство. ГЭОТАР-Медиа, 2011.
5. Войцеховский Д.В., Аверьянов Д.А., Щеголев А.В., Свилов Д.В. Влияние глубокой анестезии на возникновение послеоперационной когнитивной дисфункции // Вестник анестезиологии и реаниматологии. 2018. Т. 15 (1). С. 5–9.
6. Козовенко М.Н. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) — основоположник отечественной регионарной анестезии (к 100-летию

- диссертации доктора медицины) // Клиническая медицина. 2017. Т. 95 (4). Р. 378–382.
7. Левшанков А.И. Наследие Н.И. Пирогова в анестезиологии. Н.И. Пирогов — первопроходец применения анестезии на театре войны (сообщение второе) // Вестник анестезиологии и реаниматологии. 2010. Т. 7 (5). С. 52–63.
  8. Овезов А.М., Лобов М.А., Пантелева М.В., Луговой А.В., Мятчин П.С., Гуськов И.Е. Коррекция ранних когнитивных нарушений у детей школьного возраста, оперированных в условиях тотальной внутривенной анестезии // Анестезиология и реаниматология. 2012. № 3. С. 1–4.
  9. Падун М.А. Регуляция эмоций и психологическое благополучие: индивидуальные, межличностные и социокультурные факторы // Психологический журнал. 2019. Т. 40 (3). С. 31–43.
  10. Пишибыло Г.Д. Обратный отсчет. Записки анестезиолога. М.: АСТ, 2019.
  11. Сергиенко Е.А. Антиципация в раннем онтогенезе человека: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. М., 1997.
  12. Собчик Л.Н. МЦВ — метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2001.
  13. Харламенкова Н.Е., Еськин Н.А., Акинъшина А.Д., Дан М.В., Дымова Е.Н., Матвейчук Н.Н. Представление об анестезии у матерей подростков с диагнозом доброкачественная опухоль опорно-двигательного аппарата // Бехтерев и современная психология личности: сб. статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2–4 октября 2020 г. Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2020. С. 100–102.
  14. Цыбульник Ю.В., Николаева О.В., Скляров Е.В. Становление и развитие анестезиологии // Вестник гигиены и эпидемиологии. 2017. Т. 21 (1). С. 93–97.
  15. Andersson L., Karlsson K., Johansson P., Österberg S.A. I'm afraid! Children's experiences of being anesthetized // Pediatric Anesthesia. 2020. V. 30 (9). P. 998–1005.
  16. Astuto M., Rosano G., Rizzo G., Disma N., Raciti L., Sciuto O. Preoperative parental information and parents' presence at induction of anaesthesia // Minerva Anestesiologica. 2006. V. 72 (6). P. 461–465.
  17. Beebe J.J. A dimensional analysis of the adolescent's general anesthesia experience (anesthesia): Dissertation Abstracts International. Thesis (PhD). University of California, San Francisco, 1994. V. 56 (01 B). P. 0169.
  18. Boka V., Arapostathis K., Kotsanos N., Karagiannis V., van Loveren C., Veerkamp J. Relationship between child and parental dental anxiety with child's psychological functioning and behavior during the administration of local anesthesia // Journal of Clinical Pediatric Dentistry. 2016. № 40 (6). P. 431–437.
  19. Cuzzocrea F., Gugliandolo M.C., Larcan R., Romeo C., Turiaco N., Dominici T. A psychological preoperative program: effects on anxiety and cooperative behaviors // Pediatric Anesthesia. 2013. V. 23 (2). P. 139–143.
  20. Davis N., Lee M., Lin A.Y., Lynch L., Monteleone M., Falzon L., Ispahany N., Lei S. Postoperative cognitive function following general versus regional anesthesia: A systematic review // Journal of Neurosurgery and Anesthesiology. 2014. V. 26. P. 369–376.
  21. Doupnik S.P., Hill D., Palakshappa D., Worsley D., Bae H., Shaik A., Qiu M.K., Marsac M., Feudtner C. Parent coping support interventions during acute pediatric hospitalizations: a meta-analysis // Journal of Pediatrics. 2017. № 140 (3). P. 41–71.
  22. Kain Z.N., Mayes L.C., O'Connor T.Z., Cicchetti D.V. Preoperative anxiety in children. Predictors and outcomes // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. 1996. № 150 (12). P. 1238–1245.
  23. Lööf G., Andersson-Papadogiannakis N., Silén C. Children's own perspectives demonstrate the need to improve paediatric perioperative care // Nursing Open. 2019. V. 6 (4). P. 1363–1371.
  24. Macheta A., Frączek A. The genesis of anaesthesia in prehistory // Anaesthesiology intensive therapy. 2018. V. 50. № 5. P. 330–332.
  25. Ogle C.M., Rubin D.C., Siegler I.C. Maladaptive trauma appraisals mediate the relation between attachment anxiety and PTSD symptom severity // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2016. V. 8 (3). P. 301–309.
  26. O'Leary J.D., Warner D.O. What do recent human studies tell us about the association between anaesthesia in young children and neurodevelopmental outcomes? // British Journal of Anaesthesia. 2017. V. 119 (3). P. 458–464.
  27. Sadeghi A., Khaleghnejad Tabari A., Mahdavi A., Salariyan S., Razavi S.S. Impact of parental presence during induction of anesthesia on anxiety level among pediatric patients and their parents: a randomized clinical trial // Neuropsychiatric Disease and Treatment. 2017. V. 12. P. 3237–3241.
  28. Stremmler R., Haddad S., Pullenayegum E., Parshuram C. Psychological outcomes in parents of critically ill hospitalized children // Journal of Pediatric Nursing. 2017. № 34. P. 36–43.
  29. Tran S.T., Jastrowski Mano K.E., Anderson Khan K., Davies W.H., Hainsworth K.R. Patterns of anxiety symptoms in pediatric chronic pain as reported by youth, mothers, and fathers // Clinical Practice in Pediatric Psychology. 2016. № 4 (1). P. 51–62.
  30. White B.P. The perceived stress scale for children: a pilot study in a sample of 153 children // International Journal of Pediatrics and Child Health. 2014. № 2. P. 45–52.

## ANESTHESIA IN PEDIATRIC AND ADOLESCENT ORTHOPEDIC SURGERY: MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS<sup>2</sup>

N. E. Kharlamenkova<sup>1,\*</sup>, N. A. Yeskin<sup>2,\*\*</sup>, A. I. Snetkov<sup>2,\*\*\*</sup>, A. D. Akinshina<sup>2,\*\*\*\*</sup>,  
S. Y. Batrakov<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>, G. A. Vilenskaya<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>, I. M. Dan<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>, M. V. Dan<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>,  
N. N. Matveychuk<sup>2,\*\*\*\*\*</sup>, E. A. Nikitina<sup>1,\*\*\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>Laboratory of Psychology of Person Development in Normal and Post-traumatic States,  
Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;  
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.

<sup>2</sup>Federal State Budgetary Institution "N.N. Priorov National Medical Research Center of Traumatology  
and Orthopedics" of the Ministry of Health of the Russian Federation;  
127299, Moscow, Priorova str., 10, Russia.

\*ScD (Psychology), Professor, Chief Research Officer, Deputy Director.  
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

\*\*ScD (Medicine), Professor, Head of the Department of Functional Diagnostics.  
E-mail: cito-uchsovet@mail.ru

\*\*\*ScD (Medicine), Professor, Head of the Department of Pediatric Bone Pathology  
and Adolescent Orthopedics.  
E-mail: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*PhD (Medicine), Traumatologist-Orthopedist, Department of Pediatric Bone Pathology  
and Adolescent Orthopedics.  
E-mail: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*\*PhD (Medicine), Associate Professor, Orthopedic Trauma Surgeon, Department of Pediatric  
Bone Pathology and Adolescent Orthopedics.  
E-mail: cito11@hotmail.ru

\*\*\*\*\*PhD (Psychology), Senior Researcher.  
E-mail: vga2001@mail.ru

\*\*\*\*\*Orthopedic Traumatologist, Department of Pediatric Bone Pathology  
and Adolescent Orthopedics.  
Email: cito11otd@gmail.com

\*\*\*\*\*Junior Researcher. E-mail: marina@raudsepp.ru

\*\*\*\*\*Anesthesiologist-Resuscitator, Department of Anesthesiology and Resuscitation.  
E-mail: n-m-73@mail.ru

\*\*\*\*\*PhD (Psychology), Researcher. E-mail: NikitinaEA@ipran.ru

Received 05.10.2020

**Abstract.** The current study examined the topic of application and experiencing the anesthesia as an interdisciplinary medical and psychological issue. The connection of deep personal meanings and experiences of both the subject of anesthesia (child) and their parents was noted. Mothers' ideas about anesthesia, in connection with their teenage children's surgery for a benign tumor of the musculoskeletal system has been scrutinized. The study involved adolescents aged 12–16 ( $n = 44$ ) who underwent surgery under endotracheal general anesthesia ( $n = 27$ ) or regional anesthesia ( $n = 17$ ) and their mothers. We used the "Perceived Stress Scale" (for adults and for children), the authors' "Perception of Anesthesia" questionnaire, and the Color attitude test. Mothers whose children got endotracheal general anesthesia had higher scores on Help and Right Choice descriptors than those whose children got the regional anesthesia. Child's and mother's anxiety level were related before and after surgery according to the data from the Color test, but their levels of perceived stress correlated only before surgery. Mothers with high level of stress differ from other groups by the "Uncertainty, unknown" factor, but do not differ by the "Acceptance of the situation" factor. The conclusion emphasizes the importance of mutual communication between the doctor, the patient and his or her social environment for maintaining the patient's psychological well-being during treatment and for the success of such treatment.

**Keywords:** ideas about anesthesia, stress, anxiety, coping, mothers, teenagers, surgery.

<sup>2</sup> The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-00-00393 K (№ 18-00-00123; № 18-00-00049).



## REFERENCES

1. *Ababkov V.A., Baryshnikova K., Vorontsova-Venger O.V., Gorbunov I.A., Kapranova S.V., Pologaeva E.A., Stuklov K.A.* Validizatsiya russkojazychnoj versii oprosnika "Shkala vosprinimaemogo stressa-10". *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologija. Pedagogika.* 2016. V. 2. P. 6–15. (In Russian)
2. *Bazhin E.F., Etkind A.M.* Tsvetovoj test otnoshenij. L.: Leningradskij nauchno-issledovatel'skij psikhonevrologicheskij institut im. V.M. Bekhtereva, 1985. (In Russian)
3. *Bardin K.V.* Porogovaja problema i differencialnaja psikhofizika. *Voprosy psikhologii.* 1990. № 1. P. 131–136. (In Russian)
4. *Bunyatyay A.A., Mizikov V.M.* Anesteziologija: nacionalnoje rukovodstvo. GEOTAR-Media, 2011. (In Russian)
5. *Vojcekhovskij D.V., Aver'janov D.A., Shchegolev A.V., Svislov D.V.* Vlijaniye glubokoj anestezii na vozniknoveniye posleoperacionnoj kognitivnoj disfunktsii. *Vestnik anesteziologii i reanimatologii.* 2018. V. 15 (1). P. 5–9. (In Russian)
6. *Kozovenko M.N.* Valentin Feliksovich Voyno-Yasenetskii (arkhiyeopiskop Luka) — osnovopolzhnik otechestvennoj regionarnoj anestezii (k 100-letiju dissertatsii doktora meditsiny). *Klinicheskaja medicina.* 2017. V. 95 (4). P. 378–382. (In Russian)
7. *Levshankov A.I.* Nasledije N.I. Pirogova v anesteziologii. N.I. Pirogov — pervoprokhodets primeneniya anestezii na teatre vojny (soobshcheniye vtoroje). *Vestnik anesteziologii i reanimatologii.* 2010. V. 7 (5). P. 52–63. (In Russian)
8. *Ovezov A.M., Lobov M.A., Panteleeva M.V., Lugovoj A.V., Myatchin P.S., Gus'kov I.E.* Korrektsiya rannikh kognitivnykh narushenij u detej shkol'nogo vozrasta, operirovannykh v usloviyakh totalnoj vnutrivvennoj anestezii. *Anesteziologija i reanimatologija.* 2012. № 3. P. 1–4. (In Russian)
9. *Padun M.A.* Reguljatsija emotsii i psikhologicheskogo blagopoluchija: individual'nyje, mezhlichnostnyje i sotsiokulturnyje factory. *Psikhologicheskij zhurnal.* 2019. V. 40 (3). P. 31–43. (In Russian)
10. *Pshyblo G.D.* Obratnyj otschet. Zapiski anesteziologa. Moscow: AST, 2019. (In Russian)
11. *Sergijenko E.A.* Antitsipatsija v rannem ontogeneze che-loveka. Dissertatsija doktora psikhologicheskikh nauk: 19.00.01. Moscow, 1997. (In Russian)
12. *Sobchik L.N.* MCV — metod tsvetovykh vyborov. Modifitsirovannyj vos'mitsvetovoj test Lyushera. *Prakticheskoe rukovodstvo.* St. Petersburg: Rech, 2001. (In Russian)
13. *Kharlamenkova N.E., Es'kin N.A., Akin'shina A.D., Dan M.V., Dymova E.N., Matveichuk N.N.* Predstavlenie ob anestezii u materej podrostkov s diagnozom dobrokachestvennaya opuxol' oporno-dvigatel'nogo apparata. Bexterev i sovremennaya psixologiya lichnosti: sbornik statej VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2–4 October 2020. Kazan: NOU DPO "Centr social'no-gumanitarnogo obrazovaniya", 2020. P. 100–102. (In Russian)
14. *Tsybul'nik U.V., Nikolaeva O.V., Sklyarov E.V.* Stanovleniye i razvitiye anesteziologii. *Vestnik gigijeny i epidemiologii.* 2017. V. 21 (1). P. 93–97. (In Russian)
15. *Andersson L., Karlsson K., Johansson P., Österberg S.A.* I'm afraid! Children's experiences of being anesthetized. *Pediatric Anesthesia.* 2020. V. 30 (9). P. 998–1005.
16. *Astuto M., Rosano G., Rizzo G., Disma N., Raciti L., Sciuto O.* Preoperative parental information and parents' presence at induction of anaesthesia. *Minerva Anestesiologica.* 2006. V. 72 (6). P. 461–465.
17. *Beebe J.J.* A dimensional analysis of the adolescent's general anesthesia experience (anesthesia). Dissertation Abstracts International. Thesis (PhD). University of California, San Francisco, 1994. V. 56 (01 B). P. 0169.
18. *Boka V., Arapostathis K., Kotsanos N., Karagiannis V., van Loveren C., Veerkamp J.* Relationship between child and parental dental anxiety with child's psychological functioning and behavior during the administration of local anesthesia. *Journal of Clinical Pediatric Dentistry.* 2016. № 40 (6). P. 431–437.
19. *Cuzzocrea F., Gugliandolo M.C., Larcan R., Romeo C., Turiaco N., Dominici T.* A psychological preoperative program: effects on anxiety and cooperative behaviors. *Pediatric Anesthesia.* 2013. V. 23 (2). P. 139–143.
20. *Davis N., Lee M., Lin A.Y., Lynch L., Monteleone M., Falzon L., Ispahany N., Lei S.* Postoperative cognitive function following general versus regional anesthesia: A systematic review. *Journal of Neurosurgery and Anesthesiology.* 2014. V. 26. P. 369–376.
21. *Douppnik S.P., Hill D., Palakshappa D., Worsley D., Bae H., Shaik A., Qiu M.K., Marsac M., Feudtner C.* Parent Coping Support Interventions During Acute Pediatric Hospitalizations: A Meta-Analysis. *Journal of Pediatrics.* 2017. № 140 (3). P. 41–71.
22. *Kain Z.N., Mayes L.C., O'Connor T.Z., Cicchetti D.V.* Preoperative anxiety in children. Predictors and outcomes. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine.* 1996. V. 150 (12). P. 1238–1245.
23. *Löf G., Andersson-Papadogiannakis N., Silén C.* Children's own perspectives demonstrate the need to improve paediatric perioperative care. *Nursing Open.* 2019. V. 6 (4). P. 1363–1371.
24. *Macheta A., Frączek A.* The genesis of anaesthesia in pre-history. *Anaesthesiology intensive therapy.* 2018. V. 50 (5). P. 330–332.
25. *Ogle C.M., Rubin D.C., Siegler I.C.* Maladaptive trauma appraisals mediate the relation between attachment anxiety and PTSD symptom severity. *Psychological trauma: Theory, research, practice, and policy.* 2016. V. 8 (3). P. 301–309.



26. *O'Leary J.D., Warner D.O.* What do recent human studies tell us about the association between anaesthesia in young children and neurodevelopmental outcomes? *British Journal of Anaesthesia*. 2017. V. 119 (3). P. 458–464.
27. *Sadeghi A., Khaleghnejad Tabari A., Mahdavi A., Salari-an S., Razavi S.S.* Impact of parental presence during induction of anesthesia on anxiety level among pediatric patients and their parents: a randomized clinical trial. *Neuropsychiatric disease and treatment*. 2017. V. 12. P. 3237–3241.
28. *Stremler R., Haddad S., Pullenayegum E., Parshuram C.* Psychological outcomes in parents of critically ill hospitalized children. *Journal of Pediatric Nursing*. 2017. № 34. P. 36–43.
29. *Tran S.T., Jastrowski Mano K.E., Anderson Khan K., Davies W.H., Hainsworth K.R.* Patterns of anxiety symptoms in pediatric chronic pain as reported by youth, mothers, and fathers. *Clinical Practice in Pediatric Psychology*. 2016. V. 4 (1). P. 51–62.
30. *White B.P.* The Perceived Stress Scale for Children: A Pilot Study in a Sample of 153 Children. *International Journal of Pediatrics and Child Health*. 2014. V. 2. P. 45–52.

УДК 159.9.07

## ФЛЕЙМИНГ КАК ВИД КИБЕРАГРЕССИИ: РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ<sup>1</sup>

© 2021 г. Г. У. Солдатова<sup>1,2,\*</sup>, Е. И. Рассказова<sup>1,3,\*\*</sup>, С. В. Чигарькова<sup>1,2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>Московский государственный университет;  
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.

<sup>2</sup>Московский институт психоанализа;  
121170, г. Москва, Кутузовский просп., д. 34/14, Россия.

<sup>3</sup>Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;  
101000, г. Москва, Армянский пер., д. 4/2, Россия.

\*Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии, заведующий кафедрой социальной психологии.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

\*\*Кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, ведущий научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации.

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

\*\*\*Младший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии, заместитель заведующего кафедрой социальной психологии.

E-mail: chigars@gmail.com

Поступила 29.09.2020

**Аннотация.** Переход агрессии в “киберформу” ознаменовал интерес к тем социально-психологическим и пользовательским факторам и механизмам, которые стоят за рискованным и агрессивным онлайн-поведением. Способы поведения в ситуациях киберагрессии рассматриваются как один из результатов цифровой социальности, под которой понимается в том числе приобретаемая человеком в процессе межличностного онлайн-общения совокупность качеств и особенностей, связанных с принятием и соблюдением специфических норм цифровой среды и с выполнением на их основе различных социальных функций. Помимо задачи выявления социально-психологических факторов столкновения подростков и молодых людей с киберагрессией, через призму различных ролей в ситуации флейминга как наиболее часто встречающегося вида киберагрессии в статье анализируются особенности цифровой социальности, формирующейся в результате приобретения опыта социального онлайн-взаимодействия. 1554 подростка 12–17 лет, 736 молодых людей 17–30 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из восьми федеральных округов России оценивали свой опыт и возможную реакцию на столкновение с флеймингом (на основе “ситуации-виньетки”), а также заполняли методики оценки пользовательской активности, соблюдения правил общения онлайн и офлайн, интернет-зависимости, личностных черт, толерантности, эмпатии, агрессивности. Согласно результатам, роль свидетеля агрессии — ведущая в онлайн-среде у подростков и молодых людей — нередко недооценивается родителями подростков. Риск столкновения с флеймингом выше при более высокой пользовательской активности, особенно у подростков 12–13 лет, а наблюдение за онлайн-агрессией связано с меньшей толерантностью и сознательностью, меньшей готовностью соблюдать правила вежливого общения онлайн и офлайн, большей агрессивностью и нейротизмом. Выбор активной агрессивной роли связан с еще более высоким уровнем агрессивности и низким уровнем доброжелательности и толерантности, а выбор активной просоциальной роли — с более высокими показателями доброжелательности, эмпатии, толерантности и готовности соблюдать правила общения в реальной жизни и в интернете.

**Ключевые слова:** киберагрессия, подростки, социальные роли, флейминг, толерантность, агрессивность, личностные черты.

DOI: 10.31857/S020595920015229-7

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-013-00857 “Социокультурные и личностные предикторы деструктивного и аутодеструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи”.

Интернет давно превратился в пространство, в котором находят специфическое воплощение различные формы и способы поведения, общения и взаимодействия, существующие в реальной жизни. Это относится и к деструктивным формам поведения. Предоставляя безграничные горизонты для участия в социальной жизни и коммуникациях, интернет открывает возможности и для распространения деструктивного, опасного и агрессивного контента и поведения, перед которыми наиболее уязвимы подростки и молодые люди как наиболее активные пользователи Сети. С позиции культурно-исторической психологии приобретение соответствующего опыта в процессе социального онлайн-взаимодействия и навыков адекватного реагирования на такую форму деструктивного поведения, как киберагрессия, в том числе и по причине ее негативного характера, для подростков и молодых людей является одним из важнейших результатов как традиционной, так и цифровой социализации в офлайн, онлайн и смешанной реальности [8]. В связи с этим особое значение приобретают исследования различных видов киберагрессии, а также социально-психологических факторов, возможно, связанных с ней, включая особенности использования интернета, ее продуцирования и распространения, последствий столкновения и стратегий совладания с агрессивными проявлениями в Сети.

Как и офлайн-агрессия, киберагрессия, опосредованная электронными устройствами и виртуальным пространством, — это намеренное деструктивное поведение, которое противоречит правилам вежливого общения людей, вызывает психологический дискомфорт и направлено на причинение вреда или нанесение ущерба другому человеку [1; 3; 16]. Способы поведения в ситуациях киберагрессии, реагирование на ее проявления рассматриваются нами как один из результатов цифровой социальности, формирующейся в процессе социализации в ситуациях онлайн-взаимодействия. Под цифровой социальностью мы понимаем приобретаемые человеком в ходе межличностного онлайн-взаимодействия в составе различных групп, существующих в интернете, способы и практики социального взаимодействия и самопрезентации, совокупность качеств и особенностей, определяющих диапазон социальных контактов, освоение и реализацию социальных ролей, усвоение, принятие и соблюдение норм и правил цифровой среды и выполнение на их основе различных социальных функций.

Киберагрессия как вид агрессии — системное социальное явление, имеющее в своей основе сходные с агрессией в реальной жизни характеристики

и механизмы. В первую очередь это касается причин агрессии, ее содержания, ролевой структуры, особенностей эмоциональных реакций. В отличие от реального мира, киберагрессия может не оказывать непосредственного физического воздействия на человека, и место физического ущерба в этом случае занимают “цифровые повреждения”, которые могут быть незаметны для окружающих, но способны оказывать продолжительное негативное влияние на психологическое состояние жертвы [23]. Для киберагрессии характерны другие пространственно-временные характеристики: она трансгранична и круглосуточна, она постоянна и не определяется непосредственной коммуникацией с агрессором (контент может сохраняться онлайн неограниченно долго и постоянно воспроизводиться), который может сохранять свою анонимность и физическую безопасность, более публична (размер аудитории всегда масштабнее), для ее распространения и реагирования на нее используются технические возможности и способы организации общения в сетях, специфические онлайн-“упаковки” (например, визуально-образная — мемы, фото, видео и др.) [12; 15; 24].

Одна из важных характеристик всех видов киберагрессии, сходная с агрессией в реальной жизни, — это разветвленная ролевая структура: агрессоры, жертвы, активные участники и сторонние наблюдатели. Среди главных ролей в ситуациях агрессии, помимо агрессоров и жертв, важное место занимают свидетели: поддерживающие, наблюдающие, оценивающие агрессию [17; 21]. В подростковом и юношеском возрасте столкновение с киберагрессией и участие в ней в разных ролях неизбежно становится частью цифровой социализации [10], трансформируя внутренний мир и представления молодого человека, определяя его собственное дальнейшее поведение как онлайн (например, выбор в дальнейшем роли агрессора, избегание роли жертвы), так, возможно, и офлайн.

Хотя преимущественный интерес исследователей в данной области касается наиболее психологически травматичного варианта киберагрессии — кибербуллинга [12; 15; 21], следует отметить, что существуют значительно более распространенные виды киберагрессии [14]. В первую очередь к ним можно отнести *флейминг* — разжигание спора, публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами в интернете между участниками в равных позициях [20; 22]. По мнению исследователей, флейминг связан с импульсивной реакцией из-за невозможности контролировать свои эмоции и может выступать защитной реакцией на воспринимаемое оскорбление (собеседник может

и не иметь в действительности такого намерения) или неприемлемое мнение, выраженное другими [22]. Распространенность флейминга также связывается с иллюзией отсутствия эмоциональных переживаний собеседника в контексте дистанционного онлайн-взаимодействия [18]. Комментарии к различному контенту в сети становятся наиболее распространенными площадками “разжигания войны эмоций” (“flame war”), а нарушение норм коммуникации со стороны других пользователей, в первую очередь грубая или нецензурная лексика, выступают катализатором перехода дискуссии во флейминг [18]. При сравнении с другими видами киберагрессии в качестве особенностей флейминга можно выделить его диалогический характер, который выражается в равенстве позиций участников “токсичной” дискуссии; относительно ограниченные временные рамки (подобно пламени противостояние может быть ярким, но не долговременным); низкий риск длительных негативных эмоциональных последствий [11].

*Цель статьи* — выявление социально-психологических факторов столкновения подростков и молодых людей с ситуациями флейминга как видом киберагрессии, а также анализ через призму ролевой структуры этой ситуации, особенностей цифровой социальности, формирующейся в процессе приобретения опыта социального онлайн-взаимодействия. Выдвигались следующие *гипотезы*:

1. Наиболее частой ролью в ситуации флейминга является роль наблюдателя.
2. Для роли наблюдателя характерны следующие психологические особенности: большая толерантность, меньшая агрессивность, большая готовность следовать правилам онлайн-общения.
3. Подростки и молодые люди, выбирающие просоциальные, агрессивные роли и роль наблюдателя в ситуации флейминга, характеризуются различными особенностями пользовательской активности и различными психологическими характеристиками.

## МЕТОДИКА

Исследование проводилось в 2018 г. в 20 крупных городах восьми федеральных округов РФ<sup>2</sup>. В исследовании приняли участие 1029 подростков

в возрасте от 14 до 17 лет ( $15.47 \pm 1.09$  года), 525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет ( $12.42 \pm 0.58$  года), 736 молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет ( $23.33 \pm 3.90$  года) и 1105 родителей подростков 12–17 лет ( $41.21 \pm 5.63$  года). Среди родителей преобладали матери (79.4%); остальные возрастные группы были распределены по полу практически равномерно (52.3% девочек-подростков, 59.2% девушек).

Применялись следующие *методики*:

1. Пользовательская активность оценивалась при помощи двух вопросов: “Сколько времени в среднем вы проводите в интернете в будни/в выходные” (варианты ответа: меньше часа, 1–3 часа, 4–5 часов, 6–8 часов, 9–12 часов, больше 12 часов), показатели по которым усреднялись (альфа Кронбаха  $0.79–0.85$ ).

2. Количество друзей в социальных сетях оценивалось с помощью вопросов “Сколько у вас френдов в социальной сети?” и “Сколько человек из френдов вы знаете в реальной жизни?” (варианты ответов: “меньше 10”, “11–50”, “51–100”, ..., “более 500”).

3. Диагностика реакции на флейминг как вид киберагрессии проводилась при помощи виньетки — метода, позволяющего проиллюстрировать для респондентов специфику социального контекста ситуации [4]. Респондентам предлагалось описание следующей ситуации: “Ваня посмотрел видео и оставил комментарий под ним, что ему оно очень понравилось. Маша, посмотрев это же видео, нашла его отвратительным и написала об этом в своем комментарии. Между ними завязалась перепалка, в ход пошли грубые выражения и злобные эмоджи. К ним присоединились и другие пользователи, кто-то был за Машу, кто-то за Ваню. Через какое-то время страсти утихли, и шумиха под видео закончилась”. Данная ситуация и реакция на нее использовались как пример флейминга и включала вопросы о том, сталкивался ли человек с такой ситуацией и в какой роли. Родителям задавались вопросы о том, сталкивался ли с такой ситуацией их ребенок.

4. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн оценивалось при помощи 9 пунктов-правил (например, “Будьте вежливы со своими собеседниками”). Респонденты оценивали, насколько часто они соблюдают эти правила, по шкале Лайкерта от 1 (“Никогда”) до 5 (“Постоянно”) “в реальной жизни” и “в интернете” (альфа Кронбаха  $0.80–0.88$ ).

5. Субъективный уровень опасности в различных местах оценивался в мире, стране, городе,

<sup>2</sup> Авторы выражают благодарность коллегам, участвовавшим в сборе данных в Ростове-на-Дону, Волгограде, Казани, Кирове, Кемерово, Новосибирске, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Хабаровске, Махачкале, Владикавказе, Санкт-Петербурге, Вологде, Москве, городах Московской области, Тюмени, Екатеринбурге.



на улице, в школе, в интернете и дома по шкале Лайкерта от 1 (“Совершенно безопасно”) до 7 (“Очень опасно”). Альфа Кронбаха по общему показателю составила 0.79–0.82 в разных группах; отдельно рассчитывался уровень субъективной опасности в хорошо знакомых местах — дома и в школе (альфа Кронабаха 0.64–0.68) — и вне дома (0.86–0.87).

6. Тест интернет-зависимости С.-Х. Чен в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова [7].

7. Короткий портретный опросник Большой пятерки [5].

8. Опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри [6].

9. Экспресс-опросник “Индекс толерантности” [9].

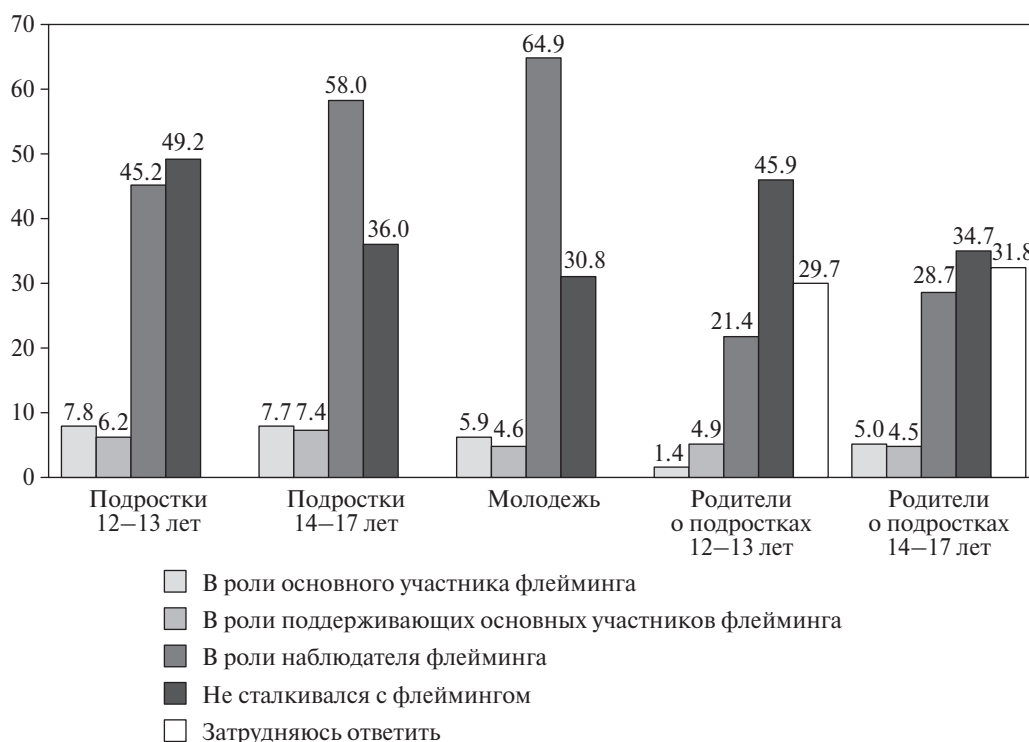
10. Для оценки уровня эмпатии использовался мультифакторный опросник эмпатии М. Дэвиса [2].

Методики оценки субъективной опасности, интернет-зависимости, толерантности и эмпатии заполняли только подростки 14–17 лет, молодежь и родители.

Данные обрабатывались в программе SPSS Statistics 23.0.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Ролевая структура флейминга: взгляд подростков, молодежи и родителей.** Несмотря на то что более половины подростков и молодых людей хорошо знакомы с флеймингом, они не столько участвуют, сколько наблюдают за такими ситуациями. Тем не менее каждый седьмой подросток говорит о том, что был активным участником или поддерживающим активных участников флейминга (рис. 1). При этом родители недооценивают участие подростков во флейминге (особенно это касается 12–13-летних подростков): на семь подростков, попавших в ситуацию флейминга в роли, которая может оказаться значимой в данной ситуации, в среднем приходится лишь один родитель, знающий об этом (рис. 1, по результатам критерия  $\chi^2$  Пирсона  $\chi^2 = 58.50$ ;  $p < 0.01$ ; величина статистического эффекта  $V$  Крамера = 0.13). Различия между группами, достигающие уровня значимости  $p < 0.01$ , получены также для социальной роли основных участников флейминга ( $\chi^2 = 23.14$ ;  $p < 0.01$ ;  $V$  Крамера = 0.08) и его наблюдателей ( $\chi^2 = 337.12$ ;  $p < 0.01$ ;  $V$  Крамера = 0.32), хотя по величине это средние или слабые эффекты. Иными словами, во всех группах речь идет о стабильно небольшом количестве подростков и молодых людей, склонных поддерживать “зачинщиков” и активных участников флейминга.



**Рис. 1.** Участие во флейминге в разных социальных ролях, % (респонденты независимо отвечали на вопрос о каждой роли, поэтому сумма процентов не составляет 100%)

Максимальные статистические различия касаются роли наблюдателя: подростки очень часто и с возрастом все чаще становятся наблюдателями флейминга, а родители довольно редко знают об этом.

**Социально-психологические и пользовательские факторы флейминга.** Для выявления социально-психологических и пользовательских коррелятов столкновения с флеймингом в роли наблюдателя проводилась серия двухфакторных дисперсионных анализов 2 (сталкивался в роли наблюдателя/не сталкивался)  $\times$  3 (подростки 12–13 лет/14–17 лет/молодежь) с множеством зависимых переменных MANOVA. Поскольку показатели интернет-зависимости, эмпатии, толерантности и субъективной опасности в разных сферах жизни оценивались только у старших подростков и молодежи, подростки 12–13 лет из этих сравнений исключались.

Подростки и молодежь, сталкивавшиеся с флеймингом в роли наблюдателя, по сравнению с теми, кто не сталкивался, больше времени проводят в интернете ( $F = 18.01$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), более склонны к интернет-зависимости ( $F = 20.79$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), в меньшей степени соблюдают правила общения как офлайн ( $F = 4.56$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), так и — особенно — онлайн ( $F = 8.80$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ). Среди их френдов меньше тех, кого они знают лично ( $F = 4.50$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ). Интересно, что разница в пользовательской активности и доле незнакомых людей среди френдов между теми, кто в роли наблюдателя сталкивался и не сталкивался с флеймингом, максимальна именно в 12–13 лет (эффект взаимодействия:  $F = 5.48$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$  для пользовательской активности и  $F = 3.52$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$  для доли личных знакомых среди френдов), а в старших возрастах ниже.

У подростков и молодежи, сталкивавшихся с флеймингом в роли наблюдателей, выше

показатели открытости новому опыту ( $F = 7.16$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), но ниже показатели сознательности ( $F = 5.94$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ) и выше показатели нейротизма ( $F = 6.96$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ) как черт личности. Кроме того, для них характерны более высокие уровни физической агрессии ( $F = 17.80$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), гнева ( $F = 16.98$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), враждебности ( $F = 28.29$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.02$ ) и более низкие уровни толерантности как черты личности ( $F = 3.91$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ) и социальной толерантности ( $F = 4.27$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ).

Хотя в выборке немного подростков и молодежи, никогда не бывших непосредственными “зачинщиками” флейминга, но решающими поддерживать одну из сторон (70 человек), для понимания различий между теми, кто, став свидетелем ситуации флейминга, делает выбор принять в ней активное участие, а кто — остаться пассивным наблюдателем, эти две группы сравнивались отдельно. У выбравших позицию наблюдателя, по сравнению с теми, кто активно присоединился к одной из сторон флейминга, выше показатели доброжелательности ( $F = 5.57$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ) и открытости новому опыту ( $F = 4.1$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), ниже склонность к интернет-зависимости ( $F = 9.07$ ;  $p < 0.01$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), уровень враждебности ( $F = 5.06$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), больше готовность к соблюдению правил вежливого общения онлайн ( $F = 6.39$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), а также выше показатели индекса толерантности ( $F = 5.83$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ), в том числе, этнической ( $F = 4.26$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ) и личностной ( $F = 10.32$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ). В отношении пользовательской активности отмечается эффект взаимодействия возрастной группы и выбранной роли: подростки 12–13 лет, больше времени проводящие онлайн, чаще выбирают активную роль, тогда как молодые люди юношеского возраста — роль

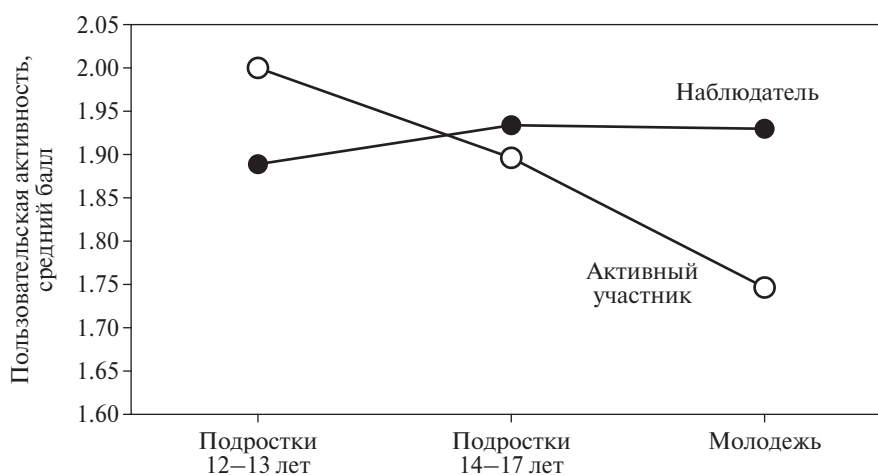


Рис. 2. Выбор роли в ситуации флейминга и пользовательская активность у подростков и молодежи

наблюдателя (рис. 2, эффект взаимодействия:  $F = 4.51$ ;  $p < 0.05$ ;  $\eta^2 = 0.01$ ).

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

### *Свидетель агрессии как ключевая роль онлайн.*

В соответствии с первой гипотезой, подросткам и людям юношеского возраста флейминг знаком очень хорошо и именно с позиции наблюдателя, что согласуется с другими исследованиями в области киберагрессии [17]. Мы предполагаем, что этот выбор, сам по себе вполне продуктивный (например, важно посмотреть со стороны, чем кончится дело, и извлечь из этого опыт), в агрессивных ситуациях приобретает иное значение. С одной стороны, выбравший нейтральную позицию подросток или юноша напрямую не провоцирует дальнейшее распространение агрессии. С другой стороны, агрессия не купируется, а напротив: при большом количестве наблюдателей у участников конфликта есть молчаливая, но внимательная аудитория, которая агрессоров стимулирует, а жертв — еще больше фрустрирует, особенно в вообразимой перспективе более широкого распространения информации о конфликте.

**Социальные роли в ситуации флейминга.** В 12–13 лет с флеймингом в целом чаще сталкиваются подростки, много времени проводящие онлайн и склонные формировать круг своих френдов из незнакомых людей. У старших подростков и молодежи значение этих факторов ниже, хотя чрезмерная пользовательская активность остается фактором риска. На наш взгляд, можно говорить об особом возрастном периоде 12–13 лет, когда риск столкновения с ситуацией флейминга во многом определяется особенностями использования интернета. В старшем подростковом и юношеском возрасте, где опыт флейминга более распространен, пользовательские факторы во многом теряют свое значение, тогда как связь опыта флейминга с психологическими факторами, по-видимому, отмечается во всех возрастах.

Каковы психологические особенности, связанные с позицией наблюдателя в ситуации флейминга? Наблюдатели по сравнению с активными защитниками какой-либо из сторон более доброжелательны и толерантны, менее враждебны, более готовы быть вежливыми онлайн. Иными словами, позицию наблюдателя занимают более внимательные, ориентированные на конструктивное общение и контроль агрессии подростки и молодые люди. Кроме того, по-видимому, активные пользователи интернета по мере взросления начинают предпочитать более пассивные роли: если

в 12–13 лет подростки, больше времени проводящие онлайн, чаще вмешиваются во флейминг, а к 14–17 годам эта разница сглаживается, то в юношеском возрасте более активные пользователи интернета все чаще выбирают позицию наблюдателя. Она может определяться стремлением не усиливать агрессивную ситуацию, по сути избегая ее и таким образом защищая и себя от агрессии. Однако это не способствует контролю агрессии в интернете и даже может обострить ситуацию по причине усиления ее публичности, когда молчаливое присутствие множества свидетелей заметно участникам общения.

Иную картину дает сравнение выбравших роль наблюдателя в ситуации флейминга с теми, кто вообще с флеймингом не сталкивался. На наш взгляд, рассмотрение социально-психологических факторов только как факторов риска столкновения с киберагрессией здесь становится недостаточным. Выявлен ряд личностных особенностей, которые можно рассматривать как эффекты цифровой социальности, возникающие в результате пассивного опыта киберагрессии, в частности флейминга. Согласно результатам, и подростки, и молодежь, сталкивающиеся с флеймингом и занимающие роль пассивных наблюдателей, по сравнению с респондентами, не имеющими такого опыта, демонстрируют более низкий уровень социальной и личностной толерантности, более высокий уровень агрессии, более высокий уровень нейротизма и низкий уровень сознательности, более склонны нарушать правила вежливости в общении. Однако у них выше показатели открытости новому опыту. Иными словами, вторая гипотеза исследования получила частичное подтверждение: большая толерантность, доброжелательность и меньшая агрессивность характерны для наблюдателей флейминга, только если сравнивать их с активно включающимися в агрессию подростками, но не с теми, кто вообще не сталкивался с флеймингом.

Хотя теоретически можно предполагать, что более эмоционально нестабильные и открытые новому опыту, более враждебные и интолерантные подростки и молодые люди чаще ищут проявления агрессии в интернете, при таком объяснении неясно, почему они остаются сторонними наблюдателями этих проявлений. С позиции культурно-исторического подхода для понимания цифровой социальности более вероятно другое объяснение: опыт нейтрального наблюдателя флейминга сказывается и на личностном развитии подростков и молодых людей, на том, как они оценивают, что допустимо онлайн (например, невежливое общение), как они воспринимают этот мир (включая

враждебность по отношению к другим людям) и чего ожидают от других людей (что может быть связано с эмоциональной нестабильностью). Тем не менее, безусловно, что в реальности речь, скорее всего, идет о взаимодействующих процессах: с одной стороны, подростки с некоторыми личностными и диспозиционными особенностями могут провоцировать или активно искать киберагрессию онлайн, а с другой стороны, опыт этого столкновения сказывается на их дальнейшей цифровой социализации.

Родители во всех случаях недооценивают риск столкновения своих детей с ситуацией флейминга. Отметим, что речь идет не только об активных ролях, еще меньше информации родители имеют об участии детей в таких ситуациях в качестве наблюдателей. Этот результат согласуется с предположением, что тема флейминга, несмотря на свою важность, остается вне поля зрения большинства родителей, не обсуждается и как будто табуируется в разговорах о том, что делает ребенок в Сети. При этом доверительное и открытое общение между родителями и подростками — один из ключевых способов профилактики негативных последствий ситуаций киберагрессии [13; 19].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В персонализированной ролевой ситуации, которую подросткам было предложено охарактеризовать с позиции личного участия, во всех возрастных группах доминирует неоднозначная и противоречивая позиция наблюдателя. Позиция свидетеля, как наиболее доступная в интернете, ограждая молодого человека от агрессии и позволяя получать опыт через пассивное наблюдение, оказывается, с одной стороны, наиболее безопасным и распространенным способом приобретения навыков цифровой социальности в деструктивных онлайн-ситуациях. По мере взросления позиция наблюдателя становится все более предпочитаемой, что можно рассматривать как один из итогов цифровой социализации. Низкая осведомленность родителей подростков о флейминге в Сети, а значит, их неспособность участвовать в формировании цифровой социальности в качестве экспертов социальных онлайн-взаимодействий, определяют стихийное формирование норм и правил поведения в сети.

С другой стороны, важно понимать, что позиция наблюдателя не обеспечивает контроля над агрессией, а, наоборот, способствует ее распространению. Именно наблюдатели в интернете обеспечивают и повышают уровень публичности киберагрессии, многократно усиливая ее социальные

и психологические эффекты, что существенно повышает значимость этой позиции в онлайн по сравнению с офлайн. Таким образом, осваивая роль наблюдателя в процессе цифровой социализации, подростки и молодые люди на примере множества ситуаций “учатся” пассивной позиции допустимости агрессии. Полученные данные позволяют предположить, что опыт столкновения подростков и молодых людей с ситуациями деструктивного социального взаимодействия и участия в них в роли наблюдателей может быть связан с личностным развитием в процессе социализации. Это подтверждают также меньшая агрессивность, более высокая толерантность и стремление соблюдать традиционные правила в онлайн-общении у респондентов, не имеющих такого опыта. Полученные данные позволяют предположить, что роль наблюдателя не только самая распространенная, но и самая поддающаяся воздействию различных факторов, что открывает возможность для позитивных психологических интервенций.

С практической точки зрения мы убеждены, что попытки контроля опыта столкновения с флеймингом не могут быть продуктивными. Это, в частности, доказывают те результаты, что к старшему подростковому возрасту флейминг не только становится крайне распространенным явлением, но и мало зависит от особенностей использования интернета. Значительно более важной мишенью социально-психологических интервенций может выступать разработка и обучение подростков тем активным ролям в агрессивных онлайн-ситуациях, которые будут препятствовать распространению агрессии и способствовать конструктивному взаимодействию. При этом, судя по результатам, флейминг тесно связан с толерантностью, и описывающие ситуации флейминга кейсы могут служить адекватной основой для обучения конструктивному поведению при столкновении с агрессией подростков и молодежи.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандура А., Уотерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М.: Апрель Пресс, 2000.
2. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 223–227.
3. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2009.
4. Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические



- рекомендации // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 142–157.
5. *Егорова М.С., Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5–10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.12.2017).
  6. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
  7. *Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С.* Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.
  8. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.
  9. *Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А.* Экспресс опросник “Индекс толерантности” // Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 46–51.
  10. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
  11. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В.* Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2. № 38. С. 3–20.
  12. *Солдатова Г.У., Ярмина А.Н.* Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 35. № 3. С. 17–31.
  13. *Appel M., Stiglbauer B., Batinic B., Holtz P.* Internet use and verbal aggression: The moderating role of parents and peers // Computers in Human Behavior. 2014. № 33. P. 235–241.
  14. *Bauman S., Underwood M.K., Card N.* Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression // Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology / Ed. by S. Bauman, J. Walker, D. Cross. N.Y.: Routledge, 2013. P. 41–46.
  15. *Corcoran L., Guckin C., Prentice G.* Cyberbullying or Cyber Aggression?: A Review of Existing Definitions of Cyber-Based Peer-to-Peer Aggression // Societies. 2015. V. 5. № 2. P. 245–255.
  16. *Grigg D.W.* Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. 2010. V. 20. № 2. P. 143–156.
  17. *Machackova H., Dedkova L., Sevcikova A., Cerna A.* Bystanders’ Supportive and Passive Responses to Cyberaggression // Journ. of School Violence. 2016. V. 17. № 1. P. 99–110.
  18. *Moor P.J., Heuvelman A., Verleur R.* Flaming on YouTube // Computers in Human Behavior. 2010. V. 26. № 6. P. 1536–1546.
  19. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents // Computers in Human Behavior. 2019. № 93. P. 252–259.
  20. *O’Sullivan P.B., Flanagan A.J.* Reconceptualizing ‘flaming’ and other problematic messages // New Media & Society. 2003. V. 5. № 1. P. 69–94.
  21. *Pfetsch J.* Who is who in cyberbullying? Conceptual and empirical perspectives on bystanders in cyberbullying // A Social-ecological approach to cyberbullying / Ed. by M. Wright. N.Y.: Nova Publishing, 2016. P. 121–150.
  22. *Voggeser B.J., Singh R.K., Göritz A.S.* Self-control in Online Discussions: Disinhibited Online Behavior as a Failure to Recognize Social Cues // Frontiers in Psychology. 2018. № 8. Article 2372. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.02372/full>.
  23. *Wright M.F., Wachs S.* Adolescents’ Cyber Victimization: The Influence of Technologies, Gender, and Gender Stereotype Traits // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. V. 17. № 4. Article 1293.
  24. *Zimmerman A.G., Ybarra G.J.* Online aggression: The influences of anonymity and social modeling // Psychology of Popular Media Culture. 2016. V. 5. № 2. P. 181–193.

# FLAMING AS A TYPE OF CYBERAGGRESSION: THE ROLE STRUCTURE AND FEATURES OF DIGITAL SOCIALITY<sup>3</sup>

G. U. Soldatova<sup>1,2,\*</sup>, E. I. Rasskazova<sup>1,3,\*\*</sup>, S. V. Chigarkova<sup>1,2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>*Moscow State University;*

*125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

<sup>2</sup>*Moscow Institute of Psychoanalysis;*

*121170, Moscow, Kutuzovsky prospect, 34/14, Russia.*

<sup>3</sup>*National Research University "Higher School of Economics";*

*101000, Moscow, Armenian lane, 4/2, Russia.*

*\*Corresponding Member of RAO, ScD (Psychology), Professor of Personality Psychology Department, Head of the Social Psychology Department.*

*E-mail: soldatova.galina@gmail.com*

*\*\*PhD (Psychology), Associate Professor of Clinical Psychology Department, Leading Researcher of the International Laboratory of Positive Personality Psychology and Motivation.*

*E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com*

*\*\*\*Junior Researcher of Personality Psychology Department, Deputy Head of the Social Psychology Department.*

*E-mail: chigars@gmail.com*

Received 29.09.2020

**Abstract.** The transformation of aggression into its "cyber" form indicated an interest in those socio-psychological and user factors and mechanisms that are behind risky and aggressive online behavior. In addition to the task of identifying the socio-psychological factors of the collision of adolescents and youth with cyberaggression, the paper analyzes through the prism of different roles in flaming as the most common types of cyberaggression, the features of digital sociality, which is formed as a result of the experience of social online interaction. 1,554 adolescents 12–17 years old, 736 young people and 1105 parents of adolescents from 8 federal districts of Russia assessed their experience and possible reaction to the collision with flaming, and also completed methods to measure user activity, compliance with the rules of online and offline communication, Internet addiction, personality traits, tolerance, empathy, aggression. According to the results, the role of the witness of aggression — the leading online role among adolescents and youth, is often underestimated by parents. The risk of encountering flaming is higher with higher user activity, especially in adolescents aged 12–13, and observation of online aggression is associated with less tolerance and awareness, less willingness to follow the rules of polite communication online and offline, more aggression and neuroticism. The selection of active aggressive role is associated with an even higher level of aggressiveness and a lower level of agreeableness and tolerance, while the choice of active pro-social role is associated with higher rates of agreeableness, empathy, tolerance and willingness to follow the rules of polite communication online and offline.

**Keywords:** cyberaggression, adolescents, social roles, flaming, aggression, tolerance, personality.

## REFERENCES

1. Bandura A., Walters R. *Podrozkovaya agresiya. Izuchenie vliyaniya vospitaniya i semejnyh otnoshenij*. Moscow: April Press, 2000. (In Russian)
2. Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D. *Adaptaciya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa. Konsul'tacionnaya psihologiya i psihoterapiya*. 2013. № 1. P. 223–227. (In Russian)
3. Baron R.A., Richardson D.R. *Agressiya*. St. Petersburg: Piter, 2009. (In Russian)
4. Grigoryan L.K., Gorinova E.V. *Faktornyj opros: preimushchestva, oblast' primeneniya, prakticheskie rekomendacii*. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*. 2016. V. 7. № 2. P. 142–157. (In Russian)
5. Egorova M.S., Parshikova O.V. *Psihometricheskie harakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bol'shoj pyaterki (B5–10). Psihologicheskie issledovaniya*. 2016. V. 9. № 45. P. 9. URL: <http://psystudy.ru>. (In Russian)
6. Enikolopov S.N., Cibul'skij N.P. *Psihometricheskij analiz russkoyazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri. Psihologicheskij zhurnal*. 2007. V. 28. № 1. P. 115–124. (In Russian)

<sup>3</sup> Research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project 20-013-00857 "Socio-cultural and personal predictors of destructive and self-destructive behavior on the Internet in adolescents and youth".

7. *Malygin V.L., Feklisov K.A., Iskandirova A.S., Antonenko A.A., Smirnova E.A., Homeriki N.S.* Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki. Uchebnoe posobie. Moscow: MGMSU, 2011. (In Russian)
8. *Soldatova G.U.* Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire. Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2018. V. 9. № 3. P. 71–80. (In Russian)
9. *Soldatova G.U., Kravcova O.A., Huhlaev O.E., Shajgerova L.A.* Ekspres oprosnik "Indeks tolerantnosti". Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti. Ed. G.U. Soldatova, L.A. Shajgerova. Moscow: Smysl, 2008. P. 46–51. (In Russian)
10. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A.* Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'. Moscow: Smysl, 2017. (In Russian)
11. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigar'kova S.V.* Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi. Nacional'nyj Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 2. № 38. P. 3–20.
12. *Soldatova G.U., Yarmina A.N.* Kiberbulling: osobennosti, relevaya struktura, detsko-roditel'skie otnosheniya i strategii sovladaniya. Nacional'nyj Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 35. № 3. P. 17–31. (In Russian)
13. *Appel M., Stiglbauer B., Batinic B., Holtz P.* Internet use and verbal aggression: The moderating role of parents and peers. Computers in Human Behavior. 2014. № 33. P. 235–241.
14. *Bauman S., Underwood M.K., Card N.* Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology. Ed. by S. Bauman, J. Walker, D. Cross. N.Y.: Routledge, 2013. P. 41–46.
15. *Corcoran L., Guckin C., Prentice G.* Cyberbullying or Cyber Aggression?: A Review of Existing Definitions of Cyber-Based Peer-to-Peer Aggression. Societies. 2015. V. 5. № 2. P. 245–255.
16. *Grigg D.W.* Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. Journ. of Psychologists and Counselors in Schools. 2010. V. 20. № 2. P. 143–156.
17. *Machackova H., Dedkova L., Sevcikova A., Cerna A.* Bystanders' Supportive and Passive Responses to Cyberaggression. Journ. of School Violence. 2016. V. 17. № 1. P. 99–110.
18. *Moor P.J., Heuvelman A., Verleur R.* Flaming on YouTube. Computers in human behavior. 2010. V. 26. № 6. P. 1536–1546.
19. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents. Computers in Human Behavior. 2019. № 93. P. 252–259.
20. *O'Sullivan P.B., Flanagan A.J.* Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. New Media & Society. 2003. V. 5. № 1. P. 69–94.
21. *Pfetsch J.* Who is who in cyberbullying? Conceptual and empirical perspectives on bystanders in cyberbullying. A Social-ecological approach to cyberbullying. Ed. by M. Wright. N.Y.: Nova Publishing, 2016. P. 121–150.
22. *Voggeser B.J., Singh R.K., Göritz A.S.* Self-control in Online Discussions: Disinhibited Online Behavior as a Failure to Recognize Social Cues. Frontiers in Psychology. 2018. № 8. Article 2372. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.02372/full>.
23. *Wright M.F., Wachs S.* Adolescents' Cyber Victimization: The Influence of Technologies, Gender, and Gender Stereotype Traits. International Journ. of Environmental Research and Public Health. 2020. V. 17. № 4. Article 1293.
24. *Zimmerman A.G., Ybarra G.J.* Online aggression: The influences of anonymity and social modeling. Psychology of Popular Media Culture. 2016. V. 5. № 2. P. 181–193.

УДК 159.9.01

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

© 2021 г. С. Л. Кандыбович<sup>1,\*</sup>, Н. Д. Лысаков<sup>2,\*\*</sup>, Е. Н. Лысакова<sup>2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»;  
390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Россия.

<sup>2</sup>ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»;  
125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Россия.

\*Академик РАО, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.  
E-mail: s.kandybivich@sodru.com

\*\*Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социологии,  
психологии и социального менеджмента.  
E-mail: lyssakov@mail.ru

\*\*\*Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии,  
психологии и социального менеджмента.  
E-mail: lyssakov@mail.ru

Поступила 14.10.2020

**Аннотация.** Целями исследования являются анализ истории становления отечественной космической психологии, определение особенностей ее развития как отрасли психологии. Обосновывается вывод о состоянии космической психологии: пройдя этап подготовки и выполнения кратковременных полетов на околоземной орбите, на современном этапе подготовки и выполнения длительных полетов на околоземной орбите космическая психология готовится к переходу на третий этап своего становления — подготовки и выполнения межпланетных полетов по программам колонизации Луны и Марса. Выделены особенности развития космической психологии: 1) существенное влияние авиационной психологии; 2) тесные межпредметные связи с космической медициной и различными видами космической подготовки; 3) непосредственный вклад космонавтов в науку и популяризацию космонавтики; 4) обеспечение высокотехнологичных трудовых функций.

**Ключевые слова:** космическая психология, космическая медицина, авиационная психология, пилотируемый космический полет, высокотехнологичные трудовые функции.

DOI: 10.31857/S020595920015231-0

Эра пилотируемой космонавтики началась 12 апреля 1961 г., когда с космодрома Байконур ракета-носитель «Восток» вывела на околоземную орбиту советский космический корабль «Восток-1» под управлением военного летчика Юрия Алексеевича Гагарина и прозвучала его знаменитая фраза «Поехали!» во время старта. Это грандиозное событие было подготовлено всем ходом развития космонавтики и всех наук о человеке летающем. На сегодняшний день человечество стоит перед новыми вызовами современности, которые в ряде случаев требуют существенных интеллектуальных и человеческих ресурсов. Тем не менее фундаментальная наука всегда смотрит не только в ближайшее, но и в дальнее будущее. В этом будущем освоение космического пространства, дальние космические перелеты будут играть ключевую роль, определяя

вектор развития цивилизации. Человечество имеет возможность накопить интеллектуальный, технический, энергетический потенциал, чтобы в самом ближайшем будущем осуществить грандиозный прорыв к другим планетам, не только воплотив в жизнь романтическую мечту человечества, но и перейдя на качественно новый виток научного, технического, мировоззренческого развития. Психология в этом ряду выполняет важную роль обеспечения психофизиологической и личностной надежности космонавтов.

Цели данного исследования — анализ истории отечественной космической психологии, определение особенностей ее развития как отрасли психологической науки. Результаты исследований и перспективные направления космической психологии могут внести существенный вклад в развитие



космических исследований и в формирование психологии XXI в., одной из важнейших задач которой является комплексное обеспечение безопасности человека в различных условиях жизнедеятельности. Анализ истории развития космической психологии представляет собой ту теоретико-методологическую базу, на основе которой возможно и определение ее дальнейших перспективных направлений.

Космическая психология — отрасль психологии, изучающая воздействие специфических условий и факторов космического полета на психологические аспекты деятельности космонавтов [4]. Решение об отборе военных летчиков и подготовке их к полету в космическое пространство было закреплено в руководящих документах партии и правительства СССР в 1959 г. Принципиальная новизна поставленных задач требовала еще и при лимите времени адаптировать сложившуюся в отечественной науке о человеческом факторе в авиации методологию для медицинских, психологических, педагогических исследований и прикладных разработок и, безусловно, предложить качественно новые решения.

Достижения авиационной медицины, авиационной психологии, авиационной педагогики стали научной основой формирования диагностических и обучающих методик в космонавтике. Оперативно создавались новые технологии с учетом специфики условий космического полета и опыта изучения животных. В работу включились ученые и практики авторитетных научных школ. Флагманом выступил Государственный ордена Красной Звезды научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины Министерства обороны. В частности, на базе института осуществлялось медицинское обеспечение космических полетов по программам “Восток” и “Восход”. Став великой авиационной державой, наша страна уверенно устремилась в космос.

Рассмотрим особенности развития отечественной космической психологии на разных исторических этапах, начиная с 1959 г., который можно назвать годом ее рождения. Предыстория космической психологии связана с работами в области психологии воздухоплавания и авиационной психологии, в которых формулировались закономерности функционирования и развития психики пилотов, методологические принципы их отбора и обучения. Мечта о космических полетах существовала в коллективном сознании человечества задолго до начала космической эры и была представлена в трудах философов-космистов и фантастических произведениях писателей.

К.К. Платонов в работе “Человек в полете” 1957 г. издания исследовал в исторической

перспективе особенности деятельности человека на основе факторов наращивания высоты и скорости полета на аппаратах легче воздуха (воздухоплавание), на аппаратах тяжелее воздуха (авиация), на космических аппаратах (космонавтика). В параграфе, посвященном космическому полету, К.К. Платонов в самом общем виде раскрыл его специфику относительно полетов в атмосфере и наметил основные задачи медицинского обеспечения космического полета. На завершающей странице книги автор делает вывод о повышенных требованиях к здоровью летчиков, их морально-психологическим качествам, подчеркивая: чтобы стать хорошим летчиком, надо обладать волей, профессиональным чувством любви к своему делу, патриотизмом [17]. Как показало недалекое будущее, данные критерии стали актуальны и при отборе кандидатов в космонавты.

С.Г. Мельник предложил выделить такие этапы развития космической психологии, как: 1) период подготовки и выполнения кратковременных полетов в космос; 2) период подготовки и выполнения длительных полетов в космос [16]. Логика развития пилотируемой космонавтики позволяет уточнить данную периодизацию и назвать исторические этапы следующим образом: 1) период подготовки и выполнения кратковременных полетов на околоземной орбите; 2) подготовки и выполнения длительных полетов на околоземной орбите. Современная космическая психология готовится к переходу на третий этап развития — подготовки и выполнения межпланетных полетов. Как понятно из материалов исследований новейшего времени, вектор интереса ученых направлен на создание технологических и медико-психологических условий колонизации Луны и Марса [10; 12; 13; 20–23; 26]. С.К. Крикалев, Б.И. Крючков, А.А. Курицын провели всесторонний анализ развития отечественной и мировой космонавтики и сделали вывод о том, что существующие достижения в науке и технике, приобретенный опыт выполнения космических программ позволяют приступить к решению задач по освоению дальнего космоса с помощью средств пилотируемой космонавтики [12].

#### РАЗВИТИЕ КОСМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ВЫПОЛНЕНИЯ КРАТКОВРЕМЕННЫХ ПОЛЕТОВ НА ОКОЛОЗЕМНОЙ ОРБИТЕ (1959–1970 гг.)

Задачи космической психологии на данном этапе следующие:

1) определение личностных и интеллектуальных качеств кандидатов в космонавты, оценка уровня мотивации, устойчивости внимания, оперативной памяти и пространственного мышления в условиях космического полета и стрессовых ситуаций;

2) исследование психологических возможностей восприятия информации от систем индикации и управления космическим кораблем, ее переработки и принятия решений в полете;

3) изучение перестройки суточной динамики некоторых психических функций в космическом полете, разработка способов укрепления психических процессов и состояний космонавта;

4) выявление социально-психологических особенностей космического полета с учетом фактора изолированности и распределения ролей в экипаже.

Одной из важнейших проблем космической медицины в преддверии первого полета человека на космическом корабле была проблема психологического отбора. С.Г. Мельник, исследуя историю космической психологии, отмечает, что одним из новых, весьма мало изученных вопросов, вставших перед космической медициной при планировании космических полетов человека, явился вопрос о влиянии на космонавта длительного пребывания в условиях изоляции и одиночества (сурдокамерные испытания) [16]. Принципиальная схема сурдокамерных испытаний была предложена Ф.Д. Горбовым, ее суть состояла в воспроизведении профессиональной ситуации с имитацией основных этапов длительной операторской работы в экологически замкнутой системе, не привязываясь к конкретным техническим конструкциям и связанным с ними операциям управления [6].

Ученики Ф.Д. Горбова успешно продолжили важные направления научно-практической работы: В.И. Мясников осуществлял отбор космонавтов, М.А. Новиков разрабатывал вопросы группового взаимодействия в экипаже, О.П. Козеренко почти 40 лет возглавляла группу психологической поддержки космонавтов в полете [5].

По результатам инженерно-психологических исследований были разработаны, определены и обоснованы: принципы построения системы ручного управления ориентацией, дальним сближением, причаливанием и спуском космического летательного аппарата; возможности ручного управления на различных этапах полета при воздействии специфических факторов полета; параметры конкретных систем ручного управления с учетом психофизиологических возможностей космонавта;

структурные характеристики процесса ручного управления кораблем; система комбинированного управления в режиме совместной работы летчика-космонавта и автоматического контура; обобщенный критерий оценки систем управления, сформированный из частных показателей с соответствующими весовыми коэффициентами.

Проблема комплектования членов экипажей космических кораблей по принципу психологической совместимости была поставлена еще до полета в космос Ю.А. Гагарина, большой вклад в ее решение внесли Ф.Д. Горбов, М.А. Новиков, Г.В. Изосимов, М.И. Клевцов и др. С помощью прибора “Гомеостат”, моделирующего групповое психофизиологическое взаимодействие, удалось выявить некоторые закономерности групповых процессов и сформировать понятие психофизиологической совместимости [5; 6]. Исследования в этом направлении стали наиболее актуальными в период подготовки и выполнения длительных космических полетов.

Первый в мире полет человека на околоземную орбиту состоялся 12 апреля 1961 г. на корабле “Восток-1”, который пилотировал Юрий Алексеевич Гагарин. Первый в истории выход человека в открытый космос осуществил Алексей Архипович Леонов во время экспедиции 18–19 марта 1965 г. (космический корабль “Восход-2”, в составе экипажа — Павел Иванович Беляев). 24 апреля 1967 г. при совершении посадки погиб летчик-космонавт СССР № 7, Герой Советского Союза Владимир Михайлович Комаров — первый человек, побывавший в космосе дважды, и первый человек, погибший при освоении космоса. Отечественная пилотируемая космонавтика впервые в мире столкнулась с трагедией потери космонавта и получила бесценный опыт расследования причин катастрофы.

В 1968 г. вышла в свет книга Ю.А. Гагарина, В.И. Лебедева “Психология и космос” [3]. Эта работа символически закрепила союз психологической науки и космонавтики, раскрывая в научно-популярном стиле темы, имеющие важное теоретическое и практическое значение и в наше время: функционирование системы “человек—робот”, поддержание работоспособности в экстремальных условиях, профилактика пространственных иллюзий, саморегуляция эмоционально-волевой сферы, профессионально важные качества космонавтов, психология изолированной группы, особенности межпланетного экипажа и многие другие. В дальнейшем эта успешная научно-просветительская деятельность будет продолжена Г.Т. Береговым, А.А. Леоновым [1; 15].

# РАЗВИТИЕ КОСМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ВЫПОЛНЕНИЯ ДЛИТЕЛЬНЫХ ПОЛЕТОВ НА ОКОЛОЗЕМНОЙ ОРБИТЕ (1970 г. — ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Задачи космической психологии на данном этапе:

1) исследование закономерностей адаптации космонавтов к экстремальным факторам полета, в том числе при выходе в открытый космос, и реадaptации после возвращения на Землю;

2) выявление факторов профессионального долголетия космонавтов и разработка концепции психологического обеспечения различных этапов профессионализации;

3) обоснование принципов групповой психологической подготовки космонавтов с учетом знаний в области социальной психологии изолированной группы, гендерной, этнической психологии;

4) совершенствование методов тренажерной подготовки с использованием достижений в области труда, инженерной психологии и эргономики;

5) подготовка к полету непрофессиональных космонавтов (космических туристов) с оценкой их психофизиологических качеств и способностей;

6) разработка методологии подготовки экипажей к межпланетным полетам в рамках программ колонизации Луны и Марса, включающей методики индивидуального и группового отбора, тренировок саморегуляции эмоциональных состояний, изучение психофизиологического ресурса космонавта в условиях управления роботами, в том числе антропоморфными.

Первый длительный полет на околоземной орбите совершили Андриян Григорьевич Николаев и Виталий Иванович Севастьянов на космическом корабле “Союз-9” с 1 по 19 июня 1970 г. На первый план выступили задачи изучения психологических аспектов адаптации человека к космическому кораблю, влиянию невесомости, гиподинамии, сенсорной депривации, выполненные Ф.Д. Горбовым, В.И. Мясниковым, В.А. Дегтяревым, Э.В. Лапачевым, Е.М. Югановым и др.

Понятно, что при выполнении кратковременных полетов в космос часть психологических аспектов еще не затрагивалась, например роль и значение пассивного и активного отдыха, проблема сна. Длительные полеты выявили ряд нарушений со стороны организма, касающихся в основном течения адаптационных и особенно реадaptационных

процессов в первые часы и дни после приземления. Так, Г.М. Зараковский и С.Л. Рысакова предложили в качестве исходной психологической концепции активного отдыха использовать теорию деятельности, которая посредством цели формирует рабочую доминанту, актуализирует программу достижения цели деятельности. Предложенная авторами концепция и результаты проведенных ими экспериментов позволили выработать ряд практических рекомендаций по использованию в длительных полетах музыки, произведений изобразительного искусства и художественной литературы. Отдельной исследовательской темой стала разработка игровых и рисовальных средств (в частности, шахмат, авторучек, карандашей) для применения в космическом полете. М.И. Клевцов стал одним из первых исследователей, занимавшихся этими важными вопросами.

А.К. Попов, А.Л. Наринская, Б.С. Алякринский, В.И. Мясников и Л.Г. Мордовская сформулировали рекомендации по повышению эффективности труда членов экипажа в длительном полете. Это способы перестройки суточной динамики некоторых психических функций, рекомендации по улучшению организации рабочей деятельности во временном аспекте (с позиции изменения обычной системы датчиков времени), критерии оценки степени натренированности, предложения по использованию некоторых показателей сенсомоторных навыков управления в целях прогнозирования степени надежности системы “человек — космический корабль” [17].

На протяжении данного периода разрабатывались базовые принципы групповой психологической подготовки, которые состоят в учете сходства ценностных ориентаций, социальных и профессионально-мотивационных установок членов экипажа, сочетания взаимокорректирующих индивидуально-характерологических особенностей членов экипажа с превалированием позитивных личностных свойств и качеств у командира, планировании объема и содержания подготовки конкретно для каждого экипажа и в зависимости от длительности полета и др.

Существенный вклад в развитие космической психологии внесли сотрудники лаборатории специальных прикладных проблем, созданной в 1972 г. в Институте психологии АН СССР. Л.Г. Дикая констатирует: “С первых дней своего существования Институт психологии РАН (тогда АН СССР) поддерживал научно-организационные отношения с НИИ авиационной и космической медицины, Центром подготовки космонавтов имени Ю.А. Га-



гарина, Институтом медико-биологических проблем МЗ СССР и АН СССР” [7, с. 78].

По итогам исследований В.А. Попова, Л.А. Китаева-Смыка, Л.Г. Дикой, А.А. Гостева, Е.А. Черенковой, О.М. Салманиной, В.Г. Зазыкина, В.А. Чурсинова, В.А. Денисова и др. были сформулированы практические рекомендации по совершенствованию профессионального обучения космонавтов на тренажерах, в том числе по разработке специальных тренировок (“тренировочных зон”) на борту орбитальных станций в длительных космических полетах, по структуре и принципам использования бортовых тренажеров, по внедрению новых психологических методов анализа и оценки деятельности космонавтов на тренажерах [7]. В процессе плодотворной работы лаборатории создана целостная концепция надежности деятельности человека-оператора.

Получила развитие традиция издания научно-популярных книг для широкого круга читателей, в которых анализировались новые результаты, достигнутые космонавтикой и космической психологией: А.А. Леонов, В.И. Лебедев “Психологические проблемы межпланетного полета” (1975); Г.Т. Береговой “Космос — землянам” (1983) [1; 15].

О.И. Жданов раскрыл психологическую основу профессионального долголетия космонавтов. Согласно автору, профессиональное долголетие этих уникальных специалистов возможно за счет создания системы пролонгированного психологического обеспечения деятельности космонавтов в единстве ее составляющих: психологического отбора, психологического обучения с психологической коррекцией и психологической поддержкой [8]. Зарубежная космическая психология также ориентирована на длительную программу поддержки психического здоровья астронавтов [25].

Кандидатами психологических наук стали: летчик-космонавт СССР № 12, дважды Герой Советского Союза Георгий Тимофеевич Береговой (1974 г.); мастер спорта СССР по парашютному спорту, член женской группы космонавтов Ирина Баяновна Соловьева (1980 г.); Герой Советского Союза и Герой Российской Федерации Сергей Константинович Крикалев (2008 г.). В диссертациях систематизированы, обобщены данные исследований по различным аспектам профессиональной деятельности космонавтов, что вывело космическую психологию на новый уровень развития, укрепило ее межпредметные связи с военной, социальной, экстремальной психологией.

В настоящее время в Научно-исследовательском испытательном центре подготовки космонавтов

им. Ю.А. Гагарина обосновываются научно-практические рекомендации в процессе подготовки экипажей Международной космической станции на комплексных и специализированных тренажерах. Для оценивания тренированности космонавтов методом, основанным на использовании отклонений от штатной деятельности, предлагается ввести пятиуровневую классификацию операторских функций экипажа, в том числе анализируются такие операторские функции, как действия в нештатных ситуациях, взаимодействие в экипаже, взаимодействие экипажа с Центром управления полетами и др. [14].

По мнению И.Б. Соловьевой, целенаправленное психологическое сопровождение подготовки космонавтов должно основываться на современных психолого-педагогических концепциях и принципах обучения и быть функционально включено в профессиональную подготовку, составляя часть ее содержания [19]. Как отмечает А.А. Злобина, в качестве метода психологического мониторинга тренировок космонавтов на всех этапах в настоящее время принято динамическое наблюдение за их деятельностью и поведением при выполнении циклограммы тренировки [9]. Получены данные о важных психофизиологических качествах и способностях непрофессиональных космонавтов (космических туристов): долговременная мотивация (заинтересованность) в выполнении космического полета, познавательная и творческая активность, целеустремленность, устойчивость личности к неблагоприятным эмоциональным, социально-психологическим воздействиям, настойчивость, коммуникабельность, самостоятельность [11].

Космическая психология как отрасль психологической науки и составляющая психологии профессий экстремального профиля в настоящее время приступила к обоснованию принципов психологического обеспечения трудовой деятельности в условиях максимального расширения границ опасности при колонизации Луны и Марса. Точность прогнозов и степень объективности результатов исследований в космической психологии — это один из факторов успешности будущих межпланетных полетов.

Полет на Марс представляет собой длительный автономный полет малой группы. Маршрут “Земля—Марс” составляет в среднем 220 суток, продолжительность обратного пути — в среднем 250 суток. Численность экипажа — 4–6 человек, которому необходимо жестко регламентировать потребление жизненно важных ресурсов, таких как вода, продукты, медикаменты и др. Все эти экстремальные факторы дополняются невозможностью



досрочного возвращения на Землю и задержкой в прохождении сигнала при коммуникации с Землей. В этой связи сотрудниками Института медико-биологических проблем РАН проведен ряд важных исследований.

Так, разработана методика дистанционного мониторинга взаимоотношений в экипаже, а также стратегии применения индивидуальных и групповых психологических тренингов. Выдвинута гипотеза о цикличности выявленных изменений эффективности межличностного взаимодействия при сверхдлительной (более одного года) изоляции, сходной по продолжительности с полетом на Марс. В рамках данного исследования предложены новые подходы к групповому психологическому отбору и рациональному комплектованию экипажа, основанные на принципах самоорганизации (на уровне группы) и саморегуляции (на индивидуальном уровне) [22].

При моделировании межпланетного полета (эксперимент “Марс-500”) один из существенных выводов заключается в том, что при отборе в экипаж межпланетной миссии необходимо учитывать, с одной стороны, уровень индивидуальной психологической устойчивости, а с другой — способность экипажа в целом противостоять стрессу и сохранять высокую эффективность при выполнении задач миссии. Стиль лидерства и способ индивидуальной адаптации в группе являются важными детерминантами успешности деятельности всей группы [13].

В зарубежных публикациях много внимания уделяется вопросу отбора и подготовки астронавтов к эффективному освоению высокотехнологичных функций, например таких, как телеоперация, связанная с понятием “роботизированная дистанционно управляемая рука” [26], обсуждается проблема обоснования единого подхода к жизнедеятельности на будущих построенных космических объектах, созданию системы поддержки принятия решений (decision support system, DSS) [24].

В процессе осуществления длительных межпланетных перелетов в разы возрастает такая характеристика внешней и внутренней среды, как неопределенность, что напрямую будет отражаться и влиять на профессиональную деятельность космонавтов. Проблема неопределенности тесно связана с проблемой психологической безопасности труда и в случаях с длительными космическими полетами может являться одним из решающих факторов его успешности. Длительные ситуации неопределенности в космическом пространстве и необходимость принятия решения в условиях дефицита информации могут существенно влиять

на психическое и психофизиологическое состояние космонавтов, снижая их профессиональную надежность. Именно поэтому перспективным направлением исследований является изучение толерантности к неопределенности космонавта в контексте возможностей и перспектив ее формирования.

При подготовке длительных межпланетных полетов многонациональных экипажей необходимо учитывать влияние фактора национальной культуры. Так, анализ различий в восприятии “своих” и “чужих” членов космических экипажей позволил выявить признаки наличия позитивных этнических стереотипов — идеализации иностранных членов экипажей у той части космонавтов, восприятие которых было более интегрированным. Исследователи считают, что данный вид стереотипизации восприятия не несет в себе негативных моментов, однако является признаком недостаточного знакомства с другой культурой, характерного для начальных этапов межкультурной адаптации [2].

В категориальном строе современной космической медицины и космической психологии закрепилось понятие “человек—робот—среда”. Эффективное применение робототехнических систем в пилотируемых полетах, в том числе применительно к планам освоения и колонизации Луны, требует организации специальной профессиональной подготовки членов экипажей, что создает необходимость своевременной разработки методических, учебных и справочных материалов. Базовое методическое положение предполагает нацеленность на понимание роли человека как центрального звена сложной системы. Как считают авторы, перспективными для обеспечения взаимодействия операторов с роботами можно считать многомодальные интерфейсы, основанные на одновременной обработке разнородной информации, что позволяет учитывать особенности физической рабочей среды, в которой находится человек, включая помеховые факторы [10].

Планирование работ на поверхности Луны с участием роботов, дистанционно управляемых человеком, актуализирует проблему эргономического проектирования их взаимодействия (распределения функций), которое должно вестись с учетом психофизиологических возможностей и ограничений человеческого восприятия и реагирования, “психофизиологической цены” выполнения сложной, ответственной деятельности [21]. Один из выводов исследований, касающийся космической психологии, состоит в расчете факторов обитаемости лунной базы (оптимального персонального пространства, освещенности, размещения функциональных зон, обеспечения условий для работы

и рекреации, коммуникации, психологической поддержки с Земли) с активным участием специалистов по космической медицине и психологии.

Согласны с авторами, что необходим большой объем совместных работ инженеров и медиков по созданию специализированных тренажеров, человеко-машинного интерфейса, средств мониторинга деятельности роботов. Вклад космической психологии, на наш взгляд, заключается в формировании готовности и способности космонавтов к профессиональному творчеству и личной ответственности при выполнении высокотехнологичных трудовых функций.

В работе “Человек летающий” В.А. Пономаренко продолжает исследование духовно-нравственных основ летной и космической профессии. “Именно духовные силы берут начало в природосообразности предназначения человека, реализуясь при этом в смысле отбираемых ценностей. Именно эти ценности в случае опасности дают о себе знать, когда нужно проявить свою человеческую и профессиональную надежность, порядочность, совесть” [18, с. 130]. В продолжение темы взаимосвязи высокого профессионализма и духовности ряд авторов формулирует задачу создания системы целенаправленного воспитания и образования будущих участников полетов на Марс, начиная с детского и юношеского возраста [20].

## ВЫВОДЫ

Таким образом, развитие космической психологии, с одной стороны, было обусловлено развитием космической техники, возможностью осуществления пилотируемого полета. С другой стороны, важнейшим компонентом, который необходимо учитывать при анализе развития космической психологии, является психологическая готовность социума к космическим полетам. В совокупности эти факторы детерминируют этапы становления космической психологии: 1) подготовки и выполнения кратковременных полетов на околоземной орбите; 2) подготовки и выполнения длительных полетов на околоземной орбите. Современная космическая психология готовится к переходу на третий этап развития — подготовки и выполнения межпланетных полетов по программам колонизации Луны и Марса. История развития космической психологии и социокультурные условия, в которых шло ее становление, в свою очередь, детерминировали особенности развития космической психологии как отрасли психологической науки: 1) существенное влияние авиационной психологии;

2) тесные межпредметные связи с космической медициной и различными видами космической подготовки; 3) непосредственный научный и научно-популярный вклад космонавтов; 4) обеспечение высокотехнологичных трудовых функций. На сегодняшний день в развитии космической психологии намечились новые перспективы, которые, с одной стороны, уже имеют опору, когнитивную базу в общественном сознании, а с другой — детерминированы направлением развития космической техники и стратегией освоения космического пространства.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Береговой Г.Т.* Космос — землянам. М.: Молодая гвардия, 1983. 191 с.
2. *Виноходова А.Г., Гуцин В.И., Юсупова А.К., Зюдфельд П., Джонсон Ф.Дж.* Ретроспективный анализ межличностного восприятия и ценностей опытных космонавтов — участников международных полетов на орбитальных станциях “МИР” и МКС // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. 2017. Т. 51. № 5. С. 22–30.
3. *Гагарин Ю.А., Лебедев В.И.* Психология и космос. М.: Молодая гвардия, 1968, 1976. 207 с.
4. *Гандер Д.В., Лысаков Н.Д., Лысакова Е.Н.* Психология труда в экстремальных условиях: Монография. М.: СГУ, 2013. 176 с.
5. *Гатен Ю.В.* Вклад Федора Дмитриевича Горбова в космическую психологию // *Управление движением и навигация летательных аппаратов: Сборник трудов XIX Всероссийского семинара по управлению движением и навигации летательных аппаратов*. Самара, 150–17 июня 2016 г. Самара: Самарский научный центр, 2017. С. 122–127.
6. *Горбов Ф.Д.* Экспериментальная групповая психология // *Проблемы инженерной психологии*. Л.: ЛГУ, 1969. Вып. 4. С. 252–260.
7. *Дикая Л.Г.* Вклад Института психологии Российской академии наук в развитие космической психологии // *Национальный психологический журнал*. 2011. № 1 (5). С. 78–84.
8. *Жданов О.И.* Психологические факторы профессионального долголетия космонавтов // *Психология сегодня: Ежегодник Российского психологического общества*. М.: Российское психологическое общество, 1996. Т. 2. Вып. 2. С. 199–202.
9. *Злобина А.А.* Особенности психологического мониторинга тренировок космонавтов // *Человеческий капитал*. 2017. № 3 (99). С. 33–34.
10. *Карпов А.А., Сергеев С.Ф., Лахин О.И., Михайлюк М.В., Крючков Б.И., Усов В.М.* Взаимодействие человека и робота в пилотируемом космическом

- полете: онтологический подход // Пилотируемые полеты в космос. 2019. № 4 (33). С. 70–91. DOI: 10.34131/MSF.19.4.70-91
11. Ковинский А.А. Оценка важности психофизических качеств непрофессиональных космонавтов для выполнения ими полетов в космос // Пилотируемые полеты в космос. 2020. № 2 (35). С. 87–98. DOI: 10.34131/MSF.20.2.87-98
  12. Крикалев С.К., Крючков Б.И., Курицын А.А. Пилотируемые полеты: от Ю.А. Гагарина к МКС и полетам в дальний космос // Пилотируемые полеты в космос. 2011. № 2 (2). С. 6–20.
  13. Кузнецова П.Г., Гуцин В.И., Виноходова А.Г., Чекалина А.И., Швед Д.М. Межличностное взаимодействие в условиях высокой автономности при моделировании межпланетного полета (эксперимент “МАРС-500”) // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2016. Т. 50. № 2. С. 57–63.
  14. Курицын А.А., Ярополов В.И., Ковинский А.А., Конин В.А., Кутник И.В. Методы оценки тренированности космонавтов при проведении подготовки экипажей Международной космической станции // Пилотируемые полеты в космос. 2019. № 2 (31). С. 44–62. DOI: 10.34131/MSF.19.2.44-62
  15. Леонов А.А., Лебедев В.И. Психологические проблемы межпланетного полета. М.: Наука, 1975. 248 с.
  16. Мельник С.Г. Зарождение и развитие космической психологии // История отечественной космической медицины / Под ред. И.Б. Ушакова, В.С. Бедненко, Э.В. Лапаева. М.; Воронеж, 2001. С. 246–262.
  17. Платонов К.К. Человек в полете. М.: Воениздат, 1957. 288 с.
  18. Пономаренко В.А. Человек летающий // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 117–131.
  19. Соловьева И.Б. Психологическое сопровождение профессиональной подготовки космонавтов // Пилотируемые полеты в космос. 2017. № 1 (22). С. 93–103.
  20. Степанова С.И., Мясников В.И., Козеренко О.П., Сальницкий В.П., Нечаев А.П. Психологические аспекты подготовки и осуществления пилотируемой экспедиции на Марс // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2001. Т. 35. № 2. С. 54–64.
  21. Ушаков И.Б., Бубеев Ю.А., Гуцин В.И., Боритко Я.С. К проекту освоения Луны: некоторые инженерно-психологические и медицинские проблемы // Космическая техника и технологии. 2015. № 3 (10). С. 68–80.
  22. Хананашвили М.М., Виноходова А.Г., Гуцин В.И., Сальницкий В.П. Новое в психологическом отборе, подготовке и комплектовании экипажа применительно к условиям пилотируемой экспедиции на Марс // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1 (50). С. 137–146.
  23. Kanas N. Expedition to Mars: Psychological, interpersonal, and psychiatric issues // Journal of Cosmology. 2010. V. 12. P. 3741–3747.
  24. Miller M., Feigh K. Addressing the envisioned world problem: A case study in human spaceflight operations // Design Science. 2019. № 5. E3. DOI: 10.1017/dsj.2019.2
  25. Sherriff A., Favier J.-J. Modern psychology for space exploration // 67 International Astronautical Congress (IAC), Guadalajara, Mexico, 26–30 September 2016.
  26. Wang Ch., Niu J., Zhang Y., Pan D. An Evaluation Model Based on the Fuzzy AHP for Teleoperation Performance // The International Journal of Aerospace Psychology. 2019. V. 29. № 1. P. 42–52. DOI: 10.1080/24721840.2019.1602472

## SPACE PSYCHOLOGY IN RUSSIA: HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT FEATURES

S. L. Kandybovich<sup>1</sup>, N. D. Lyssakov<sup>2</sup>, E. N. Lyssakova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>*The Federal State Budget Educational Institution of the Higher Education  
“Ryazan State University named after S.A. Esenin”;  
390000, Ryazan, Svobody str., 46, Russia.*

<sup>2</sup>*Moscow Aviation Institute (National Research University);  
125993, Moscow, Volokolamskoe highway, 4, Russia.*

\**Academician of RAE, ScD (Psychology), Professor, Leading Research Fellow.  
E-mail: s.kandybivich@sodru.com*

\*\**ScD (Psychology), Professor, Professor at Sociology, Psychology and Social Management Chair.  
E-mail: lyssakov@mail.ru*

\*\*\**PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor at Sociology,  
Psychology and Social Management Chair.  
E-mail: lyssakov@mail.ru*

Received 14.10.2020



**Abstract.** The purpose of the study is to analyze the history of Russian space psychology formation and to determine the peculiarities of its development as a branch of psychology. The conclusion on the status of space psychology is substantiated: after the stage of preparation and execution of short-term missions in Earth orbit, at the present stage of preparation and execution of long-duration missions in Earth orbit, space psychology is preparing to enter the third stage of its development — the preparation and execution of interplanetary flights under the programs of colonization of the Moon and Mars. The following features of space psychology development are distinguished: 1) significant influence of aviation psychology; 2) close interdisciplinary links with space medicine and various types of space training; 3) direct scientific and popular science contribution of cosmonauts; 4) provision of high-tech labor functions.

**Keywords:** space psychology, space medicine, aviation psychology, manned space flight, high-tech labor functions.

## REFERENCES

1. *Beregovoy G.T.* Kosmos — zemlyanam. Moscow: Molodaya gvardiya, 1983. 191 p. (In Russian)
2. *Vinohodova A.G., Guschin V.I., Yusupova A.K., Zyudfeld P., Dzhanon F.Dzh.* Retrospektivnyy analiz mezhlchnostnogo vospriyatiya i cennostey opytnykh kosmonavtov — uchastnikov mezhhdunarodnykh poletov na orbital'nyh stanciyah "MIR" i MKS. Aviakosmicheskaya i ehkologicheskaya medicina. 2017. V. 51. № 5. P. 22–30. (In Russian)
3. *Gagarin Yu.A., Lebedev V.I.* Psihologiya i kosmos. Moscow: Molodaya gvardiya, 1968, 1976. 207 p. (In Russian)
4. *Gander D.V., Lysakov N.D., Lysakova E.N.* Psihologiya truda v ehkstremaal'nykh usloviyakh: Monografiya. Moscow: SGU, 2013. 176 p. (In Russian)
5. *Gaten Yu.V.* Vklad Fedora Dmitrievicha Gorbova v kosmicheskuyu psihologiyu. Upravlenie dvizheniem i navigaciya letatel'nykh apparatov: Sbornik trudov XIX Vserossiyskogo seminar po upravleniyu dvizheniem i navigacii letatel'nykh apparatov. Samara, 150–17 iyunya 2016 g. Samara: Samarskiy nauchniy centr, 2017. P. 122–127. (In Russian)
6. *Gorbov F.D.* Ehksperimental'naya gruppovaya psihologiya. Problemy inzhenernoy psihologii. Leningrad: LGU, 1969. Vyp. 4. P. 252–260. (In Russian)
7. *Dikaya L.G.* Vklad Instituta psihologii Rossiyskoy akademii nauk v razvitie kosmicheskoy psihologii. Nacional'nyy psihologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). P. 78–84. (In Russian)
8. *Zhdanov O.I.* Psihologicheskie faktory professional'nogo dolgoletiya kosmonavtov // Psihologiya segodnya. Ezhegodnik Rossiyskogo psihologicheskogo obshchestva. Moscow: Rossiyskoe psihologicheskoe obshchestvo. 1996. T. 2. Vyp. 2. P. 199–202. (In Russian)
9. *Zlobina A.A.* Osobennosti psihologicheskogo monitoringa trenirovok kosmonavtov. Chelovecheskiy kapital. 2017. № 3 (99). P. 33–34. (In Russian)
10. *Karpov A.A., Sergeev S.F., Lahin O.I., Mihaylyuk M.V., Kryuchkov B.I., Usov V.M.* Vzaimodeystvie cheloveka i robotav pilotiruемом kosmicheskoy polete: ontologicheskii podhod. Pilotiruemye polety v kosmos. 2019. № 4 (33). P. 70–91. DOI: 10.34131/MSF.19.4.70-91 (In Russian)
11. *Kovinskiy A.A.* Ocenka vazhnosti psihofizicheskikh kachestv neprofessional'nykh kosmonavtov dlya vypolneniya imi poletov v kosmos. Pilotiruemye polety v kosmos. 2020. № 2 (35). P. 87–98. DOI: 10.34131/MSF.20.2.87-98 (In Russian)
12. *Krikalev S.K., Kryuchkov B.I., Kuricyn A.A.* Pilotiruemye polety: ot Yu.A. Gagarina k MKS i poletam v dal'niy kosmos. 2011. № 3 (2). P. 6–20. (In Russian)
13. *Kuznecova P.G., Guschin V.I., Vinohodova A.G., Chekali-na A.I., Shved D.M.* Mezhlchnostnoe vzaimodeystvie v usloviyakh vysokoy avtonomnosti primodelirovaniy mezhplanetnogo poleta (ehksperiment "MARS-500"). Aviakosmicheskaya i ehkologicheskaya medicina. 2016. V. 50. № 2. P. 57–63. (In Russian)
14. *Kuricyn A.A., Yaropolov V.I., Kovinskiy A.A., Kopnin V.A., Kutnik I.V.* Metody ocenki trenirovannosti kosmonavtov pri provedenii podgotovki ehkipazhey Mezhdunarodnoy kosmicheskoy stancii. Pilotiruemye polety v kosmos. 2019. № 2 (31). P. 44–62. DOI: 10.34131/MSF.19.2.44-62 (In Russian)
15. *Leonov A.A., Lebedev V.I.* Psihologicheskie problemy mezhplanetnogo poleta. Moscow: Nauka, 1975. 248 p. (In Russian)
16. *Mel'nik S.G.* Zarozhdenie i razvitie kosmicheskoy psihologii. Istoriya otechestvennoy kosmicheskoy mediciny: Eds. I.B. Ushakov, V.S. Bednenko, Eh.V. Lapaeva. Moscow—Voronezh, 2001. P. 246–262. (In Russian)
17. *Platonov K.K.* Chelovek v polete. Moscow: Voenizdat, 1957. 288 p.
18. *Ponomarenko V.A.* Chelovek letayuschiy. Ehksperimental'naya psihologiya. 2012. V. 5. № 4. P. 117–131. (In Russian)
19. *Solov'eva I.B.* Psihologicheskoe soprovozhdenie professional'noy podgotovki kosmonavtov. Pilotiruemye polety v kosmos. 2017. № 1 (22). P. 93–103. (In Russian)
20. *Stepanova S.I., Myasnikov V.I., Kozerenko O.P., Sal'nic-kiy V.P., Nechaev A.P.* Psihologicheskie aspekty podgotovki i osushchestvleniya pilotiruемой ehkspedicii na Mars. Aviakosmicheskaya i ehkologicheskaya medicina. 2001. № 2. V. 35. P. 54–64. (In Russian)



21. *Ushakov I.B., Bubeev Yu.A., Guschin V.I., Boritko Ya.S.* K proektu osvoeniya Luny: nekotorye inzhenerno-psihologicheskie i medicinskie problemi. *Kosmicheskaya tekhnika i tekhnologii*. 2015. № 3 (10). P. 68–80. (In Russian)
22. *Hananashvili M.M., Vinohodova A.G., Guschin V.I., Sal'nickiy V.P.* Novoe v psihologicheskom otbore, podgotovke i komplektovanii ehkipazha primenitel'no k usloviyampilotiruемой ehkspedicii na Mars. *Vestnik rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*. 2008. № 1 (50). P. 137–146. (In Russian)
23. *Kanas N.* Expedition to Mars: Psychological, interpersonal, and psychiatric issues. *Journal of Cosmology*. 2010. V. 12. P. 3741–3747.
24. *Miller M., Feigh K.* Addressing the envisioned world problem: A case study in human spaceflight operations. *Design Science*. 2019. № 5. E3. DOI: 10.1017/dsj.2019.2
25. *Sherriff A., Favier J.-J.* Modern psychology for space exploration. 67 International Astronautical Congress (IAC), Guadalajara, Mexico, 26–30 September 2016.
26. *Wang Ch., Niu J., Zhang Y., Pan D.* An Evaluation Model Based on the Fuzzy AHP for Teleoperation Performance. *The International Journal of Aerospace Psychology*. 2019. V. 29. № 1. P. 42–52. DOI: 10.1080/24721840.2019.1602472

УДК 159.9.092

## ВКЛАД К. К. ПЛАТОНОВА В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ<sup>1</sup>

© 2021 г. В. П. Позняков\*, А. Л. Журавлев\*\*

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

\* Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: [pozni\\_v@mail.ru](mailto:pozni_v@mail.ru)

\*\* Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: [ALZhuravlev2018@yandex.ru](mailto:ALZhuravlev2018@yandex.ru)

Поступила 01.02.2021

*Аннотация.* Рассматриваются исследования Константина Константиновича Платонова в ряде направлений социально-психологической науки. Отмечается его существенный личный вклад в восстановление отечественной социальной психологии и разработку вопросов ее теории, истории и методологии. Анализируются представления К.К. Платонова о ее предмете, основных разделах и отраслях. Показываются взгляды Платонова на социально-психологические феномены группового сознания, психологической совместимости, общения, межличностных отношений и др., а также крупный вклад Платонова в изучение таких направлений, как психология групп и коллективов, социальная психология личности и социальная психология труда. Отмечается важная роль Платонова в организации и проведении теоретико-эмпирических исследований различного рода коллективов, социально-психологического климата и трудового соревнования. Делается вывод, что теоретико-эмпирические исследования Платонова заложили основу целого ряда направлений отечественной социальной психологии: социальной психологии труда, психологии религии, исследований группового сознания, психологии межличностных отношений и др.

*Ключевые слова:* К.К. Платонов, социальная психология, история психологии, теоретические и методологические проблемы, психология групп и коллективов, социальная психология личности, социальная психология труда.

DOI: 10.31857/S020595920015237-6

Константин Константинович Платонов, юбилею которого посвящена данная статья, является выдающимся отечественным психологом XX в. (в июне 2021 г. исполняется 115 лет со дня его рождения). Разносторонность и широта научных интересов К.К. Платонова, его вклад в разработку целого ряда отраслей и направлений психологической науки, сочетание интереса к теоретическим и методологическим проблемам психологии с не менее активным участием в разработке прикладных ее отраслей являются признанными в научном сообществе бесспорными заслугами этого видного ученого [4; 5 и др.]. Вместе с тем в истории отечественной психологии до сих пор сравнительно мало внимания уделялось анализу и оценке исследований и публикаций Платонова, посвященных проблемам социальной психологии. В рамках данной статьи

попытаемся, хотя бы в некоторой степени, компенсировать существующий недостаток. Предметом нашего анализа будут работы Платонова, специально посвященные проблемам социальной психологии, и особое внимание будет уделено следующим основным вопросам: *предмет социальной психологии как отрасли психологической науки; представления Платонова о личности как объекте социальной психологии и его вклад в развитие социальной психологии групп и коллективов.*

### ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОТРАСЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

К проблемам социальной психологии Платонов обратился на достаточно позднем этапе своей научной биографии, в годы, совпавшие с периодом рождения отечественной социальной психологии.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в соответствии с Государственным заданием ФАНО № 0138-2021-0001.

Вместе с рядом ведущих представителей психологической науки и смежных наук, изучавших человека и общество, Платонов активно включился в дискуссию о предмете социальной психологии, возникшую в научном сообществе на рубеже 1950–1960-х годов [3]. Работая с 1960 г. сотрудником сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР под руководством Е.В. Шороховой, Платонов опубликовал ряд работ, непосредственно посвященных проблемам социальной психологии. Вместе с Е.В. Шороховой и Н.С. Мансуровым он являлся автором одной из ключевых статей, где излагалась система оригинальных авторских представлений о предмете и задачах социальной психологии [26]. В 1963 г. на Втором всероссийском съезде психологов эти ученые выступили с пленарным докладом, посвященным проблемам социальной психологии, и организовали специальный симпозиум. Характерно, что в эти годы Платонов использовал для определения объекта этой науки и для ее названия понятие “общественная психология”. Позднее, уже будучи сотрудником сектора социальной психологии Института психологии АН СССР, Платонов, используя для названия науки термин “социальная психология”, тем не менее предпочитал для обозначения ее объекта пользоваться термином “общественная психология”. Такое различие представляется не случайным, а принципиально важным и актуальным и на современном этапе развития научного психологического знания. Дело в том, что определения “социальный”, “социальное” нередко используются сегодня применительно к поведению не только человека, но и животных, включая даже микроорганизмы. Определения “общественный”, “общественное” сразу же обращают нас к человеку как члену общества, представителю тех или иных социальных групп, общностей и прямо указывают на специфику социально-психологических явлений как явлений, порождаемых общественной жизнью человека, в отличие от явлений, изучаемых общей психологией, которая так и называется, поскольку призвана изучать психические явления, свойственные не только человеку, но и животным.

В 1971 г. вышла в свет брошюра Платонова “Что изучает общественная психология”. В этой брошюре Платонов кратко и в достаточно популярной форме излагает свои представления о предмете общественной психологии как отрасли психологической науки, ее основных понятиях и феноменах, основных направлениях исследований. В вводной части этого издания Платонов подводит первые итоги дискуссий о предмете социальной психологии конца 1950-х — начала 1960-х годов, активным

участником которых он являлся: “Всеми, пожалуй, без исключения советскими психологами сейчас признается существование психических явлений, свойственных индивидууму только тогда, когда он находится в группе других людей, а также психических явлений, не могущих быть у изолированного индивидуума, но свойственных группе людей в целом. Признана всеми и необходимость, даже более того — острая актуальность изучения этих явлений” [11, с. 4]. Здесь же Платонов рассуждает и о статусе общественной психологии, связывая его с вопросом о предмете и методе науки. Предмет общественной психологии, как и психологии в целом, по мнению Платонова, составляют психические явления. Общность предмета является главным аргументом в пользу того, что общественная психология является отраслью психологической науки, лежащей на ее стыке с социологией.

Для того чтобы правильно понять и оценить роль Платонова в возрождении отечественной социальной психологии и его место в развитии социально-психологического знания, необходимо представить исторический контекст, социально-политические условия того периода развития нашего общества. Советская психологическая наука успешно отстояла право на существование в качестве науки, имеющей своим предметом сферу психических явлений как особого рода явлений, идеальных, субъективных, составляющих внутренний мир человека, принципиально отличных от явлений материального мира, существующих объективно и образующих внешний мир, внешние условия по отношению к явлениям психическим. Философскую основу научных представлений советской психологии составляли положения классиков марксизма, связанные с материалистическим пониманием психического, представления о диалектическом соотношении бытия и сознания. Однако распространение представлений о возможностях научного исследования субъективного мира человека на область явлений общественной жизни, представлений о возможности существования особой науки, призванной изучать групповые и массовые психические явления, встречало открытое сопротивление ортодоксальных сторонников марксистско-ленинской философии, которые считали, что единственно правильной научной теорией, изучающей и объясняющей законы жизни общества, в том числе и той его сферы, которая обозначалась как область общественного сознания и, в частности, общественной психологии, является исторический материализм. Поэтому единственно приемлемым путем “легализации” социальной психологии могло быть построение ее на теоретическом фундаменте марксизма, с которым в то время

не спорило большинство представителей психологической науки в СССР.

Именно этим можно объяснить и повышенное внимание психологов того периода к высказываниям классиков марксизма, посвященным кругу явлений, которые потенциально привлекали внимание представителей возрождающейся отечественной социальной психологии. Между тем в классических представлениях исторического материализма как категория общественного сознания в качестве реально существующей сферы общественной жизни, так и категория общественной психологии в качестве уровня общественного сознания были достаточно традиционными и общепринятыми. Поэтому в целом ряде публикаций, вышедших в период возрождения социальной психологии в СССР, авторы часто использовали именно термин “общественная психология”. Не был исключением и Платонов. Что касается окончательного закрепления за данной наукой в качестве названия термина “социальная психология”, думается, что во многом это связано с тем, что он к тому времени был уже устоявшимся и общепринятым в международном научном сообществе. Еще одним примером подобного “заимствования” названия отрасли науки (и тоже в конце 1950-х годов) является использование в отечественной психологии термина “инженерная психология”, который у неспециалистов в области психологии до сих пор вызывает непонимание (это что, психология, изучающая инженеров?). Сам Платонов неоднократно высказывался по поводу этого определения, что инженерная психология является не чем иным, как составной частью или одним из направлений психологии труда [12 и др.].

Однако обращение к категории “общественная психология” было не только данью господствующей идеологии и философии. Оно несло в себе очень важный смысл и значение, актуальность которых стала особенно понятной в последующие годы. Если в мировой социальной психологии основными объектами эмпирических, в том числе экспериментальных, исследований выступали преимущественно малые группы, то система понятий, представленных в русле возрождавшейся отечественной социальной психологии, изначально была обращена к более широкому кругу явлений, носителями которых являлись не только отдельные индивиды и малые группы, но и большие социальные группы, носители массовых психологических явлений. В качестве примеров таких массовых социально-психологических явлений Платонов (во многом предвывая последующие их теоретико-эмпирические исследования, проводившиеся уже

в Институте психологии АН СССР) называет социалистическое соревнование, общественное настроение и мнение, моду, коллективное мышление, социально-психологический климат и др.

Не менее важным положением, определяющим специфику явлений, которые призвана изучать социальная психология, является исходное теоретическое представление Платонова о том, что носителями, субъектами этих явлений выступает не только отдельный человек, индивид, но и группа людей, социальная общность. При этом, опираясь на философские взгляды представителей исторического материализма, Платонов подчеркивает, что нельзя противопоставлять индивида и общество как носителей разных сущностей. И отдельный человек, личность, и социальная группа, а тем более коллектив изначально являются носителями в первую очередь социальных качеств. Это положение составляет теоретическую базу представлений Платонова в области социальной психологии, образуя “концептуальный треугольник”, где в качестве третьей вершины в системе понятий, разрабатываемых им, выступает труд как основной вид общественной деятельности личностей, объединенных в коллективы. Стороны этого “концептуального треугольника”, выражающие взаимосвязи между фундаментальными категориями, образующими его вершины, и являлись основными направлениями теоретико-эмпирических исследований ученого в области социальной психологии. Личность и труд, личность и коллектив, коллектив и труд — вот основные направления этих исследований, два из которых послужили основанием фундаментальных монографических работ, выполненных под руководством Платонова и при его непосредственном авторском участии [6; 7].

Но вернемся к исходным представлениям Платонова о предмете социальной психологии, раскрываемом в системе основных ее понятий. Построением системы понятий психологической науки Платонов занимался на протяжении всей творческой жизни. Интерес к этой проблеме, как указывает сам автор в своих воспоминаниях, возник у него еще в юношеские годы после беседы с другим выдающимся ученым — Владимиром Михайловичем Бехтеревым. Узнав о первых научных опытах Платонова, связанных с попытками систематизации земноводных обитателей его региона, Бехтерев посоветовал ему обратиться к систематизации психических явлений, где, по его мнению, в то время царил “долиннеевский хаос” [20]. Исключительную важность разработки системы понятий психологической науки Платонов подчеркивал практически во всех своих крупных трудах.



Наука — это система теорий, а теория — это система понятий — неоднократно высказывался он. Но наиболее полно и концентрированно представления Платонова о системе понятий психологической науки в целом и социальной психологии в частности представлены в двух монографиях, специально посвященных этой проблеме, одна из которых стала последним прижизненно изданным крупным произведением мастера [17; 18]. В качестве таких понятий Платонов выделяет два: *отражение* как психическое отражение явлений объективного мира в психике субъекта (понимаемое, в соответствии с господствовавшими в те годы философскими представлениями о теории отражения, с опорой на работы В.И. Ленина) и *взаимодействие*. Первая пара категорий “отражаемое” и “отраженное” позволяет Платонову четко различать явления социальной (или общественной, по его терминологии) психологии, выступающие объектами социально-психологического исследования, и явления, представляющие собой знания в области социальной психологии, где термин “социальная психология” используется уже в гносеологическом смысле для обозначения научных фактов и представлений, накопленных в ходе теоретических и эмпирических исследований. Использование одного и того же термина для обозначения как онтологических сущностей (отражаемого в терминологии Платонова), так и гносеологических явлений (отраженного по Платонову) заставляет и современных авторов каждый раз пояснять смысл используемых понятий.

Что касается категории “взаимодействие”, введение которой в качестве базовой для анализа социально-психологических явлений Платонов в духе господствовавших в те годы философских учений также связывает с представлениями классиков марксизма, эта категория и сегодня определяется ведущими специалистами в области социальной психологии в качестве базовой в системе ее понятийно-категориального аппарата [24 и др.]. Именно взаимодействие, а точнее, *социальное взаимодействие* (межличностное и межгрупповое), выступает системообразующим основанием самых разнообразных социально-психологических явлений. В связи с этим нельзя не сказать о другой базовой категории, которая, наряду с категорией “взаимодействие”, составляет фундамент социально-психологических понятий в теоретических представлениях другого видного отечественного психолога, практически современника Платонова. Это категория “психологическое отношение”, а точнее, применительно к социальной психологии — “взаимоотношения”, предложенная в качестве центральной категории социальной психологии В.Н. Мясищевым [8 и др.].

В трактовке данного понятия взгляды названных авторов не полностью совпадают. В системе психологических понятий, разрабатываемых Платоновым, отношение определяется как одна из сторон сознания, наряду со знанием и переживанием. Для Мясищева отношение, с одной стороны, является базовой психологической категорией, методологическим принципом, раскрывающим сущность всех психических явлений как субъективной связи субъекта психических явлений с объектами окружающего мира, а с другой — представляет особый класс психических явлений, отличных от других классов (психических процессов, состояний и свойств личности), для определения которых Мясищев использует термин “психические образования”.

Несомненной заслугой Платонова и одним из его вкладов в построение социально-психологической теории является анализ соотношения понятий “общественные отношения” и “психологические отношения”. Представления Платонова об этом соотношении были предметом его дискуссий с Мясищевым, представлены в ряде публикаций Платонова и получили наиболее четкое оформление в определении понятия “социально-психологические отношения” в одной из совместных публикаций автора еще с тремя известными советскими социальными психологами [27].

Понятие “отношение” Платонов изначально связывает с понятием “общение” и с совместным трудом как историческим фактором формирования человека и человеческих общностей: “Общение — это осознанные взаимосвязи людей, входящих в любую человеческую общность. Именно общение имеет наиболее существенное значение для формирования таких человеческих общностей, как первобытная орда, родовая община, племя, народность, нация, государство. Для общественной психологии важно, что объективная нужда в общении становилась первой жизненной социальной потребностью, возникающей в процессе труда, способствующей разделению труда и преобразовавшейся в процессе труда” [11, с. 11]. Далее автор приводит различные классификации форм общения и их основные группы: общение личное и массовое, непосредственное и опосредованное, эмоциональное и интеллектуальное. И наконец, определяет связь совместного труда и общения с общественными отношениями: “Совместный труд и многообразные виды общения превращали человеческие исторические виды общностей в человеческое общество. А проявлялись они в самых различных формах объективных отношений, в которые вступают люди в процессе своей деятельности”

[Там же, с. 12]. При этом Платонов последовательно придерживается взглядов Маркса на сущность производственных отношений как основы всех надстроечных социальных явлений: религии, нравственности, права, искусства, науки, идеологии и политики. И здесь в качестве специфического предмета социальной психологии Платонов выделяет психологические отношения (автор использует термин “субъективные, личностные отношения”): “Под влиянием объективных производственных отношений коренным образом видоизменяются половые, игровые, учебные, трудовые; возникают новые: эстетические, религиозные, нравственные, правовые, политические и все другие отношения, определяющие сложность и многообразие жизни людей. Но все эти объективные отношения не являются предметом изучения общественной психологии. Ее предмет составляет изучение отражения этих реальных, объективных отношений, представляющего собой субъективные, личностные отношения, как психические явления, возникшие при общении” [Там же]. Наряду с термином “субъективные, личностные отношения”, применительно к социально-психологическому исследованию и анализу группы Платонов использует в рассматриваемой работе два других термина: “межличностные отношения” и “отношения группы”: “Личностные отношения — это отражение человеком тех объективных отношений, в которых предметы и явления реального мира находятся с ним. Их изучает индивидуальная психология. Предметом общественной психологии, исходя из данного выше ее общего определения, являются межличностные отношения в определенной группе, как отражение каждым членом этой группы объективных взаимоотношений, сложившихся между ее членами, при жизненном общении. В каждой группе существуют личности с более отчетливо выраженными личностными отношениями; существует в группе и ряд личностей с более или менее одинаковыми отношениями. И те и другие определяют отношения группы в целом как социально-психологическое массовидное явление” [Там же, с. 14].

По существу, здесь впервые делается попытка классификации психологических отношений, основным критерием которой выступает определение субъектов этих отношений: личность как индивидуальный субъект психологического отношения к явлениям и объектам окружающего мира (в том числе к другим людям, социальным группам и самому себе), межличностные отношения как взаимные отношения, складывающиеся между людьми в разных сферах совместной жизнедеятельности и в разного вида социальных общностях,

и, наконец, группа или коллектив как групповой или коллективный субъект психологических отношений. В последующих публикациях, в частности в коллективной статье, посвященной проблемам социалистического соревнования, последние два вида отношений будут определяться авторами как социально-психологические отношения [27].

В период работы в секторе философских проблем психологии Института философии АН СССР и позднее — в секторе социальной психологии Института психологии Платонов неоднократно обращается к известному высказыванию Маркса о том, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, но ею является совокупность общественных отношений. Полемизируя с авторами, которые механически переносили это высказывание для характеристики понятия “личность”, Платонов выступал против такого грубого искажения представлений Маркса, подчеркивая, что в данном случае речь идет именно о сущности человека, а не об определении личности. Для Платонова такое уточнение было принципиально важно именно в связи с его общетеоретическими представлениями о личности в целом и о личности как объекте социальной психологии в частности.

## ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблема личности как объекта социальной психологии и как одного из центральных ее понятий привлекала внимание Платонова на протяжении всех последних лет его научной жизни [9; 10; 13; 15; 19 и др.]. Платонов принимал самое активное участие в целом ряде научных симпозиумов и конференций, посвященных проблеме личности, дискутируя с маститами учеными, философами, социологами и психологами, отстаивая свое авторское понимание сущности личности как объекта научных исследований и ее специфики как предмета психологической науки и, в частности, социальной психологии. В своем авторском определении личности, получившем широкую известность и признание в отечественной науке, Платонов опирается на теоретические представления С.Л. Рубинштейна о переживании, познании и отношении как атрибутах сознания. «Личность — это человек как субъект переживания, познания мира и активного отношения к нему, проявляющегося в творческой деятельности. А так как переживание, познание и отношение — атрибуты сознания (здесь автор дает ссылку на монографию С.Л. Рубинштейна “Бытие и сознание”)... то это определение может быть

уложено в более краткую форму: личность — это человек как носитель сознания» [15, с. 80–81].

Личный, авторский вклад Платонова в систему научных знаний в области социальной психологии личности связан с разработкой истории формирования научных представлений о личности в психологии [17 и др.]. Анализируя содержание и развитие этих представлений от Античности до современности, Платонов критикует как биологизаторские тенденции, связанные с упрощенными, вульгарно-материалистическими представлениями, так и социологизаторские тенденции, связанные с пренебрежением или отрицанием роли биологических, наследственных факторов в формировании и развитии личности. Собственные представления Платонова о личности как субъекте сознания, субъекте социальной жизнедеятельности, общественных отношений и исторического процесса базируются на философских представлениях С.Л. Рубинштейна о личности как целостной совокупности внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Эти представления, по мнению Платонова, являются теоретической основой для личностного подхода к исследованию любых психических явлений. И это дало ему основание обосновать *личностный подход* в качестве одного из методологических принципов советской психологии [10; 14 и др.].

Уже в одной из первых своих публикаций, посвященных проблемам социальной психологии, Платонов начинает содержательный анализ явлений общественной психологии с обращения к категории «личность». «Но что такое личность?» — спрашивает Платонов. И отвечает на этот вопрос: «Это то внутреннее содержание человека, которое проявляется в общении с другими, через других. Во взаимоотношениях с другими людьми человек обнаруживает все свои свойства и качества — доброту или злость, старательность или недобросовестность, грубость или мягкость, принципиальность или беспринципность и т.д. Только вступая в общение с другими людьми, он становится личностью» [11, с. 6]. Тем самым социально-психологический аспект проблемы личности изначально связывается Платоновым с такими базовыми категориями, как взаимодействие, взаимоотношения и общение.

В качестве одного из ключевых положений социальной психологии, строящейся на философском фундаменте марксизма, Платонов формулирует идею социальной детерминации и обусловленности свойств личности: «Личность всегда продукт исторически данного общественного строя, господствующих в нем общественных отношений.

В марксистской философии человеческий индивид рассматривается как продукт общественного развития, субъект разносторонней человеческой деятельности — труда, общения и познания, обусловленный конкретно-историческими условиями жизни общества» [Там же, с. 7].

Далее, ссылаясь на известные высказывания К. Маркса по поводу принципиального различия проявлений активности личности в группе от активности отдельного индивида, Платонов указывает, что спецификой предмета социальной психологии в изучении личности является то, что эта наука изучает психические процессы, происходящие у личности, включенной в коллектив, во взаимодействии с другими людьми. Поэтому объектами социально-психологического исследования должны выступать не только отдельные личности, но и сами человеческие сообщества: группы и коллективы. При этом психологические явления, свойственные как отдельным личностям, так и социальным группам, должны изучаться с позиций марксизма как обусловленные влиянием общества, общественных законов развития. «Таким образом, — заключает автор, — индивидуальная психология изучает личность, а общественная психология — коллектив. В общественной психологии прежде всего исследуются такие явления, которые находятся за пределами индивидуальной психологии — различные виды психологических контактов: подражание, внушение, психическое «заражение», эмоциональное сопереживание и т.д., которые не свойственны отдельной личности как таковой» [Там же, с. 9].

Принципиальным и важным вкладом Платонова в социальную психологию личности стала разработка представлений о ее динамической функциональной структуре. Основные положения этой концепции изложены в целом ряде авторских публикаций [9; 15; 17; 19 и др.] и многократно являлись предметом историко-психологического анализа [1; 2 и др.]. В рамках этой концепции психологические свойства личности объединяются в иерархически организованные подструктуры в зависимости от соотношения биологической и социальной обусловленности их формирования. «Особое значение этой иерархии для социальной психологии, — как отмечает сам автор, — заключается в соответствии основных четырех подструктур личности, как и двух наложенных на них (характера и способностей), с необходимыми уровнями их анализа» [15, с. 82]. Социально-психологический уровень анализа личности автор связывает с изучением четвертой, высшей ее подструктуры — направленности и двух «сквозных» подструктур — характера



и способностей. Эти представления до сих пор сохраняют значение одной из основных социально-психологических теорий личности [24 и др.]. Существенным вкладом Платонова в разработку методологических проблем социальной психологии стал метод обобщения независимых характеристик, предложенный и апробированный им во многих академических и прикладных исследованиях [16 и др.].

### ГРУППЫ И КОЛЛЕКТИВЫ КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Другой важной категорией социальной психологии как науки, по мнению Платонова, наряду с понятием “личность”, выступает понятие группы как совокупности людей, объединенной временем и местом некой общей активности. С позиции Платонова, психические явления в группах являются основным предметом изучения общественной психологии. При этом в качестве основных объектов социально-психологических исследований Платонов называет реальные группы, не только малые, но и большие. Обращая внимание на то, что современная ему общественная психология активнее изучает не большие, а так называемые малые группы (школьный класс, производственная бригада, воинское подразделение и т.д.), Платонов отмечает, что общественная психология не может ограничиваться изучением только малых групп. По мнению Платонова, в структуру общественной психологии “в ее широком понимании” входят такие ее разделы, как психология классов, историческая психология, включая такой ее подраздел, как палеопсихология, и этнопсихология. В качестве конкретных психических явлений, возникающих в больших социальных общностях, Платонов называет, с одной стороны, устойчивые социально-психологические особенности психического склада, психического типа этих групп, а с другой — более подвижные, изменяющиеся компоненты настроения, такие как массовый энтузиазм, коллективное “заражение” и др. Очень интересным представляется суждение Платонова об условности деления групп на “оформленные” и “неоформленные” (в современной терминологии этому соответствует деление групп на формальные и неформальные), предпочитая говорить скорее об организованных и стихийно образующихся. Такое деление, по его мнению, противоречит самой сущности групп как общностей с присущим им регулярным общением, взаимодействием и тенденцией к самоорганизации. В качестве

примера большой неоформленной (или неорганизованной) группы Платонов называет толпу. Факторами, присущими всякой толпе и стихийно оформляющими ее, Платонов называет совпадение целей каждого ее члена, повышенную внушаемость (суггестию) и подражание. В качестве примера малой неоформленной группы он называет пассажиров, случайно попавших в одно купе, и анализирует общение и взаимодействие между ними, стихийное распределение ролей между попутчиками как тенденцию к самоорганизации. К числу социально-психологических явлений, возникающих в группе (автор называет их явлениями группового сознания), Платонов относит: цели деятельности личностей или отдельных микрогрупп, входящих в данную группу; роли, принимаемые отдельными личностями и даваемые ей другими членами данной группы; связи, появляющиеся внутри группы в процессе общения на основе возникающих симпатий и антипатий, совпадения или противоречия интересов и целей деятельности.

Специальным предметом анализа Платонова выступает феномен и понятие *психологической совместимости* людей. Поскольку речь идет в первую очередь об отношениях между людьми в малых группах, автор использует термин “групповая совместимость”. При этом Платонов сразу утверждает идею о том, что существуют разные виды групповой совместимости. Приводя конкретные жизненные примеры, Платонов считает, что необходимо различать физиологическую, психофизиологическую, психологическую, социально-психологическую и социальную совместимость и несовместимость. Сформулированная в работах Платонова проблема психологической совместимости стала впоследствии разрабатываться в многочисленных эмпирических исследованиях, которые имели как фундаментальный научный, так и прикладной характер и составили целое направление в таком важном разделе социальной психологии, как социальная психология труда. Говоря о методах эмпирических исследований взаимоотношений в малых группах, Платонов отмечает достоинства и ограничения таких методов, как социометрия, метод обобщения независимых характеристик и лабораторный эксперимент с использованием сенсорного интегратора.

Большое внимание в работах Платонова уделяется феномену и понятию *коллектив*. Платонов придерживается идущих от работ А.С. Макаренко и ставших традиционными для советских педагогов и психологов представлений о коллективе как о группе людей, объединенных общественно полезной деятельностью, противопоставляя признаки



коллектива признакам групп с антиобщественной направленностью и корпораций. Автор последовательно аргументирует мысль о том, что отличие коллектива от других видов групп (ассоциаций, корпораций) определяется не характером эмоциональных отношений между членами группы и даже не степенью ее организованности, а характером целей совместной деятельности, которые определяются целями развития общества. Весьма интересной и современной представляется мысль Платонова о самоукреплении коллектива: “Главное требование коллектива к входящей в него отдельной личности — это подчинение личности целям, сплачивающим данную группу и превращающим ее в коллектив, и ожидание (экспектация) от каждого члена его соответствующих поступков. Это объективный закон, стихийно проявляющийся во всяком коллективе и самоукрепляющий его” [11, с. 34].

За годы работы в секторе социальной психологии Института психологии АН СССР Платонов не только сформулировал ряд концептуальных представлений о социальной психологии групп и коллективов, но и принимал непосредственное участие в руководстве эмпирическими исследованиями и разработке таких важных теоретических и методологических проблем этого направления, как социально-психологические аспекты социального соревнования [23; 25; 27 и др.], социально-психологического климата [21]. Специальным направлением исследований Платонова в последние годы его жизни и творчества стал анализ истории разработки социально-психологических проблем труда и коллектива в отечественной психологии [22 и др.].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный текст не претендует на всеобъемлющий и исчерпывающий анализ взглядов Платонова и результатов его теоретико-эмпирических исследований в области социальной психологии. Это представляется нам перспективной задачей истории отечественной социальной психологии. В данной публикации хотелось обратить внимание читателя прежде всего на два аспекта: исторический контекст научной деятельности выдающегося ученого, связанный с господством одной, фундаментальной по своим масштабам и по влиянию на представления советских психологов философской теорией, и актуальность теоретических представлений и направлений эмпирических исследований Платонова для развития современной социальной психологии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глоточкин А.Д.* Развитие представлений К.К. Платонова о структуре личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследований: В 5 ч. Ч. 2. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 85–92.
2. *Джидарьян И.А.* Концепция динамической функциональной структуры личности К.К. Платонова // К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 61–67.
3. *Журавлев А.Л., Почебут Л.Г.* К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 34. С. 99–109.
4. К.К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
5. *Кольцова В.А., Журавлев А.Л.* Платонов Константин Константинович. Жизнь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 303–328.
6. Коллектив и личность / Под ред. Е.В. Шороховой, К.К. Платонова, О.И. Зотовой, Н.В. Кучевской. М.: Наука, 1975.
7. Личность и труд / Под ред. К.К. Платонова. М.: Мысль, 1965.
8. *Мясищев В.Н.* Взаимодействия и взаимоотношения людей как предмет социальной психологии // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. М., 1963. С. 185–188.
9. *Платонов К.К.* Динамическая функциональная структура личности // Личность и труд. М.: Мысль, 1965. С. 33–51.
10. *Платонов К.К.* Личностный подход как принцип психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1969. С. 190–217.
11. *Платонов К.К.* Что изучает общественная психология. М.: Знание, 1971.
12. *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
13. *Платонов К.К.* Проблема личности в общественной психологии // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 122–129.
14. *Платонов К.К.* Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.

15. Платонов К.К. Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 71–88.
16. Платонов К.К. Метод обобщения независимых характеристик в социальной психологии // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 148–156.
17. Платонов К.К. Социально-психологический аспект проблемы личности в истории советской психологии // Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 261–299.
18. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
19. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
20. Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005.
21. Платонов К.К., Казаков В.Г. Развитие системы понятий теории психологического климата в советской социальной психологии // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 25–41.
22. Платонов К.К., Казаков В.Г. Психология труда в СССР // Work psychology in Europe. Warszawa, 1980. P. 231–245.
23. Платонов К.К., Левина А.И. Наставничество и его социально-психологическая роль в социалистическом соревновании // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 90–99.
24. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
25. Шорохова Е.В., Зотова О.И., Левина А.И., Платонов К.К. Социально-психологическое исследование деятельности соревнующихся коллективов // Прикладные проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1983. С. 69–88.
26. Шорохова Е.В., Мансуров Н.С., Платонов К.К. Проблемы общественной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 73–82.
27. Шорохова Е.В., Платонов К.К., Зотова О.И., Новиков В.В. Социально-психологические проблемы социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 23–40.

## ON THE CONTRIBUTION OF K. K. PLATONOV TO THE DEVELOPMENT OF PROBLEMS OF SOCIAL PSYCHOLOGY<sup>2</sup>

V. P. Pozniakov\*, A. L. Zhuravlev\*\*

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;  
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., bld. 13, Russia.*

*\*ScD (Psychology), Professor, Leading Research Fellow.*

*E-mail: pozn\_v@mail.ru*

*\*\*Member of the RAS, Scientific Leader of Institute of Psychology.*

*E-mail: AL Zhuravlev2018@yandex.ru*

Received 01.02.2021

**Abstract.** The article presents some directions of K.K. Platonov's development of problems of social psychology. Platonov's significant personal contribution to the restoration of Russian social psychology and to the development of problems of theory, history and methodology is noted. K.K. Platonov's ideas about the subject of social psychology, its main sections and branches are analyzed. Platonov made a significant contribution to the development of such areas of social psychology as psychology of groups and collectives, social psychology of personality and social psychology of work. Platonov's ideas about the socio-psychological phenomena of group consciousness, psychological compatibility, communication and interpersonal relations, etc. are considered. An important role belongs to Platonov in the organization and participation in conducting theoretical and empirical studies of various kinds of collectives, socio-psychological climate and socialist competition. Theoretical and empirical studies of Platonov laid the foundation for a number of areas of Russian social psychology: social psychology of work, psychology of religion, research of the phenomena of group consciousness, psychology of interpersonal relations, etc.

**Keywords:** K.K. Platonov, social psychology, history of psychology, theoretical and methodological problems, psychology of groups and collectives, social psychology of personality, social psychology of work.

<sup>2</sup> The publication has been prepared in accordance with the State Assignment of FASO № 0138-2021-0001.

## REFERENCES

1. *Glotochkin A.D.* Razvitie predstavlenij K.K. Platonova o strukture lichnosti. *Sovremennaya psihologiya: Sostoyaniye i perspektivy issledovaniy. V 5 chastyah. Ch. 2.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2002. P. 85–92. (In Russian)
2. *Dzhidar'yan I.A.* Konceptiya dinamicheskoy funkcional'noj struktury lichnosti K.K. Platonova. K.K. Platonov — vydayushchisya otechestvennyy psiholog HKH veka: Materialy yubileynoj nauchnoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.K. Platonova (22 iyunya 2006 g.). Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, T.I. Artem'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. P. 61–67. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Pochebut L.G.* K 60-letiyu diskussii o predmete social'noj psihologii. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2019. V. 40. № 34. P. 99–109. (In Russian)
4. K.K. Platonov — vydayushchisya otechestvennyy psiholog HKH veka: Materialy yubileynoj nauchnoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.K. Platonova (22 iyunya 2006 g.). Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, T.I. Artem'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. (In Russian)
5. *Kol'cova V.A., Zhuravlev A.L.* Platonov Konstantin Konstantinovich. Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo. *Vydayushchiesya uchyonye Instituta psihologii RAN.* Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. P. 303–328. (In Russian)
6. *Kollektiv i lichnost'.* Ed. E.V. Shorohova, K.K. Platonov, O.I. Zotova, N.V. Kuchevskaja. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)
7. *Lichnost' i trud.* Ed. K.K. Platonov. Moscow: Mysl', 1965. (In Russian)
8. *Myasishchev V.N.* Vzaimodejstviya i vzaimootnosheniya lyudej kak predmet social'noj psihologii. *Tezisy dokladov na II s"ezde Obshchestva psihologov. Vyp. 5. M., 1963.* P. 185–188. (In Russian)
9. *Platonov K.K.* Dinamicheskaya funkcional'naya struktura lichnosti. *Lichnost' i trud.* Moscow: Mysl', 1965. P. 33–51. (In Russian)
10. *Platonov K.K.* Lichnostnyj podhod kak princip psihologii. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1969. P. 190–217. (In Russian)
11. *Platonov K.K.* Chto izuchaet obshchestvennaya psihologiya. Moscow: Znanie, 1971. (In Russian)
12. *Platonov K.K.* O sisteme psihologii. Moscow: Mysl', 1972. (In Russian)
13. *Platonov K.K.* Problema lichnosti v obshchestvennoj psihologii. *Voprosy psihologii.* 1972. № 1. P. 122–129. (In Russian)
14. *Platonov K.K.* Problemy sposobnostej. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian)
15. *Platonov K.K.* Lichnost' kak ob"ekt social'noj psihologii. *Metodologicheskie problemy social'noj psihologii.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1975. P. 71–88. (In Russian)
16. *Platonov K.K.* Metod obobshcheniya nezavisimyh harakteristik v social'noj psihologii. *Metodologiya i metody social'noj psihologii.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1977. P. 148–156. (In Russian)
17. *Platonov K.K.* Social'no-psihologicheskij aspekt problemy lichnosti v istorii sovetskoj psihologii. *Social'naya psihologiya lichnosti.* Ed. M.I. Bobnev, E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1979. P. 261–299. (In Russian)
18. *Platonov K.K.* Sistema psihologii i teoriya otrazheniya. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)
19. *Platonov K.K.* Struktura i razvitie lichnosti. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian)
20. *Platonov K.K.* Moi lichnye vstrechi na velikoj doroze zhizni. *Vospominaniya starogo psihologa.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. (In Russian)
21. *Platonov K.K., Kazakov V.G.* Razvitie sistemy ponyatij teorii psihologicheskogo klimata v sovetskoj social'noj psihologii. *Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva. Teoriya i metody izucheniya.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1979. P. 25–41. (In Russian)
22. *Platonov K.K., Kazakov V.G.* Psihologiya truda v SSSR. *Work psychology in Europe.* Warszawa, 1980. P. 231–245. (In Russian)
23. *Platonov K.K., Levina A.I.* Nastavnichestvo i ego social'no-psihologicheskaya rol' v socialisticheskom sorenovanii. *Social'no-psihologicheskie aspekty socialisticheskogo sorenovaniya.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1977. P. 90–99. (In Russian)
24. *Social'naya psihologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov.* Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: PER SE, 2002. (In Russian)
25. *Shorohova E.V., Zotova O.I., Levina A.I., Platonov K.K.* Social'no-psihologicheskoe issledovanie deyatel'nosti sorenuyushchihsya kollektivov. *Prikladnye problemy social'noj psihologii.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1983. P. 69–88. (In Russian)
26. *Shorohova E.V., Mansurov N.S., Platonov K.K.* Problemy obshchestvennoj psihologii. *Voprosy psihologii.* 1963. № 5. P. 73–82. (In Russian)
27. *Shorohova E.V., Platonov K.K., Zotova O.I., Novikov V.V.* Social'no-psihologicheskie problemy socialisticheskogo sorenovaniya. *Social'no-psihologicheskie aspekty socialisticheskogo sorenovaniya.* Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1977. P. 23–40. (In Russian)

УДК 159.9.01

## ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОЕКТ И ДИСКУССИЯ О ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКЕ Г. И. ЧЕЛПАНОВА (1926 г.)<sup>1</sup>

© 2021 г. Е. А. Долгова

*Российский государственный гуманитарный университет;  
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 3, Россия.*

*Доктор исторических наук, доцент.*

*E-mail: medievalis@list.ru*

Поступила 25.08.2020

**Аннотация.** Статья состоит из вступительного авторского комментария и приведенных историко-психологических документов о проекте Г.И. Челпанова по созданию Института социальной психологии (1926). Описаны исторические обстоятельства создания исследуемых документов: дискуссия Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова в 1923–1924 гг., изменение характера работы Психологического института в условиях усиления влияния поведенческих течений — рефлексологии, реактологии и пр. Во второй части статьи публикуются: докладная записка Г.И. Челпанова “О необходимости организации Института социальной психологии” и протокол совещания Учено-консультационной комиссии Научного отдела Главнауки, взятые из Научного архива Российской академии образования. Публикация документов сопровождается описанием внешнего вида рукописей, их современного местоположения.

**Ключевые слова:** Челпанов, Корнилов, Шпет, полемика, Институт социальной психологии, этническая психология, марксизм.

DOI: 10.31857/S020595920015238-7

Одним из интересных научных начинаний середины 1920-х годов был проект философа, логика, психолога-субъективиста Г.И. Челпанова по организации Института социальной психологии. Попытка учреждения новой институции в 1926 г. стала завершающим аккордом полемики Г.И. Челпанова с его бывшим учеником К.Н. Корниловым, сменившим его на посту директора Психологического Института при 1-м Московском университете в 1923 г.

Полемика 1923–1924 гг. сопровождалась драматическими событиями — процессом перестройки Психологического института в Государственный институт экспериментальной психологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и связанной с ним сменой научных кадров: увольнением многих старых сотрудников, отстранением их от оборудования и лабораторий и ограничением для них возможностей ведения экспериментальных исследований. Уже после своего увольнения Г.И. Челпанов предпринял несколько безуспешных попыток

вернуться в институт и работать в его лабораториях [НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 12; НА РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–25]. Обращались за содействием к Главнауке и уволенные сотрудники института — В.М. Экземплярский, С.В. Кравков, П.А. Рудик, испрашивавшие возможность предоставления им места в лаборатории Психологического института для продолжения экспериментальных исследований (1924). Ответом на последний запрос стал отказ за подписью К.Н. Корнилова, сопровождавшийся письменной просьбой к Главнауке впредь “соответствующим образом реагировать на подобные предложения, являющиеся деталями одного общего фронта против объективной психологии и сильно мешающие нормальной работе института” [НА РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 28; подробнее см.: 3, с. 93–95].

Конфликт традиционно привлекал интерес исследователей хотя бы в силу того, что каждый из его участников вошел в пантеон классиков отечественной психологии XX в. Хотя дискуссия Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова является качественно изученной в историографии [1–3], не вполне актуализированы документы об одном из последних ее эпизодов. Когда попытки вернуться в институт потерпели поражение, Г.И. Челпанов предпринял

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете в рамках Государственного задания Минобрнауки России (проект АААА-А20-120070890028-5).



попытку создания нового учреждения — Института социальной психологии. Облеченный в форму институционализации психологии по “методу Маркса” проект, с одной стороны, стал последней попыткой ученого защитить свое научное имя и возможностью ведения научной работы для учеников, с другой — во многом опередил свое время [1, с. 34–42]. Но, несмотря на все усилия, проект Г.И. Челпанова так не был реализован.

## МЕТОДИКА

В Научном архиве Российской академии образования (далее — НА РАО) отложились документы, тесно связанные с деятельностью Г.И. Челпанова (ф. 88) и делопроизводством конкретного учреждения [НА РАО. Ф. 82].

В документах личного фонда была обнаружена докладная записка Г.И. Челпанова 1926 г. о необходимости организации Института социальной психологии [НА РАО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4], — ее черновой недатированный автограф хранится и в фонде исследователя в НИОР РГБ [Ф. 326. К. 37. Д. 71. Л. 1–25].

В документации фонда 82 была выявлена интересная подборка документов, посвященная “истории зарождения и развития советской психологической науки в 1920-е гг.” (дело 1). В составе указанного дела машинописная копия докладной записки Г.И. Челпанова [НА РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–43об] оказалась в окружении документации, существенно конкретизирующей и дополняющей ее содержание. Так, рядом помещены материалы дискуссии 1923–1924 гг.: перепечатанный текст вызвавшей значительный резонанс резко обвинительной статьи под названием “Судьбы психологии в России”, опубликованной под псевдонимом *NN* в берлинской газете “Дни” (1923) [Л. 7–8об]; докладная записка Г.И. Челпанова “об ошибочном толковании идеологии марксизма к разработке научной психологии” [Л. 55], ответ оппонентов — П.А. Блонского [Л. 10–15об], К.Н. Корнилова [Л. 16–21], А.Б. Залкинда [Л. 37–37об, подробнее об этих документах, обнаруженных также в Архиве РАН, см.: 2]; письмо “бывших сотрудников” Психологического института В.М. Экземплярского, С.В. Кравкова, П.А. Рудика в Главнауку и Ассоциацию научно-исследовательских институтов от 25 сентября 1924 г., а также письмо В.М. Экземплярского от 25 февраля 1925 г. [Л. 24–25, 35–36], уже цитируемый выше отказ Совета Государственного института экспериментальной психологии за подписями К.Н. Корнилова и секретаря А.Р. Лурья [Л. 27–28]. Эти тексты в 1920-е годы были

размножены, они сохранились в составе документации других архивов (НИОР РГБ, Архив РАН), известны исследователям и привлекались в цитируемых нами работах.

Менее известны другие документы, связанные с рассмотрением проекта 1926 г. К докладной записке о необходимости организации Института социальной психологии приложены текст заявления Г.И. Челпанова в Президиум Государственного психологического института [Л. 9–9об], протокол совещания Учено-консультационной комиссии Научного отдела о рассмотрении проекта [Л. 81–85об] и “письменные мнения” Г.И. Челпанова и М.А. Рейснера, высказанные на заседании Комиссии по организации Института социальной психологии на заседании Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главнаука) 9 октября 1926 г. [Л. 86–89об]. Эти документы составляют единый комплекс и дают ценные сведения о проекте по организации Института социальной психологии и дискуссии вокруг него.

Докладная записка Г.И. Челпанова и протокол совещания публикуются ниже по современным правилам орфографии и пунктуации, стилистические особенности, выделения (например, прописные буквы) и подчеркивания в тексте сохранены в целях аутентичной передачи источника. В сопровождающей документы легенде указаны особенности внешнего вида документов и их современное местонахождение. В примечаниях исправлены неточности документа.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

Документы иллюстрируют не только остроту конфликта между Г.И. Челпановым и сторонниками К.Н. Корнилова (в обсуждении участвовал Ю.В. Франкфурт), но и раскрывают творческий потенциал задуманного Г.И. Челпановым проекта, трудности и потенциальные векторы его реализации в 1920-е годы.

Острота обсуждения проекта усугублялась тем, что на момент его рассмотрения в Институте экспериментальной психологии уже функционировала секция социальной психологии<sup>2</sup>. Ее руко-

<sup>2</sup> В отдельных исследованиях организацию секции трактуют как итог дискуссии, уступку проекту Г.И. Челпанова (1926), приводя цитату М.А. Рейснера о фиктивном характере ее работы вследствие противодействия президиума института и ассоциации. Однако в этом случае можно говорить о хронологической неточности: документы о работе секции и записка

водителем был юрист, публицист, социопсихолог и историк М.А. Рейснер. Его отношения с К.Н. Корниловым были сложными. По словам М.А. Рейснера, секция социальной психологии в составе Института экспериментальной психологии “оказалась совершенно фиктивным учреждением, т.к. она была лишена благодаря противодействию президиума Института и Ассоциации и средств, и необходимого личного состава” [НА РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 44–46]. Невысокая результативность работы секции в предшествующие годы делала позиции руководства института уязвимыми, а конфликт с М.А. Рейснером обратил последнего во влиятельного сторонника учреждения нового института. Хотя, в отличие от Г.И. Челпанова, Рейснер видел потенциал начинания скорее не в социальном, а классовом аспекте [5]. Он настаивал на приоритете изучения социально-психического момента классовой борьбы и революции в России, впрочем, указывая в качестве направлений работы секции и изучение, например, психологии религии в бехтеревской версии — религиозного психопатологического поведения [НА РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–39].

Примечателен тон докладной записки Г.И. Челпанова. Она продолжает выдвинутый ранее (в опубликованной в берлинском издании и записке 1924 г.) тезис об искаженном понимании учения Маркса К.Н. Корниловым, П.П. Блонским, Ю.В. Франкфуртом, А.Б. Залкиндо. Г.И. Челпанов эмоционально обвинял своих противников в неверной трактовке представлений марксизма о роли и значении психологии. Суть деформации заключалась в том, что “они в общественном сознании утвердили мнение, что реформа психологии при идеологии марксизма должна заключаться во введении в психологию физиологизма, между тем в психологию следует вводить не физиологизм, а социологизм”. Подчеркнув, что научная психология в СССР может пойти по пути правильного развития только в случае разработки нового социально-психологического аспекта ее исследований, Г.И. Челпанов выступил с инициативой организации Института социальной психологии.

Эти же обвинения в неправильном понимании Маркса прозвучали и в дискуссии по проекту, организованной в ответ на публичный резонанс разосланной по инстанциям докладной записки. Обсуждение состоялось в октябре 1926 г. на заседании Учено-консультационной комиссии Научного отдела Главнауки. В числе обсуждавших проект сторонников и противников Г.И. Челпанова были

Г.Г. Шпет, Ю.В. Франкфурт, М.А. Рейснер, А.П. Нечаев, А.М. Деборин и др. По тексту документа рассыпаны их комментарии и замечания, порой весьма практического характера, предложения по организации прикладных исследований института в 1920-е годы. Комиссия после долгих споров одобрила идею об изучении социальной психологии и приняла постановление о создании комиссии для выработки программы ее изучения.

В озвученных в ходе обсуждения “письменных мнениях” Г.И. Челпанова и М.А. Рейснера было сформулировано видение работы института: основных направлений его исследований. Говоря о насущной необходимости его учреждения по итогам двух войн, революции, перестройки государственных “форм”, оба выступающих обнаруживали гигантское поле для работы (“не может ждать психология школы и военная психология, психология хозяйства и психология антисоциальных явлений”). Они сходились и в признании важности еще одного вектора, уже озвученного в ходе заседания, — изучения этнической психологии на основе “залежей этнографического материала”, принадлежащего “тем многочисленным этническим единицам, которые представляют собой нацменьшинство союза”. М.А. Рейснер был прагматичен: “Не изучив их быта и нравов, этих основных социально-психологических институтов, мы лишены возможности вести здоровую политику среди этих племен и народностей”. Однако, кроме политической составляющей, выступающие подчеркивали и опасность утраты в условиях крушения старых форм бытования “драгоценнейшего материала, о котором с завистью говорят европейские ученые”. В качестве основного поддержал вектор “этнической психологии” и Г.Г. Шпет.

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проблема разработки вопросов социальной психологии (ее историографический аспект) и сравнение подходов к ее трактовке в творчестве Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова были освещены в исследовании С.А. Богданчикова [1, с. 275–290]. Следует согласиться с автором в том, что, хотя на первый взгляд создается впечатление, что проект по созданию Института социальной психологии — уловка, стратегический шаг Г.И. Челпанова для решения вполне прагматических задач, проект не был фикцией, дублирующей функции других научных центров, появившихся в поле отечественной психологии в 1920-е годы, а являлся организационным воплощением длительного творческого поиска в предшествующие годы [6].

М.А. Рейснера датированы 1925 г., о ее работе упоминается и в публикуемом ниже протоколе.

С другой стороны, анализ докладной записки 1926 г., “мнения” Г.И. Челпанова, высказанного на совещании в Главнауке, позволяет охарактеризовать степень и глубину адаптации психологом “старой школы” идей марксизма. В этом отношении ценно замечание Л.А. Радзиховского: Г.И. Челпанов считал, что у социальной и общей психологии, в принципе, разная методология, это собственно — две различные науки [4]. В этом отношении для Г.И. Челпанова идеи марксизма оказались рабочими, однако применимыми лишь к анализу социальных явлений, но не душевной жизни.

Интересна и специфика предлагаемого Г.И. Челпановым проекта. В условиях, когда социальная (“коллективная”, “общественная”, “классовая”) психология стала точкой соприкосновения работы отдельных институций и предложенных научно-исследовательских программ, в центр была поставлена остро актуальная проблематика. Фокусом же стало изучение этнической и даже “племенной” психологии — темы, очень востребованной в тот период в зарубежной антропологии. Однако мог ли Г.И. Челпанов возглавить это направление? В ходе обсуждения проекта видно сильное влияние Г.Г. Шпета, синхронно занимавшегося проблемами этнической психологии и именно в это время работавшего над текстом книги “Проблемы этнической психологии” [7]. В ее тексте нет ссылок на работы Г.И. Челпанова и М.А. Рейснера, однако есть широкий европейский интеллектуальный контекст исследуемой темы и ее актуализация для советской науки.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, публикуемые ниже документы уточняют творческую преемственность проекта 1920-х годов дореволюционным идеям и суждениям Г.И. Челпанова и характеризуют степень творческого освоения им марксизма. Публикация иллюстрирует циркуляцию научных идей социальной психологии в 1920-е годы и дает представление об особенностях их конкуренции, специфике дискуссионной риторики в полемике о том, *«кто правильно понимает Маркса и кто во что “перекрасился»* (цитата из протокола совещания). С другой стороны, будучи помещенными в более широкий контекст, документы позволяют уточнить связь социальной и индивидуальной философии в марксистской матрице и провести параллели с идеями и сходными проектами в мировой психологической науке: прежде всего они видятся в ракурсе этнической психологии.

## Докладная записка Г.И. Челпанова “О необходимости организации Института социальной психологии”

Президиуму Ассоциации  
научно-исследовательских институтов  
[общественных наук]

Позволяю себе обратить внимание Президиума Ассоциации н[аучно]-и[сследовательских] и[нститутов] на крайне ненормальное положение, в котором находится в настоящее время у нас научная психология в ряду других университетских наук. Она низведена на степень научной и почти запрещенной дисциплины. В средней школе преподавание психологии как общеобразовательного предмета отменено совсем. В университете преподавание ее доведено до минимума, а во многих ВУЗах заменено “объективной рефлексологией”. Психология — эта основа педагогики — на педагогических факультетах выступает только в качестве отдела педологии. В проспекте Большой Советской Энциклопедии<sup>3</sup>, должествующей, по мысли редакции, явиться идейным выразителем всей современной эпохи, даже рубрика “психология” отсутствует. В числе основных отделов и подразделов названы: философия, логика и диалектический материализм и не упомянута психология.

Такое ненормальное отношение к психологии явилось результатом неправильного истолкования места психологии в учении Маркса, данного сотрудниками Государственного психологического института (Корниловым, Блонским, Залкиндром, Франкфуртом).

Поставив себе задачу ввести в психологию марксизм, они должны были заново организовать исследования по СОЦИАЛЬНОЙ психологии по методу Маркса. Вместо этого они облегчили себе задачу тем, что взяли уже существующую “объективную рефлексологию” и без достаточных оснований признали ее подлинной марксистской психологией. Их точка зрения была усвоена психологами, педагогами, врачами и некоторыми государственными учреждениями. Но затем Корнилов, Блонский // и в самое последнее время Франкфурт<sup>4</sup> решительно отказались от “объективной рефлексологии” и ВСЕЦЕЛО ПЕРЕШЛИ НА СТОРОНУ

<sup>3</sup> Первый том БСЭ был опубликован в 1926 г.

<sup>4</sup> См. его диссертацию «Рефлексология и марксизм». 1926». (Примеч. Г.И. Челпанова). Судя по ссылке, автор имеет в виду II том: “Физиологическое направление: Историко-критический анализ учений И.М. Сеченова и И.П. Павлова” (1926). I том — “Учение В.М. Бехтерева и марксизм” с предисловием К.Н. Корнилова и вступительной статьей А.Б. Залкина вышел в 1924 г.



## ТРАДИЦИОННОЙ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Этим возвращением к интроспективной психологии Г[осударственный] П[сихологический] ин[ститут] показал, что он **НИКАКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ НЕ ИМЕЕТ**, ибо интроспективная психология так же нейтральна марксизму, как химия или физика.

Несмотря, однако, на то, что сотрудники Психологического института отказались от объективной рефлексологии, широкие массы и некоторые государственные учреждения остаются при том ошибочном убеждении, что именно “объективная рефлексология” есть психология, соответствующая идеологии марксизма, а что интроспективная психология должна быть совершенно упразднена. Этому ошибочному выводу в последнее время придал особую силу своим авторитетом П. Блонский, который в явственном противоречии со своими взглядами, изложенными в книге “От Спинозы до Маркса”<sup>5</sup>, встал на сторону “объективной рефлексологии” против интроспективной психологии<sup>6</sup>.

Таким образом, в вопросе о марксизме в психологии состоит **ПРОТИВОРЕЧИЕ** между взглядами Гос[ударственного] Псих[ологического] Инст[итута] и взглядами, распространенными в обществе, противоречие, которое отражается крайне губительно на работе всех лиц, ведущих научно-психологические исследования. Таких лиц очень много. Кроме профессиональных психологов и преподавателей ВУЗов в правильном решении вопроса о марксизме в психологии заинтересованы все педагоги, этнологи, врачи-психиатры, невропатологи, зоопсихологи, психотехники. Научные занятия многочисленных психологов встречают очень сильное препятствие в отсутствии органов, объединяющих их работу. Они не могут организовать психологический **ЖУРНАЛ**, в котором можно печатать психологические исследования; нет **УЧЕНОГО ОБЩЕСТВА**, которое объединяло бы русских психологов. Вследствие отсутствия // объединенной коллективной работы развитие научной психологии у нас почти совсем остановилось. Связь с западной наукой порвалась настолько, что становится невозможным следить за ее успехами.

<sup>5</sup> Неточность: автором книги “От Спинозы до Маркса” был А.В. Луначарский (М., 1925).

<sup>6</sup> “См. его статью в Бюллетене Гос. Акад. Худ. Наук, № 1”. (Примеч. Г.И. Челпанова). Неточность: в указанном издании статья П.П. Блонского отсутствует.

Научная психология в СССР-е может пойти по пути правильного развития только в том случае, если будет исправлена ошибка, допущенная сотрудниками Гос[ударственного] Псих[ологического] инс[титута]. Они в общественном сознании утвердили мнение, что реформа психологии при идеологии марксизма должна заключаться во введении в психологию **ФИЗИОЛОГИЗМА**, между тем в психологию следует вводить не физиологизм, а **СОЦИОЛОГИЗМ**<sup>7</sup>.

Указанную ошибку можно исправить организацией Института социальной психологии. Учреждение такого института показало бы всем заинтересованным лицам, что истинным выражением переживаемой эпохи является не **ФИЗИОЛОГИЗМ** или **БИОЛОГИЗМ** в психологии, а **СОЦИОЛОГИЗМ**. Вместе с этим ясно определилось бы взаимоотношение между различными видами психологии. Выяснилось бы с полной отчетливостью, что для построения социальной психологии по марксистскому методу нужна не рефлексология, а именно интроспективная психология.

Историки литературы и искусствоведы уже давно ввели в свою работу социологизм, совершенно правильно признавая его истинным признаком марксизма. Если психологи-марксисты не делали этого в течение истекших трех лет, то нет никаких оснований надеяться, что они сделают это в ближайшее время. Поэтому я вношу такое предложение исходя из убеждения, что вопрос об организации Института социальной психологии имеет неотложный характер. Если Институт социальной психологии не будет учрежден в ближайшее время, то в будущем его организация будет очень затруднена. Из-за неправильного курса, принятого русской наукой, молодежь в настоящее время учится психологии по преимуществу // **ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ** и **БИОЛОГИЧЕСКОЙ** и не учится психологии **СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ** и **ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ**. Вследствие несоответствующей подготовки она не будет в состоянии в ближайшие годы приступить к исследовательской работе в области **СОЦИАЛЬНОЙ** психологии.

Институт социальной психологии, по моему пониманию, должен иметь следующие 7 секций (кафедр):

<sup>7</sup> «Место психологии в идеологии марксизма мною подробно указано в монографии, изданной в пяти книжках под следующими заглавиями: “Психология и марксизм”, “Объективная психология в России и Америке”, “Психология или рефлексология”, “Социальная рефлексология или условные рефлексы”, “Спинозизм и материализм” (печатное)». (Примеч. Г.И. Челпанова).



- 1) ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ
- 2) ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ
- 3) ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
- 4) СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПО МЕТОДУ МАРКСА (изучает изменение “идеологических форм” в зависимости от изменений социального свойства<sup>8</sup>)
- 5) СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПРИМЕНЕНИИ К МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (изучает психологию классов, общественных групп и т.д.)
- 6) ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
- 7) ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

К работе в этом институте должны быть привлекаемы по существу специалисты по социологии, этнологии, истории, экономики, искусствоведению и языкознанию.

Организация такого института при богатстве всевозможных ресурсов Москвы не потребовала бы никаких материальных затрат и могла бы быть осуществлена простым перераспределением научных сил.

Учреждение И[нститут] с[оциальной] п[сихологии], первого и единственного в мире, исправит идеологическую ошибку, которая уже несколько лет тяготеет над советской наукой и которую будущий историк русской революции признает непростительной.

Г. Челпанов.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–43об. Машинопись с рукописными пометками. Копия.

**Протокол совещания  
Учено-консультационной комиссии  
Научного отдела [Главнауки]  
(л. 81) от 9. X 1926 г.**

Присутствовали: Н.А. Иванцов, М.А. Рейснер, Г.И. Челпанов, Ю.В. Франкфурт, А.П. Нечаев, А.М. Деборин, Г.Г. Шпет, Г. Гордон, П.Ф. Преображенский, А.Д. Гагарин, А.В. Цитович.

Председатель: Н.А. Иванцов

Секретарь: М.Н. Задемидко

Повестка дня: вопрос об организации Института социальной психологии.

Слушали: доклад Н.А. Иванцова

Проф. Г.И. Челпановым представлена в Главнауку копия докладной записки о необходимости организации Института социальной психологии, направленной в Президиум Ассоциации научно-исследовательских институтов обществоведения, с просьбой рассмотреть его проект в Главнауке.

Копия записки проф. Челпанова препровождена им, кроме Главнауки, в I и II МГУ, Коммунистическую академию, Ин[ститу]т научной философии, Ин[ститу]т красной профессуры, Академию художественных наук, Гос[ударственный] психологический ин[ститу]т и Ком[мунистический] ун[иверсите]т Свердлова.

Идя навстречу желаниям проф. Челпанова, Главнаука поручила мне созвать настоящее совещание в составе нижеследующих лиц: Челпанов, Гордон, Деборин, Аксельрод, Рейснер, Преображенский, Рязанов, Вариаш, Шпет, Корнилов, Лядов и Нечаев под моим председательством.

(Зачитывается записка проф. Челпанова)

(л. 81об) Должен прежде всего высказать сожаление, что записке придан слишком агрессивный личный характер, поскольку необходимость открытия Ин[ститу]та соц[иальной] психологии ставится в связи с неправильным толкованием Маркса сотрудниками Гос[ударственного] Психологического института, каковому толкованию придал особую силу своим авторитетом нарком по просвещению А.В. Луначарский. Как будто необходимость открытия нового института может обуславливаться тем, что научные работники уже существующего аналогичного института работают не так, как бы им следовало. Достаточно было бы в таком случае поставить их на правильный путь или заменить новыми. Poleмика о том, кто правильнее понимает Маркса и кто во что “перекрасился”, употребляя малярные термины этой полемики, приняла за последнее время широкие размеры, но мы в сегодняшнем заседании должны оставаться от нее в стороне и обсуждать вопрос об открытии Института соц[иальной] психологии в его чистом виде.

Когда возбуждается ходатайство об открытии какого-либо нового научно-исследовательского института, перед Главнаукой встают всегда три основных вопроса: 1) нужен ли такой институт? 2) какая имеется для него материальная база? 3) какой может быть основной личный состав научных работников данного института? Этими вопросами мы и должны заняться.

<sup>8</sup> “Такую психологию предвидел ПЛЕХАНОВ. Основные проблемы марксизма. VIII”. (Примеч. Г.И. Челпанова). Неточность: работа Г.И. Плеханова называется “Основные вопросы марксизма” (1908), VIII глава посвящена первобытной религии.

1. Нужен ли особый н[аучно]-и[сследовательский] Институт социальной психологии?

Что проблемы социальной психологии должны подлежать особой широкой разработке, об этом спорить не приходится. Но они уже и разрабатываются в целом ряде учреждений. К таковым относятся: в Ленинграде — Академия наук, Академия материальной культуры<sup>9</sup>, Ин[ститу]т сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока<sup>10</sup>, Психоневрологическая академия и Гос[ударственный] ин[ститу]т по изучению мозга; в Москве — все институты, входящие в состав РАНИОНа — экспериментальной психологии, (л. 82) научной философии, археологии и искусствознания, советского права, языковедения и истории литературы, экономический, исторический и педагогические, далее Академия художественных наук, Государственный институт музыкальных наук<sup>11</sup>, из учреждений других наркоматов — Центральный ин[ститу]т труда и, может быть, некоторые другие. Проблемы социальной психологии, выдвинутые требованиями времени, разрабатываются во всех этих учреждениях в их разнообразных аспектах весьма широко, преимущественно с марксистским подходом, как таковой каждым марксистом понимается, ибо относительно марксизма в психологии общего соглашения еще не достигнуто.

Несомненно, однако, что эти работы остаются обособленными и разединенными, в них нет необходимого единства.

Для осуществления такового единства возможны два пути.

Все упомянутые выше московские учреждения, кроме Академии художественных наук, ГИМНа и Института труда, объединены в Российскую Ассоциацию научно-исследовательских институтов обществоведения (РАНИОН). Социальная психология есть отрасль обществоведения. Самой существенной задачей РАНИОНа и должно быть согласование работ входящих в ее состав учреждений. Если РАНИОН до сих пор этого в области социальной психологии не сделал, то это было, конечно, большое упущение, однако вполне поправимое.

<sup>9</sup> Так в документе, имеется в виду: Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

<sup>10</sup> Имеется в виду: Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском государственном университете.

<sup>11</sup> Так в документе, имеется в виду: Государственный институт музыкальной науки (ГИМН). В его составе функционировала и этнографическая ассоциация.

Другой путь — это тот, который предлагает проф. Челпанов, организация особого Института социальной психологии. Но при этом получится несомненный параллелизм в работах этого института с другими учреждениями, занимающимися социально-психологическими проблемами, которые от этих проблем отрешиться, конечно, не могут, ибо, например, Академия художественных наук без исследований по художественному творчеству и его отражения в массах (это тема социально-психологическая) или Институт педагогики без работ по психологии и т.п. останутся учреждениями изуродованными.

Таким образом, признавая настоятельную необходимость разработки проблем социальной психологии и их органическое объединение, в чем разногласий, конечно, не встретится, первая задача, подлежащая обсуждению совещания, будет: как достичь этого согласования и объединения — путем ли подъема деятельности в этом направлении РАНИОНа или созданием особого Института социальной психологии.

Необходимо добавить, что проф[ессором] Челпановым ни в его докладной записке, ни в приложенной брошюре о социальной психологии не указаны более конкретно задачи этой науки в ее взаимоотношениях с другими родственными дисциплинами. Необходимо наметить также, в связи с общей программой, производственный план работ на ближайшее время. Только имея и то, и другое — общую программу и производственный план на ближайшее время — можно будет решить, как эта программа и план могут быть наилучше выполнены — путем ли согласования работ по социальной психологии ныне существующих учреждений или же созданием нового Института.

2 и 3. Какая имеется материальная база и каков возможный основной состав научных работников предполагаемого Ин[ститу]та социальной психологии, так сказать, живой инвентарь.

Относительно этого в докладной записке проф. Челпанова имеется только то указание, что организация такого Института не потребовала бы никаких материальных затрат и могла бы быть осуществлена простым перераспределением наличных научных сил. Это очень приятно для Главнауки, так как открытие новых институтов, сопряженное с крупными затратами денежных средств и увеличением штатов, встречает сейчас громадные затруднения. Но каким конкретно образом?

В состав предполагаемого Института должны войти, согласно проф. Челпанову, также секции экспериментальной психологии и физиологической

психологии, Институт должен, несомненно, ставить перед собой проблемы труда, педагогики и т.п. Разработка всех этих проблем без соответствующих лабораторий немыслима. Откуда эти лаборатории взять, если не // без всяких, то без больших материальных затрат, проф. Челпанов не указывает и по этому вопросу желательно было бы получить конкретные указания.

То же касается и живого инвентаря предполагаемого Института, его научных работников.

Для того, чтобы открывать особый н[аучно]-и[сследовательский] Институт социальной психологии Главнауке необходимо знать, на кого именно можно рассчитывать как на основное ядро научных работников Института, ибо к вопросам об открытии новых институтов Главнаука всегда подходит на основании конкретных данных.

Н.А. Иванцов просит участников совещания, желающих, чтобы их мнения были возможно точнее зафиксированы в протоколе совещания, доставить таковые в письменной форме секретарю совещания М.Н. Задемидко не позднее вторника, 12 октября.

#### Прения по докладу:

Ю.В. ФРАНКФУРТ. Позвольте сделать заявление, что для нас, безусловно, неприемлем тезис, что только социальная психология может быть марксистской, абсолютно немарксистски утверждать, что нужна только интроспективная, а не рефлексологическая психология; не опровергается положение, что социальная психология должна базироваться на индивидуальной. Идеология проф. Челпанова неприемлема для Института экс[периментальной] психологии.

В нашем институте была секция соц[иальной] психологии, но она была свернута, так как она работала мало. Пока не удалось ее развернуть. Но это не значит, что Ин[ститу]т экс[периментальной] психологии отказался от работы в области соц[иальной] психологии — сейчас все больше крепнет увязка Института с институтами философии, советского права, искусствоведения и литературы, изучающими проблемы соц[иальной] психологии.

Кроме того, в данный момент нет объективных материальных и личных сил для специального института.

Вследствие всего сказанного мы не видим никаких мотивов для открытия нового института.

Если бы были материальные и личные силы, их надо было бы бросить на старые учреждения, положение которых плохо.

Должен сказать, что записка проф. Челпанова обсуждалась на Политической секции ГУСа, где было решено не открывать нового института<sup>12</sup>.

Г. ГОРДОН. Меня не удовлетворяет аргументация товарища Франкфурта. Материальные возможности мне неизвестны, но что касается научных сил — здесь какое-то недоразумение — уже в настоящем совещании присутствуют три лица, которые вполне могли бы работать в новом Ин[ститу]те.

Вопрос об изучении социальной психологии весьма серьезен, это жизненная проблема, которая не может быть решена простым внешним согласованием работ секций. Если бы была какая-нибудь материальная возможность — необходимо открыть Институт, если такой возможности нет — необходимо организовать самостоятельную секцию соц[иальной] психологии, пригласив несомненно имеющихся у нас работников.

Вопрос о лабораториях не представляет затруднения — изучение соц[иальной] психологии может проходить вне лабораторий или при использовании существующих.

Г.Г. ШПЕТ. Коренной для нас вопрос — как представлять содержание социальной философии. Даже здесь сейчас высказывались расходящиеся мнения. Должна быть проделана работа по установлению проблематики дисциплины соц[иальной] психологии и источников ее изучения.

Источником изучения социальной психологии может быть всякая культурная дисциплина, соц[иальная] психология может быть связана и с субъективной, и с физиологической психологией. Проблема содержания соц[иальной] психологии может быть, по-моему, правильно разрешена в том случае, если социальную психологию поставить в связь (л. 84) с психологией этнической. У нас имеется колоссальный запас живого материала по этнической психологии. Научных сил при такой постановке вопроса совершенно недостаточно, и, кроме законченных ученых, много молодых сил, стремящихся к работе — это ученики кабинета этнической психологии, филологи, естествоиспытатели, антропологи, географы, этнологи и этнографы. С большим изумлением я узнал, что секция соц[иальной] психологии закрыта в Ин[ститу]те экс[периментальной] психологии за недостатком сил и работы. Ее можно было бы иметь в самом разнообразном составе (масса запросов поступает ко мне лично от желающих работать); работы — огромное количество и с исключительным материалом. Если Главнаука отнесется сочувственно

<sup>12</sup> Документов обнаружить не удалось. — Е.Д.



к самой идее открытия Института, то материальный вопрос может быть решен путем некоторой перестановки сумм. Кроме того, еще можно получить деньги от Нацмена<sup>13</sup>. Но, по-моему, это последний вопрос. Таким образом, мое предложение: организация Ин[ститу]та необходима, причем соц[иальная] психология должна быть теснейшим образом связана с этнической психологией; простым согласованием секцией задача решена не будет.

Работники есть — и опытные люди и молодежь.

Материальный вопрос находится в зависимости от двух первых.

Н.А. ИВАНЦОВ. Из наших прений выясняется, что прежде чем решать вопрос об открытии Ин[ститу]та, надо иметь разработанную программу социальной психологии как научной дисциплины. Дальнейший столь же важный вопрос — взаимоотношения предполагаемого Ин[ститу]та с существующими.

П.Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. В обсуждаемом вопросе надо реализовать две вещи: 1) вопрос о принципиальной необходимости Ин[ститу]та и 2) вопрос о программе социальной психологии.

Неясно из слов товарища Франкфурта, почему Ин[ститу]ту не нужно возникать; из согласования работ отдельных ин[ститутов] в ровно (л. 84об.) ничего не выйдет: если одну науку разбить между многими учреждениями, она вырождается в дилетантизм. По вопросу о содержании соц[иальной] психологии существует невероятный разброд, его надо привести к единству. Закрывание секции социальной психологии в Институте экс[периментальной] психологии при понимании ее необходимости объясняется неумением привлечь силы. Утверждение товарища Франкфурта об отсутствии сил совершенно неправильно.

Сейчас совершенно необходимо правильно поставить изучение соц[иальной] психологии вообще и этнической психологии в частности, проблемы этн[ической] психологии стоят очень остро при наличии огромного драгоценного материала. Ожидать этого изучения от Института экс[периментальной] психологии нельзя, поэтому необходима организация специального Ин[ститу]та социальной псих[ологи]и.

Программу Ин[ститу]та надо выработать в специальной комиссии, сделав ударение на этнологию. Средства получить можно. Если Ин[ститу]т не

будет создан, должны быть открыты соответственные секции при Восточном Ин[ститу]те<sup>14</sup>.

Ю.В. ФРАНКФУРТ. Никто не доказал здесь, что социальную психологию можно изучать без индивидуальной, с другой стороны, социальная психология должна базироваться не только на этнической психологии. Работа по социальной психологии в Институте экс[периментальной] психологии не прекращена, она пошла через другие секции.

При наличии Института экс[периментальной] психологии по штатным и материальным соображениям другого института не нужно.

Я повторяю, ни материальных, ни нужных научных сил нет.

А. НЕЧАЕВ. Правильно поставленная проблема социальной психологии исключает споры о социальной и индивидуальной психологии. Основная часть программы социальной психологии — изучение этнической и племенной психологии — психоэтнологии. Это первоочередная проблема — для ее разработки надо создать специальный институт.

(Л. 85) М.А. РЕЙСНЕР. Считаю абсолютно необходимым организацию Ин[ститу]та социальной психологии. У нас совершенно не разрабатываются проблемы социальной психологии, а между тем нигде в мире они не имеют столь важного значения, как у нас, и нигде нет такого богатого материала по этнической и социальной психологии, как у нас. Научные силы есть. (Письменное мнение профессора Рейснера прилагается.)

Г.И. ЧЕЛПАНОВ. Организация Института социальной психологии для нас — совершенная необходимость — я изумлен словами Ю.В. Франкфурта о его преждевременности. Я считаю, что содержание социальной психологии вполне установлено и исследованием в области социальной психологии должно быть дано первое, а не подчиненное место. Богатейший материал по этнической психологии у нас гибнет (письменное мнение прилагается).

Н.А. ИВАНЦОВ. Как же Вы ставите вопрос о создании нового Ин[ститу]та или реорганизации Ин[ститу]та экс[периментальной] психологии.

Г.И. ЧЕЛПАНОВ. Я считаю необходимым полную реорганизацию, даже ликвидацию Ин[ститу]та экс[периментальной] психологии и создание на его основе нового Ин[ститу]та, где будет секция эксп[ериментальной] психологии.

<sup>13</sup> Имеется в виду: Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса (Совнацмен).

<sup>14</sup> Предположительно: Московский институт востоковедения (МИВ) — высшее учебное заведение, действовавшее в Москве в 1921–1954 гг.



Н.А. ИВАНЦОВ. Надо точно и ясно поставить вопрос о том, какими силами будет обслуживаться новый Институт.

Г.Г. ШПЕТ. Сейчас выяснилось общее настроение совещания — Институт социальной психологии необходим. Необходимо теперь же выяснить программу социальной психологии. С этой целью надо создать особую комиссию. Все другие вопросы решатся после.

Г. ГОРДОН. Надо выработать программу Института.

Н.А. ИВАНЦОВ. Здесь есть две возможности — поручить РАНИОН организовать комиссию или же организовать особую комиссию при ГНК.

(Л. 85об.) Ю.В. ФРАНКФУРТ. Предлагаю прежде решить, нужно ли создавать Институт или нужно просто расширить существующий.

Н.А. ИВАНЦОВ. Не согласен с Вами. Вопрос об открытии Института можно решить по выявлению программы социальной психологии. Ставлю на голосование: угодно ли решить первым вопрос о программе соц[иальной] психологии.

*Результаты голосования: преобладающее большинство на решение первым вопроса о программе.*

Ю.В. ФРАНКФУРТ. Задача совещания — решить вопрос об открытии Института. На решение других вопросов я полномочий не имею и потому покидаю совещание.

Постановили:

1. Подход к вопросу об открытии Института считать правильным.

2. Образовать самостоятельную комиссию при ГНК в составе А. Деборина, М.А. Рейснера,

Г.И. Челпанова, П.Ф. Преображенского, Г.Г. Шпета под председательством Н.А. Иванцова для разработки программы социальной психологии как научной дисциплины.

Председатель [Иванцов]

Секретарь [Задемидко]

*Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 81–85об. Машинопись. Копия.*

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.
2. *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Вокруг Челпанова: новые документы о психологической дискуссии 1923–1924 гг. // Арзамасские чтения-2: основные направления развития отечественной и зарубежной психологии. М.-Арзамас: АГПИ, 2011. С. 106–118.
3. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.-СПб.: НесторИстория, 2013. 280 с.
4. *Радзиховский Л.А.* Г.И. Челпанов — организатор Психологического института // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 47–60.
5. *Рейснер М.А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-на/Д.: Буревестник, 1925. 140 с.
6. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или условные рефлексы. М.-Л., 1928. 38 с.
7. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию [1927]. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 147 с.

## INSTITUTE OF SOCIAL PSYCHOLOGY: PROJECT AND DISCUSSION ON THE MEMO BY G. I. CHELPANOV (1926)<sup>15</sup>

E. A. Dolgova

*Russian State University for the Humanities;  
125993, Moscow, Miussky sq., bld. 6, Russia.  
ScD (History), Associate Professor.  
E-mail: medievalis@list.ru*

Received 25.08.2020

<sup>15</sup> The publication was prepared with the support of Ministry of Education and Science of Russia (project AAAA-A20-120070890028-5).

*Abstract.* The article deals with the problem of the formation and development of experimental psychology in Russia in the 1920s. It consists of introductory commentary and the publication of historical documents illustrating the attempt to establish the Institute of Social Psychology in 1926 by G.I. Chelpanov. The historical circumstances of the creation of the documents are described (the specific of the institute's work in the era of revolutionary changes, the reorganizations in conditions of increased influence of behavioral trends — reflexology, reactology, etc.). In the second part of the article are published: 1) memo by G.I. Chelpanov "On the need to organize the Institute of Social Psychology", 2) the Protocol of the meeting of the Scientific Advisory Commission of the Scientific Department of the Glavnauka, found in the Scientific Archive of the Russian Academy of Education. The publication of documents is accompanied by a description of the appearance of the manuscripts, its current location.

*Keywords:* Chelpanov, Kornilov, Shpet, Institute of Social Psychology, Marxism, ethnic psychology.

## REFERENCES

1. *Bogdanchikov S.A.* Proiskhozhdenie marksistskoj psihologii. Diskussiya mezhdru K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psihologii 20-h godov. Saratov: SYUI MVD Rossii, 2000. 232 p. (In Russian)
2. *Masolikova N.Yu., Sorokina M.Yu.* Vokrug Chelpanova: novye dokumenty o psihologicheskoi diskussii 1923—1924 gg. Arzamasskie chteniya-2: osnovnye napravleniya razvitiya otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii. Moscow; Arzamas, 2011. P. 106—118. (In Russian)
3. Psihologicheskij institut v Moskve: rossijskij centr psihologicheskoi nauki, kul'tury i obrazovaniya. Dokumental'naya letopis' k 100-letiyu so dnya osnovaniya. Moscow; Saint Petersburg: NestorIstoriya, 2013. 280 p. (In Russian)
4. *Radzihovskij L.A.* G.I. Chelpanov — organizator Psihologicheskogo instituta. Voprosy psihologii. 1982. № 5. P. 47—60. (In Russian)
5. *Rejsner M.A.* Problemy social'noj psihologii. Rostov-na-Donu: Burevestnik, 1925. 140 p. (In Russian)
6. *Chelpanov G.I.* Social'naya psihologiya ili uslovnye refleksy. Moscow; Leningrad, 1928. 38 p. (In Russian)
7. *Shpet G.G.* Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu [1927]. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. 147 p. (In Russian)

УДК 316.654

## COVID-19: РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕТЬЕГО ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА<sup>1</sup>

© 2021 г. А. В. Юревич<sup>1,\*</sup>, Д. В. Ушаков<sup>1,\*\*</sup>, М. А. Юревич<sup>2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

<sup>2</sup>ФГОБУ ВО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”;  
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 51/1, Россия.

\*Член-корреспондент РАН, заместитель директора, доктор психологических наук,  
профессор, заведующий лабораторией психологии личности.

E-mail: av.yurevich@mail.ru

\*\*Академик РАН, доктор психологических наук, директор.

\*\*\*Научный сотрудник Центра макроэкономических исследований.

Поступила 03.12.2020

**Аннотация.** Пандемия прочно утвердилась в качестве приоритетного объекта научных исследований, в том числе психологических. В обществе выделились две противоборствующие группы людей: “ковид-ригористы”, scrupulously соблюдающие рекомендации власти в отношении правил противоинфекционного поведения, и “ковид-диссиденты”, усматривающие в этих правилах ущемление их свободы. Существуют и другие аспекты проблемы, которые можно считать психологическими. Авторы провели третий экспертный опрос ведущих отечественных психологов, опубликовавших в 2014–2020 гг. статьи в журналах “Вопросы психологии” и “Психологический журнал”, индексируемых Web of Science и Scopus. Экспертам вновь были предложены вопросы о социально-психологическом контексте эпидемии. Опрос проводился в ноябре 2020 г., в нем приняли участие 105 представителей разных отраслей психологии.

**Ключевые слова:** коронавирус, пандемия, вторая волна, действия, объяснение, “ковид-ригористы”, “ковид-диссиденты”, медицина, вакцина, экспертный опрос.

DOI: 10.31857/S020595920015240-0

Организаторы опроса надеялись, что его второй этап [1; 2] станет последним, поскольку пандемия в основном закончится. Их оптимистичным ожиданиям не суждено было сбыться, а вторая волна эпидемии оказалась сильнее первой. В этих условиях программа социально-психологических исследований пандемии, результаты третьего этапа реализации которой представлены в настоящей статье, стала еще более актуальной.

На вопрос 1 **“Формируется ли у людей привыкание к жизни в условиях эпидемии коронавируса?”** 87% ответили утвердительно, 10% предпочли обратный вариант, 3% затруднились с ответом, т.е. большинство респондентов отмечает привыкание населения к жизни в условиях пандемии.

В ответах на вопрос 2 **“Что стоит за психологией “пофигистов”, плохо соблюдающих общепринятые правила поведения в условиях эпидемии?”** преобладают негативные характеристики: *“Необразованность, безответственность; отчасти это элемент инфантильного поведения. Желание быть другим, демонстрировать себя людям, низкий уровень социальной ответственности”*. *“Экстернальность, низкая социальная ответственность, неуважение к здоровью других людей, беспечность, эгоизм”*. *“Эгоизм, низкий уровень интеллекта и полное неуважение к окружающим людям”*. *“Отсутствие культуры”*. *“Привычка наплевать на решения власти”*.

Иногда присутствуют указания на особенности менталитета: *“Русская привычка: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Пока на себе не прочувствуют, будут не соблюдать правила”*. *“Национальный менталитет”*. *“Обычная российская низовая протестность, как с правилами дорожного движения, например”*.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-04-60296 “Анализ структуры и динамики взглядов и убеждений населения России о проблеме пандемии коронавируса, проводимый с использованием цифровых методов”.

Вместе с тем выражено и снятие вины с пофигистов. *“Неумение справиться с новой ситуацией, страхами и тревогами. Стремление к групповым акциям протеста, снижение страха за счет присоединения к группе”. “Защитные варианты реагирования по принципу игнорирования”. “Выученная беспомощность, на мой взгляд. В данном случае нет удачной стратегии действий, в любой ситуации человек не получает выигрыш, но получает негативный эффект (даже соблюдая правила, можно заболеть или получить плохой отклик от, например, государства)”. “Психологическая защита по механизму отрицания; случай с ковидом в этом плане не первый: многие водители до сих пор не хотят пристегиваться”. “Усталость и протест против принятия ситуации как опасной для жизни”. “Недоверие официальным источникам информации”. “Сомнения в целесообразности и разумности этих правил”. “Отсутствие опыта прежних болезней и, соответственно, страха за свою жизнь”. “Жесткие и далекие от медицины действия властей”.*

В ответах на вопрос 3 **“Есть ли среди предписаний нашей власти по поводу правил поведения в условиях пандемии какие-то бессмысленные или невыполнимые?”** мнения опрошенных разделились почти поровну: 45% респондентов считают, что такие предписания есть, 40% — что их нет, 15% затруднились с ответом на этот нелегкий вопрос. Налицо, таким образом, умеренная удовлетворенность экспертного сообщества действиями власти.

Вопрос 4 **“В достаточном ли объеме осуществляется финансирование здравоохранения в нашей стране?”** был воспринят частью респондентов как смешной или риторический. Подавляющее большинство опрошенных уверенно характеризуют объем финансирования отечественной медицины как очень низкий. *“Принципиально недостаточно. Об этом говорит массовая переориентация клиник общемедицинских в ковидные и радикальное сокращение планового лечения, а также затруднение срочной помощи”. “Финансирование здравоохранения, несомненно, не соответствует потребностям людей”.*

Вспоминается печально известная “оптимизация” (респонденты высказали изрядное количество издевательств над этим словом) нашей медицины. *“Нет, ведь была же оптимизация поликлиник; сокращение поликлиник в малонаселенных пунктах”. “Не достаточно и не системно. После реорганизации здравоохранения перед пандемией следовало ожидать таких серьезных проблем”.*

Встречаются дифференциация медицины на столичную и региональную, а также более детальное проникновение в ее нюансы. *“Нет, здравоохранение в населенных пунктах рангом ниже райцентров*

*плановмерно свертывается”. “Нет, в регионах все очень плохо обстоит (у меня много друзей и родственников проживает не в столице)”.*

Ряд опрошенных не имели определенной позиции по данному вопросу ввиду недостатка информации. *“Не изучала данный вопрос. Есть ощущение, что финансирование устроено неидеально”.*

Впрочем, были среди респондентов и те, кто расценил финансирование системы здравоохранения как достаточное, хотя их оказалось немного.

Вопрос 5 **“Есть ли какие-то особенности отечественной медицины, препятствующие преодолению коронавирусной инфекции?”** продемонстрировал, что 49% видит у отечественной медицины такие особенности, 31% их не видит и 20% затруднились ответить. Среди этих особенностей основное место занимает то, что в нашей стране может существовать только бедная государственная медицина, и отсюда возникают ее основные недостатки. *“Дефицит лекарственных средств, дефицит оборудования, дефицит клиник, плохие условия труда врачей, безобразно низкие заработки врачей”. “Хроническое недофинансирование и планомерное уничтожение на протяжении последних 20–30 лет”. “Дефицит кадров, устаревшее медицинское оборудование, дефицит медицинских учреждений, отсутствие в медицинских учреждениях условий для лечения инфекций”.*

Но достается и субъективному фактору, в частности воровству чиновников от медицины. *“Недостаток финансовой мотивации. Недостаточные надбавки при фактах разворовывания денег медицинскими чиновниками”. “Нехватка мест в больницах, перегруженность врачей, уровень профессионализма. Отсутствие системы собственно следования доказательной медицине. Противоречивые стандарты лечения. А главное — ужасное недофинансирование и недокомплект”. “Плохое и непрофессиональное руководство, формализм, коррупция, неуважение к труду врачей и падение уровня профессионального образования”.*

Среди субъективных факторов особое место вновь занимает “оптимизация” медицины. *“Повальная централизация и оптимизация, в результате нехватка лечебных учреждений и врачей на местах”. “Недостаток специалистов и последствия оптимизации (устранение в провинции даже фельдшерских пунктов, а в городах необходимость перемещаться из одной поликлиники в другие для того, чтобы сдать анализы, попасть к узкому специалисту)”. “Оптимизация системы здравоохранения еще до эпидемии, которая привела к исчезновению многих соответствующих структур или к тому, что больные*



вынуждены ездить куда-то далеко от дома, опять-таки рискуя заразиться”.

Звучат и упреки в адрес организации нашей медицины. *“Единая система организации и вертикаль управления здравоохранением”. “Плохая материальная база, плохая организация работы врачей”. “Непрофессионализм медиков, отсутствие четко выстроенного плана принятия и лечения пациентов. Нет точных методов по выявлению зараженных”. “Отношение к врачу как к чиновнику, который имеет право влиять на жизнь человека организационными методами (запретить, а не посоветовать; довести в полицию, а не предложить помощь)”. “Излишняя централизация. Бюрократия и система контактов для закупки необходимого оборудования. Оптимизация медицины, приведшая к ликвидации специализированной медпомощи. Отсутствие инфекционных стационаров”.*

Нередко отмечается менталитет, запечатленный в психологии отечественных медиков. *«Стереотипы. Недооценивание серьезности ситуации. Принцип “на авось”. “Это особенности не медицины, а всего национального менталитета, который отражается на работе всего государства”.*

Отмечаются специфические характеристики отечественных врачей. *“Уровень квалификации врачей районных поликлиник”. “Недостаточная подготовка врачей (незнание английского языка, предполагающего знание достижений современной медицины), низкие зарплаты медиков, плохое оборудование, недостаток или плохое качество лекарств”. “Забюрократизированность и абсолютное и полное игнорирование психологических факторов: чувств человека, который с этой системой сталкивается”.*

Иногда речь идет о только государственном характере медицины, противодействующей коронавирусной инфекции. *“Мне кажется, что из-за того, что у государства монополия работы с коронавирусом, многие частные клиники не могут помочь пациентам. Понятно, почему так, но, возможно, со временем было бы классно разделить ответственность”.*

Есть и указания на недостаточное знание отечественными медиками психологии. *“Недостаточное знание психологии людей, заболевших; в медвузах студентов учат в основном лечить тело, а не человека как триединство души, духа (психики) и тела”.*

В общем получил подтверждение тезис, провозглашенный одним из опрошенных об отношении государстве к медицине. *“Денег нет, но вы держитесь там”.*

На вопрос 6 **“Содействует ли эпидемия коронавируса обострению психических расстройств**

**и заболеваний?”** подавляющее большинство экспертов дали утвердительные ответы, в более (*Безусловно содействует — 38%*) или менее (*Скорее содействует — 55%*) категоричной форме, и только 7% выбрали вариант ответа “нет”.

Похожим оказалось распределение ответов на вопрос 7 **“Содействует ли пандемия ухудшению психологического состояния общества?”**. 43% выбрали категорическое согласие с этой возможностью, 50% — более мягкое согласие, лишь 2% с этой возможностью не согласились и 5% затруднились ответить. Для экспертов налицо, таким образом, негативное влияние пандемии на психологическое состояние общества.

Вопрос 8 **“К каким средствам психологической защиты от эпидемии коронавируса прибегают люди?”** показал, что, по наблюдениям экспертов, доминируют способы психологической защиты, основанные на отрицании. *“Отрицание опасности”. “Игнорирование, отрицание, но и подбадривание, взаимопомощь, позитивная переоценка, соблюдение правил”. “Отрицание, погружение в свои дела”. “Отрицание в первую очередь. К одному из вариантов отрицания — умаление вреда от вируса”.*

Иногда в качестве средств психологической защиты указываются приемы физической защиты от коронавируса: маски, перчатки и т.д. *“Маски, которые если носят, то в основном на подбородке, редко перчатки”. “Маски, перчатки, прививки, витамины, уменьшение межличностных контактов и посещения спектаклей, музеев, выставок”.*

Не последнее место занимает и прием алкоголя. Встречается стратегия ухода в ковид-диссиденты.

Но налицо и конструктивные стратегии психологической защиты. *“Живут обычной жизнью; организуют свой досуг, занимаются спортом, покупают и арендуют дачи; дистанционно повышают свой уровень образования”. “Прогулки на свежем воздухе, общение с друзьями, помощь психотерапевтов, концентрация на работе, игры с детьми, кинофильмы, театры, музыка и пр”. “Много индивидуальных стратегий защиты: работа, увлечения, семейные ценности, забота о близких, социальная поддержка, вера в людей и цивилизацию”. “Выезды в загородные дома в летний период; интенсификация общения в семье”.*

Высказана точка зрения, согласно которой удовлетворительных приемов психологической защиты от эпидемии коронавируса не существует. *“Практически ни к каким. В лучшем случае стараются не думать об эпидемии, забыть о ней и снова думают. Обсуждают ситуацию со знакомыми”.*

Упоминался уход в мистику. Встречаются и ответы с перечислением почти всех возможных психологических защит.

На вопрос 9 **«Насколько реакцию на эпидемию коронавируса можно объяснить “изнеженностью” человечества?»** 52% ответили, что частично можно, 1% заявил, что можно в полной мере, 30% — что нельзя и 17% затруднились ответить. Распространена точка зрения, согласно которой, если бы эта эпидемия случилась лет сто назад, ее бы не заметили.

На вопрос 10 **“Есть ли какая-то связь между эпидемией коронавируса и событиями в Беларуси, Нагорном Карабахе, Киргизии?”** 66% ответили отрицательно, 14% усматривают эту связь, 20% затруднились ответить. На вопрос о том, в чем состоит эта связь, меньшинство, усматривающее ее, отвечает, что она состоит в повышении напряженности и агрессивности людей, запертых коронавирусом в своей стране. *“Возможно, желание ограниченных в возможности действий и передвижения молодых людей как-то себя проявить”*. *“Рост уровня психологического напряжения в социуме, обострение страха и неуверенности в будущем”*. *“Люди стали более озлобленными и готовыми защищать свои права, повысилась общая напряженность”*. *“Возможно, усталость людей и чувствование себя в ловушке могли увеличить выраженность реакции”*. *“Напряжение растет. Мировой финансовый кризис. Кризис идеологии, который и в дурдоме по отношению к пандемии выражается, и в местных обострениях отношений”*.

Впрочем, наблюдается и дифференциация этих стран в плане воздействия пандемии на политическую ситуацию. *“Я вижу связь только в Беларуси. Отрицание президентом опасности эпидемии усилило отрицательное отношение к нему со стороны части общества”*.

Отвечая на вопрос 11 **“Какова роль коронавируса в поразившем мир экономическом кризисе?”** эксперты уточняли границы своей компетентности. *“Я психолог, а не экономист. На обывательский взгляд — велика”*.

Позицию по данному вопросу вправе иметь каждый, и опрошенные ее высказали. Она в основном сводится к негативному влиянию коронавирусной инфекции на различные аспекты экономики. *“За время простоя упали доходы частного бизнеса. Соответственно, снизились поступления в бюджет”*. *“Огромная роль! Вирус поразил экономически показатель всех стран Европы”*. *“Несомненно большая: ограничения мобильности, ослабление экономических связей, снижение деловой активности и т.д.”*

Но иногда речь идет о позитивном влиянии или о влиянии, которое трудно оценить как позитивное или негативное. *“Способствует переходу в новый технологический уклад и далее в новый мировой порядок. Остужает перегретый финансовый пузырь”*. *“Потребительские потребности стали немногими другими. Например, могу предположить, что спрос на пижамы вырос, а на маникюр упал. Это заставляет бизнес перестраиваться, что сопряжено с вероятностью разорения”*.

Часто просто констатируется большая роль коронавируса в экономическом кризисе без разъяснения его причин и механизмов.

Впрочем, присутствует и констатация того, что коронавирус сыграл роль катализатора процессов, которые были запущены и без него. *“Кризис назревал давно, коронавирус поспособствовал”*. *“Эпидемия обнажила несовершенства в организации системы финансирования государственных учреждений и частных предприятий”*. *“Причины кризиса системные (стремление к прибыли любой ценой); коронавирус — неприятный дополнительный фактор”*. *“Очевидная связь — сокращение производства и услуг при реализации карантинных мер. Однако, кризисные явления нарастали и до 2020 г., так что коронавирусная пандемия — скорее катализатор”*.

Отвечая на вопрос 12 **“Почему значительная часть российского населения негативно относится к вакцинации от коронавируса?”**, респонденты отмечают недоверие к вакцине и к российской власти. *“Нет доверия властям, что вакцинация будет защитой, а не латентным убийцей или стерилизатором для реализации глобальных планов по сокращению населения Земли”*. *“Значительная часть российского населения в принципе негативно относится к вакцинации, потому что не доверяет государству. Потому что хорошо знает, насколько честны власти”*. *“Эта инициатива исходит от государства, уровень доверия к которому сильно упал”*.

Недоверие государству объясняется, в частности, наследием советского тоталитаризма.

Много нареканий вызывает то обстоятельство, что речь идет о “сырой”, плохо проверенной вакцине. *“Недостаточный срок разработки и апробации вакцины; критика в СМИ; боязнь повредить организму больше, чем при заражении вирусом; негативное отношение к любым формам глобального контроля жизни и организма человека”*. *“Вакцина не прошла испытаний по стандартному протоколу, гарантирующему ее безопасность и эффективность. Поэтому решение вакцинироваться — игра в рулетку. Поскольку на кону здоровье, ложноотрицательная ошибка представляет меньшую опасность, чем*

*ложноположительная*”. “Малый срок для создания надежной проверенной вакцины, мысль о том, что в случае вакцинации быстро сделанной вакциной человек становится подопытным кроликом, плюс часть населения относится негативно к вакцинации вообще”.

Звучит и недоверие отечественной медицине. “Аргументы лояльных властям врачей не вызывают доверия. Слишком много негатива и опасностей от вакцинации известно”. “Страх и недоверие к отечественной медицине”. “Потому что не доверяют российской медицине и видят за спешкой в создании вакцины желание быть впереди планеты всей, а не заботу о здоровье граждан. Потому что многие знают, что вакцина не прошла достаточную проверку и не хотят рисковать своим здоровьем”.

Недоверие вызывает и то, что вакцина выпущена отечественным производителем. “Потому что вакцина создается в наших НИИ, которые больше пишут отчетов, чем проводят реальных исследований. И создается в короткие сроки. Доверия результатам таких исследований нет”.

Иногда речь идет о том, что интересы человека и общества могут быть в этом вопросе противоположны друг другу. “Недоверие к любым вакцинам. С точки зрения интересов общества оптимальный вариант — всех привить. С точки зрения отдельного человека оптимальный вариант — пусть прививаются все остальные, а я не буду, поскольку при вакцинации имеется вероятность осложнений”.

Вспоминается ограничение свободы вакцинированием. “Это совершенно понятно. Речь идет об ограничении свободы жития!”

Впрочем, высказываются сомнения в постановке вопроса, основанной на том, что значительная часть населения России негативно относится к вакцинации<sup>2</sup>. “А откуда данные, что **ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ** часть относится негативно? Я по очередям пожилых людей в прививочные кабинеты наблюдаю прямо противоположное”.

Негативные качества российского населения тоже не обходятся стороной. “В силу своего невежества и суеверия”.

Представлена и конспирологическая версия. “О ней говорят те, кто **ОТКРЫТО** пропагандирует необходимость уменьшения количества людей в мире”.

На вопрос 13 “**Закончится ли когда-либо пандемия коронавируса, или мы просто перестанем ее**

**замечать?**” ответы распределились строго поровну: 36% считают, что она в основном закончится, 36% — что не закончится, но мы перестанем ее замечать, привыкнув к ней так же, как мы привыкаем к не менее серьезным болезням, с которыми вынуждены сосуществовать. 15% затруднились ответить, 13% выбрали вариант ответа “Другое”. “Острота восприятия пандемии, как и она сама, рано или поздно закончится или значительно уменьшится, как, скажем, опасность и боязнь гриппа, от которого, как говорят медики, на планете Земля умирает огромное количество людей, сопоставимое с числом умерших от коронавируса или даже больше его”. “Пандемия закончится. Возможно, перерастет в эпидемию. Но тем или иным образом человечество найдет, как с этим жить”.

Вопрос 14 “**Научит ли чему-то человечество эпидемия коронавируса, если да, то чему именно?**” принес немало ответов, состоящих в том, что человечество в результате этой эпидемии станет лучше. “Научить тому, что необходимо сотрудничать во всех международных вопросах!”. “Повысит осознанность своей жизни, ценностей; необходимости более внимательного отношения к системе всеобщего здравоохранения, развития национальной медицины”. “Ценить роскошь общения, постоянно следить за экологией и заботиться о здоровье своем и других людей”. “Да: ценить и любить Жизнь во всех формах ее проявления; беречь, как минимум, близких людей. Задуматься о ценностях своей жизни. Необходимости развивать науку, здравоохранение, образование, общекультурное пространство. Развивать чувство ответственности”. “Это экзистенциальная перезагрузка. Будем ценить то, что порой не замечали: ценность здоровья, близких, свободу физического перемещения, доступность театров, музеев, спортивных залов”.

Но иногда эксперты обращают внимание на негативные последствия пандемии. “Я бы не сказал, что научит. Скорее, усилит разобщенность”. “Наивно думать, что человечество станет лучше. Главная тенденция человечества — общая деградация. Она очень устраивает власть предержащих (в самых разных странах)”. “Усилится давление власти, государственный контроль, меньше свободы”.

Идет речь и об ограниченности во времени эффектов пандемии. “Возможно, какое-то время люди будут помнить о том, что управляют жизнью не в такой большой степени, в которой им хотелось бы. Но это же не первая эпидемия в истории, со временем все уроки забудутся, останутся только экономические и социальные последствия. В частности, роль дистанционных коммуникаций усилится”.

<sup>2</sup> Родионов Д. Страшнее коронавируса: Россияне не верят в вакцину и не верят власти. URL: <https://svpressa.ru/society/article/277758> (дата обращения: 02.11.2020).



Некоторые эксперты отмечают, что человечество вообще — это слишком глобальный объект для предсказания, одних людей эпидемия чему-то научит, других — нет. *“Научится, может, только та часть человечества, которая к этому готова. Вряд ли в России научатся соблюдать дистанцию, в то время как в Швеции эта дистанция соблюдалась и до пандемии”*. *“Трудно сказать за человечество в целом; те, кто умеют учиться, научатся, те, кто не умеют извлекать уроки из событий, не научатся”*. *“Человечество — вряд ли. Отдельные группы людей, безусловно, поймут преимущества и недостатки разным образом организованных сообществ людей и социальных институтов”*.

Есть и указания на то, что пандемия обнажила проблемы, которые должны были бы оказаться в фокусе общественного внимания в ее отсутствие. *“Если бы научила понять, что разрыв между научным прогрессом и нравственностью людей приведет к катастрофе”*. *“Должна бы научить разумной организации жизни; пониманию своего места в биосфере; не размножаться сверх меры. Но не научит”*. *“Хотелось бы. Возможно, разумному ограничению потребностей”*.

Есть и осторожные эксперты, считающие, что на этот вопрос можно будет ответить только по прошествии некоторого времени. *“Трудно сказать, человечество учится медленно и с трудом. Мне кажется, это можно будет сказать лет через 10–15”*.

Но и, конечно, есть эксперты отвечающие на данный вопрос, что основной эффект пандемии сведется к простой формуле: *“Не верь власти”*.

Вопрос 15 **“Повлияет ли эта эпидемия на международные отношения?”** тоже вызвал расхождения среди экспертов. Они, как и в предыдущем вопросе, разделились на оптимистов, ожидающих от человечества позитивных изменений, и пессимистов, считающих, что человечество ждет движение к худшему.

Мнения оптимистов таковы. *“Повлияет. Снизит уровень межгосударственных конфликтов”*.

Мнения пессимистов сводятся к следующему. *“Люди изолируются и отдаляются, что влияет в целом на коммуникацию внутри и межкультурную”*. *“Да. Ухудшит их, вызывая конкуренцию за ресурсы”*. *“Повлияет. Усилятся международная конкуренция. Возникнут новые области для взаимных обвинений, провокаций и фейков”*. *“Нарушение контактов и туризма, недоверие между странами”*.

Впрочем, встречаются и эксперты, считающие, что пандемия не окажет влияния на международные отношения.

Некоторые эксперты затрагивают частные аспекты международных отношений и отношения к конкретным странам. *“Рост недоверия к КНР (якобы Уханьский источник) и США Евросоюза (ибо беспомощный гигант) и уважения в РФ и КНР (за организацию борьбы с вирусом)”*. *“Рост требований к осуждению биолaborаторий США в странах вокруг РФ”*.

Иногда ответы даются в форме, по которой нельзя судить о том, положительные или отрицательные изменения международных отношений ожидаются. *“Повлияет. В сторону пересмотра основ сотрудничества”*. *“Безусловно. Закрытие границ потребует пересмотра отношений между государствами, выработки новых правил игры”*.

Немало мнений, основанных на том, что коронавирус нанесет чувствительный удар по глобализму. *“Усилит антиглобализационные процессы”*. *“Страны продолжат разбегаться, глобализация уменьшится”*.

Эксперты также несколько поправляют формулировку вопроса, указывая, что пандемия уже повлияла на международные отношения. *“Она уже повлияла: в сторону изоляции по странам и регионам. При снижении давления пандемии”*.

Иногда эксперты предпочитают осторожную форму ответа. *“Повлияет, но не знаю, как точно”*.

Ответы респондентов на вопрос 16 **“Каковы основные причины второй волны коронавирусной инфекции?”** делятся на две группы: указание объективного характера эпидемии и субъективных характеристик населения.

Объективные причины представлены ответами следующего типа. *“Вторая волна бывает всегда при таких пандемиях. Будут и еще волны”*. *“Это закономерности распространения любой инфекции”*. *“Сезонность эпидемий. Снижение иммунитета из-за сидения дома”*. *“Объективные: любые вирусы ожесточаются осенью и в период похолодания. Никакого удивления нет: так с любым гриппом и ОРВИ. Здесь все банально”*.

Субъективные факторы находят выражение в таких ответах. *“Несоблюдение масочного режима, самоизоляции и т.д.”*. *“Ослабление мер. Расслабленность населения в плане мер защиты”*. *“Бездумная и безответственная любовь к загранпоездкам элиты и золотой молодежи на отдых в Турцию и Евросоюз”*. *“Наплевательское (или, скажем, недостаточно ответственное) отношение власти и народа к угрозе второй волны”*.

Иногда две группы причин соединяются в одном объяснении. *“Биология вируса и безответственность*



людей”. “Логика развития инфекционного процесса, наступление межсезонного периода переход к зиме, несоблюдение предписаний врачей”.

Как обычно, достается и власти. “Провальные действия властей на первом этапе”.

Отмечается также неясность природы инфекции. “Природа инфекции до сих пор не ясна, люди болеют по второму и третьему разу, неясно, какая это волна”. “До конца непонятно: возможно, есть сезонность, возможно, последствие отмены ограничений летом, а может все сразу и еще что-то третье”.

Почти равным оказалось количество экспертов, предсказывающих наличие (35%) и отсутствие (34%) **институциональных изменений: появления новых министерств, ведомств и т.д. — в результате эпидемии коронавируса**, при большом количестве (31%) затруднившихся ответить на этот нелегкий 17-й вопрос.

При ответе на вопрос 18 **“Изменится ли наш народ в психологическом плане вследствие пандемии? Если да, то в чем будут заключаться его изменения?”** респонденты разделились на три группы: на тех, кто ждет положительных изменений, тех, кто предвидит отрицательные изменения, и тех, кто предпочитает отсутствие изменений.

Для ожидающих положительные изменения характерными были следующие ответы. “Есть надежда, что вернутся понятия семьи и дружбы”. “Возможно, появится более зрелое отношения к своему здоровью и благополучию других”. “Большинство постарается соблюдать санэпидемиправила. Здоровье будет осознаваться как значимая ценность”.

Ожидающих отрицательные изменения, впрочем, больше. «Изменится. Возрастет социальная агрессия и недовольство властями возможно, усиление “пофигизма”». “Повысятся психологические неустойчивость и тревожность”. “Изменится и не и в лучшую сторону: усугубление индивидуализма во всех его пагубных проявлениях”. “Да, станет больше фобических и аффективных расстройств, ипохондрических вариантов развития личности”. “Станет еще более нетерпимым к окружающему миру, усилится агрессивность”.

Иногда респонденты предсказывают одновременно и положительные, и отрицательные изменения. “Да. Возможно, сплочение от единой беды (выше отвечала про уважение и ценности). Или наоборот, моральное истощение и негативизм относительно власти, медицины и всех сопутствующих отраслей”.

Предсказываются также разные изменения различных социальных групп, превращающие понятие

“народ” и плохо применимую на практике абстракцию. “Да: у кого-то обостряются психологические отклонения; у кого-то активизируется личностное развитие”. “Для разных социальных групп — разные последствия”. “Изменится. Часть населения станет халатно относиться к своему здоровью, а другая часть, наоборот, будет слишком тревожиться об этом”.

Есть и прогнозы изменений, не относимых к категориям положительных и отрицательных. “Человек будет компенсировать удовлетворение потребностей в интернете. Виртуальное пространство будет продолжать осваиваться, расширяться и занимать большое место в жизни человека”. “Будет больше понимания того, как можно сделать многие вещи, не выходя из дома. Вырастут удаленка и дистанционное обучение”.

Ожидающие отсутствие изменения были представлены следующими ответами. “Сильно не изменится. Трудности наш народ закаляют”. “Нет, одна пандемия национальный менталитет не перестроит”. “Наш народ пережил более сильные потрясения. И (по преданиям) не сильно изменился. Что ему коронавирус”.

Предсказано и расслоение общества на соблюдающих предписанные меры профилактики и противодействующих им, например на “масочников” и “безмасочников”. “Увеличение ипохондризации, нарастание протестных настроений, расслоение общества на масочников и безмасочников (взаимная ненависть и недоверие), увеличение числа болеющих психическими заболеваниями”. «Добавится еще один параметр для поляризации, типа “носит маску/не носит маску”; пока что только увеличивается общий градус взвинченности, видимо, будет увеличиваться и дальше, к сожалению».

И опять досталось государству. “Народ все сильнее рассчитывает только на себя. Власть теряет легитимность. Институт государства, не способный обеспечить основные права и блага (безопасность, собственность, право на медпомощь, гражданские свободы), теряет право требовать уплаты налогов и подчинения”.

При ответе на последний вопрос анкеты **“Есть ли что-либо мистическое в эпидемии коронавируса?”** возобладали материалистическая позиция, что естественно для авторов двух ведущих психологических журналов. Ответы “материалистов” оказались представлены в следующих формулировках. “Скорее метафизическое”. “Нет. Все закономерно. Заболеваемость ниже в странах, в которых ниже число контактов между людьми. Заболеваемость ниже в странах, где интересы общества ставятся выше

интересов личности”. *“Неизвестное есть, мистического нет”.*

Но встречаются, хотя значительно реже, сторонники другой позиции. *“Безусловно, есть! Я в этом уверен. У вас есть прекрасное будущее!”*

Высказываются аргументы в пользу мистической подоплеку эпидемии, которые тоже, по сути, являются материалистическими. *“Да. Проверка властей и людей: сможет ли сплотиться человечество на рациональных началах перед общей угрозой для Земли: бездарность и микромасштабность госвластей, но, увы, оказалось (вражда Запада к вакцинам из РФ), что ни у властей, ни у людей нет и в помине общей планетарной идентификации и медицинской толерантности друг к другу”.* *«Да. Святая вера некоторых людей, что носи все маски и мой руки — второй волны бы не было. Чистая мистика — поражаюсь. И то, как быстро мы забываем реальность: только что была огромная смертность от эпидемий, люди знали, что “ходят под Богом” — и тут святая вера, что через месяц вакцина всех навсегда спасет. Мистическое мышление как оно есть, с полной потерей памяти».*

Было высказано разделение людей на группы в плане отношения к пандемии как к мистической. Высказана необходимость дифференциации верующих и неверующих людей. *“Верующие могут воспринимать эпидемию как Божье наказание за грехи человечества”.*

Встречаются констатации необходимости более аккуратной формулировки вопроса. *“Смотря что иметь в виду под мистическим. Если иметь в виду что-то невидимое повседневным зрением и не вполне доступное сегодняшнему уровню нашего мышления, то, думаю, есть”.*

Высказан и аргумент в пользу мистической позиции. *“Хотелось бы. Может, вера появилась бы”.*

Наконец, прозвучала идея о том, что любая убежденность предполагает мистический элемент. *“Во всем есть что-то мистическое”.*

## ВЫВОДЫ

В качестве экспертов обычно привлекаются специалисты в некоторой области, способные вынести компетентное и единственно правильное решение. Это отчасти справедливо в отношении простых вопросов, которые могут быть легко решены. Эпидемия коронавируса — совсем другая проблема, применительно к которой простое и однозначное решение, по всей видимости, невозможно. Поэтому в качестве экспертов рассматривались люди, выносящие более глубокие суждения, чем среднестатистический

гражданин, а единство мнений не было целью исследования. Этим объясняется разброс мнений экспертов по большинству рассмотренных вопросов.

Ковид-диссиденты, являющиеся открытыми противниками предлагаемых властью мер, относительно немногочисленны, как и противоположная им группа — ковид-ригориисты, скрупулезно выполняющие эти меры. Значительную часть общества составляют “ковид-безалаберные”, признающие справедливость антиковидных мер, но для других, а не для себя. В условиях, когда большинство мер носит характер не законов, за невыполнение которых положены санкции, а рекомендаций, мер и полумер, которые одни группы населения выполняют, другие — нет, общая эффективность борьбы с инфекцией зависит от численности “ковид-безалаберных” в обществе. На их количество могло бы существенно повлиять придание антиковидным полунормам статуса законов.

Исследование продемонстрировало раздвоение экспертного сознания в отношении пандемии, что, по-видимому, характерно и для общества в целом. С одной стороны, она воспринимается как реальная беда, настигшая человечество, с другой — как все-ленский фейк, псевдоугроза или по крайней мере как значительное преувеличение реальной опасности в чьих-то интересах. Последствия пандемии видятся экспертами и в негативном, и в позитивном ключе. Большинство согласны с тем, что эта пандемия — очень значимое для человечества событие, хотя оценки устойчивости его влияния расходятся.

При традиционном недовольстве всем отечественным (медициной, вакциной, властью и т.д.) со стороны российской интеллигенции оно не воспринимается основной частью экспертного сообщества как намного худшее в сравнении с зарубежным (что можно считать одним из позитивных результатов строительства капитализма в нашей стране). А среди действий власти, предпринятых ею в связи с эпидемией коронавируса, почти половина экспертов не усматривает каких-либо бессмысленных или невыполнимых.

По поводу влияния пандемии на человечество предсказаны как его позитивные, так и негативные изменения, что, по-видимому, справедливо в отношении любого экстремального события, которое одновременно делает общество и “лучше”, и “хуже”. Этот прогноз заострен разным влиянием коронавирусной эпидемии на различные социальные группы, одни из которых в целом становятся “лучше”, а другие — “хуже” под ее воздействием. И в том, что это предсказание сбудется, пожалуй, можно не сомневаться.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушаков Д.В., Юревич А.В., Нестик Т.А., Юревич М.А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5–17.
2. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Юревич М.А. COVID-19: Результаты второго экспертного опроса // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 90–97.

COVID-19: RESULTS OF THE THIRD EXPERT SURVEY<sup>3</sup>

A. V. Yurevitch<sup>1,\*</sup>, D. V. Ushakov<sup>1,\*\*</sup>, M. A. Yurevitch<sup>2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>*Institute of Psychology RAS;*

*129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

<sup>2</sup>*Financial University under the Government of the Russian Federation;*

*125993, Moscow, Leningradsky prospect, 51/1, Russia.*

<sup>\*</sup>*Corresponding Member of the RAS, ScD (Psychology), Professor,*

*Deputy Director of the Institute of Psychology RAS.*

*E-mail: a.v.yurevich@mail.ru*

<sup>\*\*</sup>*Member of RAS, ScD (Psychology), Professor, Director.*

<sup>\*\*\*</sup>*Researcher, Center for Macroeconomic Research.*

Received 03.12.2020

**Abstract.** The pandemic, unfortunately, has firmly established itself as a priority object of scientific research, including psychological studies. Two opposing groups of people have emerged within society — “covid-rigorists”, scrupulously observing the recommendations of the authorities regarding the rules of anti-infectious behavior, and “covid-dissident”, who see their freedom infringed by these rules. There are other aspects of the problem that can be considered psychological. The authors conducted the third expert survey of leading Russian psychologists, who published in 2014–2020 articles in the journals “Psychological issues” and “Psychological Journal”, indexed by Web of Science and Scopus. The experts were again asked questions about the socio-psychological context of the epidemic (although not only about it). The survey covered 105 respondents — representatives of various branches of psychology — and was conducted in November 2020.

**Keywords:** coronavirus, pandemic, second wave, actions, explanation, “covid-rigorists”, “covid-dissidents”, medicine, vaccine, expert survey.

## REFERENCES

1. Ushakov D.V., Yurevitch A.V., Nestik T.A., Yurevitch M.A. Social’no-psihologicheskie aspekty pandemii COVID-19: rezul’taty jekspertnogo oprosa rossijskih psihologov. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 5. P. 5–17. (In Russian)
2. Yurevitch A.V., Ushakov D.V., Yurevitch M.A. COVID-19: Rezul’taty vtorogo jekspertnogo oprosa. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 6. P. 90–97. (In Russian)

<sup>3</sup> The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research, project No. 20-04-60296 “Analysis of the structure and dynamics of attitudes and beliefs of the Russian population on the problem of the coronavirus pandemic using digital methods”.

УДК 159.9.07

## ПОТЕНЦИАЛ “СЕРЕБРЯНОГО” ПОКОЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2021 г. Л. Г. Десфонтейнес\*, Е. В. Корчагина\*\*

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,  
Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли,  
Высшая школа сервиса и торговли;  
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, Россия.*

*\* Кандидат психологических наук, доцент Высшей школы сервиса и торговли.*

*E-mail: lja2@yandex.ru*

*\*\* Доктор экономических наук, профессор Высшей школы сервиса и торговли.*

*E-mail: elena.korchagina@mail.ru*

Поступила 26.03.2020

*Аннотация.* Важной особенностью экономики будущего является принципиальное изменение структуры рынка труда, определенное демографическими факторами, к основным из которых следует отнести значительное увеличение населения пенсионного возраста. Изучение проблем и перспектив развития “серебряной” экономики является одной из наиболее актуальных научных задач современности. Целью исследования было выявление психологических обоснований вовлечения старших возрастных когорт в рынок труда. Гипотеза исследования рассматривала “серебряное” поколение как потенциал современной экономики, ключевыми характеристиками трудовой и социальной активности которого являются определенные ценностные ориентации. В исследовании приняли участие 452 работника предприятий Южного Урала: из них 256 человек (57%) в возрасте 46–54 лет; 177 человек (39%) в возрасте 55–62 лет и 19 человек в возрасте старше 62 лет (4%). Оценивались два показателя: система ценностных ориентаций в отношении труда и социальная активность в указанных возрастных группах. Социальная активность оценивалась экспертами — линейными руководителями подразделений. Для изучения ценностных ориентаций был выбран опросник ценности и привлекательности труда. Тесные связи между показателями социальной активности и ценностями, такими как творческая, интересная работа; активная жизненная позиция; развитие ответственности. Наибольшее количество связей образуют ценностные ориентации в возрастной группе 55–62 лет. Количество и теснота взаимосвязей в структуре ценностей указывают на ведущую роль ценностных ориентаций в формировании жизненной позиции человека в возрасте 55–62 лет. Результаты проведенного исследования раскрывают положительные стороны вовлеченности представителей старших поколений в трудовую активность. Обращение к “серебряной” экономике связано с использованием нераскрытого потенциала старшего поколения, что позволит не только снизить демографические риски потери производительности, но и выиграть от качеств, связанных с характеристиками “серебряного” поколения.

*Ключевые слова:* рынок труда, “серебряная” экономика, ценностные ориентации, социальная активность, демографические факторы, “серебряное” поколение.

DOI: 10.31857/S020595920015243-3

Проблему “серебряной” экономики можно рассматривать с точки зрения разных аспектов. Первый из них фокусируется на статистическом анализе происходящих демографических изменений и изучении различных возможностей, таких как появление новых сегментов рынка и адаптированных к их запросам продуктов, оценка перспектив продаж и инновации. Второй направлен на оценку влияния демографических изменений на национальные рынки труда, оценку и прогнозирование

качества рабочей силы. Наконец, третий аспект связан с механизмами вовлеченности представителей старших поколений в трудовую активность, исследованием психологических особенностей представителей различных возрастных когорт. Представленное исследование касается второго и третьего из упомянутых аспектов.

Анализ статистических данных прогноза состава населения Российской Федерации позволил сделать следующие выводы: по данным среднего



варианта прогноза Росстата, общая численность населения России в следующие 20 лет значительно не изменится (снижение к 2036 г. составит примерно 982 тыс. человек, или 0,67%). В то же время структурные изменения в различных возрастных когортах будут достаточно серьезными, как можно увидеть на демографических пирамидах, построенных для 2018 и 2036 гг. Согласно среднему варианту прогноза, численность детей и подростков до 15 лет снизится в 2036 г. по сравнению с 2018 г. на 15,3% — с 27,2 млн до 23,1 млн человек, численность населения в категории от 16 до 59 лет снизится на 4,3% — с 88,3 млн до 84,5 млн человек. Численность населения в категории от 60 до 69 лет снизится относительно других категорий незначительно: с 17,7 млн до 16,7 млн человек (на 6%). В то же время численность населения в категории от 70 до 79 лет будет иметь серьезный прирост с 8,4 млн до 14,5 млн человек (на 72%), а численность населения в категории от 80 лет и старше возрастет с 5,1 млн до 7,1 млн человек (на 38%). Численность населения от 60 лет и старше увеличится с 31,3 млн до 38,3 млн человек (на 22,4%), численность населения в самой пожилой группе — от 85 лет и старше также возрастет с 2,2 млн до 2,7 млн человек (на 20,6%) [16]. Согласно анализируемому среднему варианту прогноза, численность населения России в наиболее трудоспособной из старших возрастных категорий (до 69 лет включительно) несколько снизится, а основной рост будет наблюдаться в возрастных когортах от 70 лет и старше. Очевидно, что данные изменения в очень серьезной степени повлияют на структуру российского рынка труда.

Демографические изменения уменьшают долю людей трудоспособного возраста, что оказывает негативное воздействие на экономический рост. Важным является разделение населения на три основные группы: моложе трудоспособного возраста (как правило, от 0 до 15 лет включительно), трудоспособного возраста (от 16 лет до принятого в стране пенсионного возраста) и старше трудоспособного возраста. Представители первой и третьей групп обычно экономически зависимы. Лица трудоспособного возраста, напротив, экономически активны и участвуют в производстве товаров и услуг. Изменение в возрастной структуре населения будет влиять на соотношение экономически активных лиц и экономически зависимых лиц с потенциально негативными последствиями для экономического роста [15]. Эта негативная тенденция может быть компенсирована путем увеличения уровня занятости старшей возрастной группы. В соответствии с Федеральным законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ в Российской Федерации

возрастом выхода на пенсию для женщин является возраст 60 лет, для мужчин — 65 лет. В п. 2 ст. 5 указанного федерального закона определен предпенсионный возраст граждан — “в течение пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости”. В проведенном исследовании в качестве “серебряного” поколения рассматривались работники предпенсионного и пенсионного возраста в соответствии с действующим законодательством, т.е. работники в возрасте 55 лет и старше. К “серебряному” поколению в исследовании относятся две группы испытуемых: 55–62 лет и старше 62 лет. Исследование стран ОЭСР показало, что большинство из них имеет возможность использовать рабочую силу старших возрастных когорт [8]. Появление цифровых технологий изменило жизнь пожилых людей. Исследовательский центр Pew доказал, что более половины пожилых людей (65 лет и старше) являются интернет-пользователями. Среди пожилых людей в течение года доля пользователей интернета увеличилась на 6%, 47% пожилых людей имеют высокоскоростное широкополосное подключение дома [17]. В 2012 г. в России стартовал проект “Возраст счастья”, который посвящен активной старости [16]. Проведенное в Германии исследование [10] показало, что прирост количества здоровых лет в пожилом возрасте более значителен, чем общее увеличение продолжительности жизни. Эту динамику нельзя напрямую экстраполировать на Россию, но развитие рынка труда с вовлечением в него представителей старших поколений является актуальным для России. Эффекты глобализации повлияли на рынки труда всех развитых стран, что требует изменения отношения со стороны работодателей [4]. Для использования ресурса старших поколений на рынке труда необходимо как изменение существующих институтов, регулирующих рынок труда [7; 9; 11], так и одновременное улучшение системы трудоустройства и обучения пожилых людей [5].

Целью исследования было выявление психологических обоснований вовлечения старших возрастных когорт в рынок труда. Гипотеза исследования рассматривала ценностные ориентации различных возрастных когорт в качестве ключевых характеристик социальной активности на рабочем месте. Предполагалось определить значимые корреляционные связи ценностных ориентаций с социальной активностью в различных возрастных группах.

Объектом исследования были различные возрастные группы трудоспособного населения. Предметом исследования являлись ценностные

ориентации в связи с социальной активностью в разном возрасте. Стремительное старение населения требует особого изучения личности пожилого человека. Предположение о том, что пожилые люди не будут заниматься общественно полезной деятельностью, не будут проявлять интерес к социальным событиям является несостоятельным в силу того, что в любом возрасте человек стремится к расширению информационного поля. В современной России в “серебряный” возраст вступает поколение 1960-х, которое не прекратит активное участие в общественной жизни после выхода на пенсию. Особенности ценностных ориентаций людей пожилого возраста определяют выбор форм профессиональной и общественной активности.

В качестве основного методического материала для изучения ценностных ориентаций был выбран адаптированный опросник ценности и привлекательности труда [1]. В исследовании оценивались два показателя: система ценностных ориентаций и социальная активность в группах 46–54 лет, 55–62 лет и старше 62 лет. Вследствие малочисленности возрастной группы старше 62 лет в качестве основного критерия деления на группы был выбран возраст работников. В исследовании принимали участие: женщины (47% выборки) и мужчины (53% выборки), что позволило говорить о равной представленности испытуемых по полу. Все испытуемые работали на рабочих должностях: 4% испытуемых имеют высшее образование, 71% испытуемых имеют среднее специальное образование (техникум, училище по профилю деятельности), 25% испытуемых имеют среднее образование и обучение на рабочем месте.

Цель исследования определила его задачи: обзор исследований по проблемам влияния демографических изменений на рынке труда на структуру и качество рабочей силы; анализ демографических тенденций в России; обоснование необходимости вовлечения трудоспособных представителей старших возрастных когорт в рынок труда; выявление особенностей ценностных ориентаций у представителей различных возрастных когорт; описание ключевых психологических характеристик представителей старших поколений работников как членов трудовых коллективов. Основной задачей исследования было определение психологических коррелятов для обоснования трудовой активности старших возрастных когорт. В качестве основной психологической характеристики были выбраны ценностные ориентации как основной регулятор поведения человека.

## МЕТОДИКА

Анализ текущей демографической ситуации и прогноз ее развития в Российской Федерации был проведен по статистическим данным Федеральной службы государственной статистики России. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет 18,5%, трудоспособного возраста — 56%, старше трудоспособного возраста — 25,5%. К 2036 г. доля населения моложе трудоспособного возраста снизится до 15,8%, доля населения трудоспособного возраста незначительно увеличится до 54,2% (что в абсолютных значениях соответствует снижению с 82239,7 тыс. до 79038,9 тыс. человек), доля населения старше трудоспособного возраста увеличится до 30% (в абсолютных показателях это означает рост с 37380,4 тыс. до 38300 тыс. человек).

Исследование структуры ценностных ориентаций у работников разного возраста было проведено на предприятии, занимающемся транспортом газа в районе Южного Урала. Результаты исследования позволяют провести сравнительный анализ ведущих ценностей работников разного возраста и уровень их социальной активности. Выборка испытуемых была подобрана в случайном порядке руководством предприятия и пропорционально отражала состав работников линейных структур компании.

В исследовании приняли участие 452 человека: из них 256 человек (57%) в возрасте 46–54 лет; 177 человек (39%) в возрасте 55–62 лет и 19 человек в возрасте старше 62 лет (4%). Обследование проводилось анонимно, коллективно и индивидуально, использовались бумажные опросники. В качестве основного методического материала для изучения ценностных ориентаций был выбран адаптированный к условиям отрасли опросник ценности и привлекательности труда [1]. Методика была модифицирована в соответствии с целью исследования, были изменены названия ряда ценностных ориентаций. В методике использовалось понятие ценностных ориентаций как фактора, определяющего выбор профессиональной деятельности. Система ценностных ориентаций рассматривается как регулирующий контур познавательных и волевых актов сознательного выбора формы социальной активности и адекватного решения из множества альтернатив. Система ценностных ориентаций связана с социальной активностью личности. Поэтому в исследовании оценивались два показателя: система ценностных ориентаций и социальная активность в трех группах 46–54 лет, 55–62 лет и старше 62 лет.

Для оценки ценностных ориентаций испытуемым предлагалось определить ранги ценностей, представленных в опроснике. Для оценки социальной активности применялась экспертная оценка. Экспертами выступали непосредственные руководители работников и коллеги. Социальная активность оценивалась по 10-балльной шкале, от 0 до 10. Полученные «сырые» данные суммировались, и вычислялось среднее значение для каждого испытуемого. В качестве инструкции предлагалось оценить социальную активность работника на бумажном бланке. Каждый бланк содержал определение социальной активности, принятое в исследовании: «Социальная активность личности определяется как совокупность всех возможностей личности, скрытых и явных, необходимых для каких-либо социальных действий. Социальная активность личности обеспечивает движущую энергию в профессиональной сфере».

В проведенном исследовании использовался большой массив эмпирических данных, где исходные результаты представляли собой разноуровневые величины, с большим трудом сопоставимые друг с другом. Для изучения структуры ценностных ориентаций подсчитывались ранги ценностей в каждой возрастной группе по представленным ценностям ориентации: творческая, интересная работа, благоприятные условия труда, позитивные отношения с сотрудниками, признание со стороны коллег, развитие своих способностей, материальное и социальное обеспечение, принципиальность и требовательность в рабочих отношениях, развитие ответственности, активная жизненная позиция, рациональная организация работы, общий успех, достижение личных целей, здоровье, различия в жизненных позициях членов коллектива.

С учетом особенностей полученных эмпирических данных в настоящем исследовании использовалась следующая схема количественного и качественного анализа результатов. Вычислялись такие показатели описательной статистики, как средние показатели рангов ценностных ориентаций по всей выборке, среднее квадратичное отклонение; среднegrupповые ранговые номера ценностей в каждой возрастной группе. Был проведен качественный анализ ранговой структуры ценностных ориентаций для групп испытуемых, различающихся по возрасту. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью корреляционного анализа, был подсчитан коэффициент линейной корреляции (программа Excel) для выявления связи уровня социальной активности с возрастом и структурой ценностных ориентаций. Были получены корреляционные плеяды, соответствующие структуре ценностей в группах разного возраста.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 представлены средние показатели рангов ценностных ориентаций по всей выборке и среднее квадратичное отклонение, характеризующее разброс данных.

В табл. 2 представлены результаты исследования ценностных ориентаций по группам разного возраста. Сравнительный анализ ценностных ориентаций трех возрастных групп, представленный в табл. 2, показал изменения в рангах следующих ценностей: творческая, интересная работа, признание со стороны коллег, развитие своих способностей, материальное и социальное обеспечение, развитие ответственности, активная жизненная позиция, общий успех, здоровье.

**Таблица 1.** Средние показатели рангов по всей выборке и среднее квадратичное отклонение ( $n = 452$  чел.)

| № п/п | Ценностные ориентации                                    | Средние значения | $\sigma$ |
|-------|----------------------------------------------------------|------------------|----------|
| 1     | Творческая, интересная работа                            | 3.62             | 1.91     |
| 2     | Благоприятные условия труда                              | 7.32             | 1.94     |
| 3     | Позитивные отношения с сотрудниками                      | 2.04             | 1.78     |
| 4     | Признание со стороны коллег                              | 3.75             | 2.35     |
| 5     | Развитие своих способностей                              | 7.62             | 3.85     |
| 6     | Материальное и социальное обеспечение                    | 6.54             | 3.24     |
| 7     | Принципиальность и требовательность в рабочих отношениях | 8.02             | 1.82     |
| 8     | Развитие ответственности                                 | 9.66             | 2.95     |
| 9     | Активная жизненная позиция                               | 8.42             | 3.71     |
| 10    | Рациональная организация работы                          | 11.33            | 1.64     |
| 11    | Общий успех                                              | 9.62             | 3.45     |
| 12    | Достижение личных целей                                  | 12.04            | 2.87     |
| 13    | Здоровье                                                 | 5.34             | 3.46     |
| 14    | Различия в жизненных позициях членов коллектива          | 10.71            | 1.04     |



**Таблица 2.** Средние ранги ценностных ориентаций по разным возрастным группам и среднеквадратичное отклонение значений по возрастным группам

| № п/п | Ценностные ориентации                                    | 46–54 года                     |          | 55–62 года                     |          | Старше 62 лет                  |          |
|-------|----------------------------------------------------------|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|
|       |                                                          | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ |
| 1     | Творческая, интересная работа                            | 5                              | 2.03     | 5                              | 2.12     | 1                              | 1.01     |
| 2     | Благоприятные условия труда                              | 6                              | 2.94     | 8                              | 1.04     | 8                              | 1.32     |
| 3     | Позитивные отношения с сотрудниками                      | 1                              | 1.17     | 1                              | 1.08     | 4                              | 2.74     |
| 4     | Признание со стороны коллег                              | 7                              | 2.56     | 2                              | 2.04     | 2                              | 1.31     |
| 5     | Развитие своих способностей                              | 4                              | 2.78     | 6                              | 3.98     | 13                             | 0.65     |
| 6     | Материальное и социальное обеспечение                    | 3                              | 3.68     | 3                              | 4.24     | 12                             | 1.03     |
| 7     | Принципиальность и требовательность в рабочих отношениях | 9                              | 2.56     | 9                              | 1.22     | 6                              | 1.14     |
| 8     | Развитие ответственности                                 | 12                             | 2.85     | 10                             | 3.15     | 7                              | 2.75     |
| 9     | Активная жизненная позиция                               | 14                             | 3.94     | 7                              | 3.53     | 3                              | 3.61     |
| 10    | Рациональная организация работы                          | 10                             | 1.14     | 13                             | 3.74     | 11                             | 2.04     |
| 11    | Общий успех                                              | 13                             | 3.78     | 11                             | 3.45     | 5                              | 3.01     |
| 12    | Достижение личных целей                                  | 8                              | 1.78     | 14                             | 2.99     | 14                             | 2.71     |
| 13    | Здоровье                                                 | 2                              | 2.43     | 4                              | 3.96     | 10                             | 2.47     |
| 14    | Различия в жизненных позициях членов коллектива          | 11                             | 1.64     | 12                             | 1.07     | 9                              | 0.84     |

Группы 46–54 лет и 55–62 лет имеют отличия по следующим ценностям: в старшей группе повышается значение ценности признания со стороны коллег (повышение ранга с 7 до 2); повышается ценность активной жизненной позиции (повышение ранга с 14 до 7) и снижается ранг достижения личных целей (снижение ранга с 8 до 14).

Сравнивая структуру ценностных ориентаций в группах 46–54 лет и старше 62 лет, можно отметить значительные изменения. С увеличением возраста повышается значение следующих ценностных ориентаций: творческая, интересная работа (повышение ранга с 5 до 1); признание со стороны коллег (повышение ранга с 7 до 2); развитие ответственности (повышение ранга с 12 до 7); активная жизненная позиция (повышение ранга с 14 до 3); общий успех (повышение ранга с 13 до 5). Вместе с тем снижается значение ценностных ориентаций: развитие своих способностей (снижение ранга с 4 до 13); материальное и социальное обеспечение (снижение ранга с 3 до 12); достижение личных целей (снижение ранга с 8 до 14); здоровье (снижение ранга со 2 до 10).

В группе 46–54 лет средний показатель социальной активности составил 5.98 ст. единиц. В группе 55–62 лет этот показатель составил 5.25 ст. единиц.

**Таблица 3.** Средние значения нереализованной социальной активности и среднеквадратичное отклонение по выборке в целом и по разным возрастным группам

| Выборка в целом                |          | 46–54 года                     |          | 55–62 года                     |          | Старше 62 лет                  |          |
|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|--------------------------------|----------|
| Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ | Среднее значение ( $\bar{M}$ ) | $\sigma$ |
| 5.8                            | 2.91     | 5.98                           | 2.98     | 5.25                           | 2.89     | 6.18                           | 2.88     |

Интересно отметить повышение этого показателя в группе старше 62 лет. Социальная активность работников старшего возраста составил 6.18 ст. единиц.

Результаты корреляционного анализа показали статистически незначимую отрицательную связь социальной активности с увеличением возраста работников ( $r = -0.076$ ). Корреляционная связь отрицательна, но статистически не значима. Следовательно, увеличение возраста не всегда ведет к уменьшению социальной активности личности. В ряде случаев социальная активность увеличивается с изменением структуры ценностных ориентаций.

В табл. 4 приведены результаты корреляционного анализа структуры ценностных ориентаций и социальной активности в трех возрастных группах и по всей выборке (452 чел.).

По всей выборке испытуемых наиболее тесные связи обнаружены между показателями социальной активности и следующими ценностями: творческая, интересная работа (на 1%-м уровне значимости); активная жизненная позиция (на 5%-м уровне значимости); развитие ответственности (на 5%-м уровне значимости). Все связи положительные. Всего обнаружено восемь значимых



**Таблица 4.** Количество связей показателей социальной активности и ценностных ориентаций в разных возрастных подгруппах (рассматривались связи на 1% и 5% уровнях значимости)

| Возраст                   | Положительные связи | Отрицательные связи | Общее количество связей |
|---------------------------|---------------------|---------------------|-------------------------|
| 46–54 года (256 чел.)     | 3                   | 5                   | 8                       |
| 55–62 лет (177 чел.)      | 5                   | 6                   | 11                      |
| Старше 62 лет (19 чел.)   | 3                   | 2                   | 5                       |
| Все испытуемые (452 чел.) | 3                   | 5                   | 8                       |

связей, из них семь — на 1%-м и одна — на 5%-м уровне значимости. Отрицательные связи образует показатель социальной активности и ценности: здоровье (на 1%-м уровне значимости); позитивные отношения с сотрудниками (на 5%-м уровне значимости). Ряд ценностей образуют отрицательные связи между собой: “здоровье” и “общий успех” (на 1%-м уровне значимости); “позитивные отношения с сотрудниками” и “принципиальность и требовательность в рабочих отношениях” (на 5%-м уровне значимости); “позитивные отношения с сотрудниками” и “достижение личных целей” (на 1%-м уровне значимости).

Наибольшее количество связей образуют ценностные ориентации между собой в возрастной группе 55–62 лет — восемь связей, из них шесть — отрицательные и две — положительные. Отрицательные связи между собой образуют следующие ценности: “здоровье” и “общий успех” (на 5%-м уровне значимости); “позитивные отношения с сотрудниками” и “принципиальность и требовательность в рабочих отношениях” (на 5%-м уровне значимости); “позитивные отношения с сотрудниками” и “достижение личных целей” (на 1%-м уровне значимости); “материальное и социальное обеспечение” и “развитие своих способностей” (на 5%-м уровне значимости); “здоровье” и “развитие ответственности” (на 5%-м уровне значимости); “здоровье” и “принципиальность и требовательность в рабочих отношениях” (на 5%-м уровне значимости).

Таким образом, ценностные ориентации взаимосвязаны и образуют корреляционную структуру. Тесные связи между ценностными ориентациями говорят об устойчивости ценностной структуры и ее регулирующей роли. Система ценностных ориентаций в этом возрасте является “опорой” для обеспечения устойчивости и стабильности личности. Три положительные связи образует показатель социальной активности с ценностными ориентациями — “творческая, интересная работа” (на 1%-м уровне значимости), “активная жизненная позиция” (на 5%-м уровне значимости), “развитие ответственности” (на 5%-м уровне значимости). Количество и теснота взаимосвязей в структуре ценностей позволяют определить ведущую роль

ценностных ориентаций в формировании жизненной позиции человека в возрасте 55–62 лет.

В возрасте старше 62 лет корреляционных связей между показателями ценностных ориентаций становится меньше (2 отрицательные связи: “позитивные отношения с сотрудниками” и “принципиальность и требовательность в рабочих отношениях” и “развитие ответственности” и “достижение личных целей”, обе связи на 1%-м уровне значимости). Показатель социальной активности образует 3 связи с ценностями и является системообразующим в структуре личности в этом возрасте: “творческая, интересная работа” (на 1%-м уровне значимости); “активная жизненная позиция” (на 1%-м уровне значимости); “общий успех” (на 5%-м уровне значимости).

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ демографических тенденций позволяет сделать прогноз о том, что группа старших сотрудников (в возрасте 55–65 лет) может стать крупнейшей подгруппой рабочей силы. Это приведет к росту возрастного разнообразия на рабочем месте [13]. С одной стороны, повышение возрастного разнообразия может провоцировать возникновение психологической напряженности и даже конфликтов на рабочем месте. С другой стороны, его влияние может быть позитивно для организации-работодателя [3]. Данное позитивное влияние связывают с увеличением качества, разнообразия и ценности информации для принятия управленческих решений [6]. Люди с разным жизненным и профессиональным опытом могут иметь различные внешние и внутренние социальные сети, что приводит к росту дополнительной ценности информации [12]. Такое информационное разнообразие может быть особенно полезно при работе с нестандартными проблемами и при поиске творческих решений [14].

С увеличением возраста в структуре ценностных ориентаций происходят изменения, свидетельствующие об увеличении значения признания со стороны коллег по работе и активной жизненной позиции. В группе старше 62 лет по сравнению с группой 55–62 лет снижается значение материального

и социального обеспечения (снижение ранга с 3 до 12) и повышается ранг общего успеха трудового коллектива (повышение ранга с 11 до 5) и развития ответственности (повышение ранга с 10 до 7). Снижается значение здоровья (снижение ранга с 4 до 10) и развития своих способностей (снижение ранга с 6 до 13). Возможно, мотив самоактуализации в сочетании со стремлением к уважению со стороны коллег приводит к повышению ответственности за достижение общего успеха в работе. Структурные изменения в иерархии ценностных ориентаций являются закономерными, так как завершающая фаза жизни человека, осознание завершения жизненного пути сопровождаются изменениями в мировоззрении. Работники старше 62 лет занимают активную социальную позицию в жизни. Следует отметить большое значение в жизни этих людей успеха трудового коллектива в целом, что говорит о развитом чувстве коллективизма и взаимопомощи. Ниже ценятся материальное и социальное благополучие, здоровье, развитие своих способностей и достижение личных целей. Изменения иерархии ценностных ориентаций старшего поколения указывают на позитивное отношение к окружающим, активность в достижении общеколлективных целей и достаточно высокий альтруизм в отношении к труду. Проведенный анализ распределения рангов ценностей по всей выборке позволил выявить психологическую закономерность: чем старше работники, тем меньше они боятся трудностей в своей деятельности и проявляют больше личной ответственности. Сотрудники старшего возраста имеют знания и опыт, которые полезны для повышения эффективности работы коллектива.

Подтверждением формирования ценностной направленности, не свойственной молодому возрасту, являются результаты диссертационного исследования Д.А. Парфеновой. Д.А. Парфенова экспериментально доказала, что современным молодым людям в возрасте 19–20 лет свойственна большая вариативность в выборе смыслов, ценностей. Многим из них свойственно мировоззрение более старшего возраста: например, осознание невозможности управлять собственной жизнью и жизнью вообще, а также снижение осмысленности жизни в целом [2, с. 27]. Можно предположить, что в мировоззрении пожилых людей также произошли изменения, что отражается в их ценностных ориентациях.

## ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Возрастная когорта 55–65 лет рассматривается в соответствии с действующим законодательством трудоспособной рабочей силой. Анализ демографических изменений рынка труда России позволяет сделать вывод о том, что эта возрастная группа может стать крупнейшей подгруппой рабочей силы в ближайшие 10–15 лет, что приведет к росту возрастного разнообразия на рабочем месте.

2. Выявленный механизм повышения личной ответственности, снижения страха перед трудностями в работе с увеличением возраста является поводом для использования трудовой активности “серебряного” поколения работников, обогащающим человеческий капитал предприятий.

3. Социальная активность работников старшей возрастной группы является основой участия людей этого возраста в общественных и социальных направлениях, повышая их интерес к принятию социально значимых решений на предприятии и в обществе в целом.

4. Обобщение собственного жизненного опыта, мудрое отношение к жизни и осознание ее конечности ведет к более активной жизненной позиции, повышению интереса к жизни в целом и к профессиональной деятельности как ее части, позитивно-му отношению с окружающими.

5. Ориентация работников старшего возраста на доверительные межличностные отношения в коллективе раскрывает возможности для формирования благоприятного психологического климата в трудовом коллективе, что может быть основой для формирования трудовых коллективов с высокой дифференциацией состава по возрасту и полу. Совершенствование системы трудоустройства и обучения трудоспособной группы старшего возраста поможет создавать разнообразие в трудовых коллективах по возрасту и полу с использованием ценности доверительных межличностных отношений “серебряного” поколения.

6. Структура ценностных ориентаций является основой для развития профессиональной активности в старшем возрасте.

7. Система ценностных ориентаций личности в возрасте 55–62 лет обеспечивает устойчивость и стабильность личности, в том числе ее профессиональную успешность.

Результаты проведенного исследования раскрывают положительные стороны увеличения продолжительности жизни населения и, как следствие, роста периода физической активности, а также повышения вовлеченности представителей старших поколений в трудовую активность. Ценностные

ориентации “серебряного” поколения являются основой социальной и профессиональной активности. Обращение к “серебряной” экономике неизбежно связано с использованием нераскрытого потенциала старшего поколения. Результаты исследования позволяют не только снизить демографические риски потери производительности, но даже выиграть от качеств, связанных с характеристиками сегодняшней рабочей силы. Предприятия должны перенести свое мышление с позиции “как мы можем уменьшить неэффективность человеческого капитала из-за демографических изменений” в сторону позиции “как мы можем максимально эффективно использовать богатейший людской ресурс, который предлагает современное население”.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никифоров Г.С., Дмитриева М.А., Снетков В.М.* Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб., 2003.
2. *Парфенова Д.А.* Структурно-уровневые характеристики ценностно-смысловой сферы личности в связи с особенностями интеллектуального развития в период ранней взрослости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015.
3. *Beckman C.M., Haunschild P.R.* Network learning: The effects of heterogeneity of partners' experience on corporate acquisitions // *Administrative Science Quarterly*. 2002. V. 47. № 1. P. 92–124.
4. *Blossfeld H.P., Hofaecker D., Buchholz S., Pollnerova S.* Late careers and retirement under globalization: Becoming retired in times of accelerating social change. Boston: American Sociological Association Annual Meeting, 2010.
5. *Burt R.S.* Bridge decay // *Social Networks*. 2002. V. 24. № 4. P. 333–363.
6. *Freeman R.B.* Labour market institutions without blinders: The debate over flexibility and labour market performance // *International Economic Journal*. 2005. V. 19. № 2. P. 129–145.
7. *Henseke G.* Demographic change and the economically active populations of OECD countries — Could older workers compensate for the decline? From Grey to Silver. *Managing the Demographic Change Successfully*. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. P. 29–46.
8. *Howell D., Baker D., Glyn A., Schmitt J.* Are protective labor market institutions at the root of unemployment? A critical review of the evidence // *Capitalism and Society*. 2007. V. 2. № 1. Art. 1.
9. *Moerikofer-Zwez S.* Demographic change — The role of the social context From Grey to Silver. *Managing the Demographic Change Successfully*. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. P. 69.
10. *Nickell S., Nunziata L., Ochel W.* Unemployment in the OECD since the 1960s. What do we know? // *The Economic Journal*. 2005. № 115. P. 1–27.
11. *Shore L.M., Chung-Herrera B.G., Dean M.A., Erhart K.H., Jung D.I., Randel A.E., Singh G.* Diversity in organizations: Where are we now and where are we going? // *Human Resource Management Review*. 2009. V. 19. № 2. P. 117–133.
12. *Van Knippenberg D.L., Schippers M.C.* Work group diversity // *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. P. 515–541.
13. *Von Rosenstiel L.* Grundlagen der Organisationspsychologie. Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 2000.
14. *Weil D.N.* Population growth, dependency, and consumption // *The American Economic Review*. 1999. V. 89. № 2. P. 251–255.
15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Демография. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/) (дата обращения: 25.12.2017).
16. Официальный сайт проекта “Возраст счастья”. URL: <http://theageofhappiness.com> (дата обращения: 26.11.2017).
17. Pew Research Center. Older Adults and Technology. April 2014. URL: <http://www.pewinternet.org/2014/04/03/older-adults-and-technology-use/> (дата обращения: 21.12.2019).

## POTENTIAL OF THE “SILVER” GENERATION OF MODERN RUSSIA

L. G. Desfontaines\*, E. V. Korchagina\*\*

*Graduate School of Service and Trade, Institute of Industrial Management,  
Economic and Trade, St. Petersburg Peter the Great Polytechnic University;  
195251, St. Petersburg, Polytechnicheskaya str., 29, Russia.*

*\*PhD (Psychology), Associate Professor of Graduate School of Service and Trade.*

*E-mail: lja2@yandex.ru*

*\*\*ScD (Economy), Professor of Graduate School of Service and Trade.*

*E-mail: elena.korchagina@mail.ru*

Received 26.03.2020

**Abstract.** An important feature of the economy of the future is the change of the labor market structure. This change is determined by demographic factors, the main of which should include a significant increase in the retirement age population. The study of problems and prospects for the development of the “silver” economy is one of the most important scientific tasks of our time. The purpose of research was to identify psychological reasons for involving older age cohorts in the labor market. The hypothesis of the study considered the “silver” generation as the potential of the modern economy. The main characteristics of social activity in the workplace are the value orientations of the older age cohort. The study involved 452 employees of enterprises in the Southern Urals: 256 of them (57%) aged 46–54 years; 177 people (39%) aged 55–62 years and 19 people over the age of 62 years (4%). The study evaluated two indicators: the system of value orientations and social activity in these age groups. Social activity was estimated by the experts (the line managers of the divisions). A questionnaire on the value and attractiveness of work was chosen to study value orientations. The results showed connection between indicators of social activity and values: creative, interesting work (1% level of significance); active life position (5% level of significance); responsibility development (5% level of significance). The largest number of connections are formed by value orientations among themselves in the age group of 55–62 years — 8 connections. The number of connections in the structure of values allows us to determine the leading role of value orientations in the formation of life position at the age of 55–62 years. The results of the study reveal the positive aspects of the involvement of older generations in labor activity. Turning to the “silver” economy is associated with the use of the undisclosed potential of the older generation, which will not only reduce the demographic risks of loss of productivity, but even benefit from the qualities associated with the characteristics of the “silver” generation.

**Keywords:** labor market, “silver” economy, value orientations, social activity, demographic factors, “silver” generation.

## REFERENCES

1. Nikiforov G.S., Dmitrieva M.A., Snetkov V.M. Practical course on psychology of management and professional activity. Saint Petersburg, 2003. (In Russian)
2. Parfenova D.A. Structural-level characteristics of the value-semantic sphere of personality in connection with the features of intellectual development in the period of early adulthood. The abstract of dissertation. Saint Petersburg, 2015. (In Russian)
3. Beckman C.M., Haunschild P.R. Network learning: The effects of heterogeneity of partners' experience on corporate acquisitions. *Administrative Science Quarterly*. 2002. V. 47. № 1. P. 92–124.
4. Blossfeld H.P., Hofaecker D., Buchholz S., Pollnerova S. Late careers and retirement under globalization: Becoming retired in times of accelerating social change. Boston: American Sociological Association Annual Meeting, 2010.
5. Burt R.S. Bridge decay. *Social Networks*. 2002. V. 24. № 4. P. 333–363.
6. Freeman R.B. Labour market institutions without blinders: The debate over flexibility and labour market performance. *International Economic Journal*. 2005. V. 19. № 2. P. 129–145.
7. Henseke G. Demographic change and the economically active populations of OECD countries — Could older workers compensate for the decline? From Grey to Silver. *Managing the Demographic Change Successfully*. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. P. 29–46.
8. Howell D., Baker D., Glyn A., Schmitt J. Are protective labor market institutions at the root of unemployment? A critical review of the evidence. *Capitalism and Society*. 2007. V. 2. № 1. Art. 1.
9. Moerikofer-Zwez S. Demographic change — The role of the social context from Grey to Silver. *Managing the*



- Demographic Change Successfully. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. P. 69.
10. *Nickell S., Nunziata L., Ochel W.* Unemployment in the OECD since the 1960s. What do we know? *The Economic Journal*. 2005. № 115. P. 1–27.
  11. *Shore L.M., Chung-Herrera B.G., Dean M.A., Erhart K.H., Jung D.I., Randel A.E., Singh G.* Diversity in organizations: Where are we now and where are we going? *Human Resource Management Review*. 2009. V. 19. № 2. P. 117–133.
  12. *Van Knippenberg D.L., Schippers M.C.* Work group diversity. *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. P. 515–541.
  13. *Von Rosenstiel L.* Grundlagen der Organisationspsychologie. Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 2000.
  14. *Weil D.N.* Population growth, dependency, and consumption. *The American Economic Review*. 1999. V. 89. № 2. P. 251–255.
  15. Official website of the Federal state statistics service. Demography. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/) (date of access: 25.12.2017).
  16. Official website of the project “Age of happiness”. URL: <http://theageofhappiness.com> (date of access: 26.11.2017).
  17. Pew Research Center. Older Adults and Technology. April 2014. URL: <http://www.pewinternet.org/2014/04/03/older-adults-and-technology-use/> (date of access: 21.12.2019).

---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

---

**БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ СОСНОВСКОМУ — 80 ЛЕТ**



17 мая 2021 г. исполнилось 80 лет Борису Алексеевичу Сосновскому, доктору психологических наук (1992), профессору (1993), академику международной академии информатизации ООН (1993), специалисту в области общей и педагогической психологии, психологии личности (докторская диссертация “Мотивационно-смысловые образования в психологической структуре личности”), психологии труда (кандидатская диссертация “Функциональные компоненты сенсомоторного навыка и их статистические оценки”) и инженерной психологии, организатору науки и психолого-педагогического образования.

По первому образованию Борис Алексеевич — судомеханик. В 1960 г. отработал навигацию на Волге (ледокол-буксир “Двина”), после работал конструктором в ЦПКБ МРФ СССР.

В 1970 г. закончил с отличием факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Среди его учителей — весь свет советской психологии — А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин и многие другие.

На протяжении пяти лет служил в аппарате управления Министерства судостроительной промышленности СССР, затем в течение пяти лет руководил группой инженерной психологии Центрального морского научно-исследовательского института “Агат” того же министерства, принимая участие в проектировании, экспертизе и создании ряда автоматизированных систем управления по заказам военно-морского флота.

С 1972 г. занимался преподавательской деятельностью в вузах Москвы. Прошел путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой, профессора.

В 1982–1984 гг. по командировке Министерства просвещения СССР работал в Афганистане, участвуя в создании и организации работы Кабульского педагогического института. Для афганских студентов им был написан и издан учебник по общей психологии (1987).

С 1991 по 2006 г. Борис Алексеевич возглавлял общеуниверситетскую кафедру психологии в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) — головном вузе отрасли. Являлся председателем Учебно-методического совета по психологии, членом Президиума Учебно-методического объединения педагогических учебных заведений, держателем научных грантов по педагогической психологии Министерства образования РФ, разработчиком Государственных образовательных стандартов по психологии. Организовал и работал директором в НИИ дидактики и психологии высшего образования при МПГУ, где руководил разработкой многих исследовательских и издательских программ Министерства образования РФ и Российской академии образования. Б.А. Сосновский работал в составе экспертного совета по психологии РГНФ, был членом ряда научных и координационных советов по психологии, членом трех диссертационных советов. Много работал по содействию в других вузах Москвы и России

(профессор, зав. кафедрой, декан). В течение 10 лет — заместитель председателя докторского Диссертационного совета по психологии при МПГУ, член Экспертного совета ВАК РФ по психологии и педагогике. На протяжении многих лет является экспертом РНФ и РФФИ по психологии.

Под руководством Б.А. Сосновского защищено 24 кандидатских и 3 докторских диссертации по психологии.

В списке научно-методических публикаций более 200 наименований, среди которых “Лабораторный практикум по общей психологии”, “Общая психология” (на языке дари); тематические сборники научных статей: “Психология человека в условиях социальной нестабильности”, “Психологические аспекты социальной нестабильности”, “О психологии ученого и педагога современной России”; научная монография “Мотив и смысл”; учебник для педагогических вузов под ред. Б.А. Сосновского “Психология”, пять глав в учебнике “Общая психология и психология личности” под ред. А.А. Реана. В 2021 г. готовится к печати учебник-монография Б.А. Сосновского “Психология руководителя: потребностно-смысловые аспекты”.

Борис Алексеевич награжден медалью “В память 850-летия Москвы” (1997) и медалью К.Д. Ушин-

ского (2006), его рабочий стаж — 60 лет, стаж работы в профессии — 50 лет, он является Ветераном труда.

С 2006 по 2019 г. Борис Алексеевич проживал в Барнауле и работал в Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова, заведовал кафедрой коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий. Разрабатывал проблемы потребностно-смыслового подхода к изучению человеческой психики. В 2012–2015 гг. осуществлял руководство научным проектом РГНФ, был исполнителем двух других проектов РГНФ.

С августа 2019 г. живет в Екатеринбурге, является профессором кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, ведет научную и педагогическую деятельность.

Ученики, коллеги, все научно-психологическое сообщество искренне поздравляют Бориса Алексеевича с юбилеем и желают ему плодотворной научной деятельности, реализации творческих замыслов, крепкого здоровья, а также пытливых и думающих учеников. Рядом с Сосновским невозможно не думать о Живой (как он часто говорит) человеческой психике и личности (Душе).

---

---

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL  
PROBLEMS IN PSYCHOLOGY

---

---

UDC 159.9:001.8

THE INCEPTION OF THE SYSTEMIC APPROACH  
AT THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE U.S.S.R. ACADEMY  
OF SCIENCES IN 1972–1973<sup>1</sup>

© 2021 g. V. I. Belopolsky\*, A. L. Zhuravlev\*\*, A. A. Kostigrin\*\*\*

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Federal Publicly  
Funded Institution of Science (FGBUN)*

*129366, Moscow, Yaroslavskaia str. 13, bld. 1, Russia*

*\*Doctor of Psychology, Principal Researcher of the Laboratory  
of the History of Psychology and Historical Psychology*

*E-mail: vbelop@mail.ru*

*\*\*Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Officer of the Institute  
of Psychology of the Russian Academy of Sciences FGBUN*

*E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

*\*\*\*Candidate of Psychological Sciences, Research Associate,  
Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology.*

*E-mail: artdzen@gmail.com*

Submitted 05.05.2020

**Abstract.** The process of inception and conceptualization of systemic approach at the Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the U.S.S.R. in 1972–1973 is considered. Archival documents, such as transcripts of meetings of the Institute of Psychology and reports on research activities of the laboratories, are analyzed. The role of scientific discussions on interdisciplinarity and complexity of research in formulating the provisions of the systemic approach is shown. The article provides information on previously unknown preparatory materials and the text of B.F. Lomov's 1973 scientific report, in which he first formulated the principles of systemic approach in psychology.

**Keywords:** history of Soviet psychology, systemic approach, scientific discussion, Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences, B.F. Lomov, archival documents.

DOI: 10.31857/S020595920015568-0

The establishment in 1971–1972 of the Institute of Psychology within the structure of the U.S.S.R. Academy of Sciences was an important milestone in the history of national psychology. Leading scientists of the Soviet Union, both psychologists and representatives of other fields of knowledge, took part in its creation. The role of psychology as a special science, which studies regularities of human emotions and feelings, activity and actions, was recognized at the highest levels of the country's leadership and in the academic environment. The Institute was created, first of all, as a research center, aimed at working out fundamental

questions of psychology and solving theoretical and methodological problems of psychological science. Its other statutory tasks were to coordinate works on general, social, engineering psychology, labor psychology, special applied problems of this science and psychophysiology, as well as to participate in the complex study of problems of philosophy, specific social research, physiology of human higher nervous activity, physiology of human adaptation, theory of control processes that were marginal for psychology (a detailed description of the early history of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences is contained in our other work [13]).

In order to solve such problems, one definitely needs a certain organizing idea, a principle underlying both the organizational and personnel policy for the staffing of the Institute and the research work of its

---

<sup>1</sup> This article is a translation of: Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 1. P. 36–45. DOI: 10.31857/S020595920013325-3.



subdivisions. The search for, formulation, and concrete implementation of such a principle began as early as the stage of discussing the program of the future academic center and continued after its creation. Such methodological principle was the systemic approach, whose basic provisions with psychological applications were first conceptualized by B.F. Lomov in his 1973 report [29] and then in an expanded and perfected version in 1975 [27; 28].

In this paper we address the issue of the inception of the systemic approach at the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences in the early years of its activity. The systemic view of the processes occurring in nature, society, and man became popular in the 1960s under the influence of the works by L. von Bertalanffy and N. Wiener. In the U.S.S.R. the systemic methodology in the field of philosophy of science was developed by researchers such as I.V. Blauberg and E.G. Yudin [15], M.S. Kagan [21], V.P. Kuzmin [25], V.N. Sadovsky [34], V.S. Tyukhtin [35], A.I. Uyemov [36], and others. The principles of systemic control in biology are the basis of the theories of N.A. Bernstein [14] and P.K. Anokhin [2]. In psychology, the ideas of consistency, integrity, and integrativity were considered in the works by B.G. Ananyev [1], A.N. Leontiev [26], A.R. Luria [32], K.K. Platonov [33], and others, but the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences became the very research center where the provisions of the systemic approach were initially laid down in the work program and applied in various fields of psychology. The development of the systemic approach took place in the following ways: 1) in scientific communication and discussions about the complexity and interdisciplinarity of psychological research at various events of the Institute of Psychology; 2) in the formulation of research tasks by the staff of the Institute's laboratories. We will consider these directions using archival materials: transcripts of the first Academic Council of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences in 1972; reports on research activities of the Institute in 1972–1973; manuscripts from the research fund of B.F. Lomov. It is noted in the scientific literature that B.F. Lomov proposed the systemic approach only in 1975 [12; 18; 19; 24], but the materials we have discovered reveal new facts about the earlier development of systemic ideas at the Institute of Psychology. It should be emphasized that studying the archives is important not only for understanding local historical and scientific events (formation of scientific directions and schools at the Institute), but also for analyzing the history of domestic psychology in a broad sense, searching for the origins and factors of the systemic approach formation [20; 23].

# DISCUSSIONS ON THE PROBLEMS OF COMPLEXITY AND INTERDISCIPLINARITY IN PSYCHOLOGY AT THE SESSIONS OF THE ACADEMIC COUNCIL OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE U.S.S.R. ACADEMY OF SCIENCES IN 1972

At the very beginning of the Institute's functioning, scientific communication was carried out at seminars, which acquired the status of all-Union seminars. In 1972, seminars *Major Problems of Psychology* (headed, at first, by V.D. Nebylitsyn, then by B.F. Lomov), *Methodological Problems of Social Psychology* (headed by Ye.V. Shorokhova), *Philosophical Problems of Psychology* (headed by L.I. Antsyferova), and *Methodological Problems of Psychology and Cybernetics* (headed by O.K. Tikhomirov) were organized. In 1973, the Institute held a seminar on *Psychology and Technical Progress* (supervised by V.F. Rubakhin). Interaction with various researchers was ensured by conferences: *Social-Psychological Problems of Ethnic and National Peculiarities of Mental Phenomena* (1972) and *Motor Components of Vision* (1973).

However, special attention should be paid to a special body of the Institute of Psychology — the Academic Council. The issue of the creation of the Academic Council was specifically raised by the Presidium of the U.S.S.R. Academy of Sciences when discussing and approving Decree # 1079 of December 16, 1971, *On the Establishment of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences* [5, sheet 119–120]. In 1972–1973 the first members of the Academic Council were: B.F. Lomov (Chairman), V.D. Nebylitsyn (Deputy Chairman), Ye.V. Shorokhova (Deputy Chairman), R.L. Gasanova (Executive Secretary), P.K. Anokhin, A.I. Berg, A.V. Zaporozhets, V.P. Zinchenko, V.Yu. Krylov, A.N. Leontiev, M.N. Livanov, A.R. Luria, N.S. Mansurov, B.D. Parygin, B.F. Porshnev, V.A. Popov, K.K. Platonov, A.R. Ratinov, A.A. Smirnov, A.G. Spirkin, O.K. Tikhomirov, V.F. Rubakhin, V.I. Sevastyanov, P.K. Isakov, V.S. Rusinov, M.G. Yaroshevsky [6, sheet 29–30; 8, sheet 158]. Without exaggeration we can say that it was an academic team of outstanding composition and representation.

The functions of the Academic Council were, first of all, to solve organizational problems of the Institute of Psychology activity (approval of plans and reports of research work, discussion of publication activity of associates, approval of topics of dissertations, etc.); however, in the early years, at its meetings there were often scientific discussions of particular interest for the history

of psychology. They did not begin immediately, but there was a need for members of the Academic Council to express their opinions in scientific speeches, and this spirit was picked up by B.F. Lomov. In the fall 1972, he said: "*I think that next meetings of the Academic Council should be devoted to the consideration of specific problems developed at the Institute*" [8, sheet 157]. The first special report was held in 1973 (A.N. Leontiev), however, scientific problems were also raised at previous sessions when plans of the Institute's research work for 1972–1973 were discussed. These scientific discussions are crucial for understanding the choice of research directions for the Institute, since it was in these discussions that the idea of consistency in psychology, which became decisive not only for the Institute's activity, but also for the entire Soviet psychology, was crystallized.

At the first session of the Academic Council of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences (June 29, 1972) a rather meaningful discussion took place around the first Scientific Research Plan for 1972. Members of the Council expressed great concern over the proposed directions of psychological research since they should have reflected both a great potential of the Institute and be feasible for its small staff at that time. However, B.F. Lomov also set wide-ranging tasks for the future: "*...we face the necessity of systemic research of the modern psychology condition, its development trends, its place in the general system of scientific knowledge due to the increased role of the human factor; on the basis of this research, we have to elaborate a prospective program of psychology development*" [Ibid., sheet 6].

P.K. Anokhin suggested to consider this idea as a fundamental principle of the whole activity of the Institute: "*...the Institute of Psychology is in a happy position. It is not an institute of physiology, where it is a question of digestion. Here it is the psyche, its peculiarities and possibilities of controlling its peculiarities. This raises no less important a question than the fulfillment of the plan of research work. Complexity. This is the only principle, it seems to me, that should dominate the work of the institute as a whole, and it will ensure success. Now, no direction of psychology study, no direction of mental activity study cannot be independent, because the psyche unites all*" [Ibid., sheet 32].

A.R. Luria, in turn, saw this as a model for organizing specific departments and laboratories: "*The Institute, in my deep conviction, will benefit greatly when the initial fundamental points of individual areas of work are defined and when the content of the work of one department is used as a method for the work of another department. The problem of personality or the problem of cognitive processes can be addressed from different angles, but the Institute will only benefit if each of these problems is addressed comprehensively. Neuropsychology is not only*

*an applied section, but also a method for solving general problems. For example, the factors that underlie cognitive processes can be singled out; the problem of decision-making would benefit greatly if this problem were approached using the methods of neuropsychology. In framing this plan, the possibility of such integrated departmental work should have been considered. This requires more thorough work, and conceptually important provisions, such as the provision on the role of activity structure in the study of psychological processes, should have been highlighted*" [Ibid., sheet 28–29].

Such a construction of the Institute's research work seemed to be cardinally new for psychological science: "*...the idea was that this Institute of Psychology should be built on an original concept and not tag along behind thousands of other institutes of psychology*" (P.K. Anokhin) [Ibid., sheet 34]. In 1972, the idea of psychology's "integration", comprehensiveness sounded rather confidently and promisingly, also among representatives of related disciplines.

At another meeting of the Academic Council in October 1972, the Institute's work plan for 1973–1975 was discussed [7; 8]. B.F. Lomov set a goal to carry out a special study of theoretical and methodological problems of psychology and to elaborate a development program of psychological science as a whole (this task was pointed out specifically in the correspondence of the U.S.S.R. Academy of Sciences Presidium and the CPSU Central Committee in August–September 1971 [4]) and in Decree # 1079 of the U.S.S.R. Academy of Sciences Presidium of December, 16, 1971 [5]). B.F. Lomov says: "*What is meant here is work in the field of analysis of psychology and its place, role, and functions in the system of modern scientific knowledge. Then there is the study of the main trends in the development of world scientific psychology. [...] It is then planned to work out methodological problems of psychology. We mean to organize, in different departments, the development of interfacing problems and the elucidation of the prospects for joint developments. A cycle of studies is being prepared, aimed at elucidating relations, interrelation of psychology with other sciences: psychology and biology, psychology and sociology, psychology and philosophy, psychology and technology, psychology and space exploration*" [8, sheet 95].

B.F. Lomov outlines the *interdisciplinary links* between psychology and other sciences; he also discusses the elements of a systemic study of the psyche. During the discussion of these issues, A.A. Smirnov also points to the need to study the relationship between psychology and pedagogy, psychology and medicine, psychology and cybernetics [Ibid., sheet 105]. O.K. Tikhomirov also speaks about the latter: "*Both in world psychology and in Russian psychology, sometimes psychological laws are substituted by cybernetic ones*" [Ibid., sheet 117].

Finally, Ye.V. Shorokhova concludes: *"In our subsequent work to improve our plan, we must move to another level and highlight several difficult problems that would form the core of the work of the entire institute and determine the image of our institute as a theoretical institution of the Academy of Sciences"* [*Ibid.*, sheet 135.]

The members of the Academic Council expressed their proposals for specific interdisciplinary problems and research. For example, A.V. Zaporozhets noted that it is necessary to give the research conducted at the Institute of Psychology *"a more complex physiological-psychological character and to connect these studies more closely than has been the case up to now. For example, questions of foresight, anticipation, prediction in the sense of foreknowledge. Apparently, there is a very large variety of forms of these phenomena, and it is necessary to describe them simultaneously in psychological and physiological terms"* [*Ibid.*, sheet 103]. Joining this idea, O.K. Tikhomirov sees a fundamental connection between psychological and physiological processes: *"...if processes evolve, it is connected with general psychology, and specific connections with neuropsychological processes must be established"* [*Ibid.*, sheet 117–118].

Many participants in the discussion talked about promising problems at the junction of psychological disciplines. A.A. Smirnov suggests introducing the problem of cognitive processes into engineering psychology, namely, psychology of sensory systems and visual perception in engineering activity and engineering conditions [*Ibid.*, sheet 108]. A.N. Leontiev notes the necessity of combining the psychology of personality and social psychology as part of the issue of personality-collective relations [*Ibid.*, sheet 110]. B.F. Porshnev considers the possibility of studying macrogroups as an interdisciplinary problem and substantiates the use of experimental methods and modeling techniques for this purpose [*Ibid.*, sheet 115]. Regarding applied psychology, P.K. Isakov considers the research topics of the laboratory of special applied problems and suggests combining the study of work capacity and the study of spatial orientation within a single study of psychological aspects of work capacity under various spatial orientation conditions [*Ibid.*, sheet 131–132].

P.K. Anokhin shows the interdisciplinarity of psychological research on the example of the problem of decision-making. In the plan of the Institute of Psychology for 1973–1975 this direction was included in the list of research tasks of the Laboratory of Labor Automation Problems (topic leader: O.K. Tikhomirov, executors: E.D. Telegina, V.A. Terekhov), the Laboratory of Mathematical Models of Behavior (topic leader: V. Yu. Krylov, executors: G. Ye. Zhuravlev and the Institute of Cybernetics of the Georgian SSR), and the Laboratory of Neurophysiology (V.B. Shvyrvkov,

supervisor: P.K. Anokhin, executors: D.G. Shevchenko and Yu.I. Alexandrov), the Laboratory of Differential Psychophysiology (supervisor: V.D. Nebylitsyn, executor: V.M. Rusalov) and the Laboratory of Philosophical Problems of Psychology in the Framework of Motivation Analysis (supervisor: Ye.V. Shorokhova) [9, sheet 10, 12]. Decision-making is a complex problem that organizes a functional system. P.K. Anokhin notes: *"...decision making — it goes on everywhere, with us neurophysiologists, with theoretical psychologists, it goes on in practitioners as well. Decision-making is a universal property of human thinking. Without decision-making, there are no consequences of the rational order. Intelligence, motivation — motivation is necessarily present. This is the basis for us all to build on this common pivot, which is necessarily part of the architecture of the psyche. There is no architecture of the psyche without motivational processes"* [8, sheet 121].

Concluding the discussion on the research plans of the laboratories, B.F. Lomov notes that many fundamental problems of psychology (the problem of activity, the problem of anticipation and decision-making, the problem of the ratio of biological and social in the human psyche) should become central to scientific research in the Institute of Psychology [7, sheet 37; 8, sheet 149]. These are *"... key problems that require comprehensive development and integrate all the units of the institute"*. [7, sheet 5].

Thus, the scientific discussions held on the problems of multi-method researches in psychology, as well as the integration of studies of the various fields of psychology show the demand for and relevance of the emergence of systemic ideas. In our opinion, such a lively and timely discussion of these theoretical and methodological issues as illustrated by specific research subjects contributed to the practical implementation of the principles of comprehensiveness and consistency in the works of the Institute of Psychology, which was reflected in the reports on research activities for 1972–1973.

It is also important to mention the meeting of the Institute's Academic Council on March 7, 1973, which discussed A.N. Leontiev's articles on methodological problems of psychology published in the journal *Voprosy Filosofii* [Problems of philosophy]. In his introductory speech A.N. Leontiev gave his theses for the necessity of a systemic approach in psychology: *"It seems to me that all science does not deal with things, and sciences differ from each other not by differences in subject matter <...>. Returning to the old truths: it is not about things, nor about aspects or points of view <...>, but about what philosophers call the form of motion. Thus, the motion of matter, behind which, according to Engels, there is nothing, is always a motion that occurs by force, a motion in created forms. Consequently, what is needed is neither structural*



*nor structural-systemic analysis, but rather a systems analysis in the Marxist dialectical sense of the word, that is, a research that should be aimed at studying the transformation of the form of motion*" [11, sheet 14].

# DEVELOPMENT OF A SYSTEMIC APPROACH IN THE FRAMEWORK OF RESEARCH ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY STAFF OF THE U.S.S.R. ACADEMY OF SCIENCES IN 1972–1973

The results of the discussion of theoretical and methodological problems of psychology appeared already in the first report of the Institute of Psychology on research activities in 1972. Based on the dialectical-materialistic methodology, all fundamental questions of psychology *"...should be considered in their interconnection and interdependence. This is revealed by the reflective-regulatory theory of the psyche, according to which the psyche is the reflective function of the brain, which regulates the behavior of the individual"* [7, sheet 8].

At the same time, the staff of the Institute approached the idea of systematicity through studies of specific problems of psychology. Thus, L.I. Antsyferova spoke of personality as a system even before she started working at the Institute of Psychology [3]. In the early 1970s, Ye.V. Shorokhova offered a structural study of personality and its components, she revealed *"...the characteristics of Marxist positions in the question of the essence of a person, which constitute the basis for understanding personality in psychology, examined the categorical apparatus of psychological study of personality, correlated the concept of a person, an individual and a personality, <...> considered the possibility of a structural approach to personality"* [7, sheet 45].

K.K. Platonov developed a system-structural analysis of psychological phenomena, in which integrity, elements, levels and connections within the system are defined, as well as the concept of a dynamic functional structure of personality, which includes substructures of orientation, experience, forms of reflection (individual features of mental processes) and biological features [33].

Under the guidance of B.F. Lomov, the functions and mechanisms of the oculomotor system in connection with the processes of visual perception and recognition were studied in the laboratory of perceptual processes. The concept of the visual system as a tracking device was put forward, which gives the process of visual perception the character of a functional system [7, sheet 10]. The problem of mathematical modeling of mental processes and activities was considered by the staff of

the laboratory of mathematical models of human behavior (work under the direction of V. Yu. Krylov). They developed a computer program implementing a self-organizing system with a two-level structure of perceptual and executive spheres [*Ibid.*, sheet 49]. The team of the laboratory of neurophysiological foundations of learning under the leadership of V.B. Shvyrkov and under the active scientific supervision of P.K. Anokhin studied the role of neural activity in the functional system of the behavioral act using decision-making processes as an example [*Ibid.*, sheet 53].

All of this demonstrates a general attitude toward conducting systemic research at the Institute of Psychology, but the systemic approach did not take shape conceptually until the following year.

In 1973, the term "systemic approach" was used in an official document, that is the second report on research work of the Institute of Psychology. This approach stemmed from the need for a comprehensive study of man, in which *"... psychology is now called upon to act as the main link"* [10, sheet 4]. *«The problem of human has already been defined in science as integrated. Human is studied both as a product of biological evolution, and as a subject of the historical process, and as the main element of the productive forces of society, and as a carrier of production relations. Human is included in many systems of reality, and his life proceeds as a multisystem process. Psychology in its specific approach to the study of human as a subject of labor, cognition, and communication is at the "intersection" of many sciences and is designed to synthesize the data accumulated on human in the social, natural, technical sciences»* [*Ibid.*, sheet 5]. This position leads to the emergence of systematicity in psychology: *«...now conditions are ripe for the actual and consistent implementation of the systemic approach* (emphasis in the original) *in psychology. The most important task in this respect is to systematize the data accumulated in different fields of psychological science in order to reveal internal connections between them and to develop transitional concepts, or "conceptual bridges" between different fields»* [*Ibid.*, sheet 5–6].

And here for the first time the provisions of the systemic approach for psychology are formulated [*Ibid.*, sheet 6]:

- mental phenomena cannot be considered in any one system of coordinates as mental phenomena are multidimensional;

- the system of mental phenomena is multidimensional; the condition of revealing connections between different levels in each specific case is the determination of a systemically important factor;



— when describing a person's mental properties, it is necessary to take into account the polysystemic nature of his or her existence;

— one of the basic principles of psychological research is the principle of development, which implies the mandatory study of mental phenomena in dynamics.

Thus, systemicity is achieved by recognizing the psyche as a "*polysystemic, multilevel, multidimensional object in constant development*" [*Ibid.*, sheet 6].

One of the first problems that began to be studied at the Institute of Psychology from the position of the systemic approach was the problem of decision-making (under the guidance of P.K. Anokhin and V.F. Rubakhin). The system of decision-making includes the following aspects: logico-psychological, associated with the dissection and reformulation of tasks into subtasks; neurophysiological, associated with the implementation of a system of neurophysiological mechanisms; operational, associated with the choice and use of a system of operations for informational preparation of decisions, as well as with the construction and testing of hypotheses within a task; functional-dynamic, connected with the realization of a complex of internal psychological mechanisms (logical, heuristic-seeking, probabilistic etc.); personal, associated with the influence of motivation-attitudinal and emotional-volitional personality spheres on the course of information processes; "formalized", associated with the quantitative score of information processing and decision-making and the construction of formal models of the procedures in question. "...*such a complex human activity, which is the decision-making procedure, can be understood only in case of application of the integrated and systemic approaches in research of this phenomenon, when comparing the results of the analysis of the decision-making process from the standpoint of psychology, cybernetics, physiology, mathematics, etc.*" [*Ibid.*, sheet 9–10].

Ye.V. Shorokhova denotes her approach to the study and analysis of mental phenomena of personality as a system-structural one: personality is understood not as a set of individual mental processes, properties, states, but as a certain holistic formation that includes separate elements united by certain links [*Ibid.*, sheet 60; 37, p. 30]. Within the framework of the problems of labor psychology and engineering psychology, the development of the systemic approach, the selection of "functional-target criteria" for the classification of directions and problems in this field and the conduct of "system-structural research" were also carried out [10, sheet 63–64].

The team of the laboratory of neurophysiological foundations of learning headed by V.B. Shvyrykov was

engaged in "... *a systems analysis of brain functions as the neurophysiological basis of complex forms of behavior*" [*Ibid.*, sheet 24] on the basis of P.K. Anokhin's theory of functional systems. In studies the task was to reveal mechanisms of organization of the behavioral reaction, in particular the role of the process of anticipation in the formation of a separate behavioral act and in behavior consisting of sequentially committed actions. The "different systemic importance" of the same groups of neurons in different phases of the evoked potential ("systemic process") was shown [*Ibid.*, sheet 25]. The laboratory of differential psychophysiology led by V.M. Rusalov developed methodological principles for analyzing the basic properties of the central nervous system based on a systemic (functional-system) approach, in which the particular characteristics of sensory processes can be used as indicators of general properties of the nervous system.

## CONCLUSION

The found archival materials relating to the first years of the activity of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences make a significant contribution to understanding the formation of psychology in the 1970s, reveal new historical and psychological facts and provide details of scientific research, scientific-organizational and scientific communication processes in science.

The analysis shows that one of the centers of the systemic approach development in the early 1970s was the Institute of Psychology, which attracted many prominent psychologists of the time. It should be noted that, in addition to the research itself, an important factor in the formation of the systemic approach was the scientific discussions that took place at the meetings of the Academic Council of the Institute, i.e. scientific communication guided the theoretical and methodological thought [22; 38].

In 1973, B.F. Lomov read a planar report at the 2nd Prague conference *The Psychology of Human Learning and Problem Solving* [29]. The topic of his report was *On the Systemic Approach in Psychology*. In this report, for the first time, he publicly formulated the main guidelines and principles of the systemic approach and set a high standard for research conducted at the Institute of Psychology that he led. Apparently, this speech should be considered the birth date of the new scientific school headed by B.F. Lomov.

Thus, systemic ideas, which were still being formed conceptually, began to penetrate into many fields of psychology and into the methodology of research of various psychological problems being solved by the staff of

the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences. The principles of systemicity, formulated by B.F. Lomov and other staff members of the Institute of Psychology expanded the research field of psychology, allowed to significantly advance the understanding of many mental phenomena (processes, states, and properties) and to discover new phenomena, which are at the junction of both individual psychological directions and different sciences [12; 17; 30; 31].

## ACKNOWLEDGEMENTS

We express our sincere gratitude to Alexander Rabotkevich, Director of the Archive of the Russian Academy of Sciences, and Mikhail Kiselev, Head of the Records Management and Preservation Department of the Russian Academy of Sciences, for their invaluable help in finding and providing access to the archive materials related to the history of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

## REFERENCES

1. Ananyev B.G., *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge]. Leningrad University Publishing House, Leningrad, 1968.
2. Anokhin P.K., *Sistemniy analiz integrativnoy deyatel'nosti neyrona* [Systemic analysis of the integrative activity of a neuron], *Uspekhi fiziologicheskikh nauk* [Advances in physiological sciences], V. 5. # 2, 1974, pp. 5–92.
3. Antsyferova L.I., *Psikhologiya lichnosti kak otkrytoi sistemy* [Psychology of personality as an open system], *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], # 5, 1970, P. 168–178.
4. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences (The RAS Archive)]. Folio 2, List 1 (1971), Folder 7.
5. The RAS Archive, Folio 2, List 6, Folder 957.
6. The RAS Archive, Folio 1844, List 1, Folder 111.
7. The RAS Archive, Folio 2097, List 1, Folder 2
8. The RAS Archive, Folio 2097, List 1, Folder 3.
9. The RAS Archive, Folio 2097, List 1, Folder 5.
10. The RAS Archive, Folio 2097, List 1, Folder 6.
11. The RAS Archive, Folio 2097, List 1, Folder 9.
12. Barabanshchikov V.A., Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., *Sistemnoye issledovaniye psikhicheskogo v rabotakh B.F. Lomova* [Systemic study of the mental in the works of B.F. Lomov], *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2007, Vol. 28, # 3, pp. 5–13.
13. Belopolsky V.I., Zhuravlev A.L., Kostigin A.A., *Istoriya organizatsiy i nachalo deyatel'nosti Instituta psikhologii AN SSSR v dokumentakh i vospominaniyakh sovremennikov* [The history of the organization and emergence of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences in the documents and memoirs of contemporaries]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2020, Vol. 41, # 5, pp. 97–107.
14. Bernshtein N.A., *Fiziologiya dvizheniya i aktivnost'* [Physiology of motion and activity] / Ed.: O.G. Gazenko. Nauka Publishers, Moscow, 1990.
15. Blauberger I.V., Yudin Ye.G. *Stanovleniye i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of the systemic approach]. Nauka Publishers, Moscow, 1973.
16. Vygotskiy L.S. *Izbranniye psikhologicheskiye issledovaniya* [Selected Psychological Studies]. Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, Moscow, 1956.
17. *Vydayushchiyesya uchoniye Instituta psikhologii RAN: Biograficheskiye ocherki* [Outstanding Scientists of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences: Biographical Sketches]. Comp.: A.L. Zhuravlev, V.I. Belopol'skiy. Institut Psikhologii RAN [RAS Institute of Psychology Publishing house], Moscow, 2020.
18. Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., *Boris Fyodorovich Lomov — uchoniye, rukovoditel', chelovek (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya). Razvitiye psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsiyi, posvyashchennoy 40-letiyu Instituta psikhologii i 85-letiyu yego osnovatelya B.F. Lomova: v 2 chastyakh. Chast' 1* [Boris Fedorovich Lomov, scientist, leader, person (to the 85th anniversary of his birth). Development of psychology in the system of comprehensive human knowledge: Materials of the All-Russian Scientific conference dedicated to the 40th anniversary of the Institute of Psychology and the 85th anniversary of its founder B.F. Lomov: In 2 parts. Part 1]. Ed.-in-chief: A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. Institut psikhologii RAN Publishers, Moscow, 2012, pp. 11–15.
19. Zuyev K.B., *Teoreticheskiye i filosofskkiye osobennosti nauchnoy deyatel'nosti Instituta psikhologii AN S.S.S.R. na etape stanovleniya (po arkhivnym materialam)* [Theoretical and philosophical features of the scientific activity of the Institute of Psychology of the U.S.S.R. Academy of Sciences at the stage of formation (based on archival materials)]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture], 2018, # 2 (6), pp. 44–53.
20. Ivanova T.A., *Istoriya i sovremennoye sostoyaniye sistemnogo podkhoda v otechestvennoy psikhologii* [History and current state of the systemic approach in Russian psychology]: *Dis. ... kand. psikhol. nauk* [Thesis for a Candidate Degree in Psychological Sciences], Perm', 2005.
21. Kagan M.S., *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza)* [Human Activity (Experience in Systems Analysis)]. Politizdat Publishers, Moscow, 1974.
22. Kol'tsova V.A., *Nauchnaya diskussiya kak predmet sistemnogo issledovaniya* [Scientific discussion as a subject of systemic research], *Sovremennaya psikhologiya: sostoyaniye i perspektivy. Tezisy dokladov na yubileinoy nauchnoy*

- konferentsiyi Instituta psikhologii RAN, 28–29 yanvarya 2002 g. V 2 t.* [Modern psychology: state and prospects. Abstracts of reports at the jubilee academic conference of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, January 28–29], Vol 1. Ed.-in-chief: A.V. Brushlinsky, A.L. Zhuravlev. *Institut psikhologii RAN* Publishing house, Moscow, 2002, pp. 45–48.
23. Kol'tsova V.A., *Sistemniy podkhod i razrabotka problem istoriyi otechestvennoy psikhologicheskoy nauki* [A Systems Approach and the Development of Problems in the History of Domestic Psychological Science]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, V. 23, # 2, p. 14–16.
  24. Kol'tsova V.A., Zhuravlev A.L., B.F. Lomov — *novator i pervopromyshlennyy v psikhologicheskoy nauke (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya)* [B.F. Lomov as an innovator and pioneer in psychological science (on the 90th anniversary of his birth)]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2017, V. 38, # 6, pp. 5–16.
  25. Kuz'min V.P., *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The principle of systemicity in Marx's theory and methodology]. Politizdat Publishers, Moscow, 1976.
  26. Leontiev A.N., *Problema deyatel'nosti v psikhologii* [The problem of activity in psychology]. *Voprosy filosofii*, 1972, # 9, pp. 95–108.
  27. Lomov B.F., *O sistemnom podkhode v inzhenernoy psikhologii* [On the systemic approach in engineering psychology]. *Studia Psychologica.*, 1975, Vol. 17, # 2, pp. 86–93.
  28. Lomov B.F., *O sistemnom podkhode v inzhenernoy psikhologii* [On the systemic approach in engineering psychology]. *Voprosy filosofii*, 1975, # 2, pp. 31–45.
  29. Lomov B.F., *O sistemnom podkhode v inzhenernoy psikhologii* [On the systemic approach in engineering psychology]. *Psikhologiya chelovecheskogo ucheniya. Izbrannyye doklady 2-oy prazhskey konferentsiyi 16–20 iyula 1973 g.* [Psychology of human learning. Selected papers from the 2nd Prague conference, July 16–20, 1973]. Bratislava: Psychodiagnostika, 1976, pp. 221–232.
  30. Lomov B.F., *Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Nauka Publishers, Moscow, 1984.
  31. Lomov B.F., *Vystupleniye na torzhestvennom sobranii, posvyashchenom 15-letiyu obrazovaniya Instituta psikhologii RAN* [Speech at the solemn meeting marking the 15th anniversary of the establishment of the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1991, V. 12, # 4, pp. 16–26.
  32. Luriya A.R. *Mozg cheloveka i psikhicheskiye protsessy. V 2 t. T. 1. Neuro-psikhologicheskkiye issledovaniya* [The human brain and mental processes: In 2 volumes. Vol. 1. Neuropsychological research]. Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publishing house, Moscow, 1963.
  33. Platonov K.K. *O sisteme psikhologii*. Mysl' Publishers, Moscow, 1972.
  34. Sadovsky V.N., *Osnovy obshchey teorii sistem: logikometodologicheskii analiz* [Fundamentals of general systems theory: logical and methodological analysis]. Nauka Publishers, Moscow, 1974.
  35. Tyukhtin V.S., *Otazheniye, sistemy, kibernetika: Teoriya otazheniya v svete kibernetiki i sistemnogo podkhoda* [Reflection, systems, cybernetics: reflection theory in the light of cybernetics and systemic approach]. Nauka Publishers, Moscow, 1972.
  36. Uyemov A.I., *Sistemniy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [A systemic approach and general systems theory]. Mysl' Publishers, Moscow, 1978.
  37. Shorokhova Ye.V., *Psikhologicheskii aspekt problemy lichnosti* [The psychological aspect of the problem of personality], *Teoreticheskiye problemy psikhologii lichnosti* [Theoretical problems of personality psychology]. Ed.in-chief: Ye.V. Shorokhova. Nauka Publishers, Moscow, 1974, p. 3–33.
  38. Yaroshevskiy M.G., *Funktsiya diskussiyi v predmetnologicheskoy razvitiyi nauki* [The Function of Discussion in the Cognitive Development of Science], *Rol' diskussiy v razvitiyi yestestvoznaniya* [The Role of Discussions in the Development of Natural Science.]. Ed-in-chief: M.G. Yaroshevsky. Nauka Publishers, Moscow, 1986, pp. 8–39.



UDC 159.9.019

## V. N. MYASISHCHEV'S PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF RELATIONS: NEUROSIS THEORY AND PSYCHOTHERAPY<sup>1</sup>

© 2021 g. G. L. Isurina<sup>1,\*</sup>, E. B. Karpova<sup>1,\*\*</sup>, A. L. Zhuravlev<sup>2,\*\*\*</sup>

<sup>1</sup>*St. Petersburg State University; 199034, z. St. Petersburg, Universitetskaya Naberezhnaya, 7/9, Russia.*

<sup>2</sup>*Federal State Budgetary Institution of Science \ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 129366, Moscow, Yaroslavskaya ulitsa, 13, bld. 1, Russia.*

<sup>\*</sup>*Candidate of Psychological Sciences, Professor at the Department of Medical Psychology and Psychophysiology. E-mail: g.isurina@spbu.ru*

<sup>\*\*</sup>*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Crisis and Extreme Situations Psychology. E-mail: e.karpova@spbu.ru*

<sup>\*\*\*</sup>*Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru*

Submitted 01.12.2020

**Abstract.** The high scientific potential of the idea of a relation as a unit of psychological analysis created by V.N. Myasishchev is confirmed by the holistic approach to the problem of personality, its disorders and psychological interventions aimed at their correction. The theory of personality relations, the concept of psychological origin of neurotic disorders and the psychotherapeutic system, united by the conceptual unity, is a unique approach in domestic psychology, which fills the lack of a clear theoretical grounding in psychotherapeutic practice. The article attempts to examine the content of V.N. Myasishchev's pathogenetic neurosis concept and psychotherapy in connection with the psychology of relations.

**Keywords:** history of psychology, psychology of relations, self-other system disorder, neuroses, psychogenias, neurotic conflict, pathogenetic neurosis concept and psychotherapy, personality-oriented (reconstructive) psychotherapy.

DOI: 10.31857/S020595920015569-1

An article that attempted to systematize V.N. Myasishchev's psychological concept of relations and show its high potential for theoretical and practical psychology was published in the *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal] in 2020 [11]. In the most explicit and finished form the ideas put forward in the theory of relations were translated into reality by its author, his students and followers in clinical psychology and medicine.

V.N. Myasishchev's personality theory as a system of relations was the methodological basis for the formation of the psychological concept of the origin of neurotic

disorders and the psychotherapeutic system (the pathogenetic neurosis concept and psychotherapy). All three concepts form a theoretical unity which is a distinctive feature of the main directions of psychotherapy, which have received practical application and empirically confirmed their effectiveness [3; 5; 6; 10].

The problem of the theoretical validity of psychotherapeutic interventions is extremely relevant since the methods of psychotherapy widely used in practice do not always have in their basis distinct theoretical ideas of norm and pathology, the presence of which is a necessary condition for the formation of any therapeutic system. The theoretical validity of various directions of psychotherapy consists in their interrelation with psychological theories, first of all, the concepts of personality, which, along with ideas about the structure, motivation and development of personality, contain ideas about psychological well-being and mental health,

<sup>1</sup> This article is a translation of: Исурина Г. Л., Карпова Э. Б., Журавлев А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясешева: учение о неврозах и психотерапия // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 2. P. 36–44. DOI: 10.31857/S020595920014238-7.



personality disorders and their causes, possibilities of changes in the process of psychotherapy. Psychological theories provide possibilities for revealing the specific for a given psychotherapeutic system content of the concepts of “normality” and “pathology” as applied to a personality. The concept of norm is the concept of personality, which defines the basic determinants of development and functioning of the person. The concept of pathology is the “etiology” (causes and conditions of emergence and development) of neurotic disorders, which are viewed in the context of the corresponding conceptions of normality. Theoretical conceptions that reveal the psychological content of the concepts “norm” and “pathology” define the general orientation of psychotherapeutic interventions, their tasks, tactics and strategy of the psychotherapist, methods, duration, and intensity of influence.

In domestic psychology, there are certainly psychological concepts which could serve as a basis for the development of insight into the psychological nature of neurotic disorders and the creation of the corresponding psychotherapeutic system. A.N. Leontiev’s psychology of activity should be mentioned here in the first place. However Moscow psychological school was traditionally connected with psychiatric and neurosurgical clinics, which contributed to the creation of such powerful branches of native clinical psychology as pathopsychology and neuropsychology. Prior to the ’70s of the 20th century the problem of neurotic disorders was not in the focus of attention of the Moscow school of psychiatry and clinical psychology. Leningrad school of clinical psychology, whose founder V.N. Myasishchev was a student of the outstanding Russian scientists V.M. Bekhterev and A.F. Lazursky, on the contrary, was most closely connected with neurosology, which created possibilities for the development of both theoretical notions about the nature of neurotic disorders and their psychotherapy and the practical use and empirical testing of the developed psychotherapy system.

Unfortunately, V.N. Myasishchev, the author of *Psychology of Relations*, did not leave a separate work in which the presentation of the psychology of personality, the concept of neurosis and the psychotherapy system would be systematically presented in its entirety. In this article, an attempt has been made to examine the psychological content of V.N. Myasishchev’s pathogenetic conception of neuroses and psychotherapy in close connection to the psychology of relations on the basis of an analysis of his theoretical conceptions of personality as a system of relations, as well as the results of many years of research carried out at the V.M. Bekhterev St. Petersburg Research Institute for Psychiatry and Neurology under the supervision of B.D. Karvasarsky,

a student and follower of V.N. Myasishchev who made a huge contribution to the further development and practical implementation of his teacher’s ideas. [1; 2; 4–10; 12; 13; 18; 20; 21].

## PATHOGENETIC CONCEPT OF NEUROSES BY V.N. MYASISHCHEV

The approach to understanding the nature of neurotic disorders has historically been characterized by two directions: biological and psychological [8]. V.N. Myasishchev’s pathogenetic conception of neuroses is the only one in Russian neurosology, which is a conception of neurotic disorders of psychological origin.

The existing approaches to understanding the etio-pathogenesis of neurotic disorders, which take into account, along with other factors, the role of a psychological factor, as a rule, understand it rather narrowly. Neurosis is viewed either as dysfunction of any organ or body system under the influence of strong experiences or as a consequence of blocking of a leading need or as a result of the presence of certain “neurotic” personality traits. V.N. Myasishchev considers neurosis as a global personality disorder and defines it as a disorder of psychogenic origin, “...which is based on an unsuccessful, irrational and nonproductive resolution of the contradiction between the personality and the reality significant to it, which causes a painfully oppressive experience for it... Inability to find a rational and productive way out entails psychic and physiological disorganization of the personality”. [14, p. 424].

V.N. Myasishchev formulated a number of provisions that reveal the content of the category “psychogenic illness” [14]. First, the occurrence of psychogenic illness is connected with the personality and relationships of the patient, with the psychotraumatic situation and its subjective intractability, i.e. the inability of the personality with its certain features to solve this situation. Second, the occurrence and course of neurosis are connected to a pathogenic situation and the personality’s experiences; there is a certain correspondence between the dynamics of the patient’s clinical condition and the changes in the psychotraumatic situation. Third, the clinical manifestations of neurosis are a pathological fixation of certain experiences and are associated in their content with the most significant relationships and the strongest and deepest needs and aspirations of the personality. Fourth, psychotherapeutic methods are more effective than biological ones.

The pathogenetic concept understands neurosis as “...a psychogenic (usually conflictogenic) neuropsychiatric disorder resulting from the disturbance of especially significant relationships of personality and

manifested in specific clinical phenomena in the absence of psychotic phenomena" [14, p. 15]. Considering neurosis as a result of disorder of self-other system, V.N. Myasishchev, in fact, nowhere precisely discloses the content of concepts of "disorder of relations" or "disorder of self-other system". He only indicates that "for neurosis as a disease of the personality, disorder of relations is initial and determining" [14, p. 27]. Despite the absence of a clear definition of the concept of "disorder of relations", in V.N. Myasishchev's writings we find an indication that he understands *disorder of relations* as an impairment of its individual characteristics. In this connection, it seems that when analyzing the categories of "disturbed relationship" and "self-other system disorder", we should rely on the essential characteristics of the relation identified by V.N. Myasishchev — integrity, consciousness, selectivity, activity, and also consider the relation in the context of cognitive, emotional and behavioral components and their imbalance.

Disturbance of essential characteristics of the relations is shown in inadequate reflection of its object in all its completeness, disintegration of its various sides and characteristics, and also in imbalance of characteristics of the object and the subject presented in the relationship (*integrity*), in insufficient level of awareness (*consciousness*), inadequate assessment of true importance of the concrete relation (*selectivity*), inability to carry out function of regulation of behavior (*activity*).

Disorder of the *cognitive* component is caused both by insufficient knowledge about the object of the relationship, and insufficient disclosure and understanding of its essence and meanings. Impairment of the *emotional* component of the relation consists, first of all, in its inconsistency (presence of pronounced positive and negative components), hypertrophy, which, in turn, breaks selectivity of the relation and reduces its activity. Disorder of the *behavioral* component can be seen as secondary, connected with distortion of the cognitive and emotional components, which leads to formation of inadequate ways of reacting to the relation object and to more general behavioral stereotypes.

Disturbance of the relation, arising either in the process of its formation, or as a result of its rigidity, inability to flexibly change after changes of the object or real situation, can, in particular, be expressed in the prevalence of characteristics of the subject over characteristics of the object and be considered as a result of imbalance between cognitive and emotional characteristics of the relations or their inadequacy. The most frequent variant of such imbalance consists in the prevalence of a hypertrophied emotional component over a distorted cognitive one.

Thus, the term "*relational disorder*" should be understood as a disorder of its characteristics of different levels, leading to the inability of a relation to perform its two main functions — adequate reflection of reality and effective regulation of behavior. It should be emphasized that inaccuracies in the reflection of reality are not related to cognitive deficits, but are the result of an imbalance between the object and subject characteristics represented in the relationship. The predominance of subject characteristics in relations means, in fact, the dominance of the emotional component of the relationship, which, when hypertrophied (in both positive and negative modalities), can significantly distort the perception of reality.

It seems that in the described context the concept of "disorder" should be considered not so much in relation to individual relationships, but to the entire system as a whole. Disorder consists, first of all, in system discordance that is connected with its major property — hierarchy and is expressed in disorganization of hierarchical communications within the system, presence in it of equally significant for the person, but contradicting each other relations, rupture of communications between separate relations or between blocks of relations.

Disturbances of a self-other system are formed in the course of individual development under the influence of various factors. *Microsocial influences*, first of all features of upbringing, emotional and psychological influences in childhood and throughout a person's life, have the greatest value both for understanding the content of a particular relation and the reasons for its inadequacy. The self-other system formed as a result of adverse psychological influences is characterized by the presence of inadequate relations or impairment of its structural (hierarchical) coherence, as a result of which the self-other system becomes incapable of providing full-fledged functioning and further development of the personality. V.N. Myasishchev has emphasized that the major factor in the development of these disorders is the place of a relation in the hierarchy of the entire system. Disturbance of relations becomes a source of painful experience, psychological problems and conflicts in the event that they "occupy a central or at least *significant* place in the system of personal relations. Their *significance* (italics added) is a condition of affective tension and affective reaction" [14, p. 237]. Thus, disturbance of the most significant elements of the self-other system entails the most "severe" consequences for the personality, at that personal functioning is disturbed in a wider range, more deeply and more intensively.

The results of the research conducted under the supervision of B.D. Karvasarsky allowed us to define more clearly the character of the disorders of the system of relations [1; 5; 20; 21]. Empirical data indicate that

disturbances of the self-other system in neuroses are more pronounced than disturbances of individual most significant relations of a personality and consist of disintegration of the whole system due to disturbances of practically all significant relations [1; 2; 4; 5; 20]. At the heart of such global disorder are the inadequate self-concept and the self-esteem connected with it which, being system-forming, involves practically all significant relations of the personality in this process. By *self-concept* disorder, we mean both insufficient realization or distortion of many aspects of one's own "I" (cognitive component) and an emotionally unfavorable assessment of oneself (emotional component).

The results of research testify to the fact that low self-esteem is characteristic of neurotic patients, regardless of the form of neurosis. Being a result of individual development under the influence of a number of unfavorable factors, first of all, features of upbringing, it plays the major role in formation, amplification and fixation of infringements of all system of relations. Emotionally unfavorable self-concept finds expression not only in low self-esteem, but also in attitudes toward those objects or the phenomena which can be seen as results of own achievements. Insufficient awareness of these attitudes in combination with their emotionally unfavorable coloring leads to a disturbance of the regulatory function, as a result of which individual relations and the system of relations as a whole cannot act as an adequate regulator of behavior, but carry out a protective function, limiting the activity of the personality to areas that do not threaten self-esteem. The forming restrictive behavior causes an objective decrease in the real level of achievements, which has a secondary negative impact on the self-concept and self-esteem.

Inadequacy of the self-other system leads to the inability of the person to resolve his or her own intrapsychic and interpersonal conflicts in a constructive way. However, intrapsychic conflicts are not neurotic in themselves, but can be seen as essential factors in the development of human personality. It should be emphasized that in the very nature of the self-other system there is a latent activity, a choice between the dominance at a given moment of this or that relation, the choice of the relation that at a particular point in time will regulate the behavior and activity of the individual. Awareness, analysis, resolution and overcoming of such conflicts presuppose intense activity of the personality, development of its most diverse abilities, formation of a higher level of development and hierarchy of needs. The result of such activity is an increase in the functional capabilities of the person, the improvement of his/her system of relations, i.e. activation of the process of personal development. However, the disturbed self-other system (especially if broken, inadequate are the most

significant relations for the personality, first of all the self-concept) does not allow the person to resolve the internal psychological conflict in a constructive way, is characterized by individual and relative insolubility. This leads to the growth of *nervous-psychic tension* (anxiety), "the brightest and most noticeable side of which is affective tension; it, in turn, aggravates contradiction, makes rational decision difficult, creating conflicts, increasing the instability and excitability of the person, deepening and painfully fixing experiences" [14, p. 239]. Emerging new conflicts in the sphere of interpersonal interaction, already secondary intensify internal conflict, aggravating and generating new difficulties and contradictions, which, in turn, leads to a new round of growth of neuropsychological tension. Escalating anxiety entails functional disorganization of the personality, which manifests itself both at the personal level and at the level of physiological shifts. Activation of *psychological defense mechanisms* can lead to a certain decrease in anxiety only for a short time. As a whole their action in a situation of chronic internal conflict caused by disturbances in the self-other system is not effective, since it leads not to constructive resolution of the conflict, but, on the contrary, to its chronicity.

The *pathogenic (psychotraumatic) situation* provoking a manifestation of neurotic disorders, as a rule, is not objectively highly traumatic. V.N. Myasishchev emphasized that "the concept of a pathogenic situation is widely used, but is often incorrectly identified with the concept of external conditions. A pathogenic situation represents the situation in which a person finds himself, with his qualities (advantages and disadvantages), a combination of conditions, persons with whom he interacts, with a set of circumstances that create an insoluble set of external and internal difficulties. In this situation, a number of subjective experiences of a contradictory nature arise". [14, p. 238].

Consequently, a pathogenic situation is characterized by subjective intractability, i.e. by the inability of a specific person with his or her specifics to solve this situation. The psychotraumatic situation plays only a role of the trigger mechanism actualizing the pre-existing inadequacy of the self-other system. In conclusion, it is necessary to emphasize once again that the neurosis, as it is understood within the limits of the pathogenetic concept, is based not on a secondary inadequacy of the self-other system, which appears under the influence of an external psychotraumatic situation, and not in itself an internal psychological conflict, but on inadequacy of the self-other system, which has arisen in the process of development of the personality, conditioned by its entire history and provoking subjectively unsolvable intrapsychic and interpersonal conflicts.



## PATHOGENETIC PSYCHOTHERAPY BY V.N. MYASISHCHEV

The main goal of pathogenetic psychotherapy was defined by its author as restoration and reorganization of the disturbed self-other system of the patient. [9; 14; 15; 17; 19].

V.N. Myasishchev formulated specific tasks for psychotherapy, reflecting the stage-by-stage nature of the psychotherapeutic process: from studying the personality of the patient, including by the patient, through various stages of realization to change (reconstruction) of the disturbed self-other system.

V.N. Myasishchev defines the first task as a comprehensive study of the personality of the patient with neurosis, the features of formation, development and disorders of his or her self-other system. Thorough examination of the personality of the patient is given special attention here. V.N. Myasishchev has repeatedly emphasized that disorders of the self-other system have an individual character connected with the importance of relations. Significant relations occupy a central place in the hierarchy of relations and can be considered as dominant and, consequently, as most expressed in behavior. For this reason, one of the most important aspects of the study and analysis of the patient's personality is the identification of significant relations and the formation by the psychotherapist (and subsequently by the patient) of ideas about the hierarchy of the system of relations and the hierarchical connections between the relations that have been formed.

The focus on the fullest possible study of the personality is also conditioned by the fact that the internal psychological conflict, considered by virtually all authors as an important etiopathogenetic factor, is characterized in each specific case not only by its individual intractability, but also by its uniqueness and cannot be reduced to some general content emphasized by various concepts as universal. The second task of pathogenetic psychotherapy is formulated as revealing and studying the etiopathogenetic mechanisms of the neurotic condition. It is not only about information which the psychotherapist receives, but also about the partial realization by the patient of the psychological mechanisms of his or her disease already in the early stages of psychotherapy. In a number of psychotherapeutic systems, this process is not given much importance or is even denied as being necessary. Actually, such realization has no therapeutic value proper, but it promotes the understanding by the patient of the orientation of psychotherapy and creates the necessary motivation for his or her active participation. It is necessary to note that the desirable activity of the patient in the course of psychotherapy has various character. The therapist can induce the patient to

produce free associations, memories of the past, fixation of attention on the thoughts preceding the manifestation of symptoms, current experiences, etc. Accordingly, the patient's awareness of the psychological mechanisms of his or her illness directs the patient's activity in a certain direction corresponding to the orientation of the psychotherapeutic process within the framework of a particular theoretical orientation. At subsequent stages, the patient and the psychotherapist again address the etiopathogenetic mechanisms of neurotic illness, but already at a new level and using deeper personal material.

The third and fourth tasks (3 — realization of cause-and-effect relations between the situation, the personality, and the disease, between features of disturbances in its system of relations and the disease; 4 — realization of the character of disturbances in its own system of relations) are interconnected and can be considered together. Revealing cause-and-effect relations between the situation, personality and illness, in fact, represents positive diagnostics (revealing of psychogenic character of the illness) of neurotic disorder by the psychotherapist and, subsequently, the realization of these relations by the patient. At the outset, most patients point to organic reasons for their disorder or adverse psychological factors of an external order, without giving importance to their own contribution to what is going on and, especially, to the "substance" of this contribution. The sequence of the psychotherapeutic process assumes at first the identification of the psychologically traumatic situation which has caused manifestation of neurotic symptomatology, and then a careful analysis of the given situation with a focus on the patient's own role in its occurrence and chronicity. Starting with analysis of the specifics of behavior and emotional reactions in a psychologically traumatic situation, the psychotherapeutic process develops towards the understanding by the patient of his or her own role in its occurrence. The basic mechanism of pathogenetic psychotherapy is *the realization by the patient* of his or her own relations, their hierarchical relations and their role in the regulation of behavior. The most significant relations of the individual are analyzed first of all from the point of view of their essential characteristics — the exactness of their representation in relation to characteristics of the subject and object, the true assessment of their importance and the level of awareness. A special place belongs to realization of inconsistency of significant relations, which plays a major role in the formation of intrapsychic conflict. Pathogenetic psychotherapy is characterized by its own methodological approach to the achievement of awareness. Traditionally, the establishment of etiopathogenesis is an intermediate step in achieving the main goal, the choice of therapeutic tactics. In pathogenetic psychotherapy, the process of establishment of



pathogenesis serves as the therapeutic means. According to V.N. Myasishchev, the patient will recognize intrapersonal conflict being the root cause of his or her illness if he or she can consistently trace and understand the entire history of the origin and development of the illness. In order to do this, it is necessary for him or her to establish clear connections of the arisen illness with various relations significant for him or her. In order to become aware of the neurotic conflict, the patient needs to establish the etiopathogenesis of his psychogenic illness himself, since the cause-and-effect chain of pathogenesis presented to the patient in a ready-made form by the psychotherapist as an end result of his mental life, his psychological organization, does not allow the patient to become aware of his neurotic conflict. This is a fundamental feature of the mechanism of awareness as a therapeutic method in pathogenetic psychotherapy

It is important to emphasize that the entire cause-and-effect chain of the patient's comprehension of the development of his disease must unfold in all three components that describe the category of "relation" — cognitive, emotional and motivational-behavioral. The patient's internal picture of the emergence and development of the disease must become new knowledge, which has a corresponding emotional and motivational-behavioral basis.

The unity of new knowledge with rich emotional experiences makes this knowledge a deeply felt conviction, subjectively necessary for the patient to reconstruct his self-other systems.

The fifth task of pathogenetic psychotherapy is restoration, correction of the disturbed self-other system. V.N. Myasishchev predominantly used the term "readjustment". However, due to the ideological events of the late 1980s, the term has acquired political connotations and has practically dropped out of the given context. From our point of view, when describing the dynamics of an individual relation the term "change" is more appropriate, and when describing the system of relations as a whole — "reconstruction".

The realization by the patient of his or her own relationships and own "contribution" to formation of problems and conflicts is not the final stage of psychotherapy. The final stage assumes a corrective analysis of the disturbed relations of the person from the point of view of their essential characteristics (integrity, activity, selectivity, consciousness), and also from the position of the maintenance and balance of the cognitive and emotional components of the relation. As it was already specified earlier [11], the relation is not so much the attitude directly toward an object (event), as to its content, representing this object (event) in a person's psyche. A disturbed relation contains an insufficiently accurate or inadequate representation of the object,

which is connected not so much with an inaccurate reflection of object characteristics as with a person's internal experience and other relations. The change of representation of the object in consciousness due to processing of the material from previous stages of psychotherapy is one of the major mechanisms of the psychotherapeutic process. This factor acquires particular importance when it comes to the self-concept of the patient. The psychotherapeutic process is an extremely intense experience for the patient, in which analysis touches upon the most significant relations, needs, conflicts and problems of the person, and touches upon *the core* of the self-other system — the person's self-concept. A change of this concept entails significant changes in other relations and in the system of relations as a whole, in particular in its hierarchical coherence. In real life, such changes are also possible, but they usually occur spontaneously under the influence of extraordinary events and experiences. Psychotherapy strives to create special conditions for such changes.

In conclusion, we would like to once again emphasize the specific features of V.N. Myasishchev's pathogenetic psychotherapy. First, the tasks of the psychotherapeutic system are focused mainly on cognitive components. Second, special attention is paid to careful research of the patient's personality outside of the framework of any theoretically defined problems. Third, the identification and study of the etiopathogenetic mechanisms of the neurotic condition is regarded as an important step in the psychotherapeutic process. Fourth, the realization by the patient of his or her own relations and "contribution" to the development of disorders is not the final stage of psychotherapy. It becomes changes, reconstruction of the disturbed self-other system — a process which is carried out with the support of the psychotherapist.

Further development of V.N. Myasishchev's ideas in the 1970s is connected to the creation of personality-oriented (reconstructive) psychotherapy [2; 4–6; 9; 19; 20]. This psychotherapeutic system reflects a new stage in the development of the pathogenetic psychotherapy of V.N. Myasishchev, which has allowed development of the concepts of goals and tasks of pathogenetic psychotherapy, mechanisms of therapeutic action, forms and methods, patient–psychotherapist relationships, psychotherapeutic process and its stages. The developed model of person-centered (reconstructive) psychotherapy found wide application in practice and confirmed its effectiveness [1; 2; 4; 5; 7; 12; 13; 20; 21]. In conclusion, we would like to note that the value of theoretical ideas is largely determined by their potential for development and is tested by time and practice. The psychological category "relation", introduced into psychology in the first decade of the past century by A.F. Lazursky

and his pupils and followers V.Y. Basov and V.N. Myasishchev, certainly fully meets these requirements. V.N. Myasishchev's theory of personality and, later, theories of neuroses and psychotherapy serve as confirmation of the scientific fruitfulness of his ideas about a relation as the unit of psychological analysis. As time has shown, these concepts, which have a basic theoretical basis, contain sufficient degrees of freedom to develop, thus possessing considerable potential for their further comprehension and creative enrichment with new knowledge.

## REFERENCE

1. *Vozrastniye aspekty gruppovoy psikhoterapiyi pri nervno-psikhicheskikh rasstroystvakh: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Age aspects of group psychotherapy for neuropsychiatric disorders: Proceedings of the V.M. Bekhterev Leningrad research institute for psychiatry and neurology] / Edited by B.D. Karvasarsky. Leningrad, 1988, 164 p.
2. *Integrativniye aspekty sovremennoy psikhoterapiyi: Sbornik trudov Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Integrative Aspects of Modern Psychotherapy: Collection of studies of the V.M. Bekhterev St. Petersburg Research Institute for Psychiatry and Neurology] / Edited by B.D. Karvasarsky. Saint Petersburg, 1992. 157 p.
3. Iovlev B.V., Karpova E.B., *Psikhologiya otnosheniy. Kontseptsiya V.N. Myasishcheva i meditsinskaya psikhologiya* [Psychology of Relations. V.N. Myasishchev's Concept and Medical Psychology]. Sensor, Saint Petersburg, 1999, 85 p.
4. *Issledovaniye mekhanizmov i effektivnosti psikhoterapiyi pri nervno-psikhicheskikh rasstroystvakh: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Research on the mechanisms and effectiveness of psychotherapy for neuropsychiatric disorders: Proceedings of the V.M. Bekhterev Leningrad research institute for psychiatry and neurology]. Leningrad, 1982. 152 pp.
5. Isurina G.L., *Mekhanizmy psikhologicheskoy korrektsiyi lichnosti v protsesse gruppovoy psikhoterapiyi v svete kontseptsiyi otnosheniy* [Mechanisms of psychological correction of personality in the process of group psychotherapy in the light of the concept of relationships], *Grupповая psikhoterapiya* [Group psychotherapy]. / Edited by B.D. Karvasarskiy, S. Leder. Moscow: Meditsina, 1990, p. 89–121.
6. Isurina G.L., *Lichnostno-orientirovannaya (rekonstruktivnaya) psikhoterapiya kak sistema kliniko-psikhologicheskikh vmeshatel'stv* [Personality-oriented (reconstructive) psychotherapy as a system of clinical and psychological interventions]. *Anan'yevskiy chiteniya 2004. Aktual'niye problemy klinicheskoy psikhologii i psikhofiziologii* [Ananyev Readings 2004. Current problems of clinical psychology and psychophysiology]. Saint Petersburg, 2004, pp. 190–199.
7. Karavayeva T.A., Kolotil'shchikova E.A., Mizinova E.B. *Izmeneniye psikhologicheskikh kharakteristik u bol'nykh s nevroticheskimi rasstroystvami v posledniye tri desyatiletia* [Changes in psychological characteristics in patients with neurotic disorders in the last three decades]. *Obozreniye psikhiiatriyi i meditsinskoy psikhologii im. V.M. Bekhtereva* [V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology], 2010, # 4, pp. 62–65.
8. Karvasarsky B.D., *Nevrozy* [Neuroses]. Meditsina Publishers, Moscow, 1980, 448 pp.
9. Karvasarsky B.D., *Psikhoterapiya* [Psychotherapy]. Meditsina Publishers, Moscow, 1985, 304 p.
10. Karpova E.B., *Mekhanizmy lechebnogo deystviya patogeneticheskoy psikhoterapiyi* [Mechanisms of therapeutic action of pathogenetic psychotherapy]. *Antologiya rossiskoy psikhoterapiyi i psikhologii. Vyp. 7. Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Psikhoterapiya, psikhologiya, psikhiiatriya — na strazhe dushevnogo zdorov'ya!" Sankt-Peterburg, 22–24 marta* [Anthology of Russian Psychotherapy and Psychology. Issue 7. Materials of the International Congress "Psychotherapy, Psychology, Psychiatry — on the Guard of Mental Health. Saint Petersburg, March 22–24]. Saint Petersburg, 2019, pp. 135–136.
11. Karpova E.B., Isurina G.L., Zhuravlev A.L., *Psikhologicheskaya koncepciya otnosheniy V.N. Myasishcheva: osnovy i sodержaniye* [Psychology of relations by V.N. Myasishchev: origins and contents]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2020, Vol 41, # 2, pp. 5–14.
12. *Kliniko-psikhologicheskiye issledovaniya gruppovoy psikhoterapiyi pri nervno-psikhicheskikh rasstroystvakh* [Clinical and-psychological research of group psychotherapy for neuropsychiatric disorders]. *Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Proceedings of the V.M. Bekhterev Leningrad Research Institute for Psychiatry and Neurology]. Edited by V. Ye. Rozhnov, B.D. Karvasarsky, Leningrad, 1979. 156 pp.
13. Lysenko I.S., Karavayeva T.A., *Uroven' i struktura lichnostnoy i mezhlchnostnoy konfliktnosti u bol'nykh s nevroticheskimi rasstroystvami* [The intensity and structure of personality and interpersonal conflict in patients with neurotic disorders]. *Vestnik psikhoterapiyi* [Psychotherapy bulletin], 2016, # 58 (63), pp. 57–74.
14. Myasishchev V.N., *Lichnost' i nevrozy* [Personality and neuroses]. Leningrad University Press, 1960, 426 p.
15. Myasishchev V.N., *Ponyatiye lichnosti i yego znachenie dlya mediciny* [The concept of personality and its significance for medicine], *Metodologicheskiye problemy psikhonevrologiyi* [Methodological problems of psychoneurology]. Leningrad, 1966, pp. 25–55.
16. Myasishchev V.N. *Problema otnosheniya cheloveka i yego mesto v psikhologii* [The problem of human relationships]

- and its place in psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1957, # 5, pp. 142–155.
17. Myasishchev V.N., *Psikhoterapiya kak sistema sredstv vozdeystviya na psikhiku cheloveka v tselyakh vosstanovleniya yego zdorov'ya* [Psychotherapy as a system of means of influence on the human psyche in order to restore his health]. *Obozreniye psikhiatriyi i medicinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva* [V.M. Bekhterev Review of psychiatry and medical psychology], 1993, # 3, pp. 9–20.
  18. *Psikhologicheskiye metody issledovaniya lichnosti v klinike: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Psychological methods of personality research in the clinic: Proceedings of the V.M. Bekhterev Leningrad Research Institute for Psychiatry and Neurology], Leningrad, 1978.
  19. *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Psychotherapy Encyclopedia]. Edited by B.D. Karvasarskiy. Second edition, updated and revised. Piter Publishers, Saint Petersburg, 2000, 1019 pp.
  20. *Teoriya i praktika meditsinskoy psikhologii i psikhoterapiyi: Sbornik trudov Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Theory and Practice of Medical Psychology and Psychotherapy: Collection of studies of the V.M. Bekhterev St. Petersburg Research Institute for Psychiatry and Neurology], Saint Petersburg, 1994. 237 pp.
  21. *Transkul'tural'niye issledovaniya v psikhoterapiyi: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva* [Transcultural Studies in Psychotherapy: Proceedings of the V.M. Bekhterev Leningrad Research Institute for Psychiatry and Neurology], Leningrad, 1989. 203 pp.

# ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



## КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

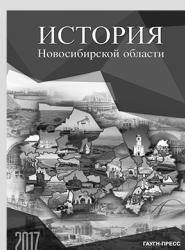
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



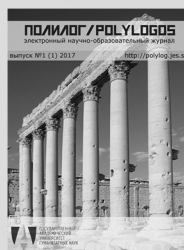
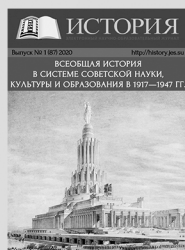
## ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

## НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



## СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**





# ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

## НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН



### БАКАЛАВРИАТ

#### Психология



### МАГИСТРАТУРА

#### Психология личности Психологическое консультирование



### АСПИРАНТУРА

#### Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

## 5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



### ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



### ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



### МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



### УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



### СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).